

СОВРЕМЕННЫЙ
МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ
КАПИТАЛИЗМ

АВСТРАЛИЯ И КАНАДА

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ АН СССР

СОВРЕМЕННЫЙ МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ

в восьми книгах

**СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ
ЯПОНИЯ
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ
ФРАНЦИЯ
ИТАЛИЯ
МАЛЫЕ СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ
АВСТРАЛИЯ И КАНАДА**

Ответственные редакторы серии:

академик Н. Н. ИНОЗЕМЦЕВ

д-р ист. наук О. Н. БЫКОВ

д-р экон. наук И. Д. ИВАНОВ

Редакционная коллегия серии:

д-р экон. наук А. В. АНИКИН

д-р экон. наук Н. П. ВАСИЛЬКОВ

д-р ист. наук Г. Г. ДИЛИГЕНСКИЙ

д-р экон. наук В. И. КУЗНЕЦОВ

д-р ист. наук И. А. ЛЕБЕДЕВ

д-р ист. наук С. П. МАДЗОЕВСКИЙ

д-р экон. наук В. А. МАРТЫНОВ

д-р ист. наук Д. Е. МЕЛЬНИКОВ

д-р экон. наук Я. А. ПЕВЗNER

д-р экон. наук В. Н. ШЕНАЕВ

д-р экон. наук Е. С. ХЕСИН

д-р экон. наук Ю. И. ЮДАНОВ

Статистическое редактирование — Б. М. БОЛОТИН

Ученый секретарь — канд. экон. наук Н. Н. КРИЧИГИНА

СОВРЕМЕННЫЙ
МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ
КАПИТАЛИЗМ

**АВСТРАЛИЯ
И КАНАДА**

Ответственный редактор книги
д-р ист. наук И. А. ЛЕБЕДЕВ

РЕДАКЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Авторский коллектив:

Введение

Глава I — д-р ист. наук И. А. ЛЕБЕДЕВ

Глава II, III — В. Б. АМИРОВ

Глава IV — д-р ист. наук И. А. ЛЕБЕДЕВ

Глава V — д-р ист. наук И. А. ЛЕБЕДЕВ,
канд. ист. наук О. К. РУСАКОВА

Глава VI, VIII — канд. экон. наук Т. В. ЛАВРОВСКАЯ

Глава VII — д-р экон. наук А. Д. БОРОДАЕВСКИЙ,
канд. экон. наук С. С. ДМИТРИЕВ

Глава IX, X — канд. ист. наук С. Ф. МОЛОЧКОВ

Ученый секретарь книги канд. экон. наук Е. А. БИРЮКОВА

КАНАДА

к западу от Гринвича 140° 120° 100° 80° 60° 40°

СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН

Примечание. На карте цифрами обозначены
притоки Каналы
1 Нью-Брансуик 2 Новая Шотландия
3 Принца Эдуарда

ВВЕДЕНИЕ

Австралия и Канада играют важную роль в мировой экономике и политике. Они входят в первую десятку капиталистических государств. Канадские и австралийские монополии активно участвуют в межимпериалистической борьбе. В то же время эти экономически высокоразвитые страны сами служат объектом экспансии монополий крупнейших капиталистических держав.

Американский капитал глубоко внедрился в канадскую экономику и контролирует значительную ее часть. По объему размещенных в ней американских капиталовложений Канада занимает первое место среди капиталистических стран. Она является также самым крупным торговым партнером США. Велика ее роль как источника сырья и энергоносителей для Соединенных Штатов. Тысячами нитей канадская экономика привязана к американской.

Усиление американского контроля над экономикой Канады, дальнейшее развитие процесса североамериканской (американо-канадской) интеграции угрожают экономической, да и политической самостоятельности страны. Этот процесс влечет за собой последствия глобального характера: от него в немалой степени зависит весь ход соперничества трех главных центров империализма. Чрезвычайно важное место занимает Канада в военно-стратегической системе США. В целом комплекс экономических, политических и военно-стратегических связей с Канадой имеет исключительное значение для американского империализма.

Что касается Австралии, то она является ареной ожесточенного соперничества американских, японских, а также английских монополий. В последние годы явно обозначился переход этой страны в японскую экономическую сферу влияния. Японский капитализм рассматривает ее в перспективе как свою важнейшую стабильную сырьевую и энергетическую базу. В последнее время в условиях обострения международной обстановки, вызванного резким усилением агрессивности американского империализма, растет значение Австралийского континента в глобальной военно-политической стратегии Вашингтона.

Но Канада и Австралия не являются всего лишь объектами экономической экспансии и политики главных империалистических государств. Две эти «средние» державы играют все более активную роль в мировой экономике и политике, все чаще заявляют о себе на международной арене. Без анализа канадского и австралийского капитализма, без рассмотрения процессов, происходящих в экономике и политике Канады и Австралии, картина современного монополистического капитализма не может быть достаточно полной. Это и послужило основанием для включения в данную серию отдельного, посвященного двум этим странам тома.

В предлагаемой вниманию читателя монографии анализируются место и роль Канады и Австралии в экономической и политической системе современного империализма, выявляется специфика канадского и австралийского капитализма, характеризуются основные черты экономического и политического развития двух стран, их внутренней и внешней политики. Она охватывает прежде всего 70-е и начало 80-х годов, но, поскольку (в отличие от остальных томов серии) ей не предшествовала работа по той же теме, в некоторых случаях, там, где оказалось целесообразным, временные рамки анализа расширяются до всего послевоенного периода.

То обстоятельство, что том посвящен двум странам, предопределило его структуру: в нем одна общая вводная глава (глава I) и два раздела — «Австралия» (главы II—V) и «Канада» (главы VI—X). Это же обстоятельство и проистекающая из него ограниченность объема, который мог быть отведен на каждую из стран, поставили авторский коллектив перед необходимостью концентрировать внимание на основных проблемах и процессах и в ряде случаев намеренно воздерживаться от детализации.

АВСТРАЛИЯ И КАНАДА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

К настоящему времени заметно возросло значение Канады и Австралии в мировой экономике и политике. Две эти страны разделены десятками тысяч километров, расположены в разных полушариях и климатических зонах, обладают неодинаковыми экономическими потенциалами, государственно-политическими и национальными структурами. Вместе с тем их объединяют сходство исторического развития и сопоставимость теперешнего положения в экономической, политической и военно-стратегической системе империализма. Параллельное рассмотрение экономического и политического развития двух этих государств позволяет лучше уяснить его характерные особенности и тенденции.

Канада и Австралия проделали сходный исторический путь: от переселенческой колонии Великобритании, а затем доминиона до суверенного государства. На протяжении многих десятилетий они развивались как «заморские продолжения» британского капитализма. Длительный процесс «отпочкования» канадского и австралийского монополистического капитала от британского и становления этих новых капиталистических держав завершился только после второй мировой войны. Тем не менее во взаимоотношениях Канады и Австралии с бывшей метрополией до сих пор сохраняются элементы «традиционной» близости. Отражением этого, в частности, является членство той и другой в Содружестве, возглавляемом Великобританией.

В наши дни Канада и Австралия входят в первую десятку капиталистических держав. Более того, Канада — член «семерки» (США, Япония, Великобритания, ФРГ, Франция, Италия и Канада) — своего рода закрытого клуба «лидеров» капиталистического мира.

Две эти экономически высокоразвитые страны играют значительную роль в мировом капиталистическом хозяйстве. Весьма велика их доля в промышленном производстве и экспорте капиталистического мира. Валовой национальный продукт Канады (в 1982 г.) превысил 350 млрд. долл., Австралии — 158 млрд. долл.¹

**Доля в промышленном производстве развитых капиталистических стран
(страны ОЭСР = 100 %)**

Страны	1975	1980	1981	1982	1983 ¹
Австралия	2,1	2,0	2,0	2,0	1,8
Канада	3,3	3,2	3,1	3,0	3,0
США	35,6	36,3	36,8	35,4	36,7
Япония	13,2	14,8	15,5	15,6	15,6
ФРГ	14,0	13,4	13,1	13,4	13,0
Франция	8,2	7,9	7,7	8,0	7,8
Великобритания	5,6	5,0	4,7	5,0	5,0
Италия	5,3	5,5	5,4	5,5	5,0
Испания	2,5	2,4	2,3	2,4	2,4
Нидерланды	2,0	1,8	1,8	1,8	1,8

¹ Предварительные данные.

Источник. Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1982 г. и начало 1983 г. М., 1983, с. 7. Обзор за 1983 г. и начало 1984 г. М., 1984, с. 9 (Приложения к журналу МЭМО)

Особенно высокого уровня развития экономики достигла Канада. Согласно подсчетам американских экономистов, в конце 70-х годов производство товаров и услуг на душу населения этой страны составляло 88 % от уровня США ².

Значительно уступая Канаде по важнейшим экономическим показателям, Австралия тем не менее представляет собой крупную величину в рамках мировой капиталистической экономики, а в азиатско-тихоокеанском регионе по экономической мощи является второй (после Японии) капиталистической страной. Ее производство товаров и услуг на душу населения составляло в конце 70-х годов 67 % уровня США ³.

Абсолютные размеры промышленного производства, ВВП и общий экономический потенциал Канады и Австралии не дают, однако, полного представления об их значении в мировой экономике и политике. Чрезвычайно важным фактором, повышающим их вес и резко выделяющим их из числа других капиталистических государств «второго ранга», таких, например, как Испания, Нидерланды, Швеция, является то, что эти государства со сравнительно небольшим населением (соответственно 25 млн. и 15,5 млн. человек) обладают гигантскими территориями с богатейшими природными ресурсами. Канада, площадь которой около 10 млн. кв. км, занимает второе место в мире после Советского Союза по размерам территории; Австралия

Доля в экспорте несоциалистического мира (в %)

Страны	1970	1980	1981
Австралия	1,6	1,2	1,2
Канада	5,7	3,6	4,0
США	15,2	12,0	13,0
Япония	6,9	7,2	8,6
ФРГ	12,2	10,7	10,0
Франция	6,4	6,2	5,7
Великобритания	6,9	6,3	5,9
Италия	4,7	4,2	4,2
Нидерланды	4,2	4,0	3,9
Испания	0,9	1,1	1,1

Источник. Ежегодник БСЭ, 1982, с. 463.

(площадь — 7,7 млн. кв. км) — «государство-континент». В. И. Ленин в свое время видел в монопольном обладании гигантской территорией характернейшую черту австралийского империализма⁴. В хозяйственные сферы двух государств входят также огромные участки Мирового океана («200-мильная экономическая зона»). Сами размеры территорий и экономических зон представляют собой чрезвычайно важные активы канадского и австралийского империализма.

По запасам минерального сырья и энергоресурсов Канада и Австралия занимают ведущие места в капиталистическом мире. В самое последнее время в Канаде открыты новые крупные месторождения нефти, природного газа, урана; в Австралии — урана, каменного угля, алмазов (по оценкам специалистов, австралийские месторождения алмазов богаче южноафриканских и широкая их разработка, начало которой ожидается с середины 80-х годов, может в корне изменить положение на мировом рынке алмазов). Обе страны — важнейшие поставщики минерального сырья и энергоресурсов на мировой рынок.

Среди развитых капиталистических стран Канада в наибольшей степени обеспечена собственными энергоресурсами, прежде всего нефтью, природным газом, ураном. Велики возможности страны в области развития гидроэнергетики. В настоящее время в провинции Квебек на площади, равной территории Великобритании, строится крупнейший в Северной Америке гидроэнергетический комплекс «Гидро-Квебек», который по завершении строительства первой очереди (мощностью 11,4 тыс. МВт)

в ближайшие годы будет не только обеспечивать потребности в электроэнергии Квебека, но и поставлять ее в другие провинции, а также в США. Следует отметить, что прежде всего за счет канадских энергоресурсов США рассчитывают разрешить свои возрастающие энергетические проблемы.

Ожидается, что к концу 80-х годов Австралия превратится в самого крупного в мире экспортера каменного угля (оценки вероятных размеров экспорта колеблются от 100 млн. до 180 млн. т; в 1981 г. было экспортировано свыше 50 млн. т) ⁵. В целом, по прогнозам западных экономистов, ежегодный экспорт энергоносителей (уголь, урановый концентрат, сжиженный природный газ) с Австралийского континента к 1990 г. будет эквивалентен примерно 300 млн. т нефти ⁶. Не случайно известные «семь сестер» (главные международные нефтяные монополии), которые, по утверждению западных экспертов, рассматривают каменный уголь как «топливо будущего», уделяют особое внимание Австралии и активно включились в борьбу за контроль над ее угольными месторождениями ⁷. Канада занимает первое место в капиталистическом мире по экспорту никеля, цинка, серебра, платины, асбеста, бумаги и целлюлозы; Австралия — по экспорту железной руды, бокситов и глинозема, свинца, рутила.

Велика роль двух стран в мировом сельскохозяйственном производстве. Обе они выступают как крупнейшие экспортеры кормовых культур, пшеницы, мяса, масла, шерсти. При этом они обладают значительными возможностями расширения сельскохозяйственного производства, и прежде всего производства продовольствия. Западные экономисты характеризуют Канаду и Австралию как «великие продовольственные державы».

Обострение энергетической, сырьевой и продовольственной проблем влечет за собой усиление роли Канады и Австралии в мировой капиталистической экономике. Обе они служат важнейшими источниками минерального и сельскохозяйственного сырья, энергоресурсов и продовольствия для многих капиталистических государств, в первую очередь США и Японии. Стратеги империализма рассчитывают помимо всего прочего использовать наличие канадского и австралийского резервуаров сырья и энергоресурсов как рычаг давления на развивающиеся страны — производители нефти и сырья.

В отличие от других развитых капиталистических стран в Канаде и Австралии сохраняются значительные возмож-

ности развития капитализма «вширь» за счет хозяйственного освоения новых территорий. Монополии США, Японии и других главных капиталистических держав рассматривают Канаду и Австралию как своего рода «Дальний Запад» современного капитализма.

Канада и Австралия — страны государственно-монополистического капитализма. В них действуют собственные национальные монополии, национальная финансовая олигархия. Некоторые из этих монополий по своей мощи сопоставимы с японскими и западноевропейскими, а пятерка крупнейших канадских банков сопоставима с крупнейшими американскими. Обладание огромными хозяйственными территориями усиливает монополистический капитал Канады и Австралии, укрепляет позиции канадских и австралийских монополий в межимпериалистической борьбе. Они активно претендуют на свое «место под солнцем».

Экономический рост двух этих капиталистических держав, их минеральные богатства, возможности расширения промышленного и сельскохозяйственного производства способствуют тому, что буржуазные экономисты и политики дают несколько завышенные оценки их места в мировой экономике и перспектив экономического развития. Канада уже характеризуется как «малая великая держава». Что касается Австралии, то в некоторых западных прогнозах утверждается, что к началу будущего века пятый континент превратится в один из важных «полюсов» экономической мощи в мире⁸.

При всем этом в системе мирового капиталистического хозяйства Канада и Австралия занимают в настоящее время особое, неравноправное по отношению к главным капиталистическим державам, прежде всего США, Японии, а также Великобритании, положение. Обе они служат объектами экспансии монополий этих держав. По степени иностранного контроля над экономикой Канада занимает первое место среди развитых капиталистических стран, Австралия — второе (в первом случае речь идет о контроле со стороны прежде всего американского капитала, во втором случае — американского и английского). В обоих случаях мы имеем дело со сложившимся национально обособленным империализмом, с капиталистическим государством, обладающим высокоразвитой экономикой и собственной финансовой олигархией, при сохранении (и даже усилении) элементов зависимости от упомянутых держав. Эта зависимость оказывает негативное деформирую-

щее воздействие на канадскую и австралийскую экономику, ведет, в частности, к замедленному развитию обрабатывающей промышленности, к технологическому отставанию. Характеризуя американо-канадские отношения в хозяйственной сфере, английская газета «Таймс» отмечала «неумолимое сползание Канады к превращению в страну с «подсобной», как ее называют канадцы, экономикой»⁹. С подобной же проблемой сталкивается и Австралия. В этом случае вырисовывается реальная угроза превращения страны в «экономического сателлита» Японии. Кризисные колебания в Соединенных Штатах Америки и Японии вызывают тяжелые потрясения в хозяйстве Канады и Австралии.

В последние годы все более явственно вырисовывается тенденция к росту значения бассейна Тихого океана во всей системе мирохозяйственных связей, к превращению этого региона в важнейший центр экономической активности современного капитализма. Одновременно в самом регионе происходят процессы углубления международного разделения труда и вытекающего из него роста хозяйственной взаимодополняемости стран. Эти объективные процессы служат основой разрабатываемых в настоящее время экономическими и политическими стратегами Вашингтона и Токио далеко идущих планов создания Тихоокеанского сообщества. Канаде и Австралии, все глубже вовлекаемым в упомянутые процессы и экономически тесно связанным с США и Японией, отводятся ключевые роли в этом обществе.

Канада представляет собой важнейшую внешнюю сферу деятельности монополистического капитала США, и прежде всего американских транснациональных корпораций. Нет другой страны в мире, от связей с которой в такой степени зависело бы функционирование всего экономического организма американского капитализма. На Канаду приходится более $\frac{1}{5}$ всех капиталовложений США за рубежом (в ней размещено 44,5 млрд. долл. из общей суммы прямых частных инвестиций США за границей, составлявшей на конец 1982 г. 221,3 млрд. долл.¹⁰) и примерно $\frac{1}{5}$ американского экспорта.

В свою очередь в Соединенных Штатах сосредоточено более половины канадских заграничных капиталовложений. На них приходится около 70 % внешнеторгового оборота Канады. Взаимозависимость и взаимопроникновение хозяйств двух стран не имеют параллелей в капиталистическом мире. Канадская экономика глубоко интегриро-

вана с американской. Процесс североамериканской (американо-канадской) экономической интеграции протекает уже на протяжении многих десятилетий. Его формы, прежде всего отсутствие политической интеграционной «надстройки», отличаются от интеграционной «модели» ЕЭС, но по глубине фактической интеграции Северная Америка далеко опережает Западную Европу. От дальнейшего развития североамериканской интеграции в большой степени зависят позиции США в мировой капиталистической экономике.

Американские монополистические круги уже давно выдвигают идею создания «единой континентальной североамериканской экономики». Если первоначально апологеты «континентализма» включали в североамериканскую интеграционную сферу США и Канаду, то в последнее время в качестве вероятного участника интеграционного процесса называется также Мексика. Не останавливаясь на декларациях о желательности «экономического сплочения Северной Америки», Вашингтон прилагает активные усилия, чтобы теснее привязать канадское и мексиканское хозяйства к американскому. Показателен в этом отношении выдвигавшийся президентом Рейганом план создания «общего энергетического рынка» в Северной Америке (он был отвергнут правительствами Канады и Мексики).

Важнейшим фактором, определяющим положение Канады в мировой политике, являются ее тесные политические и военно-стратегические связи с США. Канада — член НАТО. Ее вооруженные силы, весь ее значительный военный потенциал тесно связаны с военной машиной США. Страна входит в американскую систему «обороны Северной Америки». Само географическое положение Канады предопределяет то, что глобальное ракетно-ядерное столкновение, если бы таковое вспыхнуло, неизбежно имело бы для нее катастрофические последствия. Самоочевидность этого используется, в частности, канадскими сторонниками «континентализма» для навязывания канадцам представления о «предначертанной общности судьбы» США и Канады, для обоснования «закономерности» следования Оттавы за Вашингтоном в важнейших международных вопросах.

В последнее время в Канаде, в том числе среди кругов, определяющих ее внешнюю политику, эта концепция, на деле означающая отказ от национального суверенитета в такой важнейшей сфере, как внешнеполитическая, все чаще подвергалась сомнению. Предпринимавшиеся канад-

ским правительством попытки «дистанцироваться» от Соединенных Штатов, его отказ от некритической поддержки линии США (последние проявления этого — выдвижение премьер-министром П. Трюдо в ноябре 1983 г. ряда конструктивных предложений об ограничении гонки ядерных, ракетно-космических и обычных вооружений и провозглашение им в феврале 1984 г. необходимости строить отношения между Востоком и Западом «на принципах недопустимости ядерной войны») приобретают в современных условиях особое значение. Это связано с важной ролью Канады в НАТО, ее участием в делах Европы (в частности, Канада участвовала в хельсинкском Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, Мадридской встрече государств — участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в переговорах в Вене о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе).

Необходимо подчеркнуть, однако, что сложившаяся структура взаимоотношений с США в военно-политической области ограничивает свободу действий Канады на мировой арене и возможность принятия ею самостоятельных политических решений по кардинальным вопросам. Эта свобода оказывается особенно ограниченной в условиях обострения международной напряженности.

Но для Канады проблема взаимоотношений с могущественным южным соседом — это нечто большее, чем ущемление национального суверенитета и пребывание в «политической тени» США. Вырисовывается угроза самому ее существованию как суверенного государства. Эта угроза (в 1980 г. генерал-губернатор Канады Э. Шрейер, открывая очередную сессию парламента, ставил вопрос о том, будет ли существовать Канада через десять лет¹¹) связана прежде всего с обострением национальных противоречий. В стране сложились две нации — англоканадская и франкоканадская. Однако экономическая и политическая структура Канадской конфедерации основана на неравноправии франкоканадцев. В этих условиях усиливается сепаратизм в провинции Квебек, где они составляют подавляющее большинство населения.

В американских научных и политических кругах активно обсуждается возможность и вероятность присоединения к США англоканадских провинций в случае выхода Квебека из Канадской конфедерации. В отделе политического планирования госдепартамента было подготовлено секретное исследование о франкоканадском национализме. Оно

включая в себя разработку «сценария» поглощения «английской Канады» Соединенными Штатами Америки¹². Следует отметить, что во влиятельных политических кругах Оттавы существует твердо укоренившееся мнение, что Канадская конфедерация не переживет отделения Квебека, что в этом случае англоканадские провинции будут «интегрированы» в США¹³⁻¹⁴.

Монополистический капитал Канады получает немалые выгоды от сотрудничества с американским капиталом во всей североамериканской экономической сфере. Внушительен объем канадских инвестиций в США. Велика степень переплетения и сращивания капиталов двух стран. Канадские монополисты, среди которых велико влияние сторонников «континентализма», в конечном счете не слишком озабочены проблемой экономической (да и политической) самостоятельности. Они главным образом стремятся к более выгодному для себя разделу прибылей со «старшим партнером».

Мелкая же и средняя буржуазия видит в дальнейшей экспансии американских монополий прямую угрозу своим жизненным интересам, существованию своих предприятий и требует принятия мер по ограничению этой экспансии (прежде всего установления контроля над деятельностью иностранных, т. е. главным образом американских, компаний).

Но основной силой, выступающей за сохранение экономической самостоятельности, являются широкие народные массы страны, видящие в этом неотъемлемое условие укрепления национальной независимости. Выражая их настроения, XXV съезд Коммунистической партии Канады (1982 г.) призвал к борьбе против засилья в канадской экономике транснациональных, и в первую очередь американских, монополий, за упрочение национальной независимости¹⁵.

Политическим проявлением растущего сопротивления внутри Канады, в том числе среди части правящих кругов, подчинению страны США служит политика «канадизации». Основная ее цель — уменьшение влияния США в экономической и политической жизни Канады. Эта политика пока не привела к серьезным сдвигам в американо-канадских отношениях. Но она вызывает недовольство и тревогу монополистических кругов Соединенных Штатов Америки.

Взаимозависимость, взаимопереплетение и взаимопроникновение американского и канадского хозяйственных

комплексов продолжают усиливаться. Это объективный процесс. Но его влияние на взаимоотношения двух североамериканских стран будет определяться не только экономическими факторами, но и таким важнейшим политическим фактором, как борьба канадского народа за сохранение национальной независимости. Укрепление экономической самостоятельности и национальной независимости — проблема номер один современной Канады.

Австралия, как и Канада, служит объектом экспансии иностранного капитала. К началу 80-х годов общий объем иностранных частных инвестиций на пятом континенте превысил 22 млрд. австрал. долл.¹⁶ При сохранении бывшей метрополией все еще весьма прочных позиций в австралийской экономике происходит неуклонное усиление влияния в ней монополий США. По общему объему капиталовложений на континенте Соединенные Штаты догоняют Великобританию (Австралия была одной из последних важных сфер приложения капитала, где британским монополиям до недавнего времени удавалось сохранять господствующее положение). Общий объем прямых американских капиталовложений в Австралии на конец 1982 г. оценивается в 8,7 млрд. долл.¹⁷ США занимают важное место в австралийской внешней торговле, выступая как главный поставщик промышленных товаров (на них приходится свыше $\frac{1}{5}$ австралийского импорта).

Но сколь ни важны сдвиги в сфере экономических взаимоотношений Австралии с США и Великобританией, они отступают на второй план по сравнению с процессом экономического сближения этой страны с Японией. Австралия играет главным образом роль поставщика сырья (за ее счет, в частности, покрывается около половины потребностей в сырье тяжелой промышленности Японии), а также рынка сбыта для японской промышленности. В последнее время резко возросло значение пятого континента для Японии как источника энергоресурсов, в первую очередь каменного угля, урана, сжиженного природного газа. Японские монополии вообще видят в континенте важнейшую сырьевую, а также энергетическую базу дальнейшего экономического роста Японии. Разработка огромных природных богатств континента определяется прежде всего возможностями сбыта в Японию и осуществляется на базе долговременных японо-австралийских контрактов. С полным основанием можно говорить об усиливающейся «стыковке» австралийского хозяйства с японским.

Японские монополии выдвинули концепцию «Австра-

лия — японская Канада»: в их долговременной стратегии стране отводится такая же роль, какую на протяжении многих десятилетий играет Канада по отношению к США. В перспективе японский империализм рассматривает складывающийся экономический комплекс «Япония — Австралия» как стержень «западнотихоокеанской (т. е. японской.— *Ред.*) интеграционной сферы». Австралия фигурирует также в качестве одного из главных участников в уже упоминавшемся более широком Тихоокеанском сообществе.

Явно обозначившийся переход австралийского континента с его богатейшими сырьевыми и энергетическими ресурсами в экономическом смысле в японскую сферу — явление глобального значения. В нынешних условиях достаточность и стабильность энергетической и сырьевой базы стали важнейшими факторами, определяющими соотношение сил между тремя центрами империализма. От функционирования комплекса «Япония — Австралия» в немалой степени зависят экономические возможности японского центра.

Но характеристика места Австралии в системе экономических взаимоотношений между двумя центрами империализма — США и Японией — была бы неполной без упоминания того чрезвычайно важного обстоятельства, что значительная часть австралийских минеральных ресурсов контролируется американскими монополиями. Они получают большие прибыли от экспорта добываемого сырья в Японию и активно стремятся привязать последнюю к сырьевым источникам континента. Рост зависимости Японии от этих ресурсов по сути дела означает рост ее сырьевой зависимости от монополий США.

Обострение сырьевого и энергетического кризиса, ослабление позиций империализма в развивающихся странах делают Австралию одним из основных надежных источников сырья и энергоресурсов для главных капиталистических держав, одной из важнейших сфер приложения капитала. Монополии этих держав намечают вложить в горнодобывающую, а также обрабатывающую промышленность страны на протяжении текущего десятилетия десятки миллиардов долларов. «...Австралия входит в моду,— писала по этому поводу влиятельная швейцарская газета «Нойе цюрхер цайтунг». — Богатые месторождения полезных ископаемых, главным образом угля и урана, а также дешевая электроэнергия (для выплавки алюминия) объясняют интерес международных концернов. Сле-

дует также упомянуть о внутривнутриполитической стабильности и якобы надежной удаленности от очагов мировых политических кризисов. Несколько европейских фирм создали уже в Австралии запасные штаб-квартиры на случай ядерной войны в Старом Свете»¹⁸. Борьба между иностранными монополиями за экономический контроль над пятым континентом усиливается. Ее результаты сказываются на всем ходе межимпериалистического соперничества.

Как и в Канаде, широкая экспансия иностранного капитала влечет за собой крайне негативные последствия для национальной экономики, создает угрозу экономической самостоятельности Австралии. Борьба против растущего засилья транснациональных, прежде всего американских, корпораций занимает ключевое место во внутривнутриполитической жизни страны. У. Хэйден, в то время лидер Австралийской лейбористской партии, заявил в середине 1981 г., что Австралия занимает второе место после Канады по темпам перехода экономики под контроль иностранных компаний и что «австрализация» будет одной из главных задач правительства лейбористов в случае их прихода к власти.

Однако вопрос об угрозе экономической самостоятельности не стоит здесь столь непосредственно и однозначно, как в Канаде. За контроль над австралийской экономикой, над сырьевыми и энергетическими ресурсами континента идет упорная борьба между американскими, английскими, японскими, западноевропейскими и местными, австралийскими монополиями, исход которой далеко не предreshен. При этом австралийские монополии обладают большей, чем канадские, свободой маневра, возможностями играть на противоречиях между конкурирующими друг с другом монополиями главных капиталистических держав.

В политической и военно-стратегической системе современного империализма положение Австралии определяется прежде всего ее теснейшими связями с США. Австралия — член военного блока АНЗЮС (в его состав входят США, Австралия и Новая Зеландия). На протяжении всего послевоенного периода австралийская внешняя политика базируется на «союзе с Америкой». На практике это выражалось в том, что в важнейших международных вопросах Канберра следовала за Вашингтоном. Этот противоречащий национальным интересам курс, в частности, привел Австралию к участию в американской агрессии во Вьетнаме. Находившееся у власти с середины 70-х годов до начала 1983 г. либерально-аграрное правительство М. Фрейзера

проводило линию на расширение политического и военного партнерства с США, укрепление АНЗЮС. Пришедшее ему на смену лейбористское правительство, не ставя под вопрос союзнические связи с США, тем не менее выступает за большую самостоятельность Австралии на мировой арене.

Австралия занимает видное место в военно-политической стратегии империализма. Австралийский континент с расположенными на нем американскими коммуникационными и военно-космическими базами — важнейшее звено в глобальной стратегической системе США. В самое последнее время, взяв курс на усиление своего военного присутствия в Индийском океане, Вашингтон отводит особую роль американским и австралийским базам на западном побережье континента.

Учитывая большой экономический и весьма значительный военный потенциал Австралии, американский империализм ориентируется на то, чтобы «передоверить» своему младшему партнеру значительную часть «ответственности» в азиатско-тихоокеанском регионе. В политико-стратегических расчетах Вашингтона Австралии отводится здесь роль второго (после Японии) союзника США.

Но роль Австралии в мировой политике в настоящее время определяется не только ее взаимоотношениями с главными капиталистическими державами или же местом ее в их политике и стратегии, но во все большей степени собственными интересами австралийских правящих кругов. Австралийский империализм выступает (прежде всего в азиатско-тихоокеанском регионе и в бассейне Индийского океана) как самостоятельная сила, интересы которой не всегда и не везде совпадают с интересами и целями США, Японии и других империалистических держав. Австралия, в частности, претендует на роль лидера Океании — региона, который занимает около $1/17$ поверхности земного шара и стратегическое значение которого в ракетно-ядерный век неуклонно возрастает. Усиливающаяся экономическая и военная интеграция Австралии и Новой Зеландии — важнейшего государства Океании — выступает как фактор, подкрепляющий эти претензии. Австралия вообще рассчитывает в какой-то мере заменить бывшую «владычицу морей» в одном из важнейших с точки зрения империалистических геостратегов районов — на стыке Индийского и Тихого океанов.

В целом Австралия, экономически более слабая, чем Канада, обладает сравнительно большей самостоятельностью и свободой действий в экономическом и политиче-

ском плане, менее жестко привязана к лидеру империалистического лагеря — Соединенным Штатам. Сближение с Японией выступает пока еще не как «ограничитель», а как фактор, расширяющий австралийские возможности.

Канада и Австралия играют все более заметную роль в важнейшей сфере мировой политики — взаимоотношениях государств двух противоположных общественно-политических систем. При этом, однако, их конкретные политические линии, позиции весьма отличаются друг от друга.

Канада с начала 70-х годов в целом (за исключением краткого периода пребывания консерваторов у власти в 1979—1980 гг.) демонстрировала заинтересованность в улучшении отношений с Советским Союзом. Она выступала за предотвращение военной конфронтации между СССР и США, между НАТО и Организацией Варшавского Договора, за разрядку. В условиях обострения международной обстановки в начале 80-х годов Оттава в важнейших международных вопросах, в конфликтных ситуациях, несмотря на колебания и непоследовательность, объясняющиеся прежде всего положением Канады в рамках американо-канадского политического и военного «партнерства», занимала, как правило, сдержанную и реалистическую позицию. Показательно, что в Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС отмечалось: «Немалые резервы есть и для развития отношений с Канадой. И дверь для дальнейшего расширения сотрудничества с ней, как и с другими капиталистическими государствами, будет и впредь открыта. Сотрудничества самого широкого — с правительствами, парламентами, деловыми кругами, деятелями культуры, общественными организациями»¹⁹. Продолжение этой традиции Советско-канадских отношений зависит теперь от нового правительства страны.

Канберра во время пребывания у власти правительства М. Фрейзера проявляла исключительную активность, поддерживая агрессивную линию администраций Картера и Рейгана, направленную на подрыв разрядки. Это правительство участвовало во всех антисоветских кампаниях, которые организовывались Вашингтоном по тому или иному поводу. Его внешнеполитическая деятельность была в последние годы заметным деструктивным элементом во взаимоотношениях государств двух систем. С приходом к власти в марте 1983 г. лейбористского правительства наметились некоторые позитивные изменения во внешнеполитическом курсе Австралии.

Канада и Австралия являются важными компонентами

глобального соотношения сил. В современном мире они, взятые вместе, с учетом экономических, политических и военно-стратегических факторов вполне сопоставимы по значению с их бывшей метрополией — Великобританией. Рывок вперед, который совершили за послевоенный период Канада и Австралия, — конкретное проявление ленинского закона неравномерности экономического и политического развития.

Рост экономической базы канадского и австралийского капитализма, расширение политических и военных возможностей двух этих государств способствуют сохранению тенденции к дальнейшему усилению их роли в мировой экономике и политике.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АВСТРАЛИИ

В послевоенный период до начала 70-х годов позиции Австралии в капиталистическом мире заметно усилились: увеличились ее людские и материальные ресурсы, расширилась индустриальная база, продвинулось вперед освоение природных богатств пятого континента. С середины 70-х годов экономическое положение страны значительно осложнилось. Этому способствовало обострение кризисных явлений в мировом капиталистическом хозяйстве в целом и ухудшение внутренних условий функционирования экономики. Необходимость приспособления к новой ситуации послужила стимулом для общей перестройки хозяйства Австралии. Под этим углом зрения в главе рассматриваются развитие производительных сил страны, сдвиги в отраслевой структуре экономики, концентрация производства и капитала и монополизация экономики, роль государства и основные направления государственно-монополистического регулирования.

1. Особенности развития производительных сил

На экономическое развитие Австралии большое влияние оказывает совокупность внутренних и внешних факторов (природно-географических, демографических и ряд других), стимулирующих либо сдерживающих его и определяющих своеобразие места страны в мировом капиталистическом хозяйстве. Прежде всего следует отметить сочетание небольшой численности населения — около 15,5 млн. (на уровне средней европейской страны) и огромной территории — 7,7 млн. кв. км. При этом весьма высока степень концентрации населения в крупнейших городах, значительно удаленных друг от друга *. Данное обстоятельство

* Около 40 % населения Австралии живет лишь в двух городах — Сиднее и Мельбурне, а 60 % — в городах с населением свыше 800 тыс. человек. Расстояние между Сиднеем и Мельбурном, например, равно 900 км при очень малом числе промежуточных пунктов.

накладывает отпечаток на характер внутрихозяйственных связей по многим направлениям, в частности ведет к известной фрагментарности внутреннего рынка, усугубляя проблему его относительной узости для отраслей массового производства в обрабатывающей промышленности, отрицательно сказывается на основных показателях функционирования экономики в целом. Здесь, в частности, выше, чем в других промышленно развитых странах Запада, затраты на транспорт и связь по отношению к ВВП ¹.

На рост внутреннего рынка и интенсивность внутрихозяйственных связей существенно влияет также исторически сложившаяся значительная экономическая автономия отдельных штатов страны, обусловленная сознательной политикой их властей. В течение длительного времени сдерживающее влияние на индустриализацию Австралии оказывало местоположение страны вдали от основных промышленных центров Западной Европы и Северной Америки. В силу этого она не могла компенсировать относительную узость внутреннего рынка путем развития экспорта готовой продукции в близлежащие страны. С развитием транспортных средств, появлением крупных промышленных рынков в странах азиатско-тихоокеанского региона значение этого фактора снижается, но тем не менее он продолжает действовать.

Сдерживающее влияние на рост обрабатывающей промышленности Австралии оказывала также ее экономическая (и политическая) зависимость от Великобритании, для которой Австралия была важным рынком сбыта промышленных товаров. Не случайно во время двух мировых войн, особенно последней, когда хозяйственные связи с метрополией в той или иной степени прерывались, обрабатывающая промышленность Австралии получала сильный импульс для своего роста. Вместе с тем развитие Австралии в качестве «заморского продолжения» британского капитализма имело и свои плюсы: развитие производительных сил страны началось уже с довольно высокого уровня (приток квалифицированной рабочей силы, капитала, технологии и т. п.) *. Наличие же обширных площадей, пригодных для сельскохозяйственного производства, и богатейших (еще далеко не изученных) запасов полезных ископаемых на континенте обусловили их особую роль в экономике страны.

* Об особенностях развития капитализма в Австралии подробнее см.: Лебедев И. А. Экономика и политика Австралии после второй мировой войны. М., 1966; Малаховский К. В. История Австралии. М., 1980.

Вторая мировая война показала, что слабым местом в экономическом и общем военно-стратегическом потенциале Австралии являются небольшая численность населения и отставание в развитии обрабатывающей промышленности. Поэтому в послевоенный период был взят курс на ускоренный рост населения и значительное расширение индустриальной базы экономики в рамках так называемого импортозамещающего пути развития. Его основными элементами были большой упор на привлечение внешних ресурсов для экономического роста (иммиграция и импорт капитала и технологии) и политика жесткого таможенного протекционизма, направленная на защиту местных производителей промышленной продукции от конкуренции импорта.

В результате значительно выросли население и промышленный потенциал страны. Однако такая политика имела и неизбежные издержки. Массовая иммиграция потребовала крупных инвестиций в инфраструктуру, а ориентация обрабатывающей промышленности преимущественно на местный рынок (учитывая его особенности, уже отмеченные) снижала возможности экономии на масштабах производства, соответственно увеличивая затраты на выпуск единицы продукции. Эти и ряд других причин вели к высокой капиталоемкости экономического роста, которая в недостаточной степени уравнивалась увеличением производительности труда. По коэффициенту приростной капиталоемкости (отношение нормы накопления к темпам прироста ВВП) Австралия стояла на втором месте среди наиболее развитых капиталистических государств, уступая лишь Великобритании, а среднегодовые темпы прироста производительности труда (2,3%) были у нее одними из самых низких².

Иными словами, экономический рост страны в 50—60-х годах был обеспечен в первую очередь за счет увеличения численности рабочей силы и высокого уровня накоплений*. В последующее десятилетие темпы прироста этих показателей заметно снизились, что сказалось на общих темпах хозяйственного развития Австралии. Если в период 1966—1973 гг. среднегодовой темп прироста ВВП был

* Одним из показателей этого является тот факт, что Австралия переместилась с 5-го места среди развитых капиталистических стран по объему ВВП на душу населения, которое она занимала в начале 50-х годов, на 15-е место к началу 80-х годов. В 70-х годах она находилась на 22-м месте среди 24 государств — членов ОЭСР по темпам прироста ВВП на душу населения.

наивысшим за послевоенный период — 5,4 %, то в период 1974—1981 гг. * он упал до самого низкого уровня — 2,4 %³.

Большие надежды на повышение темпов экономического роста правительство Австралии связывало со структурной перестройкой экономики, ускорившейся на рубеже 70—80-х годов. Однако резкое обострение противоречий воспроизводственного процесса, новый экономический кризис 1981—1983 гг. заставили правительство тормозить перестройку экономики, пытаться смягчить ее воздействие, подчинять долгосрочные цели нуждам сегодняшнего дня. Все это, естественно, неоднозначно сказывается на развитии производительных сил страны, в котором в 70-х годах произошли серьезные изменения.

Обратимся к главной производительной силе — трудовым ресурсам страны. Население Австралии возросло с 7,4 млн. в 1945 г. до 15,5 млн. к настоящему времени. Темпы его роста в послевоенный период были наивысшими среди развитых капиталистических государств. Большой вклад внесла в это иммиграция. В 1947—1974 гг. на нее пришлось 40 % увеличения численности населения страны⁴. Однако в 70-х годах темпы прироста последнего существенно замедлились. Если в 50-х годах они составляли в среднем 2,25 % в год, в 60-х годах — около 2, то в 1971—1974 гг. — 1,73 и в 1975—1979 гг. — 1,13 % **. В 60—70-х годах происходило постепенное снижение уровня естественного прироста населения, которое в середине 70-х годов было усугублено резким спадом в притоке иммигрантов из-за ухудшения экономической ситуации в стране. К концу 70-х годов иммиграция вновь возросла, но в настоящее время она ограничивается в связи с новым обострением проблемы занятости. Поэтому, по крайней мере в среднесрочной перспективе, темпы роста населения страны будут весьма умеренными. Численность рабочей силы увеличилась в Австралии в послевоенный период более чем в 2 раза и в 1983 г. превысила 7 млн. человек⁵. Наряду с ростом рабочей силы заметно улучшилось ее качество. Помимо привлечения квалифицированных кадров из-за границы существенное развитие получила система общего образования и подготовки квалифицированных кадров на всех ее ступенях (школы, колледжи, университеты). Количество

* Финансовые годы (с 1 июля до 30 июня следующего года).

** Аналогичный показатель для 30-х годов составлял 0,85 %, для 40-х годов — 1,6 % (Year Book. Australia, 1982, p. 87).

студентов, обучающихся в университетах, например, увеличилось с 1946 по 1975 г. более чем в 5 раз *. По данным на 1979 г., 6,7 % рабочей силы страны составляли лица с университетским образованием или его эквивалентом, 28,6 % — специалисты со среднетехническим образованием, 62,6 % имели образование на уровне школы и лишь 2,1 % — ниже этого уровня ⁶.

До начала 70-х годов для Австралии был характерен сравнительно низкий — менее 2% — уровень безработицы. В начале 70-х годов он увеличился до 2,7 %, в результате экономического кризиса 1974—1975 гг. подскочил сразу до 4,9 %, а к концу 70-х годов постепенно вырос до 6 %. Кризис же 1981—1983 гг. поднял уровень безработицы в стране до небывалой за последние 50 лет величины — свыше 10 %. Таким образом, налицо резкое ухудшение положения с использованием трудовых ресурсов страны.

Среди основных причин резкого увеличения масштабов безработицы следует выделить, с одной стороны, значительный рост женской занятости и особенно массовый выход на рынок труда молодежи, родившейся в 50-х и 60-х годах (период наиболее высоких темпов роста населения), а с другой — сокращение числа создаваемых рабочих мест из-за замедления темпов экономического роста и уменьшения его трудоемкости. Если в 1960—1973 гг. для увеличения числа занятых в хозяйстве страны на 1 % требовалось обеспечить менее 2 % прироста ВВП, то в 1974—1981 гг. уже свыше 4 % ⁷. Решающую роль здесь сыграли два фактора: во-первых, усилившееся в условиях обострения проблемы сбыта стремление предпринимателей повысить конкурентоспособность продукции за счет экономии на зарплате, которая в Австралии относительно высока, что стимулировало замену живого труда машинным; во-вторых, сопровождавшие структурную перестройку экономики стагнация либо сокращение производства в ряде трудоемких отраслей.

Изменения в отраслевой структуре занятости представлены в таблице 3. Доля сельского хозяйства еще в 1950 г. была в Австралии одной из самых низких в капиталистическом мире (14,6 %) и продолжает оставаться такой в настоящее время ⁸. Удельный вес обрабатывающей промышленности колебался в пределах 25—28 % до середины 60-х годов, а затем начал снижаться, причем во

* Подробнее о развитии образования в Австралии и его проблемах см.: Прошлое и настоящее Австралии и Океании. М., 1979, с. 55—82.

Отраслевая структура занятости (в % к итогу)

Отрасли	1966	В среднем за		1980	1982
		1969— 1971	1975— 1977		
Сельское хозяйство	9,4	8,3	6,7	6,6	6,4
Горнодобывающая промышленность	1,2	1,4	1,4	1,5	1,5
Обрабатывающая промышленность	27,0	23,4	19,7	18,4	19,4
Электроэнергетика, газо- и водоснабжение	2,2	1,8	1,7	1,8	2,0
Строительство	8,8	9,2	9,0	8,5	7,3
Транспорт и связь	7,9	7,2	27,6	6,9	7,9
Торговля	16,2	18,9		20,8	19,8
Страхование, финансовые и деловые услуги	15,0	7,3	7,8	8,3	8,9
Услуги социального характера ¹		11,0	14,4	15,5	15,9
Потребительские услуги ²	6,1	6,1	6,5	6,3	6,2
Государственный аппарат	4,3	4,8	5,3	5,3	4,5
Статистическая поправка	1,9	0,6	—0,1	0,1	0,2

¹ Здравоохранение, образование и т. п. ² Бытовые услуги, зрелищные и спортивные учреждения и т. п.

Источники: Year Book. Australia, 1972, p. 693; 1974, p. 692; 1980, p. 157; 1982, p. 141; 1983, p. 171; OECD. Economic Surveys. Australia, 1983, p. 39.

второй половине 70-х годов сократилось абсолютное число занятых в отрасли. В результате — резкое падение роли отрасли в качестве «работодателя». По этому показателю Австралия уступает подавляющему большинству капиталистических государств. Напротив, доля торговли и сферы услуг значительно возросла в 1966—1980 гг. (с 41,6 до 56,2 %) и является одной из самых высоких в капиталистическом мире⁹. Также относительно высока доля строительства, транспорта и связи.

Новый этап в развитии экономики страны внес также свои коррективы в характер инвестиционного процесса. Ускорение экономического развития Австралии, существенное расширение производственной и социальной инфраструктуры выразились в 50—60-х годах в росте нормы накопления (см. табл. 4). Наивысшего уровня она достигла в период так называемого минерального бума второй половины 60-х — начала 70-х годов, когда осуществлялись особенно крупные вложения в добывающую промышленность, в связанные с ней отрасли обрабатывающей про-

мышленности и объекты инфраструктуры (порты, дороги, электростанции, новые города и т. п.). Кроме того, это сопровождалось бумом капиталовложений в сфере недвижимости.

В 70-х годах динамика нормы накопления являла собой прямо противоположную картину. Ее величина резко сократилась с 26,3 % в 1970/71 г. до 21,2 % в 1979/80 г. Основную роль здесь сыграли два фактора. Во-первых, снизился удельный вес инвестиций в сырье в связи с завершением в начале 70-х годов определенного этапа в освоении природных ресурсов страны. Во-вторых, еще более глубокие последствия имели экономический кризис и депрессия второй половины 70-х годов.

При том что Австралия превосходила, как уже отмечалось, большинство других капиталистических государств по величине коэффициента приростной капиталоемкости, он все же несколько понизился в 50—60-х годах, т. е., иначе говоря, повысилась отдача капиталовложений. С 1974/75 г. данный показатель в Австралии резко ухудшился — на каждый процент прироста ВВП приходится гораздо большая, чем ранее, доля нормы накопления (см. табл. 4). Это явилось результатом прежде всего определенных изменений в структуре капиталовложений и степени использования основных фондов.

Таблица 4

Норма накопления и темпы прироста ВВП
(%; в постоянных ценах)

Период	Среднегодовые темпы прироста ВВП (а)	Норма накопления (б)	Коэффициент приростной капиталоемкости (б/а)
1951—1955	4,0	24,1	6,02
1956—1960	4,4	24,4	5,55
1961—1965	5,0	25,4	5,08
1966—1970	5,3	26,8	5,06
1971—1975	4,0	24,6	6,15
1976—1980	2,4	22,2	9,25

Р а с с ч и т а н о п о: Year Book. Australia, 1974; OECD. Economic Surveys. Australia, 1972—1982.

Известную роль в ухудшении эффективности капиталовложений сыграло увеличение в них доли государственных инвестиций, вкладывающихся, как правило, в объекты с более низкой фондоотдачей. Так, если в период

с середины 50-х до середины 70-х годов на частные инвестиции в общей сумме капиталовложений падало в среднем 64—65 %, а на государственные — 35—36 %, то в 1974—1978 финансовых годах это соотношение составило соответственно 60—62 и 38—40 %. Показательно, что сокращение удельного веса частных инвестиций произошло за счет производственных капиталовложений. Если в 60-х годах их доля составляла в среднем 73,5 %, то в 1972—1977 финансовых годах (когда она была особенно низкой) — 68,4 % (соответственно увеличилась доля вложений в жилье — с 26,5 до 31,6 %).

Технологическая структура инвестиций, т. е. соотношение между активной (машины и оборудование) и пассивной (здания и сооружения) частями вложений в основные фонды, в связи с особенностями послевоенного экономического развития Австралии характеризуется более высоким, чем в большинстве других капиталистических стран, удельным весом вложений в здания и сооружения в общей сумме производственных инвестиций (это одна из причин высокой капиталоемкости экономического роста). В государственных капиталовложениях доля зданий и сооружений довольно стабильна, составляя в среднем около 75 %, в частных же она гораздо ниже, но сильно колеблется.

Таблица 5

Технологическая структура частных производственных инвестиций (%) в текущих ценах)

В среднем за период	Здания и сооружения	Машины и оборудование
1948—1960	24,0	76,0
1961—1965	26,9	73,1
1966—1970	28,8	71,2
1971—1975	31,4	68,6
1976—1980	25,2	74,8

Р а с с ч и т а н о по: Австралия и Океания. Справочник, М., 1966; Year Book. Australia, 1964—1982.

После кризиса 1974—1975 гг. в технологической структуре частных инвестиций произошел крутой сдвиг в пользу вложений в машины и оборудование. Причина, во-первых, в общем спаде инвестиционной активности и в сопровождающем его обычно сокращении нового производственного строительства. Это обстоятельство было значительно усилено

но, во-вторых, увеличением вложений в более эффективное оборудование, в том числе трудосберегающего характера, для повышения конкурентоспособности предприятий. Новое направление в характере инвестиций аналогичным образом отразилось в воспроизводственной структуре частных капиталовложений, где доля чистых инвестиций увеличилась во второй половине 70-х годов с 72,5 до 82,9 % (соответственно снизилась доля фонда возмещения)¹⁰.

Таким образом, на фоне серьезного ухудшения экономического положения в стране и связанной с этим стагнацией и сокращением реального объема частных производственных инвестиций, наличием значительных избыточных мощностей * наблюдался реальный рост вложений в оборудование, который усиливал степень недогрузки предприятий (выбытие мощностей было относительно небольшим) и отрицательно влиял поэтому на уровень фондоотдачи.

В отраслевом распределении частных инвестиций с середины 60-х до середины 70-х годов около 15 % приходилось на горнодобывающую промышленность, 33—35 % — на обрабатывающую, 25—28 % — на кредитно-финансовый сектор, 25—27 % — на остальные отрасли (где наибольший удельный вес — до половины — приходится на оптовую и розничную торговлю, а также на транспорт и складское хозяйство) **. Во второй половине 70-х годов это соотношение изменилось и составило соответственно 11, 29, 36, 24 %, т. е. при заметном падении доли остальных отраслей резко возросла доля кредитно-финансового сектора. Именно здесь наиболее глубоким был отмеченный сдвиг в технологической структуре инвестиций (доля машин и оборудования возросла за рассматриваемый период с 46,4 до 77,3 %), который в той или иной степени затронул все отрасли. Уровень и характер капиталовложений в кредитно-финансовый сектор сыграли решающую роль в том, что в 1973 г. реальный объем инвестиций в оборудование в сфере услуг впервые превысил (на основе широкого внедрения новейших систем обработки информации и т. п.) аналогичный показатель для обрабатывающей промышленности. В дальнейшем эта тенденция усилилась.

В условиях относительно быстрого экономического

* В обрабатывающей промышленности уровень использования мощностей в 1977/78 г. (по данным обследования, проведенного министерством промышленности и торговли) был равен 77—78 % (Bank of New South Wales Review, July 1978. p. 22).

** Здесь и далее не включено сельское хозяйство.

развития Австралии в 50—60-х годах темпы прироста капиталовложений значительно (в 2—2,5 раза) опережали темпы прироста занятости, соответственно возросла фондовооруженность труда. В 1972—1979 гг. темпы прироста капиталовложений и занятости почти сравнялись (0,9 и 0,85 % соответственно в среднем за период), т. е. фондовооруженность почти не повышалась¹¹. Вместе с тем сдвиги в структуре инвестиций привели к тому, что увеличилась активная часть фондов, приходящаяся на одного занятого. В этом одна из главных причин того, что вырос разрыв между темпами прироста производительности труда и численности занятых, хотя абсолютный размер обоих показателей понизился.

В начале 80-х годов характер инвестиционного процесса вновь резко изменился. Среди его отличительных признаков — скачок в общем объеме капиталовложений (за 1980—1981 гг. прирост составил 18,5%, тогда как за 1972—1979 гг. — 6,5%), который почти полностью был обеспечен за счет увеличения частных производственных инвестиций¹². Это связано с началом осуществления крупных долгосрочных инвестиционных программ в горнодобывающей промышленности и материало- и энергоемких отраслях обрабатывающей промышленности, с развитием их инфраструктурного обеспечения.

Однако рост капиталовложений оказался крайне непродолжительным из-за очередного мирового экономического кризиса, разразившегося в 1980 г. сначала в главных капиталистических странах, а с конца 1981 г. поразившего и Австралию. Кризис оказался самым глубоким за послевоенный период — впервые сократился в годовом исчислении ВВП страны (—0,8% в 1982 г.), резко снизились объем промышленного производства (на 13—14%) и частные производственные инвестиции (на 15—17%). Кризис значительно осложнил структурную перестройку экономики и ухудшил показатели использования производительных сил. Со второй половины 1983 г. страна начала постепенно выходить из кризиса. Возобновившийся экономический рост носил, однако, неустойчивый характер, о чем более всего говорит тот факт, что частные производственные капиталовложения продолжали сокращаться по крайней мере до конца года.

Изменения в условиях развития производительных сил, серьезные трудности на пути структурной перестройки экономики, с одной стороны, и значительное повышение роли научно-технических достижений в экономическом

развитии капиталистических стран в последние годы — с другой, потребовали усиления научно-технического потенциала Австралии, а главное — ускорения внедрения результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) в хозяйство.

На Австралию приходится около 2% всех достижений в фундаментальных науках в мире, но лишь 0,7% количества патентов, на которых основываются технологические новшества, 0,3% стоимости экспорта наукоемкой продукции и 0,1% продаж технологии странами ОЭСР. Она находится на предпоследнем месте среди указанных государств по отношению экспорта к импорту наукоемкой продукции¹³. Таким образом, налицо разрыв между фундаментальными исследованиями, проведением НИОКР и внедрением их результатов. Особенно отстает Австралия в сфере промышленных НИОКР.

Поэтому в последние 10 лет австралийским правительством принят ряд мер, которые включают в себя создание Австралийского совета по науке и технике и других организаций, координирующих работы в данной области. Увеличиваются государственные ассигнования на проведение НИОКР, в том числе по правительственным контрактам в промышленности, усилено стимулирование разработки и внедрения новой технологии средними и мелкими предприятиями. Австралия, хотя и с опозданием, все активнее включается в технологическое соревнование с другими капиталистическими государствами.

2. Отраслевая структура экономики

Отличительной чертой экономики Австралии на протяжении многих десятилетий являлась исключительно важная роль, которую играло в ней сельское хозяйство. Вплоть до начала 50-х годов оно занимало первое место по доле в ВВП страны, примерно до середины 60-х годов по уровню производительности труда, а по удельному весу в экспорте сохраняет ведущие позиции и в настоящее время.

На рубеже 40—50-х годов отраслевое распределение ВВП Австралии выглядело следующим образом: сельское хозяйство — 25—27%, обрабатывающая промышленность — 24—25, горнодобывающая промышленность — 2, строительство и энергетика — 8%, остальные 39—40% приходились на транспорт и связь, торговлю и сферу услуг¹⁴. Последовавшие затем сдвиги в отраслевой структуре определялись главным образом расширением индустриаль-

ной базы экономики, освоением природных ресурсов континента, ростом сферы услуг и ухудшением условий для увеличения производства в сельском хозяйстве. В результате произошло резкое снижение зависимости экономики от состояния одной, довольно уязвимой по своему характеру, отрасли, какой является сельское хозяйство. Его доля в ВВП уже к 1960 г. упала до 13%, а к 1970 г. — до 8%. На первое место выдвинулась обрабатывающая промышленность, доля которой в ВВП достигла своего максимума в 1960 г. — 29%, а затем стабилизировалась на уровне 26—28%. Одновременно происходил рост удельного веса в экономике энергетики, строительства, транспорта и связи, торговли и особенно сферы услуг.

70-е годы внесли заметные коррективы в ход развития отдельных секторов экономики и соответственно в структуру отраслевого распределения ВВП (см. табл. 6). Продолжала быстро возрастать роль сферы услуг, доля которой в ВВП достигла почти 30%. Резко увеличился удельный вес горнодобывающей промышленности. Кардинальных перемен в значении других отраслей не произошло. Исключение составляет обрабатывающая промышленность, доля которой упала примерно на $\frac{1}{4}$ по сравнению с серединой 60-х годов.

Следует отметить, что, несмотря на ускорение темпов роста промышленного производства в 50-х и 60-х годах, Австралия с седьмого места, которое она занимала по объему промышленного производства среди государств — членов ОЭСР в 1950 г., к началу 80-х годов опустилась на девятое¹⁵. Австралия существенно уступает большинству развитых капиталистических стран по доле обрабатывающей промышленности в ВВП.

Такое положение во многом было предопределено самим характером развития отрасли в послевоенный период. Преимущественная ориентация на внутренний рынок (под защитой протекционистских таможенных барьеров) первоначально дала свои плоды. Значительно увеличился выпуск продукции в черной и цветной металлургии, химической и нефтеперерабатывающей промышленности, автомобилестроении и т. д. Так, например, выплавка стали возросла с 1,2 млн. т в 1948 г. до 6,6 млн. т в 1969 г., меди — соответственно с 24 тыс. до 105 тыс. т, цинка — с 83 тыс. до 262 тыс. т, алюминия — с нуля до 200 тыс. т, производство легковых автомобилей — с нескольких десятков тысяч до почти 400 тыс. шт., цемента — с 1 млн. до 4,5 млн. т, электроэнергии — с 9 млрд. до 56 млрд. кВт • ч и т. п.¹⁶

Отраслевая структура ВВП (в % к итогу)

Отрасли	В среднем за период				
	1966— 1968	1969— 1971	1975— 1977	1978— 1979	1980— 1981
Сельское хозяйство	9,2	6,6	5,2	6,8	6,3
Горнодобывающая промышленность	2,0	3,2	4,4	5,9	6,5
Обрабатывающая промышленность	27,5	26,3	22,4	20,8	20,6
Электроэнергетика, газо- и водоснабжение	3,2	3,1	2,9	2,9	3,0
Строительство	7,6	7,7	7,4	6,5	6,5
Транспорт и связь	8,3	23,4	7,6	21,1	6,9
Торговля	15,6		15,0		14,0
Страхование, финансовые и деловые услуги	8,0	9,1	9,7	10,5	10,8
Услуги социального характера ¹	6,7	7,7	10,6	10,5	14,5
Потребительские услуги ² . . .	3,7	3,8	4,1	4,0	
Государственный аппарат . . .	3,6	3,8	4,5	4,1	4,0
Статистическая поправка . . .	4,6	5,3	6,2	6,9	6,9

¹ Здравоохранение, образование и т. п. ² Бытовые услуги, спортивные, зрелищные учреждения и т. п.

⁶ *Источники:* Australia — An Introduction. Reference Paper, A.G.I.S. Canberra, 1979, p. 11; OECD. Economic Surveys. Australia, 1983, p. 39; Yearbook of National Accounts Statistics, 1981, p. 29; Monthly Bulletin of Statistics, February 1984, p. LIV.

Но уже во второй половине 60-х годов появились признаки истощения подобного направления развития обрабатывающей промышленности из-за узости внутреннего рынка. Тогда же были высказаны первые серьезные опасения по этому поводу в австралийской экономической печати. Они в целом подтвердились. К 1979 г. выплавка стали увеличилась только до 7,4 млн. т, меди — до 137 тыс. т, цинка — до 300 тыс. т, производство цемента — до 5,2 млн. т, выпуск автомобилей остался на прежнем уровне и т. д. Исключение из общей картины представляет производство электроэнергии, которое составило в 1979 г. 96 млрд. кВт • ч¹⁷.

В условиях обострения проблемы сбыта остро встал вопрос о конкурентоспособности обрабатывающей промышленности. И здесь достаточно явно проявились слабости отрасли. Они выражались прежде всего в том, что размер единичных мощностей на промышленных предприятиях страны, как правило, значительно ниже оптимальных. Это связано с относительно небольшим объемом и известной фрагментарностью внутреннего рынка. Так,

мощность крупнейшего австралийского предприятия по производству этилена составляла в начале 70-х годов 100 тыс. т, аналогичного предприятия в Англии — 450 тыс. т. Издержки производства на английском предприятии почти в 2 раза ниже издержек на австралийском предприятии. Австралийский экономист Г. Перри считает, что мощность химических заводов страны в 70-х годах составляла от 10 до 50% уровня, необходимого для «эффективной международной конкурентоспособности»¹⁸.

Следует иметь в виду также довольно высокий уровень заработной платы в Австралии. Этот фактор сыграл особую роль в ухудшении положения в таких трудоемких отраслях, как легкая и текстильная промышленность, которые столкнулись в 70-х годах с резко возросшей конкуренцией импорта. В швейной промышленности, например, издержки производства единицы продукции более чем в 2 раза, а в значительном количестве случаев более чем в 3 раза выше, чем в развивающихся странах Азии, где заработная плата составляет не более 5% от австралийского уровня. Не случайно поэтому, что доля швейных импортных изделий (в основном из этих стран) на внутреннем рынке увеличилась в прошедшем десятилетии с 11 до 32%¹⁹.

В получившем широкую известность докладе так называемого Комитета Джексона, проводившего в середине 70-х годов обследование обрабатывающей промышленности, ситуация в ней охарактеризована следующим образом: «Фабрики, с гордостью открытые в первые послевоенные годы, сегодня стали структурной проблемой с точки зрения эффективного использования ресурсов»²⁰. Лейтмотивом рекомендаций данного и целого ряда последовавших за ним других докладов была необходимость структурной перестройки обрабатывающей промышленности в сторону ее большей ориентации на внешний рынок. В докладах признавалось, что в наихудшем положении оказались именно те отрасли, функционирование которых в значительной степени зависит от протекционистской защиты от импорта.

В развитии обрабатывающей промышленности в послевоенный период упор делался на базовые отрасли, имеющие дело с первичной переработкой сырья, что опиралось на наличие в стране богатых природных ресурсов. Поэтому в структуре обрабатывающей промышленности удельный вес данных отраслей особенно высок. Первое место со значительным отрывом занимает пищевая промышленность (см. табл. 7). Относительно велика также доля

Структура обрабатывающей промышленности (в % к итогу)

36

Отрасли	Доля в занятости			Доля в добавленной стоимости		
	1960	1970	1980	1960	1970	1980
Пищевая и табачная	11,3	14,6	16,1	13,0	15,9	17,2
Текстильная	6,5	4,2	3,3	5,4	3,8	2,8
Легкая	9,6	9,3	6,9	5,9	5,5	4,4
Деревообрабатывающая	7,5	6,3	6,7	6,6	5,2	5,3
Целлюлозно-бумажная и полиграфическая	6,4	8,1	8,8	7,5	8,5	8,8
Химическая и нефтеперерабатывающая	4,3	5,0	5,2	8,9	8,4	8,6
Промышленность стройматериалов	4,2	4,0	4,0	4,9	4,9	5,0
Металлургическая	} 44,7	7,1	8,1	} 42,6	10,2	11,6
Металлообрабатывающая		9,2	9,4		8,2	8,5
Транспортное машиностроение		11,4	11,9		11,0	10,0
Прочее машиностроение (исключая транспортное)		14,9	13,8		13,6	12,4
Прочие	5,6	5,3	5,7	5,2	4,8	5,3
Статистическая поправка	-0,1	+0,2	+0,1	0,0	0,0	+0,1

металлургии и металлообработки, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной и полиграфической промышленности. Напротив, доля машиностроения (где непропорционально велика роль автомобильной промышленности) существенно ниже, чем в главных капиталистических странах.

В значительной мере обеспечивая себя относительно простой готовой продукцией, Австралия в очень широких масштабах импортирует более сложные ее виды (в первую очередь материалы с высокой степенью обработки, а также машины и оборудование). При слабой в целом экспортной ориентации обрабатывающей промышленности это выливается в крупный дефицит во внешней торговле страны по статье «готовые изделия» (подробнее см. в гл. III).

Экономический кризис 1974—1975 гг. дал толчок к давно назревшей структурной перестройке обрабатывающей промышленности. В ней можно выделить три основных направления. Первое — сокращение производства в ряде преимущественно трудоемких по своему характеру отраслей типа текстильной промышленности. Второе — представляет процесс усиления специализации в автомобильной промышленности на базе поузловой и подетальной кооперации с Японией и Западной Европой в качестве основного средства для снижения издержек производства готовых автомобилей, мощности по выпуску которых в целом остаются на прежнем уровне. Так, ДМХ (австралийский филиал «Дженерал моторс») построила крупный завод по производству 300 тыс. автомобильных двигателей в год, до 70% которых предназначено на экспорт, главным образом в ФРГ и Великобританию. Взамен компания получает возможность (по разрешению правительства) расширить ввоз более дешевых импортных частей и узлов для автомобилей, собираемых в Австралии²¹.

Третье направление связано с наращиванием экспортного производства в материало- и энергоемких отраслях. Это касается прежде всего цветной металлургии, химии и нефтехимии, целлюлозно-бумажной промышленности. Второй «нефтяной шок» 1979 г. резко повысил привлекательность Австралии в качестве места для размещения предприятий данных отраслей, учитывая ее сырьевые и энергетические ресурсы. Так, например, предполагалось в течение 6—10 лет увеличить выплавку алюминия в 3—4,5 раза, что придало бы этой отрасли австралийской промышленности мировое значение²².

Таким образом, второе и особенно третье направления

структурной перестройки обрабатывающей промышленности в основном ориентированы на внешний рынок, который в свою очередь вносит в нее определенные коррективы. Так, упоминавшийся выше новый завод ДМХ работает на 60% своей мощности из-за трудностей со сбытом автомобилей в Западной Европе. Снижение цен на нефть в начале 80-х годов и возросшая конкуренция на мировом рынке со стороны развивающихся стран привели к замедлению темпов расширения мощностей в алюминиевой промышленности, задерживается осуществление ряда проектов в нефтехимии и т. п.²³

Однако именно в материало- и энергоемких отраслях Австралия имеет наибольшие потенциальные возможности для усиления своего присутствия на мировом рынке. Правительство страны делает на них основную ставку в рамках своей политики по стимулированию развития обрабатывающей промышленности.

Одновременно большое значение придается дальнейшему росту горнодобывающей промышленности. В Австралии эта отрасль имеет давнюю историю, однако ее роль резко возросла в результате так называемого минерального бума (название, которое получил стремительный скачок в освоении природных ресурсов континента во второй половине 60 — начале 70-х годов). Масштабы его были настолько велики, что он оказал глубокое воздействие на экономику страны в целом и на ее различные сферы. С 1966 по 1970 г. физический объем продукции горнодобывающей промышленности увеличился в 2 раза, а в последующие годы — еще в 1,5 раза²⁴. В короткий срок Австралия превратилась в одного из крупнейших в мире производителей и экспортеров минерального сырья (см. гл. III).

В довоенное время и в 50-х годах в Австралии из полезных ископаемых в крупных размерах добывались главным образом руды цветных металлов — свинца и цинка, существенным был объем добычи угля, благородных (золота, серебра) и некоторых редкоземельных металлов. «Минеральный бум» прежде всего был связан с развертыванием крупномасштабного производства железной руды и коксующихся углей, бокситов, марганцевой руды, добыча которых велась ранее в ограниченных масштабах либо отсутствовала вовсе. Новый этап в развитии природных ресурсов страны способствовал также значительному увеличению добычи многих других видов сырья и топлива (см. табл. 8).

Примерно $\frac{3}{4}$ общего объема производства (по стоимо-

Добыча основных видов сырья и топлива

Вид продукции	Единица измерения	1960	1965	1970	1975	1980	1982
Железная руда	млн. т	5,4	11,1	45,1	97,7	95,5	87,8
Бокситы	»	—	1,8	8,3	21,0	27,2	23,6
Марганцевая руда	»	0,06	0,1	0,9	1,6	2,0	1,1
Свинец ¹	тыс. т	274,0	371,0	459,0	408,0	398,0	457,0
Цинк ¹	»	316,0	375,0	502,0	501,0	495,0	663,0
Медь ¹	»	97,0	111,0	142,0	219,0	244,0	247,0
Никель ¹	»	—	—	...	76,0	74,0	89,0
Олово ²	»	3,0	4,0	8,0	18,0	23,0	12,0
Вольфрам ²	»	0,9	1,8	1,4	2,9	6,2	...
Ильменит ²	»	109,0	457,0	726,0	964,0	1 385,0	1 158,0
Рутил ²	»	90,0	218,0	363,0	344,0	312,0	218,0
Циркон ²	»	104,0	228,0	363,0	382,0	492,0	453,0
Золото ¹	т	34,0	24,0	19,0	16,0	17,0	23,0
Серебро	»	732,0	767,0	821,0
Уголь	млн. т	40,9	56,0	72,4	98,5	126,6	145,3
каменный	»	48,5	63,9	93,7	107,5
Нефть	»	—	—	8,3	20,7	19,3	18,0
Природный газ	млрд. м ³	—	—	0,7	5,2	9,6	11,6
Уран ³	тыс. т	0,4	1,8	4,9

¹ По содержанию металла в руде. ² Концентрат. ³ Окись урана.

Источники: МЭМО, 1972, № 4, с. 141; Reference Paper. Minerals. A.G.P.O. Canberra, 1976, 1979; OECD. Economic Surveys. Australia, 1980, p. 25; Year Book. Australia, 1982, p. 380; Australian Mineral Industry Quarterly, 1978, N 4, p. 165; 1982, N 2, p. 86.

сти) в горнодобывающей промышленности прямо (через экспорт сырья и топлива) или косвенно (через вывоз черных и цветных металлов и т. п.) зависит от состояния внешних рынков. Поэтому мировой экономический кризис 1974—1975 гг., последовавшее за ним резкое замедление темпов хозяйственного развития капиталистических стран и структурные сдвиги в их экономике затормозили рост горнодобывающей промышленности Австралии во второй половине 70-х годов, в первую очередь за счет падения спроса на черные и большинство цветных металлов. В конце 70-х годов только в железорудной промышленности страны простаивали мощности по добыче 30 млн. т руды в год.

Вместе с тем дальнейшее обострение энергетической

проблемы в капиталистическом мире значительно повысило интерес к соответствующим природным ресурсам Австралии, что подстегнуло развитие в стране добычи энергоносителей. Это сказалось на отраслевой структуре горнодобывающей промышленности: с 1969 по 1979 г. доля добычи металлических руд в общей стоимости горнодобывающей продукции снизилась с 60 до 45%, в то время как доля добычи всех видов топлива увеличилась с 30 до почти 50%²⁵.

Австралия является одной из самых обеспеченных энергоресурсами стран мира, и нынешний этап их развития ориентирован в первую очередь на снабжение внешнего рынка. При этом происходят определенные сдвиги в структуре ее внутреннего энергобаланса. В конце 70-х годов доля различных энергоносителей в общем потреблении энергии в Австралии выглядела следующим образом: уголь — 40,7% (около 10% — бурый уголь), нефть — 44,8, газ — 8,7, гидро- и геотермальная энергия — 5,8%²⁶. Удельный вес нефти, достигнув в 1970 г. почти 50%, с тех пор стабильно сокращается, доля угля практически остается неизменной, в то время как роль природного газа все время возрастает²⁷. Подобная тенденция прогнозируется и на будущее.

Главный энергоресурс пятого континента — уголь. На него приходится 98% запасов ископаемого топлива. Запасы каменного угля составляют 20 млрд. т, бурого — 12 млрд. т. Бурый уголь идет на производство электроэнергии (примерно 75% ее вырабатывается на угле, еще 17% дают гидроэлектростанции)²⁸. Около половины добываемого каменного угля экспортируется. В основном это коксующиеся угли, но в настоящее время быстро развивается добыча энергетических углей. По прогнозу Международного энергетического агентства, в ближайшие 10—15 лет Австралия может превратиться в крупнейшего в мире экспортера угля. Согласно прогнозу, его экспорт увеличится к 2000 г. до 195 млн. т по сравнению с менее 40 млн. т в конце 70-х годов, причем экспорт энергетических углей возрастет с 3 млн. до 120 млн. т²⁹. Конечно, данный прогноз несет на себе отпечаток «второго нефтяного шока» 1979 г., который привлек еще большее внимание к альтернативным источникам энергии. Снижение цен на нефть в начале 80-х годов скорректировало прогнозы в сторону более медленного расширения мировой торговли углем в будущем. Однако и в этом случае роль Австралии как поставщика угля должна существенно увеличиться.

Страна выдвинулась также в число ведущих экспортеров урана. По его запасам она занимает первое место в капиталистическом мире (достоверные резервы — 294 тыс. т, 19% общих запасов)³⁰. Из-за отсутствия спроса добыча урана в Австралии в 60-х и 70-х годах была приостановлена, но с 1977 г. в связи с ускорением развития атомной энергетики в капиталистических странах возобновился экспорт урана и стали наращиваться мощности по его добыче. Согласно заключенным контрактам, только в Японию, США и ФРГ в первой половине 80-х годов поставки австралийского урана должны составить 11 тыс. т³¹.

Сравнительно быстро наращивается в стране добыча природного газа как для удовлетворения внутренних нужд, так и на экспорт. К 1985 г. либо чуть позже его доля в энергобалансе Австралии должна достичь 15%. Кроме того, заключен контракт на поставку в Японию начиная с 1988 г. 5,84 млн. т сжиженного природного газа ежегодно в течение 19 лет. Наряду с углем и ураном природный газ входит в число трех ведущих экспортных энергоресурсов Австралии. Его запасы достаточно велики (на конец 70-х годов — примерно 845 млрд. м³) и в результате интенсивной разведки газа продолжают возрастать³².

Но приоритет отдается поискам нефти, поскольку за счет собственной добычи нужды страны в этом виде топлива удовлетворяются лишь на $\frac{2}{3}$. Прирост запасов нефти в последние годы позволял только стабилизировать ее добычу. Поэтому правительство стимулирует, с одной стороны, разведку нефти, а с другой — снижение ее удельного веса в энергобалансе путем частичной замены природным газом и углем и внедрение энергосберегающей технологии (в частности, на транспорте, где потребляется 55% используемой в стране нефти)³³. Согласно прогнозу, подготовленному министерством национального развития и энергетики Австралии, среднегодовые темпы прироста потребления нефти составят в 80-х годах менее 1%, тогда как в 60—70-х годах они достигали почти 6%³⁴. Для полной оценки энергоресурсов Австралии следует отметить также наличие огромных запасов нефти, содержащейся в сланцах. Однако технологические и экологические трудности, высокая стоимость добычи препятствуют ее развитию в нынешних условиях.

При анализе положения в горнодобывающей промышленности Австралии необходимо иметь в виду огромные масштабы пятого континента, его относительно слабую изученность, учитывать большие потенциальные возмож-

ности для обнаружения значительных запасов разнообразных видов сырья и топлива. Примером этого является открытие в начале 80-х годов богатых залежей алмазов. В 1986 г. планируется ввести в строй один из крупнейших в мире рудников по добыче алмазов (25 млн. карат в год) ³⁵.

Сельское хозяйство, так же как и горнодобывающая промышленность, не только практически полностью обеспечивает основные нужды страны, но и направляет на внешний рынок около $\frac{3}{4}$ объема своей продукции (по стоимости) ³⁶. Вывоз сельскохозяйственных товаров дает от 40 до 50% всех экспортных доходов Австралии. По оценке сельскохозяйственных органов Австралии, снижение объема сельскохозяйственной продукции на 1 долл. ведет к аналогичному сокращению производства в несельскохозяйственном секторе экономики ³⁷. Поскольку объем производства в отрасли подвержен значительным колебаниям, то положение в ней существенным образом сказывается на общих темпах хозяйственного роста страны. Таким образом, несмотря на резкое падение удельного веса сельского хозяйства в экономике в послевоенные годы, его роль остается более чем заметной.

Сельское хозяйство Австралии ведется в весьма сложных природных условиях. В сельскохозяйственный оборот вовлечено 500 млн. га (65% общей площади континента), но из них свыше 90% характеризуется преобладанием бедных почв и нехваткой воды (периодически повторяющиеся засухи могут продолжаться до трех и даже более лет подряд). Эти природные факторы лимитируют развитие сельскохозяйственного производства и влияют на его отраслевую структуру. Только 40 млн. га (8% всех сельскохозяйственных угодий) используется для земледелия и интенсивного животноводства, остальные — для экстенсивного пастбищного скотоводства ³⁸.

Несмотря на значительно менее благоприятные природные условия, чем у большинства других капиталистических государств, Австралия входит в число ведущих экспортеров сельскохозяйственной продукции. В послевоенный период численность занятых в отрасли сократилась примерно на 30%, а производство многих важнейших сельскохозяйственных товаров существенно увеличилось (см. табл. 9 и 10). Что этому способствует? Во-первых, в ряде областей (прежде всего овцеводство, выращивание зерновых культур) неблагоприятные природные условия компенсируются наличием огромных площадей. Во-вторых, за последние 30 лет капиталовооруженность труда

в сельском хозяйстве возросла в 2 раза. В-третьих, быстро внедряются в производство результаты научных исследований, касающихся различных сфер сельскохозяйственного производства. В целом Австралия располагает с учетом отраслей, перерабатывающих продукцию сельского хозяйства и поставляющих ему необходимые машины и оборудование, удобрения и т. п., одним из наиболее крупных (по удельному весу в экономике) и развитых аграрно-промышленных комплексов в мире.

Таблица 9

Поголовье скота и производство основных видов животноводческой продукции

Годы	Поголовье (млн. голов)			Виды продукции				
	круп- ный ро- гатый скот	овцы	свиньи	Немы- тая шерсть, тыс. т	Мясо (тыс. т)			
					говя- дина	бара- нина	сви- нина	всего
1950	14,6	113	1,1	518	616	364	92	1 072
1960	16,5	155	1,4	762	764	583	102	1 449
1970	22,2	180	2,4	926	1 010	755	174	1 940
1975	32,8	152	2,2	793	1 547	527	175	2 249
1979	27,1	134	2,3	706	2 018	491	199	2 708
1981	25,2	133	2,4	701	1 486	588	233	2 307

Источники: Year Book. Australia, 1980, p. 779; 1982, p. 739.

Таблица 10

Валовой сбор (млн. т) и урожайность (ц/га) основных видов сельскохозяйственных культур

В среднем за период	Пшеница		Ячмень		Сахарный тростник	
	сбор	урожай- ность	сбор	урожай- ность	сбор	урожай- ность
1950—1955	4,9	11,3	0,7	11,9	7,8	619
1960—1965	8,3	12,9	1,1	11,9	11,9	725
1970—1975	9,3	12,0	2,5	12,0	19,1	814
1976—1981	13,1	13,7	3,1	12,5	22,5	822

Рассчитано по: Year Book. Australia, 1980, p. 778; 1982, p. 740.

В сельском хозяйстве страны в послевоенные годы произошли существенные структурные сдвиги. Исторически сложилось так, что ведущую роль в нем играло овцеводство, ориентированное главным образом на производство

шерсти, до 90% которой идет на экспорт. К настоящему времени удельный вес этой отрасли в сельском хозяйстве заметно снизился, хотя Австралия продолжает занимать первое место в мире по производству и экспорту шерсти. В 60-х и 70-х годах быстро развивалось разведение крупного рогатого скота мясного направления. Значительно увеличились масштабы производства зерновых и технических культур, фруктов и овощей. В результате в ведущую отрасль сельского хозяйства превратилось животноводство мясного направления (до 30% валовой стоимости продукции сельского хозяйства в конце 70-х годов), на второе место вышло выращивание пшеницы (18—20%), производство шерсти находится сейчас на третьем месте (около 15%)³⁹. Структура сельскохозяйственного производства и экспорта стала более диверсифицированной, что заметно отразилось на их стабильности. Вместе с тем влияние фактора погодных условий остается чрезвычайно сильным. Так, например, в 1982 г. объем сельскохозяйственного производства сократился на 50%, а в 1983 г. увеличился более чем на 100% (результат окончания сильнейшей засухи).

Особенности отраслевой структуры австралийского хозяйства и характер ее перестройки дают основания полагать, что экономический рост страны в перспективе будет во многом определяться развитием добычи энергоресурсов, увеличением удельного веса материало- и энергоемких производств в обрабатывающей промышленности при сохранении важной роли сельского хозяйства. Большое значение в этой связи будет иметь общее состояние конъюнктуры в мировом капиталистическом хозяйстве, поскольку рост объема производства в указанных отраслях ориентируется главным образом на снабжение внешних рынков.

3. Размещение производительных сил

Перестройка отраслевой структуры хозяйства тесно связана со сдвигами в размещении производительных сил, которые в свою очередь оказывают серьезное воздействие на различные аспекты экономического роста страны. В послевоенный период, с одной стороны, происходило дальнейшее укрепление роли крупнейших городов Австралии — Сиднея, Мельбурна, Брисбена, Аделаиды, Перта и прилегающих к ним районов, где сосредоточена подавляющая часть экономического потенциала Австралии. С дру-

гой — децентрализация размещения производительных сил. В результате политики правительств штатов, направленной на снижение чрезмерной сосредоточенности населения и промышленности в двух-трех городах на побережье путем стимулирования развития небольших городов во внутренних районах; освоения новых территорий для сельскохозяйственного производства; открытия месторождений полезных ископаемых, вокруг которых по мере их разработки создается соответствующая производственная и социальная инфраструктура и т. п., снижается региональная концентрация в рамках отдельных штатов — главных административно-хозяйственных единиц в территориальном делении страны.

Наиболее важным, прежде всего в силу специфики федеративного устройства, при котором штаты обладают довольно значительной автономией, для Австралии является изменение соотношения сил между отдельными штатами.

Таблица 11

Доля отдельных штатов и территорий в площади, населении и продукции обрабатывающей промышленности страны

	Площадь	Население			Обрабатывающая промышленность		
		1961	1971	1981	1961	1971	1981
Новый Южный Уэльс	10,43	37,1	36,2	35,1	44,0	40,7	39,0
Виктория	2,96	27,8	27,2	26,4	31,6	34,3	33,2
Квинсленд	22,48	14,5	14,5	15,8	9,4	9,0	10,4
Южная Австралия . .	12,81	9,2	9,2	8,8	7,7	8,3	8,3
Западная Австралия	32,87	7,1	8,1	8,7	4,6	4,9	5,9
Тасмания	0,88	3,3	3,0	2,9	2,6	2,5	2,5
Северная территория	17,52	0,4	0,7	0,8	0,1	0,1	0,3
Территория федеральной столицы . . .	0,03	0,6	1,1	1,5		0,2	0,3

Источники: Year Book. Australia, 1964, p. 168; 1973, p. 734; 1980, p. 96; 1981, p. 417.

В экономическом развитии Австралии по целому ряду причин (как природно-географического, так и исторического характера) ведущую роль играют два расположенных на юго-востоке континента штата — Новый Южный Уэльс и Виктория. На них приходится всего около 13% территории, но более 60% населения, свыше 70% производства продукции обрабатывающей промышленности, более половины продукции сельского хозяйства и значи-

тельная часть добычи полезных ископаемых. Каждый из этих штатов опережает по удельному весу в экономике любой из трех других основных штатов страны — Квинсленд, Южную Австралию и Западную Австралию.

Вместе с тем следует отметить, что в 70-х годах роль Квинсленда и Западной Австралии существенно возросла. Увеличилась их доля в населении страны и в производстве продукции обрабатывающей промышленности (см. табл. 11). Повысился удельный вес этих штатов в сельском хозяйстве, прежде всего в связи с ростом значения мясного скотоводства, выращивания пшеницы и сахарного тростника. Но главное состоит в том, что «минеральный бум» второй половины 60-х годов в первую очередь затронул Квинсленд и Западную Австралию. Здесь в настоящее время сосредоточена вся или большая часть добычи железной руды, бокситов, природного газа, меди, никеля, существенная доля добычи других цветных металлов, каменного угля, урана и т. д. В результате экономика этих штатов приобрела ярко выраженную экспортную направленность — в конце 70-х годов вывоз их продукции давал около 50% всех экспортных доходов Австралии⁴⁰. Намечалась тенденция к перемещению производительных сил страны на ее север и восток (Квинсленд) и запад (Западная Австралия).

На протяжении многих десятилетий решающую роль с точки зрения взаимоотношений региональных центров страны в Австралии играла борьба за лидерство в стране «старых» штатов — Нового Южного Уэльса и Виктории (и соответственно их крупнейших городов — Сиднея и Мельбурна). Усиление экономического потенциала «молодых» штатов — Квинсленда и Западной Австралии, рост на этой основе их амбиций вносят новые элементы в хозяйственную и политическую жизнь страны, некоторые из них будут рассмотрены в дальнейшем.

4. Концентрация производства и монополистическая структура экономики

Перестройка австралийской экономики, вызванная изменениями условий ее функционирования в 70-х годах, сопровождалась активизацией процесса концентрации производства и капитала, заметными сдвигами в монополистической структуре хозяйства страны.

Концентрация на уровне предприятий, как известно, выражается в росте их размеров и увеличении доли круп-

ных предприятий в общем объеме производства в данной отрасли и в численности занятых. В Австралии этот процесс отличается по крайней мере двумя особенностями. С одной стороны, определенная фрагментарность внутреннего рынка, как отмечалось ранее, при прочих равных условиях приводит к снижению единичных мощностей, т. е. размеров предприятий. В результате их количество часто оказывается выше того, которое имело бы место при более компактном размещении производительных сил. Этот фактор сдерживает рост концентрации на уровне предприятий, причем не только в обрабатывающей промышленности, но и в строительстве, на транспорте и т. д.

Вместе с тем, с другой стороны, из-за относительно небольшого объема внутреннего рынка в ряде отраслей роль крупных предприятий в Австралии гораздо выше, чем в главных капиталистических государствах. В обрабатывающей промышленности, в частности, на одно — три предприятия может приходиться 30—100% всего производства того или иного вида продукции. Так, мощность металлургического завода в Порт-Кембла составляет около 60% всех мощностей по выплавке стали в стране, завод в Глад-стоне дает примерно $\frac{1}{3}$ годового выпуска глинозема и т. п.

Соотношение между крупными, средними и мелкими предприятиями по их доле в общем объеме продукции и численности занятых весьма сильно варьируется от отрасли к отрасли, что зависит прежде всего от технико-экономических особенностей производства. В обрабатывающей промышленности Австралии, например, в легкой, металлообрабатывающей, производстве стройматериалов преобладают мелкие и средние предприятия. В то же время роль крупных предприятий особенно велика в металлургии, химии и нефтепереработке, транспортном машиностроении. Повышение удельного веса отраслей этого типа в результате нынешней перестройки обрабатывающей промышленности будет способствовать дальнейшему росту значения крупных предприятий.

В сельском хозяйстве рост издержек производства и структурные сдвиги привели к тому, что за последние 20 лет число ферм сократилось на 27% (с 230 тыс. до 170 тыс.). Сейчас ежегодно исчезает от 3 до 5 тыс. мелких ферм. На них (годовой объем продукции составляет менее 20 тыс. долл.*) приходится примерно половина численно-

* Здесь и далее в главах по Австралии если специально не оговаривается, то имеется в виду австралийский доллар.

сти всех ферм, но лишь 12—15% общего объема сельскохозяйственного производства страны ⁴¹. В отрасли неизбежен рост концентрации производства, сопровождающийся «вымыванием» неконкурентоспособных ферм. Одновременно возрастает роль крупных ферм, в первую очередь в выращивании пшеницы, в животноводстве мясного направления. Так, в растениеводстве площадь посевов, приходящаяся на одну ферму, увеличилась к настоящему времени по сравнению с 50-ми годами на 80% ⁴².

Для процесса концентрации на уровне предприятий характерны поступательное движение, растянутость во времени, тогда как процесс концентрации на уровне компаний по своей природе скачкообразен: периоды относительного «затишья» в нем сменяются волнами слияний и поглощений. Подобная волна прокатилась по экономике Австралии на рубеже 70—80-х годов.

Австралийское хозяйство является высокомонополизированным. На 556 из 100 тыс. компаний, существовавших в середине 70-х годов, приходилось 55% всего облагаемого налогом дохода. В обрабатывающей промышленности на 200 крупнейших компаний (из 30 тыс.) приходилось 60% капиталовложений, 50% всего объема продукции и 44% численности занятых в отрасли. В горнодобывающей промышленности основную часть продукции дают 50 компаний ⁴³. При этом практически во всех сферах экономики ведущие отрасли контролируются, как правило, одной-пятью компаниями.

Среди важнейших особенностей монополистической структуры хозяйства страны следует отметить значительную роль иностранного капитала. Во-первых, она имеет историческую основу, поскольку австралийский капитал развивался как заморское продолжение британского. Одним из главных источников формирования национального капитала на пятом континенте было превращение первоначально британских компаний в австралийские. Все это обусловило тесную связь крупной буржуазии обеих стран. Процесс «отпочкования» в известной мере продолжается до сих пор. Многие промышленные компании, кредитно-финансовые институты, оставаясь по доле в капитале преимущественно британскими, по сфере своей деятельности уже превратились либо превращаются в австралийские. Как правило, подавляющая или значительная часть их активов сосредоточена в Австралии.

Во-вторых, поскольку в послевоенный период развитие обрабатывающей, а позже горнодобывающей промышлен-

ности в большой степени опиралось на приток иностранного капитала и целые отрасли создавались на основе развертывания деятельности в первую очередь английских и американских, а также западноевропейских и японских корпораций, позиции иностранного капитала в стране существенно расширились и укрепились.

Доля продукции обрабатывающей промышленности, приходящаяся на предприятия, контролируемые иностранным капиталом, возросла с 24% в 1963 г. до 34% в 1973 г. Для горнодобывающей промышленности аналогичный показатель возрос с 37% в 1963 г. до 59% в 1976 г.⁴⁴ В последующие годы заметных изменений в его величине не произошло. В середине 70-х годов из 200 ведущих компаний в обрабатывающей промышленности 87 контролировались иностранным капиталом, причем из 12 и 25 крупнейших — соответственно 7 и 17⁴⁵. В целом ряде ключевых отраслей уровень иностранного контроля исключительно высок: в автомобильной промышленности — 100% активов, в нефтеперерабатывающей — 91, в химической — 78% и т. п.⁴⁶ Подобная ситуация характерна и для горнодобывающей промышленности. Кроме того, иностранный капитал обладает также довольно сильными позициями в кредитно-финансовой сфере (небанковский сектор), сельском хозяйстве, торговле.

Значительная роль иностранного капитала в экономике дает основание ряду австралийских ученых (в частности, Е. Уилрайту, Г. Кроу и др.) говорить о зависимости национального капитала от иностранного и о недостаточной степени «сцепления» монополистической структуры страны (из-за присутствия иностранных компаний), что обуславливает слабость национального капитала и соответственно австралийского империализма вообще⁴⁷.

Безусловно, в указанных тезисах есть большая доля истины. Вместе с тем следует учитывать как существенный рост мощи австралийского капитала, так и неоднородность иностранного капитала, разную степень встроенности дочерних компаний и филиалов зарубежных монополий в корпорационную структуру страны. Это влияет на взаимоотношения австралийского и иностранного капиталов, которые во все большей мере характеризуются партнерством и конкуренцией.

Интенсивная централизация капитала, реорганизация ряда крупнейших компаний (как австралийских, так и подконтрольных иностранному капиталу) и банков, происходящая в последние годы, дает значительный материал для

анализа основных сдвигов в процессе концентрации производства и капитала в целом и в соотношении сил между местным и иностранным капиталом в частности. Первоначальным толчком для нового витка централизации капитала явился экономический кризис 1974—1975 гг., но особенно резко этот процесс активизировался под влиянием очередного этапа в освоении природных ресурсов континента. В 1976—1981 гг. в Австралии имело место 3,5 тыс. слияний и поглощений. Общий объем проведенных при этом финансовых операций составил 6,5 млрд. долл.* В наибольшей степени они затронули обрабатывающую и горнодобывающую промышленность, а также кредитно-финансовую сферу. Был отмечен целый ряд крупных, не имеющих прецедента по своим масштабам в австралийской истории слияний и поглощений.

В обрабатывающей промышленности ухудшение экономического положения с середины 70-х годов и ограниченные возможности для роста производства во многих отраслях обострили конкурентную борьбу, что явилось основой для усиления процесса горизонтальной интеграции (т. е. укрупнения компаний в той или иной отрасли). Он шел по трем главным направлениям. Первое из них связано с деинвестициями ряда иностранных корпораций. Наиболее ярким примером является продажа в 1979 г. американской автомобильной компанией «Крайслер» своего австралийского филиала японской группе Мицубиси. В результате в отрасли количество компаний сократилось до пяти (2 американские и 3 японские). Английская монополия «Гест, Кин энд Нетлфолдс» в том же году продала свою 50%-ную долю участия в крупной металлообрабатывающей компании «Дж. Лайсат» ведущей промышленной корпорации Австралии «Брокен Хилл пропрайэтори» (БХП), что еще более укрепило позиции последней в указанной отрасли, и т. д.⁴⁸

Второе направление горизонтальной интеграции касается прежде всего слияний между австралийскими компаниями с целью укрепления позиций в основных сферах их деятельности, а также для проникновения в результате возросших инвестиционных возможностей в другие области. В этой связи в первую очередь следует отметить

* Для сравнения: именно такой суммой выражался в начале 80-х годов совокупный акционерный капитал второй и третьей десятки ведущих австралийских акционерных компаний (The Australian, 5—6. I. 1980, p. 14).

крупнейшее в истории обрабатывающей промышленности страны поглощение — в 1981 г. «Острэйлиен консолидейтед индастриз» (ОКИ) приобрела за 250 млн. долл. «Акмил». Эти наиболее диверсифицированные компании отрасли не только объединили свои дополняющие друг друга традиционные производства (выпуск строительных, упаковочных материалов и т. д.), но и активизировали проникновение в новую для себя область — разработку природных ресурсов, что явилось одним из мотивов их слияния⁴⁹.

Третье направление представляет собой слияния или поглощения в пределах только той или иной отрасли с участием (в различных сочетаниях) австралийского и иностранного капитала. Так, в электротехнической промышленности появилась новая крупная компания после объединения филиалов английской корпорации «Рэнк индастриз» и американской «Дженерал электрик» (производство широкого ассортимента бытовых электроприборов). Возникшая после слияния двух австралийских компаний группа «Симпсон Пууп-Моллиз» дает теперь 60% производства стиральных машин в стране. В нефтеперерабатывающей промышленности «Калтекс (Острэйлиа)» вышла на второе место в отрасли после покупки всех перерабатывающих и сбытовых предприятий у австралийской компании «Х. К. Слэй лтд.» и т. д.⁵⁰

Преобладание горизонтальной интеграции в обрабатывающей промышленности тесно связано с особенностями ее корпорационной структуры и нынешним этапом развития данного сектора экономики, которые обуславливают трудность либо малопривлекательность межотраслевого перелива капитала *. Из общей картины выпадает алюминиевая промышленность, где открывшаяся возможность значительного расширения производства привлекла внимание по крайней мере десятка компаний, хотя внедриться сюда удалось лишь части из них.

Перспективы дальнейшего резкого увеличения масштабов производства в результате нового этапа освоения природных ресурсов континента явились главной причи-

* Процесс сокращения числа компаний в большинстве отраслей обрабатывающей промышленности уходит своими корнями в особенности ее развития в 50—60-х годах, когда здесь появилось слишком много продуцентов, в первую очередь иностранных (см. § 2). И он еще далеко не завершен. Консультативный орган австралийского правительства — Комиссия содействия промышленности, например, считает, что и после прошедшего «раунда» концентрации в целом ряде отраслей, прежде всего в машиностроении, остается чрезмерное количество компаний.

ной того, что наиболее значительные явления в области концентрации производства и капитала в Австралии в последние годы так или иначе связаны с сырьевым сектором экономики. Прежде всего следует отметить ускорение перелива сюда капитала из самых различных отраслей обрабатывающей промышленности. Горнодобывающая промышленность представляет для многих австралийских компаний основную возможность для роста их капитала в нынешних условиях не только в силу перспективности горнодобывающей промышленности и неопределенного положения в основных сферах их деятельности, но также в связи с тем, что целый ряд крупных отраслей в обрабатывающей промышленности, находящихся под контролем транснациональных корпораций, для них практически закрыт (в этом состоит одно из главных препятствий для межотраслевого перелива капитала в данной сфере экономики).

Кроме того, из-за трудностей со сбытом в традиционных отраслях обрабатывающей промышленности именно для австралийских компаний, которые в отличие от иностранных филиалов в стране лишены поддержки со стороны материнских компаний, диверсификация является важным фактором, существенно повышающим их финансовую устойчивость в период экономического кризиса и депрессии. Следует также подчеркнуть тот факт, что возросшие финансовые ресурсы австралийских компаний дают им сейчас гораздо больше возможностей участвовать в разработке природных богатств страны, чем 15—20 лет назад во время «минерального бума» того периода. В этой связи необходимо выделить две крупнейшие австралийские промышленные монополии — БХП и КШР («Колониэл шугар рифайнинг»), каждая из которых представляет собой диверсифицированный концерн с очень широкой сферой интересов.

БХП выделяется своими масштабами, за которые она получила прозвище «Большой австралиец». Валовой объем продаж у нее составлял в 1982 г. около 5 млрд. долл., у КШР он равен примерно 3 млрд. долл., а у третьей — промышленной и ведущей горнорудной корпорации страны «Конзинк Риотинто оф Острэйлиа» (КРО), дочерней компании английской ТНК «Рио Тинто-Зинк», — 2 млрд. долл.⁵¹ БХП значительно опережает другие компании по размеру получаемой прибыли, числу занятых на ее предприятиях и т. п. Первоначальной основой ее могущества являлась черная металлургия, которую она сейчас пол-

ностью контролирует. Но со второй половины 60-х годов БХП все энергичнее внедряется в сырьевой сектор экономики. На паритетных началах с «Эссо» (австралийский филиал американской нефтяной монополии «Экссон») она осуществляет 90% добычи нефти. В 1980 г. в рамках концерна было образовано новое отделение — его функцией является производство алюминия (от добычи бокситов до выплавки металла). К БХП чаще всего обращаются иностранные монополии с предложениями по организации совместных предприятий по разработке природных ресурсов. В 1983 г. БХП предприняла новый крупный шаг — заключено соглашение о приобретении у «Дженерал электрик» крупнейшего производителя угля в Австралии — компании «Юта интернэшнл инкорп.», объем продаж которой составляет (вместе с зарубежными операциями) свыше 1,3 млрд. долл. (1982 г.)⁵².

Наиболее энергично внедряется в ресурсный сектор в последние годы КШР. В 1980 г. произошла реорганизация ее структуры. Из трех направлений ее деятельности два сохранились полностью (производство сахара, откуда берет начало деятельность КШР, что зафиксировано в ее названии, стройматериалов), а из третьего (минеральное сырье и химическая продукция) выделено три новых — производство энергетических ресурсов, минерального сырья, алюминия и химической продукции (сюда включается производство глинозема)⁵³. Это красноречиво говорит о будущем направлении деятельности КШР, как и два ее самых крупных приобретения — в 1979 г. она купила за 400 млн. долл. одного из ведущих производителей угля в штате Квинсленд — компанию «Тисс холдинг лтд.» и в 1982 г. за 500 млн. долл. компанию «Дели интернэшнл» (в основном добыча и разведка нефти и газа во многих районах Австралии). Поглощений подобного масштаба до этого в истории страны не было. Их перекрывает только более поздняя сделка БХП — «Дженерал электрик».

Кроме БХП и КШР в горнодобывающей промышленности на первый план выдвигается также небольшая группа австралийских компаний, которые еще пока значительно уступают им по финансовой мощи, но чей удельный вес в отрасли в последние годы все более возрастает. Среди них следует прежде всего выделить «Уэстерн майнинг», которая на базе контроля над добычей и выплавкой никеля в стране превратилась в одного из лидеров в ресурсном секторе экономики, «Пико-Уолзленд», «ЭЗ индастриз». Основная сфера деятельности этих компаний — добыча и вы-

плавка цветных металлов, но в настоящее время они активно внедряются в добычу энергосырья, в частности урана.

Рост концентрации производства и капитала в горнодобывающей промышленности затронул также иностранные корпорации, действующие в стране. Так, австралийские филиалы нефтяных монополий «Шелл», «Бритиш петролеум» усиленно проникают в добычу природного газа, угля, урана, правда в сотрудничестве с национальным капиталом. В 1978 г. австралийское правительство ввело статус «натурализованной» и «натурализующейся» компании с целью привлечения иностранного капитала к сотрудничеству с национальным капиталом. «Натурализованной» признается компания, где доля австралийцев в капитале и совете директоров превышает 50%. «Натурализующейся» является компания, в которой не менее 25% капитала принадлежит австралийцам и которая объявила о намерении в течение определенного срока достичь статуса «натурализованной»⁵⁴.

В связи с этим ряд иностранных монополий реорганизовал или реорганизовывает структуру акционерного капитала своих филиалов в стране таким образом, чтобы она соответствовала установленным правительством правилам. Это позволяет им избегать ограничений, накладываемых на «чисто» иностранный капитал при инвестициях в новые предприятия по добыче и переработке сырья. В таком направлении действуют английские ТНК «Рио Тинто-Зинк» и «Консолидэйтед голдфилдс», американские «Амакс», «Асарко», «Калтекс» и некоторые другие. «Консолидэйтед голдфилдс», например, реорганизовала в 1981 г. четыре свои дочерние фирмы в одну крупную компанию — «Ренисон голдфилдс консолидэйтед», где она снизила принадлежащую ей долю в капитале до 49%. Новая компания получила статус «натурализованной»⁵⁵.

Филиалы всех вышеперечисленных ТНК входят в корпорационную элиту Австралии. Их капиталовложения в стране весьма значительны. Поэтому они заинтересованы в устранении барьеров для расширения своей деятельности, в том числе за счет большего допуска в свои предприятия местного капитала при оставлении реального контроля в руках материнских компаний. Таким путем усиливаются связи между национальным и иностранным капиталом, повышается степень интегрированности филиалов последнего в монополистическую структуру страны, что дает им ощутимые преимущества.

Есть все основания полагать, что взаимоотношения между национальными и иностранными монополиями будут оказывать всевозрастающее влияние на процесс концентрации производства и капитала как в сырьевом секторе, так и в экономике в целом.

Это обстоятельство нашло свое отражение и в крупных переменах в кредитно-финансовой сфере, которые прежде всего коснулись важнейшего элемента ее структуры — коммерческих банков. В 1980—1982 гг. число ведущих частных коммерческих банков сократилось в результате слияний с шести до трех. Первоначально слабейший из них «Бэнк оф Эделейд», понав в затруднительное финансовое положение, был поглощен вторым по величине банком «ОНЗ бэнкинг груп» (ОНЗБГ)*. В следующем (1981) году этот банк выступил инициатором борьбы за контроль над двумя другими банками, но проиграл в ней своим главным конкурентам.

В конечном итоге произошло слияние ведущего частного банка Австралии «Бэнк оф Нью Саут Уэлс» (БНСУ) с четвертым по величине — «Коммершиэл бэнк оф Острэйлиа» в новый крупнейший банк страны — «Уэстпэк бэнкинг корпорэйшн», вышедший по размерам активов (свыше 27 млрд. долл.) на 67-е место среди основных банков капиталистического мира (БНСУ занимал 94-е место). ОНЗБГ занимает 96-е место (активы свыше 19 млрд. долл.). После слияния «Нэшнл бэнк оф Острэйлиа» (третье место по величине) с «Коммершиэл бэнкинг компани оф Сидни» (пятый банк страны) новый банк «Нэшнл коммершиэл бэнкинг корпорейшн оф Острэйлиа» значительно приблизился по размерам активов (около 17 млрд. долл.) к ОНЗБГ, заняв 107-е место в мире⁵⁶.

Укрупнение австралийских банков было практически неизбежным. В течение 70-х годов для этого накапливалось все больше предпосылок. Среди них: рост конкуренции со стороны небанковских кредитных учреждений, перспектива допуска в страну крупных иностранных банков — угроза, постоянно витавшая в воздухе в последние годы**.

* Это единственный из шестерки банк, который контролируется иностранным (английским) капиталом, но по характеру своей деятельности он является чисто австралийским.

** Иностранным банкам не разрешается открывать свои отделения в Австралии, поэтому они внедряются в страну через другие кредитные учреждения (финансовые компании, торговые банки и т. д.). В конце 70-х — начале 80-х годов по заданию австралийского правительства временно созданная комиссия (так называемая Комиссия Кэмпбелла) провела обследование кредитно-финансовой системы страны и выработала

При всей важности указанных обстоятельств главной предпосылкой и причиной централизации банковского капитала, однако, явились относительно небольшие размеры австралийских банков не только по международным стандартам, но и с точки зрения потребностей ведущих промышленных компаний страны в кредитовании их деятельности. Значение последнего фактора возросло в связи с разработкой природных богатств континента и масштабами необходимых для этого инвестиций. Укрупнение банков позволяет им существенно активизировать свои операции по финансированию ресурсных проектов. Тому есть уже целый ряд примеров.

Очень важным, имеющим далеко идущие последствия, новым явлением представляется также переход основных австралийских страховых компаний к прямому участию (путем приобретения крупной доли в акционерном капитале) в новых предприятиях в обрабатывающей и горнодобывающей промышленности. Особенно активна в этом отношении «АМП сосайэти» — ведущая и чрезвычайно влиятельная страховая компания страны, входящая в число двадцати крупнейших компаний по страхованию жизни в мире.

Отмеченные выше сдвиги в концентрации производства и капитала, усиление сращивания промышленного капитала с капиталом кредитных институтов (банков, страховых компаний и т. п.), с одной стороны, привели к дальнейшему росту мощи и влияния финансового капитала в стране, а с другой — к изменениям в его структуре. В этой связи следует прежде всего отметить все больший отрыв от остальных финансовых группировок Австралии двух ведущих — лидером первой из них (с центром в Мельбурне) является БХП, во главе второй (базируется в Сиднее) стоят КШР и «Уэстпэк бэнкинг корпорэйшн». Третья из основных группировок — мельбурнская «Коллинс хаус» в известной мере утратила прежние позиции, но в последние годы активизировала свою деятельность в горнодобывающем секторе экономики (в частности, через «Уэстерн майнинг»), что позволяет ей обрести как бы «второе дыхание».

Особенности исторического развития Австралии и размещения ее производительных сил обусловили тот факт,

рекомендации по ее реорганизации. В числе предложений было предоставление полной банковской лицензии ограниченному количеству иностранных банков. Правительство сначала согласилось с этим предложением, затем отвергло его, но не окончательно.

что финансовые группы первоначально формировались в рамках отдельных штатов и лишь затем распространяли свое влияние за их границы. Это обстоятельство играет определенную роль и в настоящее время. В ряде штатов существует несколько мелких (по сравнению с вышеназванными) финансовых группировок, положение которых, однако, весьма различно.

Так, одна из них — аделаидская — находится в процессе «увядания», с утратой своего банка («Бэнк оф Эделейд»), видимо, окончательно попала в зависимость по отношению к мельбурнским финансовым группам. Напротив, экономический рост штатов Квинсленд и Западная Австралия способствовал формированию здесь новых группировок финансового капитала. Однако если брисбенской (Квинсленд) группировке трудно сохранять свою самостоятельность под напором гораздо более мощного соседа — сиднейской финансовой группы, то западноавстралийская группировка во многом благодаря удаленному местоположению штата и его известной экономической автономии обладает большей свободой рук. Ее представителям удалось получить в 1980 г. разрешение федерального правительства на основание «Острэйлиен бэнк» в Перте. Его уставной капитал и масштабы деятельности пока незначительны, но в данном случае важен сам факт появления впервые за последние 50 лет нового частного коммерческого банка⁵⁷. Западная Австралия является основным центром возникновения новой финансовой олигархии (семейства Хэнкоков, Райтов, Агню и др.) в дополнение к старым мельбурнским и сиднейским семействам Дарлингов, Байе, Ноксов, Фейерфаксов и т. д., контролирующим значительную часть национального богатства страны.

Важная роль зарубежных монополий в экономике Австралии является причиной того, что финансовый капитал страны представляет собой сложный симбиоз национального и иностранного капитала. Так, традиционно имеют тесные связи с английским капиталом обе мельбурнские финансовые группы: в их состав, в частности, входит ряд дочерних компаний английских монополий. В результате усиленного проникновения иностранного капитала в горнодобывающую промышленность Западной Австралии большое развитие получило сотрудничество местной финансовой группировки с английскими, американскими и японскими компаниями и банками. В гораздо меньшей степени это характерно для сиднейской группы, что отражается на ее позиции в отношении иностранного капитала. Она наи-

более активно и последовательно выступает за ограничение его деятельности в стране, исходя, естественно, из своих интересов — с целью расширения сферы применения капитала компаний группы путем устранения или ослабления иностранной конкуренции.

Укрупнение монополистических группировок Австралии, рост их мощи являются основой для усиления конкурентной борьбы между австралийским и иностранным капиталом за контроль над внутренним рынком и природными ресурсами страны, а также предпосылкой к значительному расширению в перспективе внешней экспансии австралийских монополий.

5. Основные направления государственно-монополистического регулирования экономики

Новый этап хозяйственного развития, в который Австралия вступила в 70-х годах, поставил серьезные проблемы перед государственно-монополистическим регулированием экономики. Снижение темпов экономического роста, необходимость структурной перестройки хозяйства, повышение значения внешнеэкономических связей и их воздействия на внутриэкономическую ситуацию, усиление социальной напряженности — все это потребовало переоценки экономической стратегии и внесения соответствующих изменений в формы и методы государственно-монополистического регулирования.

Сложные условия колонизации и хозяйственного освоения континента послужили причиной более значительной роли государства в решении общеэкономических задач и большей зависимости частного сектора от его прямой поддержки, чем в США и Канаде — двух других основных переселенческих странах капитализма. Поэтому активное государственное вмешательство во многие стороны хозяйственной жизни имеет в Австралии глубокие исторические традиции.

Характер развития страны и отраслевая структура ее экономики предопределили основные сферы государственного воздействия. Среди них: внешнеэкономические связи (обеспечение притока внешних ресурсов в виде рабочей силы и капитала, торговый протекционизм и т. п.; подробнее этот вопрос рассматривается в следующей главе), сельское хозяйство (смягчение последствий резких колебаний погодных условий — субсидии и т. п., научные иссле-

дования, помощь в реализации продукции и т. д.), инфраструктура (огромные государственные капиталовложения в создание транспортной системы, в связь, производство электроэнергии и другие коммунальные услуги). Как и в других капиталистических странах, усиление борьбы трудящихся за улучшение условий жизни и стремление буржуазии приглушить классовые противоречия, с одной стороны, и объективные потребности производства в повышении квалификации рабочей силы — с другой, выдвинули также социально-экономическую сферу в качестве объекта государственного регулирования. После второй мировой войны все большее внимание стало уделяться текущему регулированию экономики.

Австралия располагает разветвленным аппаратом государственного управления хозяйственной деятельностью, который включает в себя федеральное правительство и правительства штатов с соответствующими министерствами и департаментами, Резервный банк (выполняет функции центрального банка страны), различные государственные и полугосударственные комитеты, советы, комиссии. Важную роль в экономике играют государственные фирмы. Совокупные расходы федерального правительства, правительств штатов и местных органов власти составляют в последние 10 лет примерно 37—40% от ВВП. На государственный сектор приходится около $\frac{1}{3}$ общего числа занятых в хозяйстве и $\frac{1}{3}$ капиталовложений⁵⁸.

Особенностью послевоенной политической истории Австралии является то обстоятельство, что на протяжении длительного периода времени у власти находилась практически лишь либеральная партия, выражающая интересы монополистического капитала. Начиная с конца 1949 по конец 1972 г. она бессменно формировала федеральное правительство (в коалиции с национальной аграрной партией, объединяющей крупных землевладельцев и скотоводов и связанные с ними группы финансового капитала). Поэтому выработка и осуществление государственной политики проходили хотя и не без противоречий и столкновений между представителями различных направлений, но преимущественно в рамках однопартийного подхода.

В 70-х годах изменилась не только экономическая, но и политическая ситуация в стране. С конца 1972 по конец 1975 г. федеральное правительство состояло из представителей австралийской лейбористской партии, которая вновь вернулась к власти в марте 1983 г. Чередование правительств, формируемых различными партиями, вносит свои

коррективы в государственное управление экономикой. Политика лейбористов и либерально-аграрной коалиции в конечном счете подчинена одной цели — сохранению существующего строя. Но при этом политические установки указанных партий и соответственно формы и методы проведения их в жизнь существенно отличаются друг от друга во многих областях, что не может не оказывать серьезное влияние на практику государственно-монополистического регулирования экономических процессов.

Неэффективность многих методов государственного вмешательства, проявившаяся особенно ярко в условиях обострения кризисных явлений в хозяйственном развитии в середине 70-х годов, усилила борьбу вокруг вопроса об экономической роли государства в целом. Позиция либеральной партии здесь сводилась к следующему: необходимо ослабить степень государственного вмешательства в ряде областей, предоставить широкую свободу для «игры» рыночных сил и таким образом стимулировать предпринимательскую деятельность, что приведет к повышению темпов экономического роста и вытекающему из этого общему улучшению экономического положения страны. Главная функция государства при этом — обеспечение стабильного благоприятного климата для частных инвестиций.

Лейбористы, напротив, в своей экономической программе основываются на том, что для решения хозяйственных и социальных проблем страны необходима активная государственная стратегия, предусматривающая усиление роли государства. Критикуя либералов, нынешний федеральный казначей (министр финансов) лейбористского правительства П. Китинг отмечал: «Это правительство (либерально-аграрное. — Авт.) вообще не имеет стратегии. Оно просто живет сегодняшним днем»⁵⁹. Иными словами, но по существу с той же точки зрения характеризует политику либералов американский журнал «Тайм»: «Проблема не в том, что правительство не способно действовать, но его действия носят скорее защитный характер и направлены на сохранение вещей такими, какие они есть в мире, который претерпевает изменения»⁶⁰. Следует отметить, что тема необходимости крупных перемен в экономической политике австралийского правительства и его неспособности предпринять соответствующие шаги была лейтмотивом многих публикаций в экономической печати (как в стране, так и за рубежом) за последние годы. Само постоянство этой темы говорит о том, что сохраняется значительный разрыв между существующими экономическими и социаль-

ными проблемами и способностью буржуазного государства их решать.

Несмотря на различие в подходе либералов и лейбористов к роли государства в хозяйстве в целом и к использованию имеющихся в его арсенале рычагов регулирования в частности, экономические функции государства продолжали расширяться. В связи с этим происходила перестройка практически всех элементов аппарата государственно-монополистического регулирования. Так, в течение 70-х годов неоднократно переформировывался состав министерств федерального правительства. Появились министерства обрабатывающей промышленности, производительности труда, занятости, трудовых отношений, из казначейства было выделено министерство финансов и т. д. Часть из них была затем расформирована либо слита с другими, но сами названия этих министерств говорят о тех сферах или проблемах, которым придавалось наибольшее значение. Аналогичным образом создавались при федеральном правительстве либо при отдельных министерствах постоянные консультативные органы типа Национального консультативного совета по энергетике, Бюро экономики промышленности и т. п.

Одновременно произошли изменения и в верхнем эшелоне монополистических союзов и объединений, которые являются неотъемлемой частью аппарата государственно-монополистического регулирования экономики. Подавляющая часть предпринимательских объединений организована по отраслевому принципу либо на базе отдельных штатов. В то же время отсутствовала общенациональная организация, которая вырабатывала бы рекомендации по основным вопросам экономического развития и оказывала бы соответствующее воздействие на политику правительства, как это имеет место, например, в Японии («Кэй-данрэи»), в Англии (Конфедерация британской промышленности) и т. д. Такая организация — Конфедерация австралийской промышленности — была создана в 1978 г. В нее входит более 40 предпринимательских союзов⁶¹. Вместе с тем деятельность этой организации в силу ее определенной аморфности из-за многочисленного состава, по всей видимости, не вполне удовлетворяла нужды большого бизнеса страны. Уже через два года 29 крупнейших австралийских компаний создали новую, лоббистскую организацию «Деловой круглый стол» с целью прямого выхода элиты деловых кругов страны на федеральное правительство. В ее состав входят только руководители

компаний (председатели правлений, исполнительные директора), и она предоставляет минимум информации о своей деятельности. Из 29 компаний-основателей две являются государственными: «Телеком Острэйлиа» (связь) и Комиссия по электроэнергии штата Виктория⁶². В 1983 г. «круглый стол» слился с Австралийской ассоциацией развития промышленности, образовав новый орган монополий.

Предпринимательская деятельность государства является важным средством регулирования экономики. Государственные корпорации, осуществляющие свою деятельность, как правило, на коммерческой основе, занимают большое место в австралийском хозяйстве. Степень государственного контроля над отраслями инфраструктуры в Австралии примерно так же высока, как в Англии, Франции, Италии (но несколько ниже, чем в Австрии). Государственный сектор в этой сфере экономики включает в себя подавляющую часть транспортных перевозок, всю связь, газо- и водоснабжение, большую часть производства электроэнергии и т. п. Вместе с тем предпринимательская деятельность государства в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности ограничивается добычей бурого угля в штате Виктория (100 % общей добычи в стране) и государственными авиационными заводами, что ставит Австралию в один ряд с такими странами, как Соединенные Штаты Америки, Канада, Япония, где прямое участие государства в названных отраслях получило наименьшее развитие.

Кроме инфраструктуры достаточно сильные позиции занимает государство в банковском секторе, где действует «Комонуэлс бэнкинг корпорэйшн». Входящий в нее коммерческий банк является вторым по величине банком страны (в корпорацию входят также сберегательный банк и банк развития). Помимо этого здесь имеются три небольших банка, принадлежащих правительствам австралийских штатов. Оценивая роль государства в кредитно-финансовой сфере, конечно, следует иметь в виду большие полномочия по регулированию деятельности кредитных учреждений, которыми обладает Резервный банк Австралии (установление нормы ликвидности банковских резервов, нормы обязательных вкладов частных банков на его специальных счетах, контроль над валютными операциями и т. п.). В отдельное звено государственного аппарата регулирования необходимо выделить Австралийский комитет по пшенице, Австралийскую корпорацию по шерсти, Австралийскую корпорацию по мясу и домашнему скоту,

созданные для поддержки сельскохозяйственного производства в стране, в том числе путем закупки всей или значительной части соответствующего вида сельскохозяйственной продукции (с последующей реализацией на зарубежных рынках). В целом за последние 10—15 лет позиции государственного сектора в экономике Австралии укрепились, но в рамках рассмотренных выше сфер. Исключение составляет горнодобывающая и обрабатывающая промышленность. Лейбористское правительство попыталось в 1973—1975 гг. существенно расширить здесь прямое государственное участие, но в результате острой внутриполитической борьбы ему этого сделать не удалось.

Лейбористская партия довольно давно фактически отказалась от национализации как средства усиления государственного контроля над экономикой. Несомненно, что большую роль в этом сыграла неудачная попытка лейбористского правительства национализировать в 1947—1949 гг. банковскую систему (Верховный суд страны признал действия федерального правительства противоречащими конституции). В 1973—1975 гг. лейбористы пошли по другому пути — они попытались обеспечить прямое участие государственных учреждений в капитале вновь создаваемых предприятий в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности. Однако вновь встретили бешеное сопротивление монополий и политических выразителей их интересов — либеральной и аграрной партий, которым удалось, используя различные юридические и парламентские меры, сорвать планы лейбористов. Последние, однако, не отказались от данного элемента своей экономической программы, хотя действуют сейчас гораздо осторожнее, чем 10 лет назад.

Большое внимание буржуазное государство уделяет текущему регулированию экономики, используя для этого разнообразные меры воздействия — через налоги и государственные расходы, путем влияния на объем и условия предоставления кредитных средств и т. д. В 50-х и 60-х годах в своей текущей экономической политике австралийское государство отдавало приоритет четырем целям: обеспечению «полной» занятости (уровень безработицы не выше 2 %), умеренного роста цен, сбалансированности государственного бюджета и внешних расчетов страны. В соответствии с этим использовались кейнсианские методы регулирования объема совокупного спроса.

В 70-х годах ситуация изменилась. Когда в начале десятилетия темпы экономического развития стали падать,

а масштабы безработицы расти, пришедшее к власти лейбористское правительство воспользовалось традиционными методами дефицитного финансирования для расширения совокупного спроса: резко возросли государственные расходы, особенно на социальные нужды, увеличилась заработная плата, были облегчены условия кредита (снижение процентной ставки) и т. п. Однако эти меры не смогли предотвратить разразившийся экономический кризис. Снизившиеся в результате него налоговые поступления в казну увеличили дефицит государственного бюджета. Круто поползла вверх спираль инфляции. Лейбористы были вынуждены уже в следующем бюджете пойти на ограничение роста государственных расходов. Одновременно они попытались ввести прямой контроль над ценами и доходами, но не смогли получить требовавшиеся для этого законодательные полномочия (на проведенном в стране референдуме по этому вопросу лейбористы потерпели поражение).

Правительство либерально-аграрной коалиции (декабрь 1975— март 1983 г.), исходя из своих политических установок, поставило во главу угла борьбу с инфляцией. Основными элементами его экономической политики были: ограничение роста государственных расходов, прежде всего за счет сокращения выплат на социальные нужды; ограничение роста заработной платы ниже роста цен (для этого, в частности, сознательно использовался высокий уровень безработицы); предоставление налоговых льгот для монополий. Каковы результаты этой политики? Правительству М. Фрейзера удалось сократить к концу 70-х годов дефицит федерального бюджета, несколько снизились темпы инфляции. Но это было достигнуто за счет резкого ухудшения положения трудящихся: во второй половине 70-х годов уровень реальной заработной платы практически не вырос, зато до невиданных размеров увеличилась безработица (свыше 10 %). В начале 80-х годов вновь резко возросли дефицит федерального бюджета (4,7 % от ВВП) и темпы инфляции (10—11 %), сократились реальные доходы населения.

Пришедшее к власти лейбористское правительство во главе с Р. Хоуком получило тяжелое наследие. Его первые шаги говорят о том, что оно пытается решить наиболее жгучие экономические проблемы. Так, восстановлены некоторые социальные расходы государства, осуществляется ряд программ по созданию рабочих мест. Но главный упор лейбористы делают на достижение сотрудничества между правительством, профсоюзами

и предпринимателями, прежде всего в ограничении роста заработной платы и цен.

Генеральный секретарь Социалистической партии Австралии (СПА) П. Саймон в связи с этим отмечал, что «в условиях нынешнего экономического кризиса и обострения общего кризиса капитализма социал-демократия располагает гораздо меньшими возможностями осуществлять реформы. Она капитулирует перед лицом упорного сопротивления, которое оказывает правящий класс требованиям трудящихся, и продолжает проповедовать идеи классового согласия» ⁶³.

Анализ системы государственно-монополистического регулирования показывает, что, несмотря на развитие форм и методов управления экономикой, государство во многих областях сталкивается с неразрешимыми трудностями. В основе этого лежит противоречие между необходимостью ограничения власти монополий по мере роста обобществления производства и политикой буржуазного государства, направленной на сохранение и укрепление этой власти.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АВСТРАЛИИ

Характер и структура внешнеэкономических связей страны обладают яркой спецификой, которая является результатом особенностей исторического развития страны как заморского продолжения британского империализма, сочетания слабой заселенности, огромных ресурсов пятого континента и его географической удаленности от основных промышленных центров капитализма.

В мировой капиталистической системе Австралия выделяется прежде всего тем, что, будучи высокоразвитой индустриально-аграрной страной, в международном разделении труда она участвует главным образом как экспортер сельскохозяйственной продукции, минерального сырья и топлива. Для ее экономики особое значение имеет приток внешних ресурсов — рабочей силы, капитала, технологии. В международном движении капиталов Австралия выступает в основном как объект экспансии транснациональных корпораций империалистических держав, в то время как ее экспорт капитала невелик даже по сравнению с целым рядом малых западноевропейских государств. Рост мощи национального капитала проявляется в первую очередь в резкой активизации его участия в эксплуатации природных ресурсов собственной страны. Кроме того, австралийские монополии активно внедряются в экономику небольших государств Океании, которые являются предметом их повышенного внимания.

В последние 20 лет значительные изменения произошли в географии внешнеэкономических связей Австралии. В первую очередь следует отметить резкое сокращение в них роли Великобритании и значительный рост удельного веса США и Японии. Это привело к тому, что Австралия вышла из зоны преимущественного влияния ее бывшей метрополии. Торгово-экономические связи страны с развитыми капиталистическими государствами к началу 80-х годов оказались в целом сбалансированно распределены между тремя центрами империализма, что обеспечило ей большую, чем прежде, свободу маневра в проведении самостоятельной внешнеэкономической политики. Правящие

круги Австралии, опираясь на рост экономической мощи и важность энергосырьевого потенциала страны, стремятся повысить ее роль в качестве средней империалистической державы в мировом капиталистическом хозяйстве, активизировать ее участие в выработке общей стратегии капиталистических государств в сфере внешнеэкономических связей. Особое внимание при этом Австралия уделяет азиатско-тихоокеанскому региону.

70-е годы продемонстрировали возросшую чувствительность экономики Австралии к состоянию мировой хозяйственной конъюнктуры, к изменениям в международной миграции капитала и т. п. Это потребовало повышения внимания государства к регулированию внешнеэкономических связей, особенно с учетом того, что идущий ныне процесс структурной перестройки экономики усиливает ее вовлеченность в международное разделение труда.

1. Особенности внешней торговли

Внешняя торговля является для Австралии важнейшей формой внешнеэкономических связей. Однако на рубеже 70—80-х годов по доле экспорта в ВВП (13—16 %) среди наиболее развитых капиталистических стран Австралия опережала лишь США (7—8,5 %) и Японию (10—13,5 %) — государства с огромным внутренним рынком. Особенно существенно превосходят ее по этому показателю страны, сопоставимые с Австралией по масштабам экономики, — Голландия, Бельгия, Швейцария, Швеция, а также ряд других малых государств (доля экспорта в ВВП у них колеблется в пределах 25—50 %). По доле импорта в ВВП Австралия также опережает лишь США и Японию¹.

В основе такого положения лежат особенности развития экономики Австралии в послевоенный период — сдвиги в ее отраслевой структуре (резкое падение доли сельского хозяйства), и в первую очередь импортозамещающий характер роста обрабатывающей промышленности. Эти особенности определяют степень ориентации отдельных отраслей и соответственно экономики в целом на внешний рынок. Так, если в сельском хозяйстве и горнодобывающей промышленности на экспорт идет 70—80 % всей продукции, то в обрабатывающей промышленности — всего 12—17 %². Поэтому отрасли, удельный вес которых в ВВП значительно ниже, чем у обрабатывающей промышленности, оказывают гораздо большее влияние на товарную структуру экспорта. В нем весьма высока доля необрабо-

танной сельскохозяйственной продукции, сырья и топлива (колеблется в пределах 43—53 % в последние годы). Этот показатель стабильно выше лишь у Исландии, а в самое последнее время и у Норвегии (в связи с ростом экспорта нефти). Среди других стран он варьируется от 1 % у Японии до 28 % у Канады, в вывозе которой, так же как и у Австралии, важное место занимает продукция сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности³.

Корни нынешней специфики участия Австралии в международном разделении труда уходят в историческое прошлое страны, когда ее внешнеэкономические связи были сориентированы на Великобританию, в том числе в области торговли — на снабжение метрополии сырьем и продовольствием и закупку там промышленных товаров. В предвоенные годы и вплоть до конца 50-х годов на долю продукции сельскохозяйственного происхождения в экспорте Австралии приходилось 80 % и более, а в импорте примерно такой же удельный вес занимала промышленная продукция. Ярко выраженная контрастность товарных структур экспорта и импорта сохраняется и в настоящее время, хотя внутри каждой из них, особенно в экспорте, произошли за последние четверть века большие изменения.

Так, доля продукции сельскохозяйственного происхождения в экспорте сократилась до 40—45 %, продукции горнодобывающей промышленности увеличилась с 6—7 % до 25—30 % и обрабатывающей промышленности — с 10—13 % до 20—25 %. Значительное снижение роли сельскохозяйственной продукции в экспорте произошло за счет падения доли шерсти (в табл. 12 включена в сырье промышленного назначения) — традиционно важнейшей статьи вывоза страны — с 50—60 % до 6—10 %. В то же время удельный вес в нем продовольствия остается в долгосрочном плане стабильным, что обеспечено в основном расширением вывоза пшеницы, мяса, сахара. Все перечисленные товары составляют ядро сельскохозяйственного экспорта Австралии. Кроме них вывозится ячмень, фрукты, шкуры и кожи, молочные продукты и т. д.

Быстрый рост в экспорте страны удельного веса минерального сырья сопровождался существенным расширением его номенклатуры. Австралия в настоящее время вывозит руды черных, большинства цветных и редких металлов. Среди них по своему значению резко выделяется железная руда, на которую приходится свыше 40 % общей стоимости экспорта данного вида продукции. Около 30 % падает на руды и концентраты цветных металлов (свинец, цинк,

Товарная структура внешней торговли
(%; в текущих ценах)

	1955	1960	1965	1970	1975	1980	1981
<i>Экспорт</i>							
Продовольствие, напитки, табак	35,1	34,1	38,9	30,1	34,9	33,9	30,2
Сырье промышленного назначения (исключая топливо)	52,5	46,2	37,3	33,8	26,1	28,7	30,2
Минеральное топливо, смазочные масла и т. п.	0,8	3,3	3,1	4,8	11,7	11,1	15,1
Готовая промышленная продукция и полуфабрикаты	10,6	13,2	17,8	25,2	25,9	21,1	20,2
предметы труда (в основном материалы)	6,6	7,8	10,0	13,1	12,6	11,7	10,9
машины и оборудование	2,2	3,1	4,6	6,8	5,9	5,4	5,4
Прочее	1,0	1,2	2,9	6,1	1,4	5,2	4,3
<i>Импорт</i>							
Продовольствие, напитки, табак	7,1	5,5	4,9	4,9	4,5	4,7	4,1
Сырье промышленного назначения (исключая топливо)	8,4	9,2	7,0	6,4	4,5	4,4	3,7
Минеральное топливо, смазочные масла и т. п.	11,2	10,0	8,5	6,6	9,8	13,8	13,5
Готовая промышленная продукция и полуфабрикаты	72,3	73,9	75,2	77,1	78,8	75,3	76,2
химическая продукция	5,0	7,6	8,8	9,4	8,5	9,0	8,2
предметы труда (в основном материалы)	32,8	28,0	22,5	19,4	17,3	17,8	16,8
машины и оборудование	28,6	31,4	36,6	39,3	40,7	36,3	39,3
Прочее	1,0	1,4	4,1	5,1	2,4	1,8	2,5

Р а с с ч и т а н о п о: OECD. Economic Surveys. Australia, 1972, p. 99; 1979, p. 63; 1982, p. 67; Year Book of International Trade Statistics, 1956, v. 1, p. 48—51; 1961, p. 57—60; 1965, p. 64—66.

медь, никель, олово и др.). Примерно 80—85 % стоимости вывоза минерального топлива дает уголь, остальное — в основном нефтепродукты. В тесной связи с увеличением экспорта минерального сырья находится и рост вывоза продукции его первичной переработки, т. е. черных и цветных металлов, а также глинозема. Их совокупная доля в общем объеме экспорта готовых изделий и полуфабрикатов составляет в последние годы от 55 до 70 %.

В послевоенные годы заметно расширился вывоз продукции различных отраслей машиностроения (электрооборудование, сельскохозяйственные машины, легковые автомобили, небольшие самолеты, сложное научное оборудование и приборы и т. д.). Однако в целом удельный вес машин и оборудования в экспорте остается низким. Так, например, общая стоимость вывозимых на внешний рынок машин и оборудования в конце 70-х годов в среднем не превышала стоимости экспорта только одного вида промежуточной продукции — глинозема.

Несмотря на изменения в структуре экспорта, концентрация вывоза на нескольких массовых видах необработанной продукции и полуфабрикатов остается высокой. В первой половине 50-х годов на шерсть, пшеницу и мясо приходилось 60—70 % стоимости экспорта, а в середине 60-х годов — все еще более 50 %. Примерно столько же приходилось в 1979/80 г. на семь основных товаров: пшеницу (11,5 %), уголь (8,9 %), мясо (8,7 %), шерсть (6,9 %), железную руду и концентраты (5,7 %), глинозем (5,1 %), сахар (3,5 %) ⁴. Роль Австралии в снабжении мирового рынка этими и целым рядом других товаров весьма велика. Страна занимает первое место в капиталистическом мире по экспорту шерсти, второе — мяса и кожсырья, второе-третье — ячменя, третье — пшеницы и сахара; первое место по экспорту железной руды и второе — руд других основных металлов в целом, второе место — угля и ураносодержащего сырья, первое — бокситов и глинозема, свинца, руд редких металлов (рутил, монацит, циркон) и третье — цинка и т. д. ⁵

Изменения в товарной структуре импорта не столь значительны, как в экспорте. Однако и в ней наблюдаются существенные сдвиги. Удельный вес в импорте продовольствия и сырья традиционно невелик, к тому же за послевоенный период он заметно сократился. По большинству видов этой продукции Австралия полностью обеспечивает себя за счет внутреннего производства. Возросла также степень самообеспеченности страны нефтью и нефтепродуктами, что отразилось в существенном падении доли минерального топлива в ее импорте к началу 70-х годов. Но последовавшее затем повышение цен на нефть вновь увеличило расходы Австралии по этой статье. Тем не менее ее доля в импорте страны остается одной из самых низких среди развитых капиталистических государств.

Преимущественное развитие в обрабатывающей промышленности отраслей первичной переработки выразилось

не только в увеличении экспорта их продукции, но и в существенном снижении в импорте доли промежуточной продукции, в основном материалов (см. табл. 12), хотя они и остаются одной из важнейших его статей. Австралия импортирует в крупных размерах текстильную пряжу и ткани, бумагу и картон, стройматериалы (неметаллические), изделия из натурального каучука, черные металлы и ряд других товаров. За счет импорта покрывается свыше половины потребностей страны в химической продукции.

Общий сдвиг в товарной структуре импорта в сторону технически более сложной продукции выразился в превращении машин и оборудования в его важнейшую статью. По доле этой продукции в импорте Австралия находится на одном из первых мест среди развитых капиталистических стран. По оценке автора, на ввозимые машины и оборудование приходится от 45 до 55 %, а в отдельные годы и более их внутреннего потребления. Дефицит торговли страны по этой статье чрезвычайно велик. Так, импорт инвестиционных товаров в 7—8 раз превышает их экспорт, а по транспортному оборудованию — в 6—8 раз. Номенклатура импорта чрезвычайно широка — от горно-шахтного, подъемно-транспортного, металлургического оборудования, сельскохозяйственных машин до средств автоматизации, вычислительной техники, телекоммуникационного оборудования и т. д. Большой упор делается на импорт наиболее передовой, высокопроизводительной техники. Крупной статьей, удельный вес которой в импорте в послевоенные годы существенно возрос, являются также промышленные товары потребительского назначения. Австралия импортирует их в 9—10 раз больше, чем экспортирует⁶.

Высокая степень концентрации импорта на снабжении страны продукцией конечного спроса выражается также в том, что по целому ряду промышленных товаров производственного и потребительского назначения Австралия входит в число восьми — десяти, а иногда и пяти ведущих покупателей среди капиталистических государств⁷. В связи с этим удельный вес Австралии в импорте продукции обрабатывающей промышленности выше, заметнее, чем ее место в общем импорте капиталистических стран. Таким образом, Австралия — не только один из ведущих экспортеров продовольствия, сырья и топлива, но и важный рынок сбыта готовой промышленной продукции.

Перестройка товарной структуры внешней торговли сопровождалась значительными изменениями в ее географическом распределении (см. табл. 13). В качестве круп-

нейшего торгового партнера Австралии выдвинулась Япония. Именно быстрый рост спроса со стороны Японии в 60-х годах на сырье послужил катализатором для «минерального бума» в Австралии. Япония стала также одним из ведущих покупателей австралийской сельскохозяйственной продукции. В 1980 г. в Японию поставлялось 69 % вывозимого на внешний рынок угля, 73 % железной руды, 27 % сахара, 24 % шерсти, 19 % говядины и т. п. Поэтому доля Японии в австралийском экспорте значительно выше доли других стран. В свою очередь Япония в 1981 г. покрывала свои потребности в импорте за счет поставок из Австралии по углю и железной руде на 44 %, по шерсти — на 78, говядины — на 70, сахара — на 38 % и т. д.⁸

Экспорт сырья и сельскохозяйственной продукции является стержнем австрало-японской торговли, а высокая

Таблица 13

Географическое распределение внешней торговли Австралии
(основные страны, территории и регионы), %

	1950	1960	1970	1975	1978	1980	1982
<i>Экспорт</i>							
Япония	6,3	16,7	27,2	33,1	28,8	24,7	25,8
США	15,2	7,5	11,9	10,0	12,6	10,1	10,2
Новая Зеландия	2,1	6,4	5,3	4,7	5,2	4,9	5,1
Великобритания	32,7	23,9	11,3	4,2	4,0	4,2	4,4
КНР	0,1	4,1	1,4	2,3	3,0	3,5	3,8
Южная Корея	—	0,2	0,2	1,2	3,1	2,1	3,2
СССР	0,9	0,8	1,4	3,9	1,9	4,8	3,1
ЕЭС (9-ка)	56,0	39,9	20,4	14,7	14,1	12,4	12,9
АСЕАН	1,6	3,8	6,8	6,8	7,7	7,9	8,5
Океания	3,0	8,8	9,6	7,1	8,0	8,0	8,7
Ближний Восток	3,8	4,4	4,3	5,4	6,0
<i>Импорт</i>							
США	8,2	20,0	25,1	20,1	23,5	21,8	21,8
Япония	2,1	6,0	13,8	19,5	17,6	17,0	20,2
Великобритания	48,0	31,3	21,4	13,5	10,8	9,3	7,3
ФРГ	2,0	6,1	7,1	6,6	7,5	6,0	6,0
Саудовская Аравия	—	1,0	0,6	2,9	2,6	4,7	5,0
Новая Зеландия	0,4	1,6	2,3	3,0	3,1	3,4	3,0
ЕЭС (9-ка)	57,1	43,2	35,0	27,0	25,6	22,1	21,0
АСЕАН	4,4	5,4	2,1	3,8	4,7	6,8	7,6
Океания	1,3	2,6	3,2	3,6	3,7	4,2	3,8
Ближний Восток	2,2	3,8	2,1	7,4	5,9	9,3	8,8

Рассчитано по: Year Book. Australia, 1969—1981; OECD. Monthly Statistics of Foreign Trade, December 1983, p. 54—55; Yearbook of International Trade Statistics, 1980. N. Y., 1981, v. I, p. 92.

степень взаимозависимости придает ей особый характер. Кроме того, Япония заняла второе место в австралийском импорте. Удельный вес Японии во внешнеторговом обороте Австралии примерно в 1,3—1,4 раза выше, чем второго по значению ее торгового партнера — США.

С середины 60-х годов, когда они опередили Великобританию, США прочно удерживают первое место в австралийском импорте. Особенно велика их роль в поставках химической продукции, машин и оборудования. Доля США в экспорте значительно меньше, чем доля Японии, но они являются крупнейшим потребителем австралийского мяса, одним из ведущих потребителей металлических руд, черных и цветных металлов и т. д. Положение в экономике Японии и США оказывает серьезное воздействие на динамику экспорта и через нее на все национальное хозяйство Австралии.

Удельный вес других стран гораздо ниже. Среди них находится и Великобритания, занимающая третье место во внешнеторговом обороте Австралии. Сейчас ее доля в нем составляет всего 5—6 %, в то время как в 50-х годах она превышала нынешнюю совокупную долю Японии и США. Среди главных причин такой радикальной перемены в роли Великобритании во внешней торговле Австралии следует назвать: ее переориентацию на ЕЭС, что выразилось, в частности, в резком сокращении импорта продукции сельского хозяйства из Австралии; ослабление позиций Великобритании в качестве экспортера готовой промышленной продукции. При сопоставлении внешнеторговых связей Австралии с каждым из центров империализма мы видим, что произошла ее переориентация на Японию и США. Тем не менее следует подчеркнуть, что Западная Европа, и прежде всего ЕЭС, сохраняет важные позиции во внешней торговле Австралии.

В послевоенный период в число ведущих торговых партнеров Австралии выдвинулась Новая Зеландия. Экономические связи обеих стран имеют свою специфику. Она выражается в том, что в товарной структуре торгового обмена между ними решающую роль играют промышленные товары. Каждая из сторон является для другой самым крупным рынком сбыта данной продукции. Между Австралией и Новой Зеландией в области обрабатывающей промышленности развивается межотраслевая и внутриотраслевая специализация, что служит материальной основой для процесса экономической интеграции двух стран.

На развитые капиталистические государства традици-

онно приходится бóльшая часть австралийской внешней торговли. Однако в 70-х годах их удельный вес существенно сократился в экспорте с 76,6% в 1973 г. до 60% в 1980 г., а в импорте — соответственно с 86 до 71,6%⁹. Для этого периода, как известно, было характерно резкое обострение противоречий экономического развития в капиталистическом мире. Австралии пришлось столкнуться с трудностями сбыта своей сельскохозяйственной и сырьевой, а также промышленной продукции на традиционных рынках и необходимостью их преодоления за счет расширения экспорта в другие государства. В результате доля развивающихся стран в нем увеличилась с 17,8 до 28,8%, а социалистических — с 5,6 до 10%. Рост цен на нефть и увеличение ввоза промышленных полуфабрикатов и потребительских товаров из развивающихся стран в свою очередь, повысили их долю в импорте Австралии с 12 до 25,7%. Важное место во внешней торговле Австралии занимают в настоящее время страны Ближнего Востока, группировка АСЕАН и Южная Корея, Гонконг и Тайвань.

Еще один крупнейший сдвиг в географии австралийской внешней торговли, которому в последние годы уделяется все большее внимание в экономической литературе, — региональный. На азиатско-тихоокеанский регион, куда входит Австралия, приходится свыше 50% ее экспорта и 40% импорта. В целом на район Тихого океана приходится подавляющая часть (примерно 75%) внешней торговли Австралии. Здесь во все большей мере концентрируются ее внешнеторговые интересы.

С особенностями товарной и географической структуры внешней торговли во многом связаны и те проблемы, с которыми Австралия столкнулась в этой области во второй половине 70-х — начале 80-х годов. В указанный период конъюнктура на мировых рынках для развития экспорта страны ухудшилась. Темпы роста его физического объема после кризиса 1974—1975 гг. существенно замедлились (6,9 % в среднем за 1967—1973 гг. и 4,1 % в 1973—1980 гг.)¹⁰. Это коснулось почти всех крупных статей экспорта.

Сельскохозяйственному экспорту страны традиционно присущи большие колебания из-за влияния погодных условий на объем внутреннего производства и резких изменений в спросе на мировом рынке. Воздействие последнего фактора усилилось в связи с ограничениями на импорт данной австралийской продукции в страны ЕЭС, а также в Японию и США. Одновременно возросла конкуренция со стороны

ЕЭС и США на рынках третьих стран. В результате темпы роста объема сельскохозяйственного экспорта Австралии в 70-х годах значительно отстали от темпов роста общего мирового экспорта этой продукции.

Сокращение и стагнация производства в черной и цветной металлургии капиталистических стран резко замедлили расширение вывоза австралийского минерального сырья, а по ряду позиций он сократился *. Аналогичная ситуация сложилась и с экспортом черных и цветных металлов. Падение спроса на австралийские товары со стороны капиталистических государств лишь частично удалось компенсировать за счет расширения сбыта в развивающихся странах. Таким образом, в условиях ухудшения мировой хозяйственной конъюнктуры проявилась уязвимость товарной структуры австралийского экспорта.

Замедление темпов роста экспорта сопровождалось в рассматриваемый период и ухудшением условий торговли для Австралии (т. е. опережающим повышением импортных цен по сравнению с экспортными). Кроме того, в начале 80-х годов увеличился импорт, связанный, в частности, с новым витком капиталовложений в дальнейшее развитие сырьевого сектора экономики. В результате впервые с 1967 г. торговый баланс Австралии в 1980 г. был сведен с дефицитом (его общий объем в 1980—1982 гг. составил 4,5 млрд. долл.). Это привело к резкому росту дефицита платежного баланса по текущим расчетам, поскольку сальдо расчетов по «невидимым» статьям у Австралии хронически отрицательное. Таким образом, можно констатировать относительное ухудшение внешнеторговых позиций Австралии за последние 10 лет, в частности сократился ее удельный вес в мировом капиталистическом экспорте (с 1,65 % в 1970 г. до 1,3 % в 1982 г.) ¹¹.

Вместе с тем наметился ряд перспективных областей для развития экспорта страны. Прежде всего это возможность превращения Австралии в одного из крупнейших в мире поставщиков энергоносителей (уголь и уран, а также сжиженный природный газ). Так же как и в случае с минеральным сырьем, ведущим потенциальным потребителем выступает Япония. На нее также во многом ориентируются и планы по дальнейшему росту производства в энергоемких и материалоемких отраслях обрабатывающей промышленности (цветная металлургия и нефтехимия).

* Отрицательное влияние здесь оказало также стремление Японии не допустить увеличения зависимости от австралийских поставок.

мия). Наметилось усиление роли Австралии в снабжении минеральным сырьем и топливом развивающихся стран азиатско-тихоокеанского региона. Все это находится в рамках нынешней преимущественной ориентации Австралии на вывоз сырья, топлива и продукции их первичной переработки, что является, таким образом, магистральным направлением развития экспорта страны в долгосрочном плане. Вместе с тем экономический рост в так называемых новых индустриальных странах в азиатско-тихоокеанском регионе открывает возможности для увеличения экспорта продукции австралийского машиностроения на базе усиления его специализации и кооперации с указанными государствами, расширения взаимной торговли готовыми изделиями. Новые сдвиги в экспорте могут привести к повышению его роли в развитии экономики страны, к усилению ее вовлеченности в международное разделение труда.

2. Импорт и экспорт капитала

На основе притока рабочей силы и капитала из метрополии происходило становление капиталистического хозяйства на континенте, и на протяжении всей истории Австралии импорт капитала являлся одним из условий ее экономического развития.

До войны примерно 70 % всего объема импорта капитала в страну шло путем размещения государственных займов на зарубежных рынках капиталов. Этот факт отражал особую роль государства в экономике, в частности в процессе накопления капитала в данный период (недостаточность внутренних источников накопления, слабость национального капитала, необходимость крупных вложений в инфраструктуру при огромной территории страны и т. п.). Остальные 30 % представляли собой инвестиции в частный сектор хозяйства, причем также в виде займов. Около 90 % всего импорта капитала в страну приходилось на Великобританию.

После второй мировой войны в импорте капитала в Австралию произошли глубокие изменения. Если на 1 июля 1947 г. иностранные инвестиции в частный сектор хозяйства страны оценивались в 550 млн. долл., то за период 1947—1982 гг. они составили 38 млрд. долл. Эта сумма равна примерно 25 % всех частных производственных инвестиций в экономику Австралии за указанный период¹².

При всей относительности такого сравнения оно все же

дает представление о масштабах иностранных капиталовложений в экономику Австралии. Около 70 % их объема приходится на прямые инвестиции, остальное — на портфельные инвестиции и займы. Примерно 15 % прямых инвестиций вложено в первичные отрасли (в подавляющем большинстве в горнодобывающую промышленность, доля же сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства незначительна). Свыше 40 % приходится на обрабатывающую промышленность и более 44 % — на торговлю, кредитно-финансовые учреждения и недвижимость¹³. Подобной статистики отраслевой структуры портфельных инвестиций и займов нет, но, по имеющимся оценкам, большая их часть либо прямо направляется в обрабатывающую и горнодобывающую промышленность, либо связана с финансированием этих отраслей. В конечном итоге они поглощают и существенную долю прямых инвестиций, идущих через кредитно-финансовые учреждения и торговые компании.

Значительные масштабы иностранных инвестиций обуславливают высокую степень контроля иностранных монополий над ключевыми секторами австралийской экономики (см. § 4 гл. II), сильное влияние иностранного капитала на темпы и характер экономического роста, на основные отраслевые пропорции в хозяйстве, на процессы концентрации производства и капитала, на состояние экономической конъюнктуры и, наконец, на тип участия страны в международном разделении труда и направления развития ее внешнеэкономических связей. Экономическая действительность в Австралии в послевоенное время показала, что, ускоряя рост определенных отраслей хозяйства, политика иностранного капитала в целом оказывает негативное влияние на его развитие: тормозится рост ряда перспективных отраслей, оказывается дестабилизирующее влияние на хозяйственную конъюнктуру в связи с массовым наплывом либо «бегством» капитала и т. д. Это ярко проявилось в 70-е годы, когда резко обострились кризисные явления в мировом капиталистическом хозяйстве.

Для периода 1947—1971 гг. характерно нарастание годового объема иностранных капиталовложений. Соответственно возрастало отношение иностранных инвестиций ко всем частным производственным инвестициям: в 1947—1956 гг. оно составляло свыше 18 %, в 1957—1966 гг. — свыше 22, а в 1967—1971 гг. — более 31 %¹⁴. Удельный вес иностранных инвестиций здесь завышен на величину той их части, которая не пошла в производство. Но это не изменяет общей тенденции.

Динамика иностранных частных инвестиций
(млн. долл.)

Годы	Годовой объем	Кумулятивный итог на конец периода
1947—1951	122 ¹	608
1952—1955	168 ¹	1 450
1956—1961	323 ¹	3 063
1962—1966	542 ¹	5 771
1967—1972	1 191 ¹	11 728
1973	494	12 222
1974	490	12 712
1975	1 003	13 715
1976	858	14 573
1977	1 549	16 122
1978	1 330	17 452
1979	2 059	19 511
1980	3 094	22 605
1981	5 791	28 396
1982	9 840 ²	38 236

¹ Среднегодовой объем. ² Предварительные данные.

Источники: Overseas Investment in Australia, Treasury Economic Paper, N 1, Canberra, 1972, p. 5; Year Book. Australia, 1979—1983; ANZ Bank Business Indicators, March 1982, p. 4.

В 70-х годах ситуация существенно изменилась. Прежде всего сократился объем иностранных капиталовложений. Их среднегодовой уровень в 1972—1977 гг. (954 млн. долл.) был в 1,2 раза ниже, чем за предыдущие пять лет. Реальный же объем сократился в гораздо большей степени, если учесть, что средний темп роста цен во второй половине 60-х годов составлял около 3 %, а в середине 70-х достигал уже 12—23 % ¹⁵. Кроме того, впервые более половины иностранных капиталовложений составили реинвестиции, тогда как в 60-х годах их доля была равна 20 %. Поэтому особенно снизился приток новых инвестиций в страну. Также впервые совокупная доля промышленности в иностранных прямых инвестициях в 1972—1977 гг. упала ниже 50 % (составив 45 %). Небывало низким (14,4 %) оказалось в указанный период отношение иностранных капиталовложений к частным производственным инвестициям.

За изменениями в основных параметрах импорта капитала в 70-х годах стоял целый ряд причин как долгосрочно-го, структурного, так и конъюнктурного порядка. Среди первых очень важным было то обстоятельство, что степень

привлекательности обрабатывающей промышленности Австралии для зарубежных корпораций существенно снизилась уже во второй половине 60-х годов. Первоначальная цель — обход таможенных барьеров и закрепление на внутреннем рынке — была достигнута к середине десятилетия. В процессе дальнейшей конкурентной борьбы происходила перегруппировка, вытеснение более слабых продуцентов. Ограниченность внутреннего рынка препятствовала заметному расширению производства, а экспортная ориентация иностранных предприятий в Австралии была невелика. В связи с этим довольно четко наметились пределы роста обрабатывающей промышленности в рамках ее сложившейся структуры и преимущественно на базе импорта капитала. Но «минеральный бум» конца 60-х годов, явившись новым, более мощным катализатором иностранных инвестиций в экономику страны, на время заслонил собой назревшие проблемы развития ее обрабатывающей промышленности. Первый этап «минерального бума» фактически закончился с завершением строительства основных горнодобывающих объектов в начале 70-х годов. С 1973 г. в течение пяти лет в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности не было осуществлено практически ни одного крупного проекта (за исключением угледобычи). Большинство их было отложено до 80-х годов либо отменено вообще. Сильное влияние на это, конечно, оказало общее ухудшение мировой хозяйственной конъюнктуры, но очень большую роль сыграла также политика ТНК в отношении инвестиций в Австралии в рассматриваемый период. С их точки зрения инвестиционный климат в стране резко ухудшился в связи с изменениями в экономической политике государства, особенно в отношении иностранного капитала, при лейбористском правительстве Г. Уитлема (1972—1975 гг.). Оно попыталось существенно ограничить роль иностранного капитала в добыче сырья, заставить ТНК значительно увеличить инвестиции в обрабатывающую промышленность, чтобы тем самым придать мощный импульс перестройке ее структуры. Изменение политики правительства в отношении иностранного капитала вызвало резкое недовольство зарубежных корпораций. Об этом говорит, в частности, тот факт, что наименьший объем иностранных капиталовложений в экономику страны в 70-х годах был отмечен именно в период пребывания у власти лейбористов.

Лишь после возвращения к рулю управления страной либералов наметилось оживление притока капитала из-за

рубежа, хотя особых перемен в экономическом положении Австралии и перспективах развития основных отраслей ее хозяйства, привлекающих иностранный капитал, не произошло. Однако новое правительство сделало упор в своей политике на «возвращение доверия бизнеса», в том числе иностранного. Наибольший интерес иностранный капитал продолжает проявлять к тем отраслям экономики, которые так или иначе связаны с разработкой и использованием сырья, особенно энергетического. Новое обострение энергетического кризиса в конце 70-х годов резко повысило акции Австралии в качестве политически надежного поставщика энергосырья и энергоемкой промышленной продукции в мировом капиталистическом хозяйстве. Среди отраслей обрабатывающей промышленности наибольшее внимание иностранного капитала привлекают с этой точки зрения производство алюминия и нефтехимия. В горнодобывающей промышленности зарубежные ТНК развернули особую активность в добыче угля, природного газа, урана, т. е. важнейших энергоресурсов Австралии. Кроме того, они ведут интенсивную разведку нефти, а также других полезных ископаемых. Указанные выше обстоятельства являются материальной основой нового витка в росте иностранных инвестиций в экономику Австралии, начавшегося с 1978 г. По отношению их среднегодового объема к ВВП страны они находились в 1978—1982 гг. примерно на уровне второй половины 60-х — начала 70-х годов.

Современный этап экономического развития в странах Запада характеризуется крайней неустойчивостью, быстрой сменой мировой хозяйственной конъюнктуры. Это сказывается на проектах, осуществляемых в Австралии с участием иностранного капитала, скорости и масштабах развертывания новых мощностей по добыче и переработке сырья и топлива. Так, начало экспорта сжиженного природного газа в Японию отложено на два года, из первоначально запланированного строительства шести новых предприятий по выплавке алюминия строятся лишь три и т. п.

За последнее время все более важным фактором, влияющим на политику иностранного капитала в Австралии, является обострение конкуренции между монополиями различных стран. Основная масса (75—80 %) всех послевоенных иностранных капиталовложений примерно поровну делится между Великобританией и США, на третьем месте — с огромным отрывом — Япония (5—6 %). Остальные приходятся на западноевропейские страны, Ка-

наду, Новую Зеландию, ряд развивающихся государств Азии. Однако распределение капиталовложений между указанными странами по времени различно. Так, доля США на протяжении данного периода в ежегодных инвестициях в целом стабильна — в среднем в пределах 32—41 %, а доля Великобритании упала с 55—60 % в 50-х годах до 30 % в истекшем десятилетии.

Вместе с тем Австралия в целом остается главной сферой приложения британского капитала, тогда как для США — одной из важных, но не первостепенных ¹⁶. Отсюда вытекает разница в политике английских и американских корпораций в Австралии: первые традиционно гораздо более охотно идут на сотрудничество с национальным капиталом. С утратой Англией прежних позиций во внешней торговле Австралии экспорт капитала остается важнейшим элементом сохранения тесных экономических связей двух стран.

Американские и английские монополии по своему влиянию на экономическое развитие Австралии намного превосходят корпорации других стран, особенно по масштабам капиталовложений и степени внедрения в основные отрасли хозяйства. Однако все большее внимание привлекают к себе перспективы импорта японского капитала. Основанием для этого являются быстрое развитие взаимной торговли и активизация заграничной экспансии японского капитала. В 70-х годах доля Японии в ежегодных иностранных инвестициях в экономику Австралии поднялась в среднем до 11 %. Но роль Японии здесь пока еще гораздо ниже ее значения как торгового партнера Австралии. В общем объеме японских прямых инвестиций за границей Австралия занимает четвертое место. Однако ее доля — 5,5 % (на конец 1981 г.) — сравнительно невысока (США — 24,7 %, Индонезии — 15,1, Бразилии — 7,1 %) ¹⁷.

Первостепенную роль в развитии добычи и экспорта австралийского сырья в Японию в 60-х — начале 70-х годов сыграл прежде всего американский и в меньшей степени английский капитал. Удельный же вес японского и австралийского капитала был гораздо ниже. Как главный потребитель австралийского сырья и топлива, Япония стремится обеспечить больший контроль над их поставками. Японский капитал расширяет свое участие в проектах по добыче и переработке сырья. Заметно усилилась роль японских компаний в предоставлении технологии для соответствующих предприятий. В свою очередь заинтересованность

в привлечении японского капитала проявляет и Австралия, которая также нуждается в стабильности экспорта в Японию.

По сравнению с импортом частного капитала масштабы его экспорта весьма ограничены. По этому показателю Австралия намного уступает таким традиционным экспортерам капитала среди малых капиталистических государств, как Швейцария, Голландия, Швеция, Бельгия. Это важная особенность участия Австралии в международном капиталистическом разделении труда и одна из основных причин относительно слабой ориентации экономики страны на внешний рынок.

Скромные масштабы экспорта капитала обусловлены прежде всего тем, что весь послевоенный экономический рост в Австралии в большой мере, как это уже отмечалось, базировался на привлечении ресурсов извне. Преимущественно на внутренний рынок ориентировался национальный капитал, имевший ограниченные возможности (финансовые и прочие) не только для зарубежной экспансии, но и для борьбы с иностранными монополиями на своей территории. Кроме того, политика австралийского правительства была направлена на привлечение капитала и ограничение его вывоза (вплоть до прямого запрещения, особенно в виде портфельных инвестиций и займов). И еще один фактор сыграл свою роль — географическая удаленность Австралии от развитых капиталистических стран, между которыми наиболее интенсивно развивался и обмен промышленными товарами, и миграция капитала.

Экспорт капитала из Австралии стал сколько-нибудь заметным в середине 60-х годов, но составлял он мизерную величину — на уровне 1 % всех ежегодных частных производственных инвестиций в экономику страны. Его кумулятивный объем на середину 1980 г. достиг всего 2 330 млн. долл., причем около 60 % этой суммы приходится на вторую половину 70-х годов. Примерно 95 % капитала вывозится из Австралии в форме прямых инвестиций. Официальной статистики их отраслевого распределения нет, но имеющиеся данные говорят о том, что большая часть капиталовложений сосредоточена в обрабатывающей промышленности. Кроме того, относительно крупные средства вложены в горнодобывающую промышленность (Океания и страны Юго-Восточной Азии), а также в сбытовую сеть. Основная масса капиталовложений (свыше 75 %) сконцентрирована в Папуа-Новой Гвинее (ПНГ) — ее доля равна примерно 20 %, в США и Новой Зеландии — по 16, Ан-

глии — 14, государствах АСЕАН — около 9 %¹⁸. Они же являются основными импортерами австралийской готовой промышленной продукции. При этом следует отметить, что Новую Зеландию, ПНГ и мелкие страны Океании монополистический капитал Австралии считает зоной своих преимущественных интересов и влияния.

Кризис 1974—1975 гг. стимулировал зарубежную экспансию целого ряда средних по размеру высокоспециализированных промышленных фирм, для которых экспорт капитала стал в условиях ограниченного внутреннего рынка, роста издержек производства важнейшим средством для «выживания». Устремились они прежде всего в Западную Европу и США, а также в страны АСЕАН. Активизируется зарубежная деятельность австралийских банков и других кредитных учреждений. Но все же говорить о каком-то качественном росте пока преждевременно. Начавшийся новый этап в освоении природных ресурсов Австралии остается главным полем притяжения для ведущих национальных корпораций и действующих в стране филиалов иностранных монополий.

3. Внешнеэкономическая стратегия и государственное регулирование внешнеэкономических связей

Внешнеэкономические связи традиционно занимают одно из ведущих мест в общеэкономической стратегии австралийского правительства и являются одним из важных объектов государственного регулирования экономики. Это объясняется как спецификой той роли, которую играет внешний фактор в хозяйственном развитии страны, так и тем, что в данной области полномочия федерального правительства наиболее велики и не ограничиваются, как в ряде других сфер экономики, прерогативами властей штатов.

В послевоенный период в своей внешнеэкономической политике австралийское государство руководствовалось главным образом двумя основными целями. Первая из них — стремление максимально оградить внутриэкономическое развитие от негативного воздействия внешней среды. Вторая — привлечение извне дополнительных ресурсов для хозяйственного роста в стране. При этом, однако, содержание внешнеэкономической политики, соотношение между ее различными элементами и ее инструментарий изменялись в зависимости от сдвигов во внутренних и

внешних условиях функционирования национального хозяйства.

Так, в 50-х и 60-х годах особый упор делался на привлечение в Австралию иностранного капитала и рабочей силы. Зарубежным корпорациям была предоставлена почти полная свобода деятельности, особенно в промышленности. Проводилась вербовка иммигрантов австралийскими представителями за рубежом, предоставлялись финансовые льготы при переселении в Австралию и т. п. Одновременно жестко ограничивался импорт промышленной продукции, конкурирующей с местным производством.

Поддержанию равновесия внешних расчетов страны уделялось в указанный период очень большое внимание, так как сальдо платежного баланса по текущим операциям было хронически дефицитным. Суть внешнеэкономической стратегии правительства в этот период определялась ориентацией на импортозамещающий путь экономического роста. Поэтому она носила в целом пассивный характер (за исключением политики Австралии в отношении Океании), что в свою очередь отражало слабость внешнеэкономических позиций страны.

Серьезные изменения, происшедшие в экономике Австралии и ее внешнеэкономическом положении к началу 70-х годов (с одной стороны, рост торгово-экономической мощи страны, резкое повышение значения ее ресурсов для капиталистического мира, сдвиги в географии внешнеэкономических связей, а с другой — усиление воздействия внешней среды на состояние внутриэкономической конъюнктуры, обострение структурных проблем в обрабатывающей промышленности и т. д.), и потребовали внесения существенных корректив во внешнеэкономическую стратегию Австралии.

Прежде всего на повестку дня со всей остротой встал вопрос о перспективах продолжения импортозамещающей политики. Уже во второй половине 60-х годов все чаще стала подвергаться сомнению эффективность практики таможенного протекционизма, поскольку его стимулирующее влияние на развитие обрабатывающей промышленности начало явно выдыхаться. Назревший отход от импортозамещающей политики вылился в вопрос о выборе специализации для Австралии в международном разделении труда. О сложности этой проблемы говорит тот факт, что она сохраняет свою актуальность до сих пор. В атмосфере необходимости перемен в 1972 г. к власти пришла лейбористская партия.

Во внешнеэкономической стратегии лейбористов можно выделить следующие элементы: стремление ограничить деятельность иностранного капитала в стране и тем самым ослабить зависимость от него; попытка пересмотра политики таможенного протекционизма; проведение так называемой «дипломатии ресурсов», т. е. использование сырьевого потенциала Австралии для достижения внешнеэкономических (и внешнеполитических) целей; усиление региональной ориентации внешнеэкономических связей. На этой основе произошла заметная активизация внешнеэкономической политики страны в целом.

В своем подходе к деятельности в стране иностранного капитала лейбористы исходили фактически из принципа «австрализации», но в избирательной форме. Наибольшим ограничениям подверглись иностранные капиталовложения в горнодобывающий сектор экономики. Правительство объявило о намерении добиваться 100 % австралийской собственности в новых проектах по добыче урана, нефти, газа и каменного угля, т. е. энергоресурсов. В отношении других видов сырья вводилось правило 50 %-ного участия австралийского капитала в новых проектах. Кроме того, предусматривалось прямое участие в сырьевых проектах таких государственных институтов, как созданная в 1970 г. Австралийская корпорация промышленного развития (АКПР), Австралийская комиссия по атомной энергии (АКАЭ), и ряда других, специально создаваемых для этой цели, прежде всего Управления по нефти и минералам.

Все эти мероприятия были направлены на то, чтобы сначала сдержать рост иностранного контроля над природными ресурсами страны, а в перспективе существенно снизить его. В своей политике в данной области правительство исходило по крайней мере из двух основных соображений. Во-первых, проведение «дипломатии ресурсов» требовало большего национального контроля над ними. Во-вторых, оно стремилось путем ограничения иностранных капиталовложений в горнодобывающий сектор усилить их приток в обрабатывающую промышленность. Правительство препятствовало поглощениям австралийских компаний иностранным капиталом, но не ограничивало создание им новых предприятий в этой отрасли. Оно надеялось с помощью переориентации иностранного капитала с горнодобывающей промышленности на обрабатывающую вывести последнюю из структурного кризиса на основе развития отраслей по переработке сырья (при сдерживании дальнейшего роста его добычи).

Следует подчеркнуть, что эта программа означала радикальный поворот от политики «открытых дверей» 50-х и 60-х годов. Не случайно она натолкнулась на сильное сопротивление. С резкой оппозицией всей экономической программе лейбористов, особенно усилению роли государства в экономике, выступала либерально-аграрная коалиция. Обострились противоречия между федеральным правительством и правительствами ряда штатов, прежде всего Квинсленда и Западной Австралии, в экономическом развитии которых особенно большую роль играет горнорудная промышленность и соответственно иностранный капитал. В свою очередь транснациональные корпорации и их филиалы в Австралии также в штыки встретили меры лейбористского правительства, применив широкий арсенал средств — от угрозы «бегства» капиталов до политического давления со стороны правительств своих стран (прежде всего это относится к американским компаниям). Отрицательно сказались на осуществлении курса правительства в отношении иностранного капитала и серьезные разногласия между представителями правого и левого крыла лейбористской партии.

По этим и ряду других причин намеченная лейбористами программа ограничения деятельности иностранного капитала была выполнена лишь частично. Но, поскольку их мероприятия носили многосторонний характер и отражали в целом настроения значительной части национальной буржуазии, они оказали серьезное влияние на политику сменившего их правительства либерал-аграриев (1975—1983 гг.).

Правительство М. Фрейзера сделало упор на возвращении «доверия» со стороны зарубежных вкладчиков капитала. В этой связи оно всячески старалось приглушить политическую остроту вопроса о роли иностранного капитала в стране. В апреле 1976 г. были смягчены правила, касающиеся участия иностранного капитала в новых проектах в горнодобывающей промышленности*. В течение второй половины 70-х годов было свернуто прямое участие в них государственных институтов (АКАЭ и др.). Либерально-аграрное правительство, придя к власти, рассчитывало на значительный приток иностранного капитала как на одно из важнейших средств решения

* До этого они уже были несколько ослаблены лейбористским правительством во второй половине 1975 г. (Bank of New South Wales Review, July 1976, p. 3).

экономических проблем Австралии и в своей политике исходило прежде всего именно из этого соображения. Объявляя о новом смягчении правил регулирования иностранных инвестиций, в июле 1978 г. федеральный казначей Д. Говард подчеркнул, что «первоочередной целью политики правительства остается поощрение иностранных инвестиций в Австралии»¹⁹.

Вместе с тем инструментарий регулирования деятельности транснациональных корпораций и его практическое использование получили при этом правительстве свое дальнейшее развитие. В 1976 г. был учрежден Комитет по обследованию иностранных инвестиций, который занимается самыми различными аспектами деятельности иностранного капитала в стране и дает рекомендации правительству²⁰. Широко применялось правило иметь не менее 50 %-ную долю участия австралийского капитала в новых проектах по добыче и переработке сырья, хотя и не так жестко, как при лейбористах. В качестве долгосрочной цели была поставлена задача достижения 51 % доли австралийцев в капитале и большинства в совете директоров компаний, действующих в сырьевом секторе экономики. С целью сбалансирования влияния американских и английских ТНК и увеличения свободы маневра в отношениях с ними австралийское правительство все больше внимания уделяло привлечению японского, а также западноевропейского (из ФРГ, Швейцарии и других стран) капитала.

Наряду с продолжением политики привлечения иностранного капитала австралийское правительство из-за резкого роста безработицы отошло в середине 70-х годов от активного поощрения иммиграции, в результате чего уровень последней во второй половине этого десятилетия снизился примерно в 2 раза.

В отличие от регулирования деятельности иностранного капитала другой аспект импортозамещающей политики — таможенный протекционизм — претерпел за последние 10 лет гораздо меньшие изменения, хотя и здесь при лейбористском правительстве Г. Уитлема произошел существенный сдвиг. Его двумя важнейшими признаками были общее снижение таможенного тарифа на 25 %, проведенное в 1973 г., и создание в 1974 г. вместо Тарифного управления страны Комиссии содействия промышленности (КСП). В основе этих мер лежало главное направление промышленной политики правительства — попытка стимулировать структурные сдвиги в обрабатывающей промышленности с целью повышения ее конкурентоспособности путем уси-

ления ее экспортной ориентации по примеру других развитых капиталистических стран с «небольшой экономикой».

Сокращение таможенного тарифа наряду со значительной ревальвацией австралийского доллара (проведенной в три этапа в течение года после прихода лейбористов к власти) резко усилило конкуренцию со стороны импортных товаров на внутреннем рынке. Правительство при этом преследовало двоякую задачу: в краткосрочном плане сдерживать рост цен, в долгосрочном — показать австралийским и иностранным корпорациям, действующим в обрабатывающей промышленности, что в будущем они не смогут прятаться за высокой таможенной стеной. В этой же связи перед КСП была поставлена задача по разработке планов дальнейшего развития или реорганизации отраслей обрабатывающей промышленности и применению соответствующих государственных мер, в том числе по определению уровня таможенной защиты.

КСП превратилась в важный элемент государственной машины регулирования экономики. За все 10 лет своего существования она в целом выступала за ослабление таможенного протекционизма с целью структурной перестройки промышленности. Тот же лейтмотив постоянно присутствовал в ряде важнейших докладов, посвященных экономическим проблемам страны и представленных правительству и парламенту специально создававшимися временными комитетами и исследовательскими группами. Прежде всего это доклад комитета под руководством Р. Джексона «Политика развития обрабатывающей промышленности» (1975 г.), правительственная «Белая книга по обрабатывающей промышленности» (1977 г.) и доклад группы Дж. Кроуфорда по урегулированию структурных проблем (1979 г.). Однако практических сдвигов в этом направлении в 1974 — 1983 гг. было мало.

Более того, из-за резкого ухудшения положения в обрабатывающей промышленности и роста безработицы уже в 1974 г. лейбористское правительство было вынуждено вернуться к практике временного введения импортных квот и увеличенных таможенных пошлин. Прежде всего это касалось ряда отраслей с большим числом занятых и весьма уязвимых с точки зрения конкуренции импорта (автомобильная промышленность, швейная, обувная и текстильная промышленность, производство бытовых электроприборов). В том же году на 12 % был девальвирован австралийский доллар. В результате этой меры, кроме всего прочего, удорожался импорт.

Подобную же политику продолжило и правительство М. Фрейзера, также активно использовавшее выборочное введение импортных квот. В 1976 г. оно провело еще более крупную девальвацию австралийской валюты (на 17,5 %). Одновременно им отвергались все более или менее радикальные предложения КСП по снижению таможенной защиты отдельных отраслей промышленности либо их осуществление отодвигалось — сначала на конец 70-х, потом на 80-е, а то и 90-е годы. Таким образом, в целом политика таможенного протекционизма в Австралии продолжалась без особых корректив. Изменился лишь ее мотив — от стимулирования роста промышленности в 50-х и 60-х годах до попытки поддержать жизнеспособность ряда важнейших ее отраслей в 70-х и 80-х годах.

Обострившиеся проблемы развития обрабатывающей промышленности заставили правительство уделять все больше внимания стимулированию экспорта готовой продукции. Был принят ряд программ в этой области, включавших традиционные меры государственной поддержки экспорта (страхование, субсидии и другие финансовые льготы, поиск новых рынков сбыта и т. п.). Однако мероприятия эти имели сравнительно скромные масштабы и сами по себе не могли принести особенно заметных результатов.

В 1974—1981 гг. были последовательно значительно ослаблены ограничения на экспорт капитала из Австралии — сначала в форме прямых, а затем портфельных инвестиций. Вместе с тем сохранялись ограничения и существенная степень контроля над ним валютных органов. Последнее обстоятельство связано с тем, что среди главных приоритетов внешнеэкономической политики правительства остается поддержание равновесия платежного баланса как средства снижения неблагоприятного воздействия изменений в мировой хозяйственной конъюнктуре на внутриэкономическое развитие страны. Задача эта в 70-х годах значительно усложнилась в результате обострения кризиса мировой капиталистической валютной системы, резкого усиления ее неустойчивости, что выразилось, в частности, в таком явлении, как массовый перелив капитала между странами, спрессованный в рамках довольно коротких промежутков времени. Это в большой степени затронуло Австралию. В 70-х годах в отличие от предыдущих лет страна неоднократно подвергалась массовым спекулятивным приливам и отливам капитала, связанным главным образом с ожидаемым изменением курса австралийской ва-

люты. Поэтому правительство внесло существенные коррективы в механизм регулирования валютного курса австралийского доллара.

До 1967 г. обменный курс австралийской валюты был жестко привязан к курсу фунта стерлингов. Однако после девальвации английской валюты в 1967 г. изменения курса австралийского доллара не последовало. Таким образом, связь двух валют фактически была нарушена. В 1971 г. австралийская сторона официально объявила об отмене привязки ее доллара к фунту стерлингов, который был заменен американским долларом. Это было результатом не только падения роли фунта стерлингов в качестве резервной валюты, но и уменьшения значения экономических связей Австралии с Великобританией.

Привязка австралийского доллара к американскому оказалась нежизнеспособной, поскольку колебания их обменных курсов были разнонаправленными. И уже в 1974 г. правительство ввело новый порядок установления курса австралийского доллара — на базе его отношения к «корзине» валют основных торговых партнеров страны. Однако стабилизировать движение курса австралийского доллара не удалось. В результате в 1976 г. вслед за его крупной девальвацией была введена система так называемого управляемого плавающего курса, состоящая в более частых, но менее значительных изменениях валютного курса. По этой системе официальный курс австралийского доллара устанавливался ежедневно: определялись изменения в индексе его стоимости по отношению к «корзине» валют (база индекса — май 1970 г.) и курс по отношению к американскому доллару. Это в известной мере сбило волну валютных спекуляций вокруг курса австралийского доллара, но не сняло влияния других факторов, стимулирующих кратко- и среднесрочное движение капиталов, прежде всего разницы в уровне процентных ставок между странами.

Важные изменения, происшедшие в структуре внешнеэкономических связей Австралии, предопределили и смену акцентов в ее политике по развитию торгово-экономических отношений с другими государствами. Главным здесь явилось усиление регионального направления внешнеэкономической политики Австралии, поскольку ее интересы в данной области все более концентрировались в азиатско-тихоокеанском регионе, где на первое место вышли отношения с Японией. В 70-х годах институциональная база их двусторонних отношений получила заметное развитие.

В 1976 г. был подписан Основной договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами. Это был первый договор подобного рода в отношениях Австралии с другими государствами. Ранее, в 1972 г., был создан австрало-японский комитет министров, задачей которого является проведение регулярных консультаций по фундаментальным вопросам двусторонних экономических отношений. Это также особый механизм консультаций, которого нет в отношениях с другими странами. Австралия стремится к активному сотрудничеству с Японией в области торговли (несмотря на наличие здесь время от времени обостряющихся противоречий), импорта японского капитала, совместных научно-технических исследований, особенно в области энергетики, где заключен ряд двусторонних соглашений, и импорта японской технологии.

Большое значение придается также выработке совместной экономической политики в отношении развивающихся государств региона, прежде всего входящих в АСЕАН. Эта группировка является вторым после Японии важнейшим объектом региональной внешнеэкономической политики Австралии. Япония и Австралия тесно сотрудничают на различных уровнях на основе известного разделения труда между ними в проталкивании идеи «Тихоокеанского сообщества», в подключении к ее возможному осуществлению в какой-либо форме в долгосрочной перспективе стран АСЕАН. Развитие экономических (и других) связей между вышеупомянутыми государствами, а также Новой Зеландией является той основой, на которую опираются все проекты создания интеграционных группировок либо в западной части Тихоокеанского района, либо включая его целиком.

При этом в азиатско-тихоокеанском регионе наиболее далеко в сторону экономической интеграции продвинулось развитие отношений между Австралией и Новой Зеландией. Еще в 1965 г. они заключили соглашение о создании зоны свободной торговли (НАФТА), которое значительно снизило таможенные барьеры в торговле и способствовало превращению каждой из них в крупнейший рынок для промышленного экспорта другой стороны. В 1982 г. было заключено новое соглашение, предусматривающее постепенную отмену начиная с 1 января 1983 г. подавляющей части еще сохраняющихся в двусторонней торговле барьеров. Его реализация должна привести к созданию к началу 90-х годов австрало-новозеландского общего рынка.

Именно в азиатско-тихоокеанском регионе роль Австра-

лии наиболее заметна, и именно здесь у нее имеются наибольшие возможности для усиления своих внешнеэкономических позиций. Она стремится обеспечить здесь стабильные рынки для своей сельскохозяйственной продукции, минерального сырья, а также базу для значительного расширения вывоза продукции обрабатывающей промышленности.

В марте 1983 г. в обстановке резко ухудшившегося внутри- и внешнеэкономического положения Австралии в результате досрочных парламентских выборов к власти в стране вновь пришли лейбористы. Предпринятые ими за год с небольшим шаги позволяют сделать определенные выводы об основных направлениях их внешнеэкономической политики. Правительство Р. Хоука активизировало государственную поддержку сельскохозяйственному экспорту в его конкурентной борьбе с аналогичным экспортом из стран ЕЭС, США, Новой Зеландии. Оказывается нажим на Японию с целью добиться повышения роли Австралии в снабжении минеральным сырьем и топливом этой страны. Одновременно усилился поиск новых торговых партнеров. Планируется модернизация всей системы государственной поддержки экспорта с целью усиления ее стимулирующей роли. Сохраняется политика таможенного протекционизма, но она стала более выборочной. Так, правительство приняло ряд мер по поддержке сталелитейной промышленности (контролируется национальным капиталом), но отказало в аналогичной поддержке автомобильной промышленности (находится полностью в иностранной собственности).

В целом для правительства Хоука характерны продолжение курса на привлечение иностранных капиталовложений, отход от радикальных позиций, занимавшихся лейбористами 10 лет назад. При этом, однако, большой упор делается на партнерство австралийских и зарубежных корпораций. Есть признаки смещения акцента на привлечение инвестиций в ссудной форме, в частности потому, что прямые инвестиции ведут к росту степени иностранного контроля над хозяйством страны. Это становится для правящих кругов политически все более неприемлемым, особенно для лейбористов.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

1. Особенности социально-политической структуры

Сравнительно быстрый рост экономики и в целом благоприятная для страны экономическая конъюнктура в 60-х годах способствовали распространению апологетических концепций социального развития Австралии. Как бы второе рождение пережила получившая хождение еще в начале века концепция «австралийской исключительности» (в основе ее лежало положение о том, что Австралия якобы представляет собой «страну простого человека» с неким специфически австралийским образом жизни, характернейшие черты которого — «эгалитаризм» и «отсутствие классовых противоречий и классовой борьбы»). «...Австралия является самой эгалитарной страной, которая не страдает от явных классовых различий, кастового или общинного господства, расовых конфликтов или ужасов автократии... Дух братства пронизывает нацию»¹, — утверждал видный австралийский социолог и политолог Д. Хорн в своей получившей широкую известность книге «Страна, которой везет. Австралия в 60-х годах».

Западные политологи, социологи и экономисты провозглашали Австралию «прочным звеном» капиталистической системы, единственным континентом, где «нет угрозы социализма». Широко рекламировалось «австралийское процветание». «Австралия в 70-х годах выглядит как новая Америка, но без недостатков Америки»², — провозглашал в самом начале 70-х годов английский еженедельник «Экономист». Утверждения о некой специфической прочности и стабильности капиталистических устоев на пятом континенте и тогда не отражали действительного положения вещей. Социальные и политические процессы, развернувшиеся в Австралии в последующие годы, как мы увидим далее, являлись наглядным опровержением этих утверждений. Разумеется, австралийское общество было и остается классовым. Его структура в основных чертах повторяет

общественную структуру других развитых капиталистических стран.

Основную массу самостоятельного населения Австралии составляют наемные работники. Их численность в начале 80-х годов превысила 6,7 млн. человек³. Подавляющая часть наемных работников — рабочий класс, представленный как рабочими физического труда, так и «белыми воротничками» (служащие, технические специалисты, учителя и т. п.). Численность рабочих промышленности, строительства и транспорта составляет свыше 3 млн. человек. Австралийский рабочий класс — один из крупных отрядов международного рабочего класса.

В Австралии нет крестьянства как такового. Что касается австралийского фермерства, то оно исключительно неоднородно. Если крупные, использующие наемный труд фермеры входят в состав буржуазии, то мелкие фермеры, доходы которых не превышают или даже ниже средней заработной платы рабочих, несомненно относятся к трудящимся.

Рабочему классу и трудящимся фермерам противостоит класс буржуазии. В него входят предприниматели, в том числе крупные фермеры, высшие менеджеры и администраторы, часть лиц свободных профессий и специалистов. Австралийская статистика не дает возможности показать количественную характеристику этого класса. Определенное представление о классовом расслоении австралийского общества дают подсчеты, опубликованные в профсоюзных изданиях. По этим подсчетам, к 1978 г. крупной буржуазии, составлявшей примерно 1 % населения страны, принадлежало 22 % всего национального богатства, тогда как 50 % австралийцев принадлежало менее 8 %. 2 тыс. богачей владели такой же частью национального богатства, как и 2,24 млн. австралийцев, занимавших низшие ступени лестницы экономического благосостояния⁴.

При этом, как признавалось в австралийских полуофициальных исследованиях, при общем значительном увеличении национального богатства структура его распределения на протяжении последних десятилетий оставалась прежней. «Элита» австралийского общества присваивала большую часть вновь создаваемого богатства. Разрыв между богатой верхушкой и малообеспеченным большинством населения не только не сокращался, но и неуклонно увеличивался. Даже в период «бума» (в 1973 г.) 1 млн. австралийцев находились ниже официальной «черты бедности»⁵. Лондонская газета «Таймс», позволившая себе в данном

случае определенную долю объективности, отмечала в начале 70-х годов, что в «эгалитарной» Австралии распределение богатства характеризуется «одной из самых высших степеней неравенства в цивилизованном мире»⁶. В 1978 г. У. Хэйден, в то время лидер австралийской лейбористской партии, подчеркивал, что в стране «продолжается процесс перераспределения богатств в пользу богатых и большого бизнеса»⁷. В начале 80-х годов число лиц, живущих ниже «уровня бедности», превысило 1,5 миллиона⁸.

Австралийская буржуазия стремится сохранить и упрочить существующий и отвечающий ее интересам экономический и социальный порядок и в этих целях использует сложившуюся к настоящему времени в стране систему государственно-политических институтов. Государственный строй Австралии отличается своеобразием, связанным с историческим развитием страны, которая на протяжении многих десятилетий находилась в политической зависимости от Великобритании (сначала как группа колоний, потом как доминион). Этим, в частности, объясняется то, что, по конституции, главой государства является английская королева (или король). Актом австралийского парламента в 1973 г. был изменен титул королевы: она стала именоваться «королевой Австралии» (только затем следуют ее «английские» титулы). Королеву в стране представляет генерал-губернатор, назначаемый по рекомендации австралийского правительства. Генерал-губернатор обладает правом созыва и роспуска парламента, назначения премьер-министра, утверждения состава правительства. Ему вручают верительные грамоты иностранные послы. Генерал-губернатор считается командующим вооруженными силами страны. Его функции соответствуют функциям королевы (короля) в Великобритании (однако осуществляются они «только на основании рекомендаций австралийского правительства»). Институт монархии не является всего лишь данью традициям. Это важная составная часть «истеблишмента», которая ограничивает возможности воздействия демократических сил на политические процессы в стране, выступает в определенной степени гарантом незыблемости существующих порядков.

Законодательная власть принадлежит парламенту, состоящему из двух палат — верхней (сената) и нижней (палаты представителей). В палате представителей 125 мест, в сенате — 64 (по 10 сенаторов от каждого из шести штатов; по 2 сенатора от территории Федеральной столицы и от Северной территории).

Существующая в стране преференциальная система * подсчета голосов при выборах в нижнюю (главную) палату парламента и так называемая особая избирательная география (резкие различия между избирательными участками по числу избирателей) открывают широкие возможности для манипуляции «волей избирателей» и в целом выгодны буржуазным партиям. Умело используя эти возможности, коалиция двух главных буржуазных партий — либеральной и аграрной — без перерыва занимала правительственные скамьи в парламенте 23 года (с 1949 по 1972 г.).

Являясь федеральным государством, Австралия в каждом из шести штатов имеет свои органы власти и управления. Штаты обладают весьма значительной степенью самостоятельности в решении прежде всего экономических и социальных вопросов. Причем практически всегда в одном или нескольких штатах существуют правительства, сформированные партией, оппозиционной правящей. Трения между федеральным правительством и правительствами штатов разной политической окраски приобретают порой довольно острый характер.

Политические партии страны также строятся по федеральному принципу. В каждом штате имеется партийная организация (она носит название «партия штата»). При этом «партии штатов» пользуются значительной самостоятельностью в отношении федерального руководства соответствующей партии. Господство принципа федерализма в государственно-политической системе усложняет и осложняет политическую жизнь Австралии.

Главной буржуазной партией страны, проводником и защитником интересов прежде всего монополистического капитала является либеральная партия. Эта партия в ее современном виде существует с 1944 г. Но она представляет собой прямую наследницу существовавших с конца прошлого века буржуазных партий, менявших названия, но неизменно выступавших в защиту незыблемости капиталистических порядков. Либеральная партия, как гласит ее программа, принятая в 1960 г., считает своими основными задачами «сохранение конкурентоспособной экономики,

* Во время выборов избиратели не только указывают в бюллетенях, за какого кандидата они голосуют, но, кроме того, помечают, какого (каких) из других кандидатов они предпочли бы, если указанный кандидат не получит большинства. В том случае, если ни один из кандидатов не получит необходимого большинства голосов, победитель определяется на основе учета так называемых вторых голосов (подробнее см.: Углов А. А. Государственный строй Австралии. М., 1957, с. 36—37).

основанной на частном предпринимательстве», и борьбу против «социалистического и тоталитарного контроля»⁹. Программа и вся идеология либералов проникнуты антикоммунизмом. В то же время либеральная партия, умело используя демагогию (либералы в ходе избирательных кампаний рекламируют себя как защитников не узкогрупповых интересов, а интересов «всей Австралии»), оказывает воздействие на весьма широкие слои избирателей, в том числе и на избирателей из числа трудящихся.

Приход к руководству партией в 1975 г. М. Фрейзера — миллионера, чрезвычайно реакционного политика, воинствующего защитника системы частного предпринимательства, сторонника идей «социального дарвинизма» — способствовал закреплению ее на реакционных, «жестких» (в отношении социально-экономических требований трудящихся) позициях. В политических взглядах этого лидера либералов было столько махрового консерватизма, что лейбористские противники иронически характеризовали его как политика «правее Чингисхана»¹⁰.

Либеральную партию Австралии часто сравнивают с английской консервативной партией. Между ними действительно много общего. И та и другая выражают интересы капиталистических кругов и являются главными буржуазными партиями в своих странах. Однако если консерваторы выражают интересы не только финансово-промышленных кругов, но и крупных землевладельцев и аристократии, то австралийская либеральная партия представляет только промышленную и финансовую буржуазию. В Австралии интересы крупных и средних фермеров, а также сельскохозяйственных компаний и банковского капитала, связанного с сельским хозяйством, выражает и отстаивает отдельная партия, вторая по значению буржуазная партия — национальная партия (основана в 1916 г., до октября 1982 г. называлась национальной аграрной партией). Аграрии отличаются от либералов еще большей реакционностью, крайним шовинизмом, неприкрытой враждебностью к рабочему движению.

И либеральная и аграрная партии едины в своей поддержке «свободного предпринимательства» и во враждебности к трудящимся массам. На протяжении последних трех десятилетий они выступают в коалиции. В то же время в условиях Австралии интересы промышленной и аграрной буржуазии нередко приходят в столкновение (в частности, по вопросам внешнеторговой политики), что приводит к серьезным трениям между партнерами.

В качестве основного политического противника двух этих буржуазных партий выступает австралийская лейбористская партия (АЛП). АЛП — одна из крупнейших и старейших социал-демократических партий капиталистического мира, основана в 90-х годах прошлого века. В своих программных документах партия выступает за постепенную реформу существующего в стране строя путем национализации (по принятой в АЛП терминологии — «социализации») некоторых предприятий и отраслей и расширения государственного контроля над экономикой. Следует сказать, что программное положение о «социализации» (так называемая социалистическая цель) декларируется уже десятилетиями — с 1921 г. Но лейбористское руководство практически не пыталось (даже во время пребывания у власти лейбористских правительств) что-либо сделать для осуществления этой цели.

Представление об идеологии австралийского лейборизма, об идейно-теоретических основах АЛП дают высказывания некоторых лидеров партии. Э. Уитлем (лидер лейбористской партии в 1967 — 1977 гг.; в 1972—1975 гг. он возглавлял лейбористское правительство), говоря об АЛП, заявил, что «название партии уже более не является для нее преимуществом» и что, «если бы ему пришлось выбирать название, которое лучше всего бы отражало цели партии, он, вероятно бы, выбрал нечто вроде «Австралийское движение за реформы»»¹¹. В буржуазной печати страны этот лидер лейбористов характеризуется как политик, «обладающий чувством социальной справедливости, но не верящий в необходимость уничтожения существующего порядка»¹². Еще более показательны взгляды Дж. Кэрнса, который считался «самым левым» в лейбористском руководстве в 60—70-х годах (в 1972—1975 гг. занимал пост заместителя премьер-министра в правительстве Уитлема и выступил в то время с рядом работ теоретического плана). Излагая свою точку зрения относительно перспектив социализма на Австралийском континенте и провозглашая АЛП «носителем социалистических преобразований», Дж. Кэрнс призывал к «постепенному движению к социализму» в рамках буржуазного общества, при сохранении власти в руках буржуазии¹³.

Деятельность на посту лидера АЛП в 1977—1983 гг. У. Хэйдена (буржуазная печать характеризовала его как «прагматика, далекого от идеалов раннего лейборизма») способствовала укреплению в лейбористском руководстве позиций тех, кто выступал за отказ от «социаль-

ного экспериментирования», за обеспечение в случае прихода лейбористов к власти «умелого управления существующей экономической системой в интересах всего общества». Руководство АЛП стремилось к «политической респектабельности», не желая отпугивать радикальными лозунгами избирателей из «средних слоев». На национальной конференции (июль 1979 г.) руководство во главе с У. Хэйденом открыто отказалось от программы социально-экономических реформ, которую пыталось осуществлять правительство Уитлема (они были объявлены «утопическими»), и провозгласило главной задачей будущего лейбористского правительства «ответственное экономическое руководство»¹⁴.

Лейбористские лидеры добились исключения из программных документов АЛП ранее содержавшихся в них пунктов о закрытии американских военных баз и ликвидации Австралийской организации безопасности и разведки (АСИО). У. Хэйден «обосновывал» на конференции важность дальнейшего существования этих баз тем, что они «необходимы для контроля за соблюдением Советским Союзом соглашения ОСВ-2», а сохранение АСИО — «необходимостью борьбы против терроризма»¹⁵.

Следует подчеркнуть, что левые силы в лейбористском движении и тесно связанном с ним профсоюзном движении оказывают упорное сопротивление натиску правых. Так, на конгрессе Австралийского совета профсоюзов (АСП) в Мельбурне (сентябрь 1979 г.) эти силы отвергли ряд резолюций, отражавших точку зрения правых и предложенных исполкомом, и добились принятия нацеленного на защиту классовых интересов трудящихся курса, которым предусматривается активная борьба за права рабочих и служащих и за сохранение их жизненного уровня. Расхождение в политических курсах АЛП и АСП объясняется прежде всего тем, что профсоюзы, позиция которых более непосредственно отражает настроения масс трудящихся (об этом свидетельствует вся история австралийского рабочего движения), как правило, занимают более боевые, левые позиции в политической борьбе в сравнении с лейбористской партией.

На национальной конференции АЛП в Мельбурне (июль 1981 г.) была изменена сохранявшаяся с 1921 г. формулировка «социалистической цели». Голосами делегатов, представлявших правые и центристские силы в партии, была принята новая формулировка, которая гласит, что целью партии является национализация средств производ-

ства, распределения и обмена (финансовых институтов) «в той степени, в которой это необходимо для ликвидации эксплуатации и других антисоциальных явлений»¹⁶. Представители левого крыла выступали против этой весьма неопределенной оговорки, справедливо полагая, что она фактически делает необязательным осуществление национализации лейбористским правительством в случае его прихода к власти. Сторонники оговорки в качестве основного аргумента выдвигали положение о том, что ее отсутствие в политической платформе АЛП «отпугнет» избирателей из средних слоев и лишит партию «возможностей маневра». Избрание на пост лидера АЛП в феврале 1983 г. Р. Хоука свидетельствовало о дальнейшем усилении влияния «прагматиков» (правых и центристов) в руководстве партией. Р. Хоук в 1970—1980 гг. был президентом Австралийского совета профсоюзов и одновременно — в 1973—1978 гг. — председателем АЛП. Он зарекомендовал себя как сторонник правых в профсоюзном и лейбористском движении и известен тесными связями с монополистическими кругами страны. Однако при всех расхождениях между «левыми» и «правыми» в лейбористской партии ни те ни другие в конечном счете не помышляют выйти за рамки борьбы за частичные уступки со стороны буржуазии, фактически не подвергают сомнению незыблемость капиталистических порядков.

Для австралийской лейбористской партии, ее идеологии и политической практики характерны двойственность и противоречивость. Основной социальной базой партии остаются, несмотря на увеличение роли в ней мелкобуржуазной прослойки, трудящиеся. Но из-за реформистской политики руководства лейбористская партия по существу выполняет функцию одного из столпов политической системы капиталистической Австралии. В то же время характер социальной базы АЛП вынуждает ее руководство учитывать волю трудящихся, отстаивать в какой-то мере их интересы, прежде всего экономические. По той же причине в области внешней политики АЛП — при всей непоследовательности и колебаниях — занимает более реалистические и отвечающие национальным интересам страны позиции.

Следует в этой связи подчеркнуть, что АЛП продолжает пользоваться большим влиянием среди масс трудящихся как из-за их симпатий к идеалам социализма, которые в их представлении все еще по традиции связываются с лейбористской партией, так и в силу того, что лейбористские

правительства (прежде всего правительство Э. Уитлема — в 1972—1975 гг.) осуществили ряд мероприятий, которые способствовали улучшению их (трудящихся) социально-экономического положения. Показательно, что Социалистическая партия Австралии*, подчеркивая «двойственный классовый характер» лейбористской партии, выступает за сотрудничество с нею в борьбе за осуществление реформ, отвечающих интересам трудящихся. Выдвижение АЛП политики экономических и социальных реформ, в основном прогрессивная внешнеполитическая программа лейбористов и наличие в АЛП сил, придерживающихся «определенных представлений о социалистическом будущем для Австралии», могут, по мнению СПА, составить основу для единства действий лейбористской и социалистической партий¹⁷.

III (1978 г.) и IV (1981 г.) съезды СПА подтвердили готовность партии к единым действиям с членами и сторонниками АЛП, направленным на обеспечение коренных интересов австралийского народа, высказались за создание единого фронта в борьбе с монополистическим капиталом. АЛП и коалиция либеральной и национальной партий представляют собой две главные, противостоящие друг другу политические силы в сегодняшней Австралии. Но в стране действуют и другие партии и организации, без упоминания которых картина политической жизни была бы неполной.

Немаловажную роль на протяжении последних двух десятилетий играла демократическая лейбористская партия (ДЛП). Она была основана в 1957 г., объединив в своих рядах исключенные или вышедшие из лейбористской партии крайне правые элементы. ДЛП была тесно связана с реакционными католическими кругами (следует подчеркнуть, что особенностью политической жизни Австралии является активная роль в политике католической церкви, пользующейся большим влиянием прежде всего среди австралийцев ирландского происхождения, составляющих

* В конце 60-х годов руководство в Компартии Австралии было захвачено ревизионистской группировкой и партия отошла от марксистско-ленинских позиций. Коммунисты, верные идеям марксизма-ленинизма, вышли из КПА и объединились в 1972 г. в Социалистическую партию Австралии. СПА с конца 70-х годов проводила линию на сотрудничество с КПА в интересах совместной борьбы против наступления монополий и либерально-аграрного правительства на жизненный уровень и демократические права трудящихся (подробнее о взаимоотношениях СПА и КПА см.: Идеи социализма и рабочее движение в Австралии. М., 1981, с. 50—52, 176—177).

около $\frac{1}{5}$ населения страны, и новых иммигрантов — выходцев из Италии). В ее деятельности прослеживались полуфашистские тенденции. Партия оказывала заметное воздействие на соотношение политических сил, выступая на стороне либерально-аграрной коалиции (только благодаря поддержке ДЛП коалиция смогла нанести поражение лейбористам на выборах 1958, 1961, 1963 и 1969 гг.). Ярый антикоммунизм, крайне агрессивные позиции, занимавшиеся ДЛП в вопросах внешней политики, в последние годы оттолкнули от партии многих ее сторонников. Федеральные выборы в декабре 1977 г. продемонстрировали резкое падение влияния ДЛП (она собрала незначительное число голосов). К марту 1978 г. партия самораспустилась. Однако бывшие ее члены продолжают вести борьбу против прогрессивных сил лейбористского и профсоюзного движения.

Сравнительно недавно на политической сцене появилась и заявила о себе новая буржуазная партия — австралийская демократическая партия (известна также под названием Партия австралийских демократов; возникла в мае 1977 г.; ее возглавил бывший министр либерально-аграрного правительства Д. Чипп). Она рекламируется как «партия среднего курса» (между лейбористами и коалицией). Ее программа носит эклектический характер и по сути дела сводится к критике тех или иных положений, выдвигаемых либерально-аграрной коалицией или лейбористской партией. Особенность новой партии, отмечала английская «Файнэншл таймс», заключается в «паразитической неясности политики»¹⁸.

Характерная черта политической жизни Австралии — активная роль профсоюзов в политической борьбе. Профсоюзы участвуют в ней как косвенно (зависимость лейбористской партии от поддержки профсоюзов дает последним возможность влиять на ее политику), так и непосредственно, выдвигая и отстаивая не только экономические, но и политические требования. Политический вес профсоюзов определяется прежде всего тем, что они объединяют большую часть трудящихся. С конца XIX в. Австралия известна как «континент профсоюзов». По степени охвата рабочих и служащих профсоюзами страна сохраняет за собой одно из первых мест в капиталистическом мире. В 1980 г. профсоюзы насчитывали 3 млн. членов. Из них 2,3 млн. были объединены в крупнейшем профсоюзном центре страны — Австралийском совете профсоюзов (АСП)¹⁹. Влияние АСП еще больше возросло после вступления в него в сентябре 1979 г. Совета ассоциаций служащих и работников

свободных профессий, в который входят организации служащих, инженерно-технических работников, учителей и пр. с общим числом членов, превышающим 350 тыс. Сплочение сил австралийского профсоюзного движения способствовало росту его политического влияния. В то же время вовлечение в это движение упомянутых выше новых отрядов трудящихся создает определенные трудности, так как по уровню классовой сознательности они значительно отстают от ядра рабочего класса — промышленных рабочих.

В политической жизни Австралии все большее значение приобретает специфический фактор — наличие большого числа иммигрантов («новых австралийцев»). Массовая иммиграция после второй мировой войны оказала серьезное воздействие на австралийское общество. Всего за послевоенный период в Австралию прибыло около 3,5 млн. переселенцев, причем почти $\frac{2}{3}$ из них — выходцы из стран континентальной Европы и лишь $\frac{1}{3}$ — из Великобритании и Ирландии. К настоящему времени более 18 % населения страны — это выходцы не из Великобритании и Ирландии. Неанглоязычные «новые австралийцы» составляют значительную часть населения в крупнейших городах. Эти (по австралийской официальной терминологии) «этнические меньшинства» имеют собственные организации и все активнее участвуют в избирательных и других политических кампаниях. В Австралии насчитывается около 2,3 тыс. «этнических организаций», издается свыше 70 печатных органов более чем на двух десятках языков. Все политические партии уделяют большое внимание «этническому фактору», стремясь привлечь на свою сторону избирателей из числа неанглоязычных «новых австралийцев».

Иммигрантская масса весьма неоднородна. Незначительная часть иммигрантов вливается в состав местной буржуазии. Иммигранты — трудящиеся из Великобритании и Ирландии, а также значительная часть неанглоязычных иммигрантов (в первую очередь греки и итальянцы) сравнительно быстро вовлекаются в австралийское рабочее движение. Социалистическая партия Австралии в программном документе «Переселенцы и единство рабочего класса Австралии» подчеркивает «жизненную необходимость совместной борьбы австралийских рабочих и рабочих-иммигрантов против общих эксплуататоров»²⁰. Другие иммигранты продолжают довольно долго жить интересами покинутой родины и сравнительно пассивны политически.

Серьезную проблему для демократических сил пред-

ставляют реакционные элементы среди «новых австралийцев». В стране действуют организации усташей, салашистов и другие организации и группы фашистского толка. Либеральная и аграрная партии используют ультраправых из числа иммигрантов в своих политических интересах — для борьбы против рабочего движения. Австралийские политические обозреватели единодушно предсказывают усиление значения «этнического фактора», утверждая, в частности, что от голосов «этнических меньшинств» будет в немалой степени зависеть в обозримом будущем исход парламентских выборов. Процессы, протекающие в политическом мире Австралии, изменения в расстановке классовых и политических сил определяют непосредственную конкретную обстановку, в которой разворачивается классовая и политическая борьба на пятом континенте.

2. Лейбористское правительство Э. Уитлема (1972—1975 гг.)

Начало 70-х годов в Австралии было ознаменовано резким усилением недовольства народных масс внутренней и внешней политикой находившегося у власти правительства либерально-аграрной коалиции. Росло возмущение тем, что монополии при поддержке правительства пожинали все выгоды от сравнительно быстрого развития экономики, отказываясь идти на удовлетворение экономических требований рабочих и служащих. Наблюдался подъем забастовочного движения. Так, в августе 1970 г. в общенациональной забастовке протеста против правительственного бюджета на 1970/71 г., ухудшавшего положение беднейших слоев населения, приняло участие более 1 250 тыс. человек. В борьбе против забастовочного движения правительство пыталось использовать «карательные параграфы» арбитражного законодательства *, резко ограничивающие право на забастовку.

Продолжавшееся участие Австралии в американской агрессии во Вьетнаме вызывало растущее противодействие со стороны широких демократических сил страны. Так, в 1970—1972 гг. в демонстрациях и митингах протеста участвовали десятки тысяч человек. В целях борьбы против

* В Австралии с начала XX в. существует государственная система принудительного арбитража для регулирования конфликтов между предпринимателями и рабочими. В компетенцию арбитражных органов входит также установление размеров «основной» (минимальной) заработной платы и продолжительности рабочей недели.

антивоенных и вообще антиправительственных демонстраций правительство в марте 1971 г. провело через парламент закон, направленный против участников подобных выступлений.

В условиях растущего недовольства внутренней и внешней политикой правительства усилились раздоры в самой правительственной коалиции. В начале 1971 г. произошла смена лидеров в либеральной и аграрной партиях. Новый лидер либеральной партии (заяввший также пост премьер-министра) — У. Макмагон не выдвинул какой-либо конструктивной правительственной программы, ограничившись заявлением, что его политика будет «антикоммунистической». Буржуазная печать Австралии в тот период (в преддверии федеральных выборов в конце 1972 г.) писала, что либерально-аграрная коалиция за более чем двадцатилетнее пребывание у власти «выдохлась», что ее лидеры «не имеют свежих идей» и не могут предложить «новых решений». Даже отдельные группировки среди буржуазных кругов высказывались за смену правительства.

Руководство АЛП в предвыборной кампании 1972 г. выступило с обширной программой реформ в области внутренней и внешней политики. Оно обещало отменить обязательную воинскую повинность (отказ от посылки призывников во Вьетнам был одним из требований антивоенного движения), ликвидировать ограничения профсоюзных свобод, осуществить ряд мероприятий в области социального обеспечения, здравоохранения и образования, жилищного строительства, улучшения положения аборигенов, охраны природы. Было также обещано проведение мер по ограничению свободы действий иностранных монополий в стране, провозглашена задача постепенного «выкупа» ряда отраслей австралийской экономики у иностранных компаний. Что касается внешней политики, то АЛП выступала под лозунгами полного прекращения участия Австралии в американской агрессии во Вьетнаме и проведения самостоятельного миролюбивого курса (но при сохранении «верности» АНЗЮС).

На состоявшихся 2 декабря 1972 г. выборах АЛП одержала победу, собрав 49,6 % голосов²¹. Лейбористы обеспечили себе большинство в палате представителей. Но они не имели большинства в сенате (выборы в сенат проводились за два года до этого). Премьер-министром сформированного АЛП правительства стал Эдвард (Гоф) Уитлем. Сразу же после прихода к власти Э. Уитлем проявил весьма большую активность. Не дожидаясь выбора членов прави-

тельства лейбористской фракцией парламента (такова принятая в АЛП процедура), Э. Уитлем сформировал правительство в составе двух членов — самого себя и Л. Барнарда (заместитель лидера АЛП), разделив с ним 27 министерских портфелей²². Это правительство, получившее у австралийских политологов наименование «двумвирата», за две недели, которые прошли до формирования правительства полного состава, успело отменить обязательную воинскую повинность, освободить из заключения осужденных за уклонение от призыва (противников участия в войне во Вьетнаме), принять несколько социально-экономических программ и сделало ряд серьезных позитивных шагов в области внешней политики (см. гл. V).

Лейбористское правительство и далее проводило (особенно в первую половину своего пребывания у власти) реформы в соответствии с предвыборной программой. Были отменены ограничения профсоюзной деятельности. Несколько раз повышались номинальные ставки заработной платы, что привело к некоторому повышению реальной заработной платы. В законодательном порядке была уравнена заработная плата женщин и мужчин, выполняющих одинаковую работу. Были увеличены пенсии по старости, пособия инвалидам и одиноким матерям.

Правительство Уитлема создало «трибунал по контролю над ценами». При всей ограниченности его полномочий трибунал в известной степени связывал руки монополистам в отношении повышения цен. Правительство добивалось передачи ему полномочий по контролю над ценами и доходами, обосновывая это необходимостью борьбы с инфляцией в общенациональном масштабе (этот контроль относится к компетенции штатов). В сентябре 1973 г. в Сиднее состоялся впервые с момента образования Австралийского Союза (в 1901 г.) конституционный конвент (в составе представителей федерального правительства и правительств штатов, лидеров политических партий и др.), который принял рекомендацию предоставить федеральному правительству право контроля над ценами и доходами. Однако на состоявшихся в декабре 1973 г. специальных референдумах по ценам и доходам большинство голосовавших высказалось против внесения в конституцию поправок, которые бы предоставили федеральному правительству упомянутое право.

Сохранение принципа федерализма в данной области ограничивало возможности правительственного регулирования экономики. Заслуживает быть упомянутым, что

в своем стремлении к дальнейшей концентрации власти в руках федерального правительства лейбористское руководство встречало поддержку со стороны монополистических кругов (чего нельзя сказать об их отношении к другим мероприятиям лейбористского правительства), которые выступали за ликвидацию «архаических прав штатов, препятствующих деятельности большого бизнеса в общенациональных рамках» ²³.

Важным мероприятием правительства Уитлема было создание общенациональной системы государственного медицинского страхования («Медибэнк»). Были расширены также возможности получения высшего образования представителями несостоятельных слоев (в частности, отменена плата за обучение в высших учебных заведениях). Правительство увеличило ассигнования на жилищное строительство, на охрану природы и природных ресурсов, на развитие науки, культуры и искусства.

Предпринимались шаги в направлении улучшения положения аборигенов. Следует отметить в этой связи, что с 60-х годов проблема ликвидации дискриминации коренного населения в политической и социально-экономической областях заняла важное место в политической жизни страны. Прогрессивные силы активно выступали за обеспечение аборигенам и жителям островов Торрессова пролива возможностей достижения гражданского и экономического равенства. Под давлением этих требований в мае 1967 г. был проведен общенациональный референдум по вопросу об отмене направленных против аборигенов дискриминационных положений конституции Австралии. Около 90 % принявших участие в референдуме проголосовало за отмену этих положений. Аборигены были признаны «гражданами Австралии» (ранее большая часть аборигенов именовалась «лицами, находящимися под опекой государства»).

Лейбористское правительство отменило ряд еще сохранявшихся ограничений прав аборигенов. За ними было признано, но с большими оговорками, право на «земли племен» (земли, на которых жили остатки племен аборигенов). Возросли государственные ассигнования на их медицинское обслуживание и образование. В ноябре 1973 г. были проведены выборы в Национальный консультативный комитет аборигенов, призванный содействовать федеральному правительству в выработке касающихся их решений. В выборах приняло участие свыше 30 тыс. аборигенов, имевших право голоса ²⁴. Невзирая на частичные измене-

ния в их положении, проблема аборигенов и островитян, однако, далеко не была решена.

Лейбористское правительство приняло некоторые меры по ограничению свободы действий иностранных монополий в стране. Оно, в частности, попыталось установить государственный контроль над эксплуатацией огромных минеральных богатств континента и усилить роль государственного сектора в горнорудной промышленности (большая часть добычи минерального сырья в Австралии контролируется иностранным капиталом). Иностранные монополии ответили на эти меры сокращением капиталовложений в австралийскую экономику, что способствовало ухудшению общего экономического положения в стране.

В целях реализации своей программы социально-экономических реформ лейбористы (особенно в первый год пребывания у власти) развернули весьма бурную законодательную деятельность. В 1973 г. через парламент было проведено 223 закона и других законодательных актов (в 1972 г. — 139); палата представителей заседала 913 часов (это было лишь ненамного меньше, чем в «рекордном» для австралийского парламента по этому показателю 1912 году) ²⁵.

Экономические и социальные мероприятия правительства, его позитивные внешнеполитические шаги наталкивались на упорное противодействие со стороны оказавшихся на скамьях оппозиции либералов и аграриев. Оппозиция стремилась парализовать работу парламента, пользуясь тем, что лейбористы не располагали большинством в сенате. К апрелю 1974 г. ею было заблокировано более 40 правительственных законопроектов. Для преодоления противодействия оппозиции лейбористское правительство пошло на одновременный роспуск обеих палат и проведение досрочных выборов. Был также проведен референдум по вопросам, связанным с намечавшейся правительством реформой избирательной системы, целью которой было обеспечение равного представительства (уравнивание размеров избирательных округов). В ходе выборов (май 1974 г.) АЛП вновь одержала победу. Большинство избирателей во второй раз высказалось в поддержку ее внутри- и внешнеполитической программы (в ходе выборов потерпела тяжелое поражение ДЛП, которой не удалось получить ни одного места в парламенте). Однако добиться большинства в сенате лейбористы не смогли. Обструкционистская деятельность оппозиции в парламенте продолжалась. Итоги референдума оказались негативными: большинство

избирателей высказалось против изменений в избирательной системе.

Трудящиеся активно — путем забастовок и демонстраций — боролись против попыток реакционных сил сорвать позитивные экономические и социальные мероприятия лейбористского правительства, за недопущение снижения своего жизненного уровня в результате инфляции, за повышение заработной платы. За один только месяц (март 1974 г.) в результате забастовок было потеряно столько же рабочих дней, сколько за весь 1972 год (последний год пребывания у власти либерально-аграрной коалиции)²⁶. В начале июля 1974 г. (в День независимости США) в стране состоялись многолюдные демонстрации и митинги протеста против засилья американского капитала в австралийской экономике и против существования военных баз США на австралийской территории.

Осуществление программы реформ лейбористское правительство начало в условиях благоприятной экономической конъюнктуры, «на волне бума». Лидеры АЛП рассчитывали на практике продемонстрировать возможности руководства капиталистической экономикой «в интересах трудящихся и всего народа» — путем усиления государственного вмешательства. Резкое ухудшение экономического положения страны в 1974—1975 гг. (в начале 1975 г. число безработных превысило 300 тыс. человек), что было связано с кризисом, охватившим весь капиталистический мир, подрывало позиции правительства. Противники лейбористов повели активное наступление с целью добиться их отстранения от власти. Лидеры буржуазных партий объявили экономическую политику правительства Уитлема, прежде всего увеличение расходов на социальные нужды, первопричиной всех экономических бед.

Капиталистические круги Австралии стремились переложить всю тяжесть кризиса на плечи трудящихся. Они требовали «обуздания» профсоюзов, резкого сокращения государственного вмешательства в экономику. Противники лейбористов активно стремились к консолидации своих сил. В 1974 г. организации аграрной партии и ДЛП в штате Западная Австралия заключили «союз» и заявили о намерении создать единую партию. Федеральный лидер аграриев Д. Антони характеризовал это как «первый шаг на пути сплочения антилейбористских и антисоциалистических сил по всей Австралии»²⁷. В стране происходила заметная поляризация политических сил. Показательно, что в австралийской печати неоднократно обсуждался вопрос о

возможности «антиконституционных правоэкстремистских выступлений».

В этой обстановке лейбористское правительство замедлило осуществление программы реформ. Более того, оно пошло на попятную. На федеральной конференции АЛП в феврале 1975 г. руководство добилося принятия программы, предусматривавшей меры поощрения частного сектора в ущерб государственному. В частности, важнейшей задачей объявлялось «обеспечение в рамках смешанной экономики прибыльности частного предпринимательства». Лейбористские лидеры утверждали, что важнейшей причиной инфляции был рост заработной платы, и фактически выступили за ее замораживание. Выход из экономических трудностей они видели не в наступлении на позиции монополистического капитала, а в использовании рычагов государственного вмешательства в экономику для помощи предпринимателям. Они высказывались также за смягчение ограничительных мер в отношении иностранного капитала.

Однако правительство Уитлема, испытывая непрерывный нажим со стороны трудящихся, которые требовали выполнения лейбористских обещаний об улучшении их экономического положения и об ограничении всевластия монополий, в первую очередь иностранных монополий, действующих в стране, в октябре 1975 г. приняло долговременную программу передачи контрольных пакетов акций иностранных компаний в руки австралийцев.

В конечном счете экономическая политика лейбористов, проводившаяся ими под широковещательными лозунгами «социальной справедливости», не угрожала капиталистическим устоям. Но австралийская буржуазия опасалась, что под давлением «снизу» лейбористское правительство может зайти «слишком далеко» по пути социально-экономических реформ и это может поставить под угрозу ее классовые позиции. Транснациональные (прежде всего американские) корпорации были недовольны лейбористским курсом на ограничение их свободы действий на пятом континенте. Все эти силы развернули активную кампанию за смещение лейбористского правительства.

В своей деятельности по осуществлению тех или иных мероприятий правительство Уитлема наталкивалось на противодействие значительной части сотрудников государственного аппарата, занявших свои посты в период длительного правления либерально-аграрной коалиции и не разделявших целей лейбористов. Против

правительства Уитлема выступали также правительства штатов, у власти в которых находились оппозиционные партии.

Позиции лейбористского правительства ослаблялись и «изнутри». В июле 1975 г. был снят с поста заместителя премьер-министра Дж. Кэрнс, обвиненный в «неправильном поведении» при ведении переговоров о получении у некоторых арабских стран большого нефтедолларового займа (4 млрд. ам. долл.)²⁸. Это была попытка получить средства для финансирования Австралийской корпорации промышленного развития, которой лейбористское правительство отводило роль главного инструмента в борьбе с засильем транснациональных монополий в экономике Австралии, в обход обычных источников получения займов (банков США и других западных стран). В октябре из правительства также в связи с «делом о займе» был выведен Р. Коннор, занимавший пост министра энергетики и горнорудной промышленности (иностранные монополии добывались его отставки, будучи недовольны проводившейся им линией на ограничение их засилья в горнорудной промышленности Австралии). Фактически Э. Уитлем уступил нажиму со стороны либерально-аграрной коалиции, тесно связанной с иностранными монополиями, и пожертвовал двумя членами правительства, действия которых вызывали особое недовольство монополистических кругов*.

В октябре—ноябре 1975 г. либерально-аграрная коалиция, используя свое большинство в сенате, в течение месяца препятствовала прохождению через парламент законопроектов об ассигнованиях на содержание государственного аппарата, парализовав таким образом деятельность правительства. В обстановке острого политического кризиса 11 ноября 1975 г. решением генерал-губернатора Дж. Керра были отстранены от власти Э. Уитлем и возглавлявшееся им правительство (оно сохраняло большинство в палате представителей), распущены обе палаты парламента, назначены внеочередные выборы и власть передана до выборов «переходному» правительству во главе с лидером либерально-

* Показательно, что в 1976 г. против самого Э. Уитлема политическими противниками с целью его очернения было возбуждено судебное дело о его причастности к «незаконным попыткам получить займы за границей». После длительного разбирательства «дело» было прекращено только в начале 1979 г.

аграрной коалиции М. Фрейзером. Произошел, по определению Э. Уитлема, «государственный переворот по-австралийски»²⁹. Действия генерал-губернатора были восторженно встречены австралийскими монополистами и филиалами иностранных монополий. Представители американских компаний «в частном порядке выражали удовлетворение удалением Уитлема»³⁰.

Смещение лейбористского правительства — в нарушение сложившихся в Австралии парламентских обычаев — вызвало широкую волну недовольства. В начале избирательной кампании, развернувшейся с середины ноября, из уст некоторых сторонников АЛП раздавались призывы способствовать свержению правительства Фрейзера и победе лейбористской партии «действиями на улице». Для характеристики сложившегося положения некоторые австралийские и иностранные политические обозреватели применяли термин «классовая война»³¹. Лейбористское руководство сделало все, чтобы ввести недовольство трудящихся в обычные парламентские рамки. Р. Хоук призвал членов профсоюзов не прибегать к забастовкам и уличным демонстрациям, а обеспечить победу лейбористам избирательными бюллетенями. Руководство АЛП проводило предвыборную кампанию под флагом «сохранения парламентской демократии». Оно не выдвинуло в то же время какой-либо конкретной программы борьбы с экономическими трудностями.

Что касается либерально-аграрной коалиции, то она в ходе предвыборной кампании умело использовала в своих интересах свое временное нахождение у руля государственного управления. Против АЛП была развернута широкая кампания под лозунгами «защиты системы частного предпринимательства от угрозы социализма» и «изменения внешнеполитического курса в направлении укрепления сотрудничества со старыми союзниками» (США и Великобританией). Ответственность за тяжелое экономическое положение, которое было прежде всего связано с общим кризисным состоянием мировой капиталистической экономики, лидеры либералов и аграриев целиком и полностью возлагали на лейбористское правительство. Буржуазная печать, поддерживавшая коалицию, вела яростную антилейбористскую кампанию, апеллируя к отсталым слоям избирателей и запугивая их тем, что победа лейбористов приведет к «концу австралийского образа жизни» и к «экономическому и политическому тоталитаризму». Заслуживает

упоминания, что журналисты и типографские рабочие двух крупнейших газет «Острэлиан» и «Дейли телеграф» забастовали, протестуя против клеветнических нападок на АЛП, которые публиковались на страницах этих газет ³².

Крайне реакционные силы для обострения обстановки прибегали к провокациям (посылка бомб в почтовых отправлениях политическим деятелям; имелись раненые ³³). Аграрно-либеральное правительство штата Квинсленд (самое реакционное из правительств штатов) «в предвидении возможных осложнений» вооружило полицию штата автоматическим оружием. Распространялись слухи о возможности военного переворота в случае победы лейбористов ³⁴. Австралийская и западная печать характеризовала развернувшуюся предвыборную кампанию как самую ожесточенную из когда-либо проходивших в стране.

«Ноябрьский переворот 1975 г.» был крупным событием послевоенной истории Австралии. До сих пор в австралийских политических кругах существуют резкие расхождения в его оценках (имеется довольно обширная литература, в которой буквально по часам прослеживаются перипетии «переворота», даются характеристики основных «действующих лиц» и мотивов, которыми они руководствовались). Политики либерально-аграрной коалиции, что естественно, провозглашают смещение правительства Уиллема генерал-губернатором «нормальным, соответствующим конституции актом». В рядах же сторонников АЛП и среди прогрессивной общественности «ноябрьский переворот» рассматривается чаще всего как свидетельство сохраняющейся зависимости Австралии от Англии (генерал-губернатор, смещая лейбористское правительство, действовал «от лица короны»; после 1975 г. началось движение за провозглашение Австралии республикой) или же как следствие заговора американских монополий и ЦРУ.

США вмешивались во внутренние дела Австралии. Американское посольство в Канберре, различные ведомства, прежде всего ЦРУ, а также представители действующих в стране американских монополий поддерживали контакты с австралийскими государственными и политическими деятелями, главным образом из либерально-аграрной коалиции. В частности, Дж. Керр на протяжении всей своей политической карьеры был тесно связан с организациями, получавшими средства от ЦРУ. То, что ЦРУ активно содействовало отстранению лейбористского правительства от власти, признается в настоящее время даже

печатью США³⁵. Тем не менее причастность этого ведомства к «ноябрьскому перевороту» — важный, но не определяющий момент.

Необходимо в этой связи отметить наблюдавшуюся в определенной части прогрессивных кругов Австралии тенденцию к преувеличению прямого воздействия США, американских монополий на австралийскую политику вплоть до характеристики правительства Фрейзера как правительства простых ставленников монополий США. Подобная схема не дает правильного представления о сложной картине соотношения и взаимодействия политических сил в сегодняшней Австралии, важнейшим элементом которой является сохранение австралийской монополистической буржуазией в своих руках основных рычагов экономического и политического контроля. Разумеется, американские монополии, занимающие ряд ключевых позиций в экономике и поддерживающие реакционные силы на пятом континенте, оказывают заметное влияние на экономическую и политическую жизнь Австралии, и очевидна опасность подобного положения для демократических сил страны.

Отстранение лейбористов от власти было вызвано прежде всего недовольством монополистических кругов Австралии и действующих в стране американских и других иностранных монополий внутренней и внешней политикой правительства Уитлема, а также их опасениями, что в условиях обострения экономических трудностей и подъема забастовочной борьбы это правительство «не сможет справиться с ситуацией». Отстранение лейбористов, писал английский еженедельник «Нью стейтсмен», было результатом «решимости правящего класса восстановить власть своих собственных представителей в Канберре»³⁶. Ради этого был использован архаический и считавшийся почти чисто формальным институт представителя короны (генерал-губернатора). «Ноябрьский переворот» свидетельствовал о готовности буржуазии даже в такой «образцовой стране парламентской демократии», как Австралия, перейти к неконституционным методам борьбы.

3. Внутриполитический курс либерально-аграрной коалиции (1975—1983 гг.)

Отстранение лейбористов от власти было закреплено в результате выборов, состоявшихся 13 декабря 1975 г. АЛП потерпела тяжелое поражение. Либерально-

аграрная коалиция получила большинство мест в обеих палатах. Буржуазная печать и вообще средства массовой информации намеренно преувеличивали масштабы поражения АЛП, сосредоточивая внимание на резком ослаблении позиций лейбористов в парламенте. (Число мест, полученных той или иной партией в австралийском парламенте, из-за преференциальной системы и резких различий между избирательными участками по числу избирателей вообще не может служить сколько-нибудь точным показателем ее влияния.) Лейбористы получили всего лишь несколько больше четверти мест в палате представителей, тогда как им отдали голоса более 41 % избирателей.

Новое правительство, которое было сформировано из представителей либерально-аграрной коалиции и которое возглавил лидер либералов М. Фрейзер, выдвинуло в качестве своей основной задачи «оздоровление» экономики. На практике это означало попытки переложить все бремя экономических трудностей на плечи трудящихся. М. Фрейзер провозгласил, что «жизнь предстоит нелегкая». Либерально-аграрная коалиция демагогически обвиняла своих предшественников в том, что они, расширяя систему социального обеспечения, поощряли якобы «ниждивенческие настроения». В то же время, опасаясь массовых выступлений трудящихся, правительство прибегало к маневрированию. Оно, в частности, заявило, что сохранит большую часть реформ, осуществленных лейбористами.

На деле правительство Фрейзера сразу же взяло курс на ликвидацию этих реформ. Были резко сокращены бюджетные ассигнования на социальные нужды. Стала свертываться система государственного медицинского страхования. Проводилась линия на замораживание заработной платы. Арбитражная комиссия в августе 1976 г. «с учетом мнения правительства» приняла решение о постепенной отмене системы зависимости размера заработной платы от уровня цен на потребительские товары («индексация»), введенной лейбористами за год до этого. Одновременно правительство ограничило полномочия трибунала по контролю над ценами. Развернулось широкое наступление на права профсоюзов (М. Фрейзер еще до прихода к власти высказывался за усиление «карательных» сторон арбитражной системы, и в частности за введение больших штрафов и даже тюремного заключения за участие в «незаконных» забастовках).

Трудящиеся отвечали на наступление монополий и правительства на их жизненный уровень, на антирабочую

политику правительства многочисленными забастовками и демонстрациями. Для забастовочного движения характерным был рост числа забастовок, в ходе которых выдвигались политические требования (сохранения социальных программ, принятых при лейбористском правительстве, смещения генерал-губернатора Дж. Керра, бойкота расистского режима в Южной Африке и др.). Так, в июле 1976 г. состоялась всеобщая забастовка в защиту социальных завоеваний, которых трудящиеся добились в годы пребывания у власти лейбористов. В ней участвовало свыше 2 млн. рабочих и служащих. В апреле 1977 г. в ходе забастовки наземного персонала, обслуживающего самолеты, была приостановлена работа всех аэропортов страны. В мае того же года в результате забастовки диспетчеров в течение недели были прерваны полеты на всех внутренних и внешних линиях (для перевозки пассажиров и грузов на о. Тасмания правительство использовало самолеты ВВС). В октябре 1977 г. забастовка рабочих электростанций Виктории парализовала всю хозяйственную жизнь штата (закрылось около 80 % предприятий, правительство штата ввело чрезвычайное положение). В сентябре 1976 г. заместитель премьер-министра и министр внешней торговли Д. Антони выступил с резкими нападениями на профсоюзы, участвующие в политических забастовках. Он заявил, что действия этих профсоюзов «подрывают доверие» к Австралии со стороны торговых партнеров и иностранных вкладчиков капитала³⁷. Правительство проводило политику «обуздания» профсоюзов. Парламент принял ряд законов, ограничивающих права профсоюзов.

В целом внутриполитическое положение в стране после прихода к власти коалиции оставалось весьма напряженным. АЛП и ее сторонники требовали смещения Дж. Керра с поста генерал-губернатора. Впервые за 75-летнюю историю австралийского парламента депутаты-лейбористы в феврале 1976 г. бойкотировали открытие новой сессии. Генерал-губернатор, прибывший для участия в церемонии открытия, столкнулся с двухтысячной демонстрацией, ее участники требовали его отставки. В сентябре 1976 г. в Сиднее состоялась конференция, участники которой выступили за изменение конституции Австралии, и в частности за ликвидацию поста генерал-губернатора. В конференции участвовало около 3 тыс. человек, представлявших широкие слои населения.

Испытывая всевозраставшие затруднения в области внутренней политики (широковещательные обещания пра-

вительства о «стабилизации» экономики ими и остались) и опасаясь, что в случае дальнейшего ухудшения экономической и политической конъюнктуры оно может потерпеть поражение на очередных выборах, предстоявших в 1978 г., правительство Фрейзера пошло на назначение досрочных выборов — в декабре 1977 г. Лидер лейбористов Э. Уитлем в связи с этим заявил, что проведение четвертых парламентских выборов за последние пять лет «свидетельствует о глубоком кризисе существующей в стране системы». В предвыборной кампании либерально-аграрная коалиция выступала под лозунгами достижения «благополучия и стабильности». АЛП обещала осуществить некоторые меры в социально-экономической области, однако не предложила какой-либо конструктивной программы улучшения экономического положения страны. На выборах 10 декабря 1977 г. лейбористы снова потерпели поражение. Заметного успеха на выборах добилась новая партия — Партия австралийских демократов (была создана за полгода до выборов), получившая около 10 % голосов. Это свидетельствовало о существовании большого круга избирателей, разочаровавшихся в политике как либерально-аграрной коалиции, так и лейбористов.

Правительство Фрейзера объявило результаты выборов «мандатом» на дальнейшее проведение политики «стабилизации» экономики. Продолжалось наступление на экономические завоевания трудящихся. В августе 1978 г. парламентом был принят бюджет на 1978/79 г., которым предусматривалось дальнейшее снижение расходов на социальные нужды и увеличение налогов. В то же время в него не было включено никаких ассигнований на «проекты по увеличению занятости» (осуществления таких проектов требовали профсоюзы). Это новое наступление на реальные доходы трудящихся было предпринято после консультаций М. Фрейзера (в июне 1978 г.) с банкирами и предпринимателями США и стран Западной Европы во время его поездки по этим странам в целях создания «благоприятного климата» для привлечения иностранного капитала в австралийскую экономику (в этом правительство видело «выход» из экономических затруднений).

Против «черного бюджета» выступили профсоюзы. Во многих городах состоялись демонстрации протеста. В Сиднее демонстранты ворвались в здание биржи с криками «Заставьте платить богатых!». Недовольство трудящихся усиливалось в связи с тем, что в условиях экономических затруднений, вся тяжесть которых падала на их плечи,

продолжали расти прибыли австралийских и иностранных монополий. Возмущение австралийского народа вызывали антидемократические меры федеральных властей и властей штатов. Достоянием гласности в начале 1978 г. стали посягательства тайной полиции на гражданские права (в штатах Новый Южный Уэльс и Южная Австралия в течение многих лет осуществлялся негласный надзор за десятками тысяч граждан, которые подозревались в левых убеждениях или участвовали в деятельности прогрессивных организаций).

В Квинсленде росло движение против репрессивной политики аграрно-либерального правительства Бьелке — Петерсена. В сентябре 1977 г. это правительство специальным постановлением запретило проведение уличных демонстраций, т. е. пошло на ограничение демократических прав, завоеванных австралийскими трудящимися в ходе длительной борьбы. Прогрессивные силы Квинсленда вели упорную борьбу в защиту демократических прав. На протяжении 1977—1979 гг. состоялся целый ряд демонстраций протеста против попыток превращения Квинсленда в «полицейский штат». Полиция штата разгоняла эти демонстрации, прибегая к грубому насилию, избивая их участников. В 1978—1979 гг. в Квинсленде было арестовано свыше 2 тыс. участников демонстраций (среди подвергшихся аресту было несколько лейбористских членов федерального парламента)³⁸. Видный лейбористский деятель, член федерального парламента Т. Юрен в октябре 1978 г. предупреждал об опасности «квинслендского прецедента»: «Введение репрессивных законов в Квинсленде, лишение прав, которые мы имели, — это просто симптом того, что происходит по всей Австралии в последние несколько лет. И, если мы не удержим линии обороны сейчас и здесь, это — лишь небольшая часть того, что ожидает нас в ближайшем будущем»³⁹.

В октябре 1979 г. правительство Бьелке — Петерсена провело через парламент штата закон «О жизненно важных отраслях», в соответствии с которым правительство получило право объявлять любую отрасль экономики «жизненно важной» (в таком случае забастовки в этой отрасли становятся «незаконными», а бастующие рабочие могут быть подвергнуты штрафу или тюремному заключению). Реакционные круги Австралии видели в Квинсленде своего рода полигон для опробования антидемократических мер, которые они рассчитывали распространить на всю страну.

На протяжении 1978—1979 гг. в Австралии прошла

целая серия забастовок, в ходе которых выдвигались не только экономические требования, но и требования изменения политики правительства либерально-аграрной коалиции, причем как внутренней, так и внешней (на международной арене правительство проводило курс, направленный на подрыв разрядки). Особенно массовыми и напряженными были забастовки в государственном секторе (связь, железнодорожный транспорт и некоторые другие отрасли). Правительство заняло жесткую позицию в отношении участников забастовочного движения. В июле 1979 г. через парламент был проведен специальный закон об условиях найма в государственном секторе, которым предусматривается увольнение или временное отстранение от работы как бастующих, так и тех рабочих, которые оказываются «ненужными» в результате забастовки. Это была попытка подорвать симпатии не затронутых той или иной забастовкой рабочих к ее участникам.

Правительство Фрейзера вообще сознательно шло на конфронтацию с профсоюзами, стремясь возложить на них ответственность за неуспех правительственной программы «оздоровления экономики». Оно старалось направить недовольство политически отсталых слоев населения, испытывавших все большие экономические тяготы, против профсоюзов (руководители некоторых из них обвинялись в «подрывных политических намерениях»). Снова, как это уже не раз случалось в Австралии после второй мировой войны, в условиях обострения экономического и политического положения правящие классы прибегали к использованию жупела «красной опасности».

В обстановке растущего недовольства в стране политикой либерально-аграрной коалиции, выявившейся неспособности ее справиться с экономическими трудностями возникли расхождения внутри самого правительства Фрейзера. В нем сложилась «антифрейзеровская фракция» (в составе министра иностранных дел Э. Пиккока, министра обороны Дж. Киллена и некоторых других министров), недовольная «авторитарным стилем» его руководства⁴⁰. В 1978—1979 гг. высказывались предположения о возможности замены М. Фрейзера на посту лидера правительственной коалиции и премьер-министра. Еще раньше, в июне 1977 г., вынужден был уйти в отставку генерал-губернатор Дж. Керр. К этому моменту его связи с ЦРУ стали достоянием гласности, и он превратился в политическую обузу для правительства.

Большое место в жизни страны в конце 70-х годов

занимал вопрос о добыче и экспорте урана. Намерение правительства Фрейзера возобновить добычу и экспорт уранового сырья вызвало широкое движение протеста общественности, опасавшейся, что оно может быть использовано в странах-импортерах для производства ядерного оружия. Во многих городах проходили бурные митинги и демонстрации против экспорта урана. За установление моратория на добычу и экспорт урана выступила в 1977 г. национальная конференция АЛП. В том же году конгресс Австралийского совета профсоюзов выдвигал требование о проведении национального референдума по вопросу о добыче и экспорте урана. Однако, невзирая на протесты, либерально-аграрное правительство в августе 1977 г. приняло решение о разрешении добычи и экспорта урана «под строгим контролем»⁴¹ (во время пребывания у власти лейбористского правительства добыча и экспорт урана были приостановлены).

В 1979 г. исполком Австралийского совета профсоюзов высказался за отказ от «жесткой линии» в отношении добычи и экспорта урана. Но состоявшийся в том же году конгресс АСП отверг соответствующую резолюцию, предложенную исполкомом, и подтвердил позицию противодействия добыче и экспорту урана⁴². В то же время на конференции АЛП в 1979 г. «урановая проблема» фактически не обсуждалась (но партия оставалась на «антиурановой» позиции). В целом к концу 70-х годов наблюдался спад антиурановой кампании.

Следует подчеркнуть, что по составу участников эта кампания была весьма неоднородной. Если определенная их часть стремилась придать кампании антимонополистический характер и выступала под лозунгом «Использование урановых месторождений слишком серьезное дело, чтобы отдавать его в руки монополий, и особенно транснациональных монополий», то другие участники были движимы весьма расплывчатыми соображениями, в основном экологического порядка (их лозунг — «Оставить уран в земле»). При всем этом в Австралии, на которую приходится около 20 % разведанных запасов урана в мире, «урановая проблема» остается на повестке дня политической жизни.

К началу 80-х годов с полной очевидностью выявился провал проводившейся либерально-аграрным правительством политики «стабилизации экономики» (под этим прежде всего подразумевалось снижение уровня безработицы и обуздание инфляции). Число безработных в

1980 г. превысило 500 тыс. человек. Не принесли успеха правительству и его попытки сдержать забастовочное движение и приостановить рост недовольства в стране внутренней и внешней политикой коалиции.

Ответом правительства Фрейзера на эту ситуацию было еще более настойчивое проведение курса, направленного на ограничение демократических свобод. В марте 1979 г. правительство внесло на рассмотрение парламента законопроект о расширении полномочий АСИО, которым предусматривалось предоставление ей права перлюстрировать почтовую корреспонденцию, прослушивать телефонные разговоры и производить обыски на квартирах без соответствующих санкций. М. Фрейзер «обосновывал» расширение полномочий АСИО «необходимостью борьбы против подрывной деятельности коммунистов». Заместитель лидера лейбористской оппозиции Л. Боуэн при обсуждении законопроекта заявил, что законопроект предоставляет АСИО «практически неограниченную власть» в ущерб гражданским правам населения страны. В 1979 г. законопроект стал законом.

В 1979 г. конференция федерального исполкома либеральной партии высказалась за «ужесточение» позиции правительства в отношении профсоюзов. Выступивший на ней М. Фрейзер обвинил профсоюзы в «саботаже усилий по оздоровлению экономики» и заявил, что правительство будет прибегать к локаутам и другим способам борьбы против забастовок. Одновременно исполком высказался за контакты и привлечение на сторону либералов «реалистически мыслящих элементов в профсоюзном движении». Председатель исполкома либеральной партии Дж. Ативилл (на конференции рассматривался документ «Задачи партии в 80-е годы») подчеркнул, что «проблема отношений с профсоюзами будет для партии одной из основных проблем следующего десятилетия». Конференция, как отмечали австралийские обозреватели, наметила в преддверии парламентских выборов 1980 г. линию, направленную на отрыв части профсоюзов от лейбористского движения.

В ходе избирательной кампании 1980 г. либерально-аграрная коалиция не выдвинула какой-либо реальной программы разрешения экономических и социальных проблем страны. Главную ставку она сделала на запугивание колеблющихся слоев избирателей «угрозой социализма», с которой якобы должна столкнуться Австралия в случае победы АЛП. В одной короткой речи на заключительном этапе кампании М. Фрейзер, намеренно искажая суть

выдвигавшихся лейбористами весьма скромных предложений в экономической и социальной области, 19 раз (!) употребил слово «социалистический»⁴³.

Коалиция использовала также в своих политических целях обострение международной обстановки. Хотя в ходе предвыборной борьбы внешнеполитические вопросы отошли на второй план по сравнению с вопросами внутренней политики, тем не менее мотив «необходимости противостояния советской угрозе» неизменно фигурировал в выступлениях лидеров коалиции, которые стремились отвлечь внимание избирателей от действительных проблем, стоящих перед страной. Руководство АЛП обещало в случае прихода к власти осуществить меры по сокращению безработицы (говорилось, в частности, о создании 100 тыс. новых рабочих мест) и улучшению положения неимущих слоев населения. Платформой АЛП предусматривалось также установление контроля над деятельностью транснациональных монополий на пятом континенте.

Результаты выборов, состоявшихся в октябре 1980 г., свидетельствовали об ослаблении позиций либерально-аграрной коалиции. Они привели к серьезному изменению в расстановке политических сил в Канберре. В палате представителей либерально-аграрное большинство резко сократилось. Коалиция фактически потерпела поражение при выборах в сенат. С июля 1981 г., когда заняли свои места вновь избранные сенаторы, либералы и аграрии оказались в меньшинстве перед лицом сенаторов от АЛП и от Партии австралийских демократов. По сути дела положение в этой палате, от которой зависит прохождение законопроектов, стали определять 5 сенаторов-демократов, которые могли парализовать всю законодательную деятельность правительства, проголосовав вместе с лейбористами. Либералы и аграрии получили на выборах меньше половины голосов (46,2 %) ⁴⁴. Они вообще смогли удержаться у власти, только используя — уже в который раз — возможности существующей в стране преференциальной системы подсчета голосов при выборах в нижнюю палату парламента и «особую избирательную географию». Руководство АЛП расценивало итоги выборов как свой значительный успех. Лидер лейбористов У. Хэйден заявил, что АЛП «создала плацдарм для будущей победы» ⁴⁵.

Сразу же после выборов М. Фрейзер осуществил крупные перестановки в правительстве. В частности, Э. Пикок, который в кругах правящей коалиции с конца 70-х годов рассматривался как возможная замена М. Фрейзера и кото-

рый обладал влиятельной группой сторонников, вместо портфеля министра иностранных дел получил портфель министра трудовых отношений. Австралийская печать писала, что этот шаг М. Фрейзера был, вероятнее всего, продиктован расчетом на то, что его опасный соперник потерпит неудачу («сломает себе шею») на этом сложном посту (в стране неуклонно росло число трудовых конфликтов). В апреле 1981 г. после резкого столкновения с М. Фрейзером Э. Пикок вышел из состава правительства.

Всего за время пребывания у власти правительства либерально-аграрной коалиции полтора десятка министров было уволено или ушло в отставку. Эта беспрецедентная для послевоенной истории Австралии министерская «чехарда» была косвенным отражением прогрессирующего ослабления позиций правительства, которое сталкивалось со всевозрастающим противодействием в стране его внутренней и внешней политике.

В области внутренней политики правительство продолжало проводить курс, основным содержанием которого были попытки выйти из экономических трудностей за счет снижения жизненного уровня трудящихся. Было резко увеличено налогообложение (в основном лиц, живущих на заработную плату). Неуклонно сокращались расходы на социальные нужды. Трудящиеся вынуждены были нести тяжелое бремя инфляции. Непрерывно растущая безработица превратилась в «национальную проблему номер один» (к концу пребывания у власти правительства Фрейзера, к марту 1983 г., число безработных превысило 740 тыс. человек, что составляло 10,7 % всей рабочей силы⁴⁶). «У нас есть молодые австралийцы, которые после окончания школы по четыре года не могут найти работу, пенсионеры, вынужденные питаться пищей, предназначенной для животных, чтобы не умереть с голоду, аборигены, живущие в условиях, являющихся позором для современного общества», — указывал, характеризуя экономическое положение наиболее обездоленных слоев трудящихся, У. Хэйден на национальной конференции АЛП (июль 1982 г.). Р. Хоук в одном из первых выступлений после избрания его лидером АЛП (в феврале 1983 г.) заявил, что семь лет «фрейзеризма» принесли стране самое большое в ее истории число людей, потерявших работу⁴⁷. Экономические трудности усугублялись огромными военными расходами. Правительство Фрейзера ежегодно увеличивало ассигнования на военные цели (в 1981/82 г. они превысили 4,3 млрд. долл.⁴⁸).

Ухудшавшееся экономическое положение страны способствовало обострению социальной и политической борьбы. В ходе многочисленных забастовок и демонстраций трудящиеся выступали в защиту занятости, против снижения своего жизненного уровня. Забастовки носили массовый характер. Так, в ноябре 1981 г. в двухдневной забастовке рабочих-металлистов с требованием повышения заработной платы участвовало более 0,5 млн. человек ⁴⁹. В октябре 1982 г. около 1,5 тыс. сталелитейщиков с металлургических предприятий крупнейшей австралийской монополии «Брокен Хилл пропрайэтори» осадили здание парламента в Канберре (часть демонстрантов ворвалась в само здание), протестуя против сокращения рабочих мест на этих предприятиях ⁵⁰.

В стране усиливалось движение за мир, против участия Австралии в гонке вооружений, против следования авантюристической линии США на международной арене. В апреле 1981 г. в Алис-Спрингсе состоялась конференция австралийских сторонников мира, в которой участвовало более 200 делегатов. Конференция потребовала ликвидации военных баз США на территории континента. В феврале 1982 г. большая группа представителей различных общественных и политических течений создала организацию «Протест ради жизни», целью которой является борьба против угрозы ядерной войны, против участия Австралии в гонке вооружений. В эту организацию вошли такие видные политические деятели, как лидер Партии австралийских демократов сенатор Д. Чипп и президент АСП К. Долан.

Во второй половине 70-х — начале 80-х годов во внутриполитической жизни страны неуклонно возрастало значение «проблемы аборигенов». Изменения в положении аборигенов, о которых упоминалось, способствовали важному демографическому повороту: начался быстрый рост коренного населения. К 1981 г. число аборигенов превысило 250 тыс. (в том числе свыше 70 тыс. «чистокровных» аборигенов, остальные — метисы) ⁵¹. На континенте практически не осталось аборигенов, ведущих кочевой образ жизни и не имеющих связи с окружающим их обществом. По австралийским прогнозам, численность коренного населения к 2000 г. превысит полмиллиона человек.

Уже сейчас аборигены составляют большинство населения на Северной территории и в некоторых районах Квинсленда и Западной Австралии. Здесь от голосов избирателей-аборигенов в ряде случаев зависит исход выборов

не только в местные органы власти, но и в федеральный парламент. Политические партии учитывают это обстоятельство при разработке своих предвыборных программ и тактики. «Австралийские аборигены становятся политической силой, с которой не могут себе позволить не считаться ни правительства штатов, ни федеральное правительство»⁵², — подчеркивал министр по делам аборигенов И. Виннер.

На пятом континенте происходит сложный процесс осознания коренным населением общности своих интересов, консолидации многочисленных общин аборигенов, различающихся по языку, уровню развития, религиозным представлениям, в объединенное общностью исторической судьбы и особым положением в рамках современного австралийского общества национальное меньшинство. Перед движением аборигенов встают сложные социально-экономические, политические, культурные проблемы. Борьба за ликвидацию исторической несправедливости, жертвой которой является коренное население, за достижение им действительного равенства, за возвращение отторгнутых у него земель в условиях капиталистической Австралии наталкивается на огромные препятствия.

Либерально-аграрное правительство, несмотря на широковещательные заявления премьер-министра М. Фрейзера о том, что оно осознает «свой долг» перед аборигенами, на деле практически ничего не предпринимало для действительного улучшения их положения. Э. Уитлем прямо обвинил правительство Фрейзера в полном забвении интересов коренного населения. Он подчеркивал, что по уровню жизни аборигены сопоставимы лишь с жителями «бантустанов» в ЮАР и являются одними из самых обездоленных и в наибольшей степени страдающих от болезней людей на Земле. По приводимым им данным, детская смертность среди аборигенного населения в 1973—1977 гг. была в 4 раза выше, чем среди белых австралийцев⁵³. Продолжительность жизни аборигена на 20 лет ниже средней продолжительности жизни в Австралии⁵⁴. Посетившая страну в 1981 г. группа представителей Всемирного совета церквей пришла к заключению, что там осуществляется в отношении коренного населения «геноцид путем забвения его нужд и интересов»⁵⁵.

В дополнение к сохраняющейся фактической дискриминации, к исключительно тяжелому социально-экономическому положению аборигенов в самое последнее время прибавился новый, чреватый тяжелыми для них послед-

ствиями момент — освоение горнорудными транснациональными, в первую очередь американскими, монополиями недавно открытых месторождений природных ископаемых (алмазов, урана, нефти) на землях, где живут аборигены, что вызвало новую волну их вытеснения с «традиционных» земель.

В то же время правительство Южной Австралии в ноябре 1981 г. пошло на заключение первого в истории страны соглашения с аборигенами племени питджантджатджара, по которому за ним признана «неотчуждаемая собственность» на десятую часть территории штата (на площадь, примерно равную Венгрии и Австрии, вместе взятым). Горнорудные компании могут теперь действовать на землях племени только с согласия питджантджатджара и на условиях, одобренных представителями племени. Прогрессивные силы страны расценивали это соглашение как важный успех движения коренного населения.

Усиление борьбы аборигенов за признание за ними права на «традиционные» земли, растущая поддержка этой борьбы со стороны прогрессивной общественности страны и мировой общественности вынудили правительство М. Фрейзера маневрировать и идти на определенные уступки. Оно, в частности, согласилось на переговоры с представителями коренного населения (Национальной конференцией аборигенов) о заключении договора — «макаррата» (это слово на одном из языков аборигенов означает «конец спора и восстановление нормальных отношений»). По «макаррата», должны быть признаны права аборигенов как «бывших собственников австралийского континента» и определены размеры и формы «надлежащей компенсации»⁵⁶ (эти переговоры не завершены).

Происходят определенные сдвиги в смысле улучшения положения коренного населения пятого континента. Однако предстоит еще долгая и трудная борьба за ликвидацию тяжелого наследия многих десятилетий дискриминации аборигенов. Движение за права аборигенов представляет собой важную составную часть борьбы австралийского народа против местных и иностранных монополий, за экономические и социальные перемены.

Последний год пребывания у власти правительства либерально-аграрной коалиции характеризовался резким усилением недовольства широких слоев населения. Проявлением этого были поражения правящей коалиции на выборах в законодательные собрания штатов (к марту 1983 г. коалиция удержалась у власти только в Квинсленде

и Тасмании). В рядах самой коалиции усиливались расхождения. Дальнейшее пребывание М. Фрейзера на посту лидера вновь ставилось под сомнение. В апреле 1982 г. М. Фрейзеру удалось добиться своего переизбрания на этот пост (претендентом на него выступал Э. Пикок). В октябре того же года Э. Пикок, который в политических кругах Канберры продолжал рассматриваться как возможная замена М. Фрейзера, снова вошел в состав правительства: руководящая верхушка коалиции стремилась к консолидации ее рядов.

Политическая жизнь страны развивалась под знаком ожидания досрочных федеральных выборов. На состоявшейся в июле 1982 г. в Канберре национальной конференции АЛП была принята предвыборная платформа лейбористов. Среди ее важнейших экономических пунктов: решение проблемы занятости, сведение инфляции к минимуму и сохранение уровня реальной заработной платы; восстановление пересмотров уровня заработной платы в зависимости от роста цен; «справедливое» перераспределение национального дохода; создание «совещательного экономического планового совета»; усиление государственного контроля над эксплуатацией минеральных ресурсов страны и расширение «австралийского участия» в ней.

АЛП смягчила свою позицию по вопросу о добыче и экспорте урана. Если на предыдущих конференциях выдвигалось требование полного прекращения его добычи и экспорта, то теперь в платформу было включено расплывчатое положение о выполнении текущих контрактов по урану при условии недопущения разработки новых месторождений *. Было подтверждено, что в случае прихода лейбористов к власти Австралия останется в составе АНЗЮС (за выход из этого военного блока выступало около $\frac{1}{3}$ делегатов). «Прагматикам» удалось также добиться включения в платформу пункта о «сохранении австралийских ведомств безопасности и разведки» (в АЛП существует течение за их ликвидацию).

Хотя выдвинутая АЛП платформа не содержала сколько-нибудь радикальных положений, она вызвала тревогу в монополистических кругах страны. В связи с этим У. Хэйден, Р. Хоук и другие члены лейбористского «теневых кабинета» сразу же после конференции провели целую

* На национальной конференции в июле 1984 г. позиция АЛП по «урановой проблеме» была пересмотрена. Принятой на ней резолюцией предусматривалось продолжение добычи и экспорта урана (The Times, 11.VII.1984).

серию встреч с крупнейшими банкирами и промышленниками «с целью убедить их в том, что они должны скорее приветствовать, чем опасаться, перспективы прихода к власти лейбористского правительства»⁵⁷.

Сталкиваясь со всевозрастающим противодействием проводимой им политике наступления на жизненный уровень, социальные завоевания и демократические права трудящихся, испытывая большие затруднения в парламенте (отсутствие у правительственной коалиции большинства в сенате препятствовало проведению через парламент предлагавшихся правительством законопроектов) и опасаясь дальнейшего ослабления своих позиций вне парламента, правительство М. Фрейзера пошло в начале февраля 1983 г. на роспуск обеих палат и назначение досрочных выборов. Поводом для этого послужили отказ профсоюзов подчиниться правительственному постановлению о «замораживании» заработной платы и «недостаточность» полномочий правительства для «обуздания» профсоюзов.

Главным пунктом своей предвыборной программы руководство либеральной партии провозгласило «расширение полномочий правительства в сфере трудовых отношений». Эти полномочия предполагалось использовать для борьбы с забастовками. Предусматривалось также усиление карательных сторон арбитражной системы по регулированию трудовых конфликтов (фактически речь шла о широком применении штрафов в отношении профсоюзов и тюремного заключения — в отношении их лидеров). М. Фрейзер характеризовал все это как «необходимые меры для обеспечения уверенности и безопасности, которые лягут в основу экономического выздоровления»⁵⁸. В ходе самой избирательной кампании М. Фрейзер запугивал избирателей из «средних слоев» тем, что в случае победы лейбористов «воинственные профсоюзы» станут в решающей степени определять экономическую политику и «не будет смысла в заседаниях лейбористского правительства в Канберре»⁵⁹. Реальная власть, заявлял он, окажется в руках Австралийского совета профсоюзов. Внешнеполитическая часть программы либералов не содержала ничего нового: в случае прихода к власти либералы собирались следовать старым курсом «верности союзу с Америкой».

Новый лидер АЛП Р. Хоук в своих предвыборных выступлениях в развитие упоминавшейся выше предвыборной платформы лейбористов выдвинул «план национального восстановления и реконструкции». Планом

предусматривалось обеспечение поступательного развития экономики и создание 500 тыс. дополнительных рабочих мест⁶⁰. Р. Хоук развивал идею о необходимости сотрудничества правительства, предпринимателей и профсоюзов в целях осуществления этого плана. «С самого начала лейбористское правительство будет работать в рамках национального примирения и социального партнерства»⁶¹, — подчеркнул он. Лейбористский лидер заявил, что сразу же после прихода к власти лейбористское правительство созовет общенациональную («на высшем уровне») экономическую конференцию с участием представителей федерального правительства и правительств штатов, предпринимателей и профсоюзов для обсуждения экономических проблем страны и выработки «стратегии» их решения. Предвыборным лозунгом лейбористов был «Боб Хоук сплотит Австралию»⁶².

4. Лейбористы снова у власти

На выборах, состоявшихся 5 марта 1983 г., лейбористская партия одержала убедительную победу. Лейбористы обеспечили себе твердое большинство в палате представителей (АЛП получила в ней 75 мест, либерально-национальная коалиция — 50)⁶³. Но установить контроль над сенатом им не удалось. Положение в нем снова определяли сенаторы-демократы, которые сохранили в сенате свои пять решающих мест. Тяжелое поражение на выборах вынудило М. Фрейзера уйти в отставку с поста лидера либеральной партии, отказаться от места в парламенте и вообще от дальнейшей политической карьеры. Лидером либералов стал Э. Пикок, на которого капиталистические круги страны возлагают большие надежды, рассматривая его как политика, способного возглавить активную оппозицию лейбористскому правительству.

Премьер-министром лейбористского правительства стал Р. Хоук. У. Хэйден занял пост министра иностранных дел. В правительство (оно было сформировано из 27 членов) вошли в подавляющем большинстве представители правого крыла партии («левые» получили всего четыре портфеля). Австралийская и западная печать отмечала, что после победы лейбористов в Канберре было создано правительство, в котором представлены прежде всего «прагматики». «Хоук не рискует и подбирает команду из правого крыла»⁶⁴, — писала, в частности, по этому поводу «Таймс».

Поддержка избирателями, голосовавшими за лейбо-

ристских кандидатов, предвыборной платформы АЛП, весьма прочные позиции в новом парламенте (сенаторы-демократы, как сообщала австралийская печать, не собираются препятствовать законодательной деятельности лейбористов) — все это, казалось, открывало перед лейбористским правительством возможность выполнения положений этой платформы. Но последующее развитие событий показало, что слова лидеров АЛП, как это неоднократно случалось и ранее, расходились с их делами.

Сразу же после выборов (еще до официального занятия поста премьер-министра) Р. Хоук заявил, что лейбористскому правительству придется пересмотреть всю свою программу «из-за экономического беспорядка, который оставила после себя администрация Фрейзера»⁶⁵. На проходившей в апреле 1983 г. общенациональной экономической конференции (ее проведение, как уже упоминалось, предусматривалось предвыборной платформой АЛП) Р. Хоук заявил, что кризисное состояние экономики не позволяет правительству в полном объеме реализовать ряд социально-экономических пунктов предвыборной платформы, и в том числе пункты об улучшении положения трудящихся и о решении проблемы занятости. Лейбористский премьер-министр призвал профсоюзы к «сдержанности» в выдвижении требований в области заработной платы. В то же время продолжалось расходование огромных средств на военные цели. Первым бюджетом лейбористского правительства предусматривалось увеличение военных расходов более чем на 10 % (в 1983/84 г. они составили 5 280 млн. долл.⁶⁶).

Правительство предпринимало некоторые шаги в направлении поддержания жизненного уровня трудящихся. В сентябре 1983 г. государственная комиссия приняла решение об увеличении заработной платы на 4,3 %. Одновременно было объявлено о введении процедуры пересмотра (дважды в год) уровня заработной платы в зависимости от роста цен⁶⁷ (это была уступка профсоюзам, требовавшим восстановления «индексации»). Были несколько увеличены расходы на социальные нужды аборигенов. С февраля 1984 г. начала действовать новая государственная система медицинского страхования (таким образом, восстанавливалась, хотя и не в полной мере, созданная при правительстве Э. Уитлема система «Медибэнк»).

В целом же, провозгласив курс на «национальное примирение» и утверждая, что только на основе этого возможно преодоление экономических трудностей, пережи-

ваемых страной, правительство Р. Хоука требовало жертв прежде всего и главным образом от трудящихся.

Правящие круги Австралии, страны, которую буржуазные идеологи рекламируют как «образец демократии и политической стабильности», рассчитывают в настоящее время справиться с экономическими и политическими затруднениями в рамках «англо-саксонских демократических институтов», не исключая, однако, «в случае необходимости», как об этом свидетельствует опыт 70-х годов (отстранение от власти правительства Э. Уитлема в 1975 г., действия правительства Бьелке — Петерсена), выхода за эти рамки. «В 80-х годах Австралия может ожидать возникновения серьезной политической напряженности, по крайней мере пока экономика не будет развиваться достаточно быстро, чтобы дать средства для удовлетворения всех запросов основных социальных слоев населения, — с тревогой писали видные австралийские политологи, авторы книги-прогноза «Австралия на перепутье». — Эта напряженность может проявиться в демонстрациях и насилии в большей степени, чем раньше, по мере углубления разочарования народа. Следовательно, для сохранения достаточно стабильного общества необходимо ускорить экономический рост. Поскольку в 70-х годах застой в экономике усилил политическую и социальную напряженность в Австралии, дальнейшие неудачи в деле улучшения экономического положения в следующие два десятилетия могут спровоцировать намного более серьезные кризисы»⁶⁸. Позволительно усомниться в том, может ли экономический рост быть панацеей от всех возможных бед, но нельзя не признать обоснованность тревог авторов этого прогноза.

Начало 80-х годов свидетельствует о том, что предстоящие годы будут годами дальнейшего обострения внутриполитической борьбы на пятом континенте. В Австралии середины 80-х годов происходят сложные и противоречивые внутриполитические процессы. Обостряется кризис традиционных государственно-политических институтов. Определенная часть правящих кругов обнаруживает опасное стремление к использованию авторитарных методов в целях сохранения своего классового господства (защита жизненного уровня и демократических свобод представляет собой одну из важнейших задач, которые стоят перед трудящимися, народом Австралии). Наряду с этим активизируются силы, выступающие за ограничение экономического и политического господства буржуазии, за позитивное изменение внутренней и внешней политики.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

1. Основные факторы, определяющие современную внешнюю политику Австралии

Претерпевшая на протяжении последних полутора десятилетий серьезные изменения австралийская внешняя политика испытывала и испытывает на себе воздействие как внешних, так и внутренних факторов. Прежде всего на ее формирование влияло общее изменение обстановки в мире и непосредственно вызванная этим перемена ситуации в азиатско-тихоокеанском регионе, который является основной сферой внешнеполитической активности Австралии. В глобальном масштабе происходил процесс изменения соотношения сил между социализмом и капитализмом, укрепления могущества социализма и сокращения возможностей империализма, роста носящей антиимпериалистический характер борьбы развивающихся стран за достижение экономической и упрочение политической независимости, за окончательную ликвидацию колониализма. Усиление СССР и стран социализма, а также все более активная роль освободившихся от колониального гнета стран не только определяли и определяют обстановку на мировой арене, но и оказывают непосредственное влияние на политику отдельных капиталистических стран, в том числе и Австралии. Австралийские правящие круги при выработке внешнеполитического курса вынуждены считаться с новыми реальностями международной жизни.

Ярким проявлением ослабления и сокращения возможностей империализма было поражение США во вьетнамской войне. Австралийские правящие круги делали ставку на «американскую победу» во Вьетнаме и вообще на укрепление позиций США в Юго-Восточной Азии. Австралийский империализм, ввязавшись в войну (Австралия помимо Новой Зеландии была единственным «западным» союзником США, принявшим непосредственное участие в американской интервенции), действовал не просто «по американской указке», хотя нет основания преуменьшать прямое воздействие США на австралийские решения, а

преследовал при этом свои собственные далеко идущие цели. Правительство либерально-аграрной коалиции рассматривало участие в американской агрессии во Вьетнаме как «плату авансом» за признание Соединенными Штатами «особой роли» Австралии в Юго-Восточной Азии и юго-западной части Тихого океана и за будущую поддержку ими австралийской политики в этом районе.

Поражение Соединенных Штатов было одновременно и поражением австралийского империализма. Австралийские войска потеряли во Вьетнаме около полутысячи человек убитыми и около 2,5 тыс. ранеными. Соучастие в американской агрессии стоило Австралии также свыше 240 млн. долл.¹ Был нанесен тяжелый удар по общей концепции, которой придерживались и руководствовались в своей внешнеполитической практике правящие круги Австралии после второй мировой войны. В основе этой концепции вначале лежал расчет на достижение собственных целей австралийского империализма, опираясь на поддержку двух «великих и сильных друзей» — Великобритании и США. Однако неуклонное ослабление позиций английского империализма в мире привело к тому, что в 50-х годах Австралия в политическом и военно-стратегическом отношении переходит в сферу влияния США. Важнейшей вехой на этом пути было вовлечение ее в 1951 г. в военный блок АНЗЮС (его участники — США, Австралия и Новая Зеландия). С этого момента австралийские правящие круги фактически стали рассматривать союз с Америкой как аксиому своей внешней политики, что на практике выражалось в следовании за нею в важнейших международных вопросах. Упомянутая уже концепция сохранялась, но отныне она основывалась на ориентации на «одного сильного друга». Политические стратеги Канберры при выработке внешнеполитического курса исходили из представления о военно-политическом превосходстве Соединенных Штатов как в глобальном масштабе, так и в рамках азиатско-тихоокеанского региона. Тяжелое поражение США во Вьетнаме и связанное с этим резкое ослабление влияния американского империализма в Юго-Восточной Азии выбили почву из-под этой концепции.

Конец вьетнамской войны способствовал ускорению процесса изменений не только в общей обстановке, но и в самой структуре международных отношений в азиатско-тихоокеанском регионе, а также в восточной части бассейна Индийского океана. Этот процесс оказывал прямое воздействие на внешнюю политику Австралии. Правя-

щие круги страны столкнулись с необходимостью пересмотра проводившегося ими на протяжении более чем двух десятилетий курса, несостоятельность которого и несоответствие новым условиям стали очевидными. Начался трудный процесс (не завершившийся до сих пор) приспособления австралийской политики к изменившейся ситуации. И процесс этот протекал по-разному в прямой зависимости от того, как оценивало перемены в регионе, а также положение на международной арене правительство, находящееся у власти.

Еще в самом начале 70-х годов, до окончательного краха вьетнамской авантюры американского империализма, но когда неизбежность этого краха обозначилась достаточно четко, либерально-аграрное правительство Австралии сделало первые робкие шаги в направлении соответствующей корректировки своего внешнеполитического курса. Серьезная попытка привести австралийскую политику в соответствие с новыми «послевьетнамскими» реальностями международной жизни была предпринята лейбористским правительством в 1972—1975 гг. В последующие годы поиски путей и возможностей обеспечения интересов австралийского империализма в условиях глубоких сдвигов в обстановке в мире и непосредственно в азиатско-тихоокеанском регионе составляют основное содержание деятельности Канберры во внешнеполитической сфере.

Но при всем этом сохраняется значительная степень влияния США на австралийскую внешнюю политику. Союз с Америкой остается краеугольным камнем внешнеполитической стратегии австралийского империализма. Австралия тесно связана с Соединенными Штатами системой военно-политических договоров и соглашений, в которой она играет подчиненную роль. Правительства либерально-аграрной коалиции, находившиеся у власти в Австралии на протяжении почти всего послевоенного периода, неизменно выступали за упрочение АНЗЮС. Но с течением времени они все более настойчиво требовали от «старшего партнера» учета австралийских интересов. В 1968 г. премьер-министр Дж. Гортон, заявив о большом значении для «безопасности» Австралии ее связей с США по линии АНЗЮС, одновременно высказал уверенность, что Соединенные Штаты «признают право Австралии принимать собственные внешнеполитические решения без ущерба договорным обязательствам». Это заявление характеризовалось тогда западными политическими обозревателями как «частичная декларация независимости».

Лейбористское правительство весьма решительно доби- валось признания за Австралией более самостоятельной роли в рамках американо-австралийского партнерства. Премьер-министр Э. Уитлем, выступая в Вашингтоне в июле 1973 г., провозглашал: «Я верю, что дружба, которую мы сейчас предлагаем Америке как сильная средняя дер- жава, принимающая свои решения самостоятельно при консультации с другими заинтересованными странами, создаст более совершенную, чем до сих пор, основу для долгосрочных дружественных отношений между Австра- лией и США. Мы не являемся ничьим сателлитом. Австра- лия — друг и партнер Соединенных Штатов, но у нее собственные интересы»². Лейбористское правительство, однако, не ставило под сомнение сложившуюся систему взаимоотношений страны с США и неоднократно подтвер- ждало свою верность АНЗЮС.

Правительство либерально-аграрной коалиции, воз- главлявшееся проамерикански настроенным М. Фрейзе- ром, после своего прихода к власти в середине 70-х годов во главу угла своей внешней политики поставило укрепление связей с США. Но одновременно оно выдвинуло тезис о наличии у Австралии «собственных национальных пер- спектив и собственных интересов, которые не обязательно тождественны интересам США». До этого на протяжении почти трех десятилетий положение о «совпадении интере- сов» Австралии и США не подвергалось сомнению и слу- жило основным «теоретическим обоснованием» проводив- шегося либерально-аграрными правительствами курса чуть ли не автоматического следования за Соединенными Штатами.

Отметим в то же время, что в направлении сохранения и даже упрочения сложившейся структуры американо- австралийского «партнерства» в последние годы со все- возрастающей силой действует чрезвычайно важный фак- тор — военно-стратегическая заинтересованность США в пятом континенте. Австралия уже давно — с начала 60-х годов — занимает важное место в стратегической системе США. Созданная за последние 20 лет сеть американских военных баз и сооружений на австралийской территории (среди них крупнейшая американская радиокоммуникаци- онная база за границей Норт-Уэст-Кейп и сверхсекретные военно-космические базы Пайн-Гэп и Наррангар) призвана обеспечивать военное присутствие США на стыке Тихого и Индийского океанов, на подступах к Южной и Юго- Восточной Азии. Три упомянутые базы, по мнению австра-

лийских военных специалистов, «критически важны» в рамках американской глобальной стратегии³.

После окончания войны во Вьетнаме имела место определенная и, как показало последующее развитие событий, временная «деэскалация» американского военного присутствия в регионе, непосредственно примыкающем к Австралии. Какое-то время в политических кругах Канберры имело хождение представление об относительном падении военно-стратегической заинтересованности США в континенте. Резкое усиление милитаристской тенденции в американской политике на рубеже 70—80-х годов, тенденции к использованию силы для достижения политических целей в мире и в Индийском океане и юго-западной части Тихого океана в частности, вело к дальнейшему росту значения Австралии в глобальной стратегии американского империализма.

Соединенные Штаты делали ставку на упрочение военно-политического партнерства со своим австралийским союзником (помимо пакта АНЗЮС Австралию к настоящему времени связывают с США более 30 специальных военных соглашений). Происходит усиление военно-стратегического аспекта в американо-австралийских отношениях. «С переносом акцента (стратегии США.— *И. Л.*) с мобильных сухопутных ракет на программу «Трайидент» резко возросло значение коммуникационных баз США в Австралии. По всей вероятности, мы являемся свидетелями коренного изменения в оборонительной ценности союза АНЗЮС»⁴, — писал в 1978 г. орган Австралийского института международных отношений журнал «Острэлиан аутлук».

И тем не менее при сохранении определяющего влияния США на Австралию по внешнеполитической (и военно-стратегической) линии все более явно просматривалась тенденция к снижению значения этого фактора, к постепенному падению его веса в общей сумме факторов, определяющих ее внешнюю политику. Наблюдалось постепенное уменьшение «сверхконцентрации» австралийских внешнеполитических связей на США, учет вероятной реакции Вашингтона перестает быть все перекрывающим соображением при занятии Канберрой позиции по тому или иному международному вопросу.

Что касается воздействия Англии на австралийскую внешнюю политику в 70-х — начале 80-х годов, то следует сказать, что моментами оно по-прежнему давало себя знать. Хотя к этому времени Австралия уже давно вышла из

политической орбиты бывшей метрополии, влиятельные группировки австралийского монополистического капитала, тесно связанные с Сити, стремились к сохранению и укреплению традиционных отношений с Англией, усматривая в них определенный противовес влиянию американского «патрона». В Канберре, особенно среди политиков старшего поколения, все еще наблюдалась определенная склонность смотреть на международные проблемы и процессы «глазами Лондона». Порой это обстоятельство накладывало отпечаток на внешнеполитические решения австралийских правительств.

В последние два десятилетия происходит неуклонное усиление роли Японии во всей системе австралийских внешнеэкономических и внешнеполитических связей. Масштабы и глубина японо-австралийских экономических связей (об этом уже говорилось) имеют серьезные политические последствия. Стратеги японского империализма, выдвинувшие концепцию «Австралия — Канада Японии», вкладывают в нее помимо экономического также политический смысл. Они видят в Австралии — второй после Японии по экономической мощи капиталистической державе в азиатско-тихоокеанском регионе — партнера в возможных экономических и политических комбинациях в этом регионе, который рассматривается ими как «естественная сфера влияния» Японии.

Развернувшийся с середины 60-х годов процесс образования экономического комплекса Япония — Австралия имеет серьезные политические последствия. Ему сопутствует процесс политического сближения между двумя странами. Уже в начале 70-х годов авторитетный западно-германский журнал «Ауссенполитик», характеризуя внешнеполитическое положение Австралии, подчеркивал, что ее внешняя политика покоится на двух столпах — «союзе с США и согласии (антанте) с Японией»⁵. Складывается механизм постоянных японо-австралийских политических консультаций, важнейшей составной частью которого является так называемый министерский комитет (в него входит ряд министров обеих стран, а заседания проводятся поочередно в Токио и Канберре).

Большое место в австралийской внешней политике занимает Китай. Борьба против «китайской угрозы» была одной из основ внешнеполитической стратегии австралийского империализма в послевоенный период. Прежде всего необходимостью противостоять этой угрозе объясняли правящие круги участие страны в агрессивных военных

блоках АНЗЮС и СЕАТО; необходимостью «остановить китайскую угрозу» на более отдаленных от пятого континента рубежах обосновывалось направление австралийских войск в Корею, а затем во Вьетнам. Главным содержанием всей внешней и «оборонительной» политики Австралии вплоть до начала 70-х годов, подчеркивал в середине 1972 г. Э. Уитлем, в то время лидер АЛП, было «сдерживание Китая».

Необходимо подчеркнуть в этой связи, что курс, который проводили в отношении КНР австралийские правительства на протяжении более двух десятилетий, формировался под непосредственным влиянием США и был в значительной мере производным от их китайской политики. Поэтому поворот в американо-китайских отношениях, который произошел в начале 70-х годов, вызвал радикальную трансформацию роли, значения и направленности «китайского фактора» в австралийской политике. В политико-стратегических концепциях Канберры Китай из «противника номер один», каким он был на протяжении более двух десятилетий и против которого была нацелена система австралийских военно-политических союзов и соглашений, по сути дела стал превращаться в «вероятного союзника». Правящие круги Австралии по мере возможности пытались подключиться к попыткам США и других западных держав использовать негативный курс Китая в отношении СССР в империалистических интересах, в данном случае — в интересах укрепления позиции капитализма в азиатско-тихоокеанском регионе.

Все большее место во внешнеполитических отношениях Австралии занимают страны «Ближнего Севера» (так обычно в печати страны именуют Юго-Восточную Азию), и прежде всего ближайший сосед — Индонезия. В концепциях как лейбористских, так и либерально-аграрных политиков ей отводится роль главного партнера Австралии в Юго-Восточной Азии. Обеспечение «политической стабильности» огромного островного государства, сохранение Индонезией западной ориентации, налаживание австрало-индонезийского партнерства — определяющие соображения при выработке Канберрой курса в отношении этой страны.

Но сколь ни важны охарактеризованные уже факторы, которые в различной степени влияют на австралийскую политику и которые могут быть названы «внешними», Австралию нельзя рассматривать как всего лишь объект в сфере международных отношений, а ее политику — как

результат внешних воздействий. Опираясь на возросшую экономическую мощь страны, австралийский империализм проявляет все большую самостоятельную внешнеполитическую активность. Он действует, исходя прежде всего из собственных интересов и руководствуясь собственными целями. Правящие круги Австралии ставят перед собой в области внешней политики весьма далеко идущие задачи, выдвигая претензии не только на региональную, но чуть ли не на глобальную роль.

В Канберре получили хождение концепции «австралийского национализма» и «самостоятельной роли» (под этим подразумеваются активные действия в защиту «собственных австралийских интересов» без обязательной поддержки со стороны «великих и сильных друзей»), «региональной ответственности Австралии», «естественного лидерства в Океании». Упомянем в этой связи, что Э. Уитлем еще в конце 60-х годов неоднократно высказывал мысль о том, что роль Австралии в азиатско-тихоокеанском регионе должна определяться не численностью населения, а экономическим потенциалом, и прежде всего тем, что она производит больше промышленной продукции, чем все страны Юго-Восточной Азии, вместе взятые. Австралийцы, подчеркивал он, «в силу неумолимых законов географии призваны участвовать в решении проблем Азии»⁶. Видный австралийский дипломат и теоретик в области международных отношений А. Уатт также отстаивал необходимость активной политики в Азии, а точнее, прямого вмешательства Австралии в азиатские дела: «Австралийцы, народ преимущественно европейского происхождения и европейской культурной традиции, живут на континенте, который навсегда поставлен на якорь у юго-восточного края Азии, в одном из самых бурных районов мира. Все, что происходит в этом районе, исключительно важно для нас. Мы не можем быть безразличными к событиям в Юго-Восточной Азии, другими словами, мы должны участвовать в решении проблем нашего Ближнего Севера»⁷. В официальных австралийских заявлениях с начала 70-х годов неизменно подчеркивалось, что австралийцы — «единственная европейская нация», для которой события в Юго-Восточной Азии и в южной части Тихого океана, да и вообще в Азии могут иметь решающее значение.

Для подкрепления своих политических претензий правящие круги Австралии делают ставку на наращивание военного потенциала страны. После того как стала очевидной неизбежность поражения США во вьетнамской

войне, в Канберре стали во всевозрастающей степени ориентироваться на «собственные силы и возможности». Выражая мнение влиятельных группировок в правящих кругах страны, газета «Сидней морнинг гералд» писала о «способности Австралии на основе создания массированного ударного потенциала оказывать влияние на Азию», призвала в этой связи учитывать, что «вооруженные силы составляют интегральный фактор внешней политики»⁸. По пятилетней правительственной программе «усиления обороны» (1972—1977 гг.) было израсходовано свыше 7 млрд. долл. на создание «самостоятельной военной мощи».

Показательно, что на протяжении 60—70-х годов в политических и научных кругах Австралии велась дискуссия по вопросу о «целесообразности» ядерного вооружения страны. В марте 1972 г. министр обороны Д. Фейрбэрн заявил, что хотя в планы правительства не входит оснащение вооруженных сил ядерным оружием, однако нельзя поручиться, что оно не потребуется в будущем. Канберра, подписав в 1969 г. после долгих колебаний договор о нераспространении ядерного оружия, длительное время воздерживалась от его ратификации (сделано это было только в 1973 г. лейбористским правительством). Но вопрос о ядерном вооружении полностью не был снят с повестки дня. За создание или приобретение ядерного оружия Австралией в 70-х годах выступали лидеры национальной аграрной партии и демократической лейбористской партии. Даже потенциальную способность страны производить это оружие австралийские правящие круги рассматривали как своего рода аттестат на право участвовать в большой политической «игре» в азиатско-тихоокеанском регионе.

Вообще упоминавшиеся выше «теоретические» концепции, внешнеполитические и военно-стратегические ориентиры этих кругов основаны на явном преувеличении австралийских возможностей. Но они оказывали и оказывают непосредственное влияние на практические решения и шаги Канберры в политической и военной областях, выступая как важный фактор субъективного порядка в общей сумме факторов, под воздействием которых формируется австралийский внешнеполитический курс.

2. Внешняя политика лейбористского правительства (1972—1975 гг.)

Лейбористское правительство Э. Уитлема в области внешней политики получило от своих предшественников — либерально-аграрной коалиции — большое и сложное «наследство», состоявшее из внешнеполитических традиций страны, ее долговременных международных обязательств, укоренившихся подходов к решению многих международных проблем. Антикоммунизм, борьба против национально-освободительных движений, ориентация на союз с США лежали в основе сложившейся к тому моменту внешнеполитической стратегии Канберры. В процессе формирования и практического осуществления внешнеполитического курса лейбористского правительства влияние этого «наследства» неизменно давало себя знать.

Международно-политические концепции лейбористов (до их прихода к власти) излагались в главе «Австралия и ее регион» в сборнике очерков Австралийского фабианского общества, опубликованном к парламентским выборам 1972 г.⁹, в программной речи Э. Уитлема, а также в отдельных выступлениях лейбористских лидеров. Э. Уитлем выступал за проведение Австралией разумной, самостоятельной политики за рубежом, за выдвижение целей в области внешней политики, соответствующих действительным интересам и возможностям страны. В то же время внешнеполитическая программа лейбористов содержала ряд непоследовательных и противоречивых позиций. Это особенно касалось таких важных вопросов, как австралийское военное присутствие за рубежом, отношения Австралии с США, участие ее в военных блоках.

В своей практической деятельности лейбористы уделяли внимание проблемам разоружения, признавая острую необходимость сдерживания гонки вооружений, решения вопросов о запрещении ядерных испытаний во всех средах, о нераспространении ядерного оружия. В 1972—1975 гг. Австралия активно выступала за укрепление ООН, против внесения каких-либо изменений в ее Устав. Правительство Уитлема поддерживало разрядку международной напряженности. Оно приветствовало как важный элемент разрядки хельсинкское Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Дабы поднять престиж Австралии в развивающихся странах Азии и Африки, лейбористское правительство стремилось изменить «австралийский образ», который с

полным основанием ассоциировался в этих странах с расизмом и колониализмом. Канберра при лейбористах поддерживала позитивные резолюции по Родезии, а также резолюции, осуждающие апартеид в Южной Африке. Однако полного разрыва с линией предшествующих правительств по указанным выше вопросам не произошло. Об этом говорит хотя бы тот факт, что экономические отношения с ЮАР, несмотря на настоятельные требования африканских государств, прерваны не были.

Лейбористское правительство проявляло бóльшую, чем его предшественники, активность в ближневосточном вопросе. Австралия приняла участие в обсуждении этого вопроса в ООН, стремясь при этом продемонстрировать «сбалансированное» отношение к Израилю и к арабским странам. Это было далеко не легким делом, учитывая «традиционно» произраильскую политику Австралии и влияние произраильского лобби в стране. Австралийские официальные представители высказывались за мирное урегулирование ближневосточного конфликта путем переговоров либо в рамках Женевской конференции, либо в рамках прямых переговоров между участниками конфликта. Австралия признала право палестинцев создать «бок о бок» с Израилем на территории бывшей Палестины арабское государство, с которым выразила готовность установить дипломатические отношения.

Относительно самостоятельный курс лейбористов вызвал определенные осложнения в отношениях Австралии со «старыми союзниками» — США и Англией. Следует сказать, однако, что в 1972—1975 гг. правительство Э. Уитлема стремилось не к ослаблению связей с Англией и США, а лишь к известному ослаблению жесткости союза с Соединенными Штатами, а также традиционной привязанности к бывшей метрополии, чтобы обеспечить себе возможность проведения более гибкой политики в изменяющемся мире.

Правительство лейбористов активизировало процесс нормализации отношений с КНР: 21 декабря 1972 г. были установлены дипломатические отношения между Австралией и КНР. Австралия признала правительство в Пекине единственным законным правительством Китая, а Тайвань — одной из провинций КНР. Австрало-китайские отношения особенно активно развивались в 1973 г. В последующие годы пребывания у власти правительства Уитлема этот процесс затормозился.

Большое внимание лейбористское правительство уделяло отношениям с Японией. Оно проводило курс на активное

развитие экономического и научно-технического сотрудничества с этой страной. В то же время лейбористы стремились не допустить чрезмерного влияния японских монополий на экономику страны, и в частности отстаивали свое право регулировать деятельность японских предприятий в Австралии. Австрало-японские отношения не ограничивались сферой экономики. Имела место активизация политических связей между двумя странами. Стимулирующим моментом была проявленная Э. Уитлемом готовность оправдать курс на ремилитаризацию Японии.

Австралия при лейбористах делала ставку на проведение «политики доброго соседа» в азиатско-тихоокеанском регионе. В декабре 1972 г. были отозваны австралийские войска из Южного Вьетнама и прекращена военная помощь сайгонскому и пномпеньскому режимам. Чуть позже выведены сухопутные части из Малайзии и Сингапура (за исключением некоторых частей «обслуживания»).

Правительство Уитлема многократно декларировало свое отрицательное отношение к СЕАТО. Оно отказалось от проводившейся в Азии его предшественниками политики антикоммунизма военными средствами, взяло курс на развитие сотрудничества Австралии со странами региона. Однако новая политика проводилась с оглядкой на США, и это наложило на нее отпечаток непоследовательности.

Проявлением реализма во внешней политике лейбористского правительства было проведение нового курса в отношении СССР, что способствовало позитивным сдвигам в австрало-советских отношениях. Если либерально-аграрная коалиция считала главной внешнеполитической задачей борьбу против коммунизма, то Э. Уитлем заявлял в парламенте, что «мы будем иметь дело в своей будущей политике со всеми странами, независимо от их политических или идеологических систем, и нас не столкнут с этого курса абсурдными обвинениями в том, будто мы отдаем предпочтение одной стране или группе стран перед другой»¹⁰. Важным было то, что подобного рода заявления не оставались в сфере риторики.

Лейбористское правительство прежде всего реализовало договоренности с СССР, достигнутые еще до него, о взаимных поездках министров, о парламентских контактах, об открытии в Сиднее советского генерального консульства. Оно содействовало активизации торговых связей между Австралией и Советским Союзом. Объем советско-австралийской торговли в стоимостном выражении в 1974 г. возрос в 2,8 раза по сравнению с 1972 г.¹¹ Намети-

лось сближение позиций в таких важных вопросах, как прекращение гонки вооружений и разоружение, претворение в жизнь договора о нераспространении ядерного оружия и некоторых других.

Лейбористское правительство в целом положительно относилось к выдвинутой Советским Союзом идее коллективной безопасности в Азии. В то же время сформулированное Э. Уитлем сразу же после прихода к власти весьма расплывчатое предложение о создании некой «неидеологической организации», которая объединила бы Австралию, Новую Зеландию, страны АСЕАН, а также Китай, отвлекало внимание стран региона от этой идеи и в какой-то мере противостояло ей. Следует в этой связи отметить, что СССР неоднократно выражал готовность со всем вниманием изучить и обсудить предложения других государств по обеспечению мира и безопасности в Азии.

Противоречивость и непоследовательность курса лейбористского правительства проявились и в его отношении к идее превращения Индийского океана в зону мира. Выступая в поддержку этой идеи, оно выразило в то же время озабоченность по поводу увеличения «военно-морского присутствия великих держав» в Индийском океане, ставя, таким образом, на одну доску СССР и США.

В январе 1975 г. Э. Уитлем посетил Советский Союз. Это был первый в истории австрало-советских отношений визит главы правительства Австралии в нашу страну. В ходе его стороны подтвердили свою решимость расширять взаимовыгодное сотрудничество на основе принципов мирного сосуществования, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела, равноправия и взаимной выгоды. Однако правительство Уитлема смогло лишь около 10 месяцев участвовать в реализации московских договоренностей. Сменившее его правительство Фрейзера стало проводить по отношению к Советскому Союзу курс, противоречащий духу и букве этих договоренностей.

Деятельность лейбористского правительства на международной арене характеризовалась определенным реализмом, большей (в сопоставлении с его либерально-аграрными предшественниками) гибкостью и самостоятельностью. Она привела к серьезным переменам во внешнеполитическом курсе страны. Но говорить о каком-то радикальном повороте (как это иногда делалось в австралийской и западной печати) не было оснований. Это правительство, выступая за большую самостоятельность, оставляло тем не менее страну в рамках американской политико-стратегиче-

ской системы — в глобальном и региональном плане. Оно неоднократно подтверждало свою верность АНЗЮС. Им не был выполнен один из важнейших пунктов лейбористской внешнеполитической программы, которым предусматривалось установление австралийского контроля над базами США на территории континента. Лейбористское правительство ограничилось несколькими, по сути дела демонстративными шагами. При всем этом позитивные стороны деятельности лейбористов отчетливо видны при сопоставлении с действиями в сфере внешней политики пришедшей им на смену либерально-аграрной коалиции.

3. Эволюция австрало-американских отношений. Проблема внешнеполитической самостоятельности

С приходом к власти в конце 1975 г. правительства либерально-аграрной коалиции во главе с М. Фрейзером сразу же обозначился поворот к старому, «традиционному» курсу в области внешней политики, и в первую очередь в отношениях с США. Правительство Фрейзера стало раздувать миф о наличии «советской угрозы» австралийскому континенту и выдвинуло концепцию зависимости безопасности Австралии от США, а более конкретно — от американского присутствия в западной части Тихого океана и в Индийском океане. Правительство отвергло политико-стратегические оценки международной ситуации, которыми руководствовалось лейбористское правительство и в которых говорилось об отсутствии какой бы то ни было внешней угрозы стране в обозримом будущем.

В январе 1976 г. М. Фрейзер выступил за усиление военной активности США в Индийском океане, и в частности за строительство стратегической американской военной базы на о. Диего-Гарсия. Он заявил о планах расширения военно-морской базы Кокберн-Саунд (на западном побережье континента), которая используется как австралийским, так и американским и английским флотами. В феврале того же года либерально-аграрное правительство дало согласие на создание на территории Австралии американской военно-навигационной базы «Омега» (США безуспешно добивались этого от лейбористского правительства). Официальное подписание соглашения состоялось в сентябре 1977 г. * Им предусматривалось, что ее функциони-

* База — последнее звено в глобальной системе такого рода баз США — была официально открыта и начала функционировать в октябре 1982 г.

рование будет обеспечиваться австралийским персоналом¹². Это была американская «уступка», призванная успокоить общественное мнение Австралии.

В марте 1976 г. в Роторуа (Новая Зеландия) на сессии Южнотихоокеанского форума (региональная организация, в которую входят Австралия, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея и ряд других государств и территорий Океании) австралийское правительство при поддержке национального (консервативного) правительства Новой Зеландии высказалось за право размещения ядерного оружия и свободу плавания в южной части Тихого океана кораблей и подводных лодок с ядерным оружием на борту, утверждая, что без этого будут подорваны «основы» АНЗЮС, поскольку «окажутся ограниченными возможности США по оказанию помощи их союзникам» по этому блоку. Австрало-новозеландская точка зрения была навязана другим участникам форума¹³. В середине 1976 г. в Канберре было объявлено об отмене действовавшего с 1972 г. запрета на заход военных судов с атомными двигателями в порты страны.

Правительство Фрейзера проводило линию на усиление военных приготовлений. В мае 1976 г. было принято решение об ассигновании на военные нужды на протяжении ближайших пяти лет 12 млрд. долл.¹⁴ В 1976 и 1979 гг. в Квинсленде и у побережья этого штата проводились крупнейшие за послевоенное время маневры «Кенгуру-2» и «Кенгуру-3», в которых участвовали австралийские, американские, английские и новозеландские сухопутные, военно-воздушные и военно-морские силы. С 1977 г. Австралия наряду с США, Канадой и Новой Зеландией стала принимать участие в крупных военно-морских маневрах «Римпак», проводимых ежегодно в Тихом океане.

Во главу угла своей внешней политики либерально-аграрное правительство поставило укрепление и расширение военно-политического партнерства с США. Уже в первом большом программном внешнеполитическом заявлении в парламенте 1 июня 1976 г. М. Фрейзер, приписывая СССР некие «экспансионистские устремления» в прилегающем к Австралии регионе, заявил, что только США могут «сбалансировать мощь Советского Союза»¹⁵. Влиятельная австралийская газета «Острэлиан фэйнэншл ревью» характеризовала эти утверждения Фрейзера как «возврат к менталитету холодной войны»¹⁶. Этот «менталитет», как показывают действия Канберры в области внешней политики, довлел над М. Фрейзером и возглавлявшимся им

правительством на всем протяжении их пребывания у власти.

Наглядным свидетельством ориентации правительства либерально-аграрной коалиции на всемерное укрепление политических и военных связей со «старшим партнером» были ежегодные, ставшие фактически регулярными поездки М. Фрейзера в Вашингтон.

Проводя линию на укрепление военно-политического партнерства с США, прежде всего по линии АНЗЮС, правительство М. Фрейзера выступало за усиление военного элемента в деятельности этого блока (лейбористское правительство Э. Уитлема в свое время высказывало мнение о желательности придания АНЗЮС «политико-совещательных и экономико-социальных функций»). В мае 1978 г. во время посещения Канберры вице-президентом США У. Мондейлом была достигнута договоренность об укреплении АНЗЮС и о распространении действия этого тихоокеанского пакта на Индийский океан (это аргументировалось необходимостью противодействовать росту «советской угрозы» в регионе). Стороны демонстративно объявили о проведении совместных военно-морских маневров «к западу» от Австралийского континента. Проявлением активизации деятельности АНЗЮС были завершение к началу 80-х годов расширения уже упоминавшейся крупной военно-морской базы Кокберн-Саунд, переоборудование базы Норт-Уэст-Кейп для обслуживания подводных лодок, вооруженных ракетами «Трайидент», и создание австралийской военно-воздушной базы на принадлежащих Австралии Кокосовых островах в Индийском океане, которая призвана служить дополнением к американской базе на о. Диего-Гарсия. В 1981 г. было заключено американо-австралийское соглашение об использовании военно-воздушной базы в Дарвине бомбардировщиками «В-52», совершающими разведывательные и тренировочные полеты над Индийским океаном.

Вопросы укрепления военно-политического сотрудничества между США и Австралией и «противостояния советской угрозе» обсуждались во время визитов М. Фрейзера в Вашингтон в 1981 и 1982 гг., на сессиях Совета АНЗЮС в Веллингтоне (1981 г.) и Канберре (1982 г.), в ходе визита в Канберру вице-президента США Дж. Буша, приуроченного к 30-й годовщине АНЗЮС (1982 г.). Встречи между главами правительств США и Австралии служили поводом для деклараций о «прочности американо-австралийской дружбы».

Следует, однако, подчеркнуть, что, хотя в своей политике по отношению к США правительство Фрейзера делало упор на всемерное развитие и укрепление связей с этой страной, оно в то же время претендовало на определенную самостоятельность в рамках американо-австралийского партнерства. В марте 1976 г. австралийский министр иностранных дел Э. Пикок в речи перед Американо-австралийской ассоциацией (организация, ставящая своей целью «упрочение уз» между США и Австралией) в Нью-Йорке заявил, что не может быть возврата к внешней политике либерально-аграрных правительств, находившихся у власти до 1972 г. Отметив, что союз с США остается «в центре» австралийской внешней политики, он подчеркнул: «Мы никогда не будем безропотным партнером, но мы охотно будем соглашаться с вами, когда сочтем, что вы правы, и когда наши национальные интересы будут совпадать с вашими»¹⁷.

Осложняющим моментом в американо-австралийских отношениях было ставшее известным общественности Австралии и вызывающее ее тревогу прямое вмешательство США во внутренние дела страны. На протяжении 1976—1983 гг. в австралийской и иностранной печати появлялись сообщения о прямой причастности ЦРУ к смещению лейбористского правительства в ноябре 1975 г. В мае 1977 г. лейбористская партия потребовала создания специальной комиссии расследования, но это требование было отвергнуто правительством. В том же году М. Фрейзер во время пребывания в Вашингтоне вынужден был поставить вопрос о деятельности ЦРУ в Австралии. Дж. Картер «заверил» премьер-министра в том, что ЦРУ не занимается в Австралии какой-либо деятельностью, о которой не было бы известно австралийскому правительству. Стороны согласились считать вопрос «закрытым». Однако для австралийской общественности этот вопрос до сих пор остается открытым.

При общей проамериканской ориентации либерально-аграрного правительства, при всех декларациях «близости» и «сердечности» с обеих сторон в сфере австрало-американских отношений тем не менее накапливались расхождения. К концу пребывания у власти этого правительства выявились разногласия между Канберрой и Вашингтоном по ряду важных вопросов. Прежде всего правительство Фрейзера, учитывая в определенной степени долговременные австралийские интересы, заняло отрицательную позицию в отношении планов администрации

Рейгана, направленных на усиление военного потенциала Японии и расширение ее военного присутствия в Юго-Восточной Азии и в юго-западной части Тихого океана. В австралийских официальных документах подчеркивалось, что усиление военной мощи Японии может оказать «дестабилизирующее воздействие» на весь азиатско-тихоокеанский регион и «не приветствуется» Австралией.

Правительство выражало также несогласие с линией администрации Рейгана в отношении Тайваня, и в частности выступало против продажи ему американского оружия. Позиции Канберры и Вашингтона расходились и по проблеме «Север — Юг», по вопросу об агрессии Израиля в Ливане и по ряду других вопросов. Австралийские политические обозреватели подчеркивали, что список расхождений между США и страной, которую принято считать одним из их самых лояльных партнеров, довольно велик.

Правительство Фрейзера в последние годы своего пребывания у власти все более настойчиво пыталось на практике осуществлять выдвинутую им доктрину «Австралия — средняя держава», предполагавшую в первую очередь обеспечение «собственных австралийских» интересов (а они все чаще не совпадали с американскими). Для подкрепления своих претензий на самостоятельность перед лицом «старшего партнера» либерально-аграрное правительство пыталось использовать «традиционные» связи с Великобританией. Продолжалось военно-политическое сотрудничество с бывшей метрополией. Отметим, в частности, что правительство Фрейзера поддержало позицию и действия правительства М. Тэтчер во время англо-аргентинского конфликта из-за Фолклендских (Мальвинских) островов весной 1982 г.

Определенный противовес американскому влиянию австралийские политики видели также в Содружестве. Австралия выступила инициатором укрепления и развития связей между членами Содружества на региональном уровне. М. Фрейзер на лондонской встрече глав правительств стран-членов (1977 г.) выступил с предложением «добавить новое измерение к деятельности Содружества» путем создания механизма региональных консультаций. Предложение было принято, и в 1978 г. в Сиднее состоялась первая встреча глав правительств стран Содружества азиатско-тихоокеанского региона (в ней участвовали Индия, Бангладеш, Австралия, Новая Зеландия, Шри Ланка, Папуа-Новая Гвинея, Фиджи, Западное Самоа и Науру). Следующие встречи проходили в 1980 г. в Дели и в 1982 г. в Суве

(Фиджи). На этих встречах обсуждались политические и экономические проблемы региона и мира в целом, в том числе перспективы развития сотрудничества между ее участниками на региональном уровне. По замыслу правительства Фрейзера организация таких конференций и роль в этом деле Канберры должны были помимо всего прочего продемонстрировать США австралийскую способность к самостоятельным внешнеполитическим инициативам.

Отношения с Западной Европой занимали в рассматриваемый период сравнительно скромное место во внешней политике Австралии. Внимание австралийского правительства концентрировалось главным образом на защите экономических интересов страны, прежде всего на обеспечении доступа ее сырьевых товаров и продовольствия на рынок ЕЭС. Во время посещения М. Фрейзером Западной Европы в мае 1977 г. была достигнута договоренность о развитии торговли между Австралией и ЕЭС. В середине 1977 г. в Канберре было создано отдельное министерство «специальных торговых переговоров», на которое возложена защита австралийских интересов в отношениях с ЕЭС. Тем не менее сельскохозяйственная политика «Общего рынка» привела к резкому сокращению экспорта ряда австралийских сельскохозяйственных товаров в Западную Европу. Австралийское правительство рассматривало это как нарушение упомянутой договоренности. В январе 1978 г. оно сделало соответствующее представление послам стран ЕЭС в Канберре, предупредив, что подобная политика в конечном счете будет противоречить долговременной выгоде этих стран, поскольку Австралия является важнейшим поставщиком сырья и энергоресурсов (подразумевался прежде всего уран) ¹⁸.

Обострение международной обстановки в конце 70-х — начале 80-х годов повлияло на всю сферу австрало-американских отношений. Еще в 60-х годах американскими стратегами была выдвинута геополитическая концепция, в которой провозглашалось, что «контроль над огромным регионом Индийского океана с нефтяными богатствами государств Персидского залива и сырьевыми ресурсами Индонезии и Австралии открывает возможность определения политики всего мира» ¹⁹. Однако на протяжении более чем десятилетия внимание США было сосредоточено на войне во Вьетнаме и на азиатско-тихоокеанском регионе. Индийский океан был в определенной степени в тени. На рубеже 70—80-х годов положение резко меняется. Регион Индийского океана (особенно после свержения шахского

режима в Иране в начале 1979 г.) оказывается в фокусе американской политики. Правящие круги Соединенных Штатов пытаются силой воспрепятствовать исторически неизбежным, но не устраивающим их переменам в странах этого региона. Они стали проводить линию на усиление своего военно-политического «присутствия» с целью добиться господства над ним.

В связи с этим резко возрастает в глазах Вашингтона военно-стратегическое значение пятого континента и ценность Австралии как союзника. Американскими стратегами подчеркиваются как важность Австралии с расположенными на ее территории военными базами США в американской глобальной и региональной стратегии, так и возможность возложить на партнера по АНЗЮС «ответственность» за восточную часть Индийского океана (а также юго-западную часть Тихого океана). При этом учитывается, что Австралия уже располагает значительными по региональным масштабам вооруженными силами. В начале 80-х годов они насчитывали свыше 70 тыс. солдат и офицеров. В составе австралийских ВМС имелся один авианосец, несколько эсминцев-ракетоносцев, шесть подводных лодок, а в составе ВВС — два десятка истребителей-бомбардировщиков «Ф-111» американского производства, более 100 истребителей «Мираж», произведенных в Австралии по лицензии, и около двух десятков разведывательных самолетов, предназначенных прежде всего для патрулирования над океаном²⁰. Военная мощь Австралии, подчеркивал американский специалист по австралийской внешней политике Г. Олбински, «не так уж мала»²¹. Что же касается потенциальных возможностей Австралии, то в американских оценках неизменно упоминается о том, что в годы второй мировой войны эта страна, население которой было в 2 раза меньше теперешнего, смогла довести численность своих вооруженных сил до 1 млн. человек.

Канберра в последний период пребывания у власти либерально-аграрной коалиции охотно соглашалась на ту роль, которая отводится Австралии в новой американской военно-политической стратегии в восточной части Индийского и юго-западной части Тихого океанов. Снова, как это уже имело место в разгар «холодной войны» в 50—60-х годах, австралийские правящие круги, руководствуясь своими узкоклассовыми целями, проявляли готовность включиться в активную конфронтацию с силами социализма и национально-освободительного движения на стороне США.

Приход к власти в стране в марте 1983 г. лейбористского правительства привел к определенным изменениям в австрало-американских отношениях. Еще за несколько месяцев до выборов руководство АЛП выступило с разъяснением своей позиции по АНЗЮС и по вопросу о военном сотрудничестве с США. В этом разъяснении фактически ставилась под сомнение ценность АНЗЮС для безопасности Австралии (на протяжении трех десятилетий существования АНЗЮС австралийские правящие круги провозглашали членство страны в этом блоке «основной гарантией» ее безопасности). Подтверждая приверженность лейбористской партии «союзу АНЗЮС», тогдашний лидер АЛП У. Хэйден (министр иностранных дел в правительстве Р. Хоука) в то же время подчеркивал: «АНЗЮС является договором, в соответствии с которым Австралия, Новая Зеландия и Соединенные Штаты осуществляют тесные консультации друг с другом на постоянной основе. Это не договор, который гарантирует, что США и Новая Зеландия будут поддерживать нас в любых обстоятельствах, в любом региональном конфликте или при любом нападении на Австралию»²². У. Хэйден заявил также, что АЛП допустит посещение портов страны военными кораблями с ядерными двигателями (подразумевались корабли США.— *И. Л.*), но не даст согласия на использование этих портов как постоянных баз для иностранных военных судов, размещение ядерного оружия на австралийской территории и на ведение операций с использованием ядерного оружия с этой территории. Следует, кроме того, отметить, что предвыборной платформой АЛП предусматривалось недопущение заходов в австралийские порты военных судов с ядерным оружием на борту*.

Сразу же после прихода к власти Р. Хоук выступил за пересмотр договора АНЗЮС «с учетом современных реалий», указав в то же время, что не может быть и речи об отказе правительства от обязательств в отношении АНЗЮС²³. Лейбористским правительством не ставилось под сомнение дальнейшее участие Австралии в АНЗЮС (за выход из этого военного блока выступают широкие круги австралийской общественности, в том числе многие члены

* В феврале 1984 г. в нарушение этого положения лейбористское правительство опубликовало заявление, в котором указывалось, что после состоявшихся консультаций с США и Великобританией Австралия больше не будет требовать от посещающих ее порты военных кораблей союзников сведений, имеется ли у них на борту ядерное оружие (Weekly Newsletter, 5. III. 1984, p. 9).

АЛП и профсоюзов) и существование американских баз на территории континента. Р. Хоук высказывался лишь за «большее участие» австралийцев в наблюдении за функционированием этих баз. Отношения с США он провозгласил «определяющим фактором» австралийской внешней политики. В июне 1983 г. состоялись американо-австралийские переговоры об изменении договора АНЗЮС. Лейбористскому правительству в общем не удалось добиться большего, чем некоторых чисто формальных изменений формулировок. Однако было подтверждено, что сфера действия договора ограничивается южной частью Тихого океана (ранее, как уже отмечалось, правительство М. Фрейзера шло на расширение этой сферы).

«Реалистическую оценку» АНЗЮС как гарантии австралийской безопасности лейбористское правительство использовало как главный аргумент для фактического продолжения проводившегося его предшественниками курса на усиление собственного военного потенциала страны. Оно подтвердило соглашение с США о закупке 75 истребителей* и заявило о намерении купить дополнительно 10 патрульных самолетов «Орион» для австралийских ВМС. Было объявлено, что Австралия сама будет строить эсминцы, производить артиллерийские орудия, системы противолодочной обороны и т. п.**. Правительство Р. Хоука, неизменно подчеркивая «важность союза АНЗЮС», в то же время обосновывало необходимость большей самостоятельности Австралии в области внешней политики, оборонной стратегии и обеспечения вооружением, укрепления собственных вооруженных сил. Наметились определенная тенденция к расширению круга вопросов, по которым позиции Канберры и Вашингтона расходились.

* В октябре 1981 г. правительство М. Фрейзера приняло решение о закупке в США 75 истребителей «Ф-18 Хорнет» на сумму 2 430 млн. долл. Это была самая крупная сделка на покупку вооружения за всю историю Австралии (Weekly Newsletter, 23.X.1981, p. 5).

** В марте 1984 г. австралийская газета «Нэшнл таймс» опубликовала выдержки из совершенно секретного документа «Стратегические основы австралийской оборонительной политики», подготовленного министерством обороны и одобренного правительством в сентябре 1983 г. В нем помимо всего прочего обосновывалась необходимость подготовки страны к производству ядерного оружия на случай, если возникнет угроза его появления у «соседей» (The National Times, 30.III.1984). Вспыхнул политический скандал. Р. Хоук, не подвергая сомнению достоверность опубликованного газетой материала, категорически заверил парламент, что правительство не принимало никакого решения относительно приобретения или разработки ядерного оружия.

4. Политика «регионализма»

Для 70 — начала 80-х годов характерна активизация австралийской политики в западной части Тихого океана и в восточной части Индийского океана, в огромном регионе, который канберрские стратеги, явно теряя чувство меры, провозглашают «сферой непосредственной экономической, политической и военно-стратегической заинтересованности Австралии». «Если учитывать экономические интересы и интересы безопасности Австралии, то в фокусе австралийской внешней политики находится регион, простирающийся примерно от Пакистана на западе и Японии в северной части Тихого океана до Папуа Новой Гвинеи и Новой Зеландии на юго-востоке»²⁴ — так определял пределы этой сферы Э. Пикок, излагая внешнеполитическую программу либерально-аграрной коалиции. Одним из основных внешнеполитических принципов, которыми руководствуется Канберра, становится «регионализм» (этот принцип был сформулирован лейбористским правительством Э. Уитлема). Под этим понимаются целенаправленные усилия по развитию отношений с ближними и дальними соседями — Японией, Китаем, Индонезией и другими странами Юго-Восточной Азии, Новой Зеландией и странами Океании.

Особое внимание уделялось Японии. Правительство либерально-аграрной коалиции продолжило линию на сотрудничество с ней, проводившуюся лейбористским правительством. Оно завершило начатые его предшественниками переговоры о заключении договора «об общих принципах» отношений между Японией и Австралией: 16 июня 1976 г. «Основной договор о дружбе и сотрудничестве» между Японией и Австралией был подписан в Токио М. Фрейзером и японским премьер-министром Т. Мики. В соответствии с его положениями Австралия предоставила Японии режим наибольшего благоприятствования. Обе стороны обязались «служить друг для друга стабильным и прочным поставщиком и рынком» (статья 5-я договора)²⁵. В документе предусматривается сотрудничество обеих стран в ряде экономических областей, прежде всего в разработке минеральных ресурсов Австралийского континента.

Тезис об «экономической взаимозависимости» был лейтмотивом японских и австралийских оценок договора. Газета «Острэлиан» провозглашала: «...мы вступили с Японией в отношения, подобные которым у нас ранее были

только с Великобританией. Отныне Япония по многим важным линиям будет ближе к нам, чем США, Новая Зеландия и, возможно, даже Великобритания. Началась новая эра в австралийской истории, эра, которая, мы надеемся, будет длиться многие десятилетия»²⁶. В то же самое время некоторые австралийские газеты предупреждали, что наличие договора не исключает в будущем столкновения между двумя партнерами. Высказывались опасения о намерении Японии «инкорпорировать» пятый континент в свою экономическую систему²⁷.

Японо-австралийские отношения не ограничивались экономической сферой. Либерально-аграрное правительство стремилось к расширению политического сотрудничества с Японией. «Особые отношения» обеих стран с США рассматривались как фактор, могущий этому способствовать. Во время пребывания в Токио в июне 1976 г. М. Фрейзер заявил об «общей заинтересованности» Австралии и Японии в «присутствии» США в западной части Тихого океана²⁸.

На рубеже 70—80-х годов резко усилилось внимание японской стороны к развитию экономических и политических связей с Австралией. Одна из причин — растущая неуверенность Токио в стабильности поступления нефти из Ирана и стран Персидского залива. Японские монополии в этих условиях проявляют все больший интерес к энергетическим ресурсам Австралийского континента (прежде всего урану, каменному углю и природному газу). Визит премьер-министра Японии М. Охиры в Австралию в январе 1980 г. явился, помимо всего прочего, ярким проявлением этой заинтересованности. В состоявшихся переговорах большое место заняло рассмотрение планов Тихоокеанского сообщества, сторонником создания которого был сам Охира.

Необходимо в этой связи отметить, что идея такого «сообщества» — в различных вариантах — развивается в Токио и Канберре уже на протяжении полутора десятилетий. Одним из таких вариантов предусматривается создание широкого экономического объединения стран западной части Тихого океана под эгидой Японии и Австралии (среди предполагаемых участников — Южная Корея, Тайвань и страны АСЕАН). Активным пропагандистом «тесного экономического сотрудничества» Японии со странами этого региона выступал Сабуро Окита (в 1979—1980 гг. занимал пост министра иностранных дел), рекомендовавший прочно привязать эти страны к японской экономике, способ-

ствовать созданию в них ориентированных на экспорт трудоемких отраслей промышленности, продукция которых сбывалась бы на японском рынке. Аналогичных взглядов придерживались также такие видные японские политики, как Э. Сато (премьер-министр в 1964—1973 гг.) и Т. Мики (министр иностранных дел в 1966—1968 гг.).

Влиятельными японскими деловыми кругами выдвигалась также концепция «тихоокеанского морского треугольника» в составе Японии, Австралии и Индонезии. Сторонники этой концепции считали, что объединение двух важнейших производителей сырья с японским промышленным потенциалом позволило бы создать сильный, охватывающий страны с населением в 250 млн. человек экономический блок, который мог бы служить противовесом мощи Соединенных Штатов и ЕЭС.

В Австралии свой вариант «тихоокеанской интеграции» развивал Э. Уитлем, который после отхода от политической деятельности выступает как специалист по тихоокеанским проблемам. Он обосновывал положение о том, что к концу века Япония и Китай вместе с Кореей и Тайванем превратятся в центр огромного развивающегося экономического региона, который по своей мощи превзойдет ЕЭС и США. Э. Уитлем утверждал, что «будущее Австралии зависит от того, насколько быстро и эффективно она присоединится к этому процессу»²⁹.

Переговоры Охире в Канберре в январе 1980 г. свидетельствовали, что из сферы теоретических построений планы Тихоокеанского сообщества переходят в сферу практической политики. По сообщениям австралийской и японской печати, участники переговоров, в частности, рассматривали возможность создания в рамках Тихоокеанского сообщества некой западнотихоокеанской военно-политической группировки, роль «стержня» которой отводится «оси» Токио — Канберра. В качестве «решающего аргумента», к которому стороны прибегали для обоснования необходимости укрепления партнерства между ними, фигурировал избитый тезис о «советской угрозе».

С начала 70-х годов неуклонно увеличивается значение Китая в австралийской внешней политике. Правительство либерально-аграрной коалиции продолжало проводившуюся их лейбористскими предшественниками линию на расширение связей с КНР. В июне 1976 г. состоялся официальный визит М. Фрейзера в Пекин. Будучи там, он выступил с резкими нападка на политику разрядки. В ходе переговоров в Пекине австралийская сторона выдвинула «четы-

рехстороннюю идею», суть которой сводилась к достижению «в той или иной форме» сотрудничества Китая, США, Японии и Австралии «для противостояния СССР»³⁰.

Позиция, занятая М. Фрейзером, вызвала осуждение в самой Австралии не только со стороны политических противников правительства, но и ряда его сторонников. Некоторые австралийские политики справедливо полагали, что попытка подключить Австралию к негативному — в отношении СССР — курсу Пекина не имела ничего общего с действительными национальными интересами страны. Показательно, что в австралийской печати имелись сообщения о том, что в правительственных кругах были встревожены позицией М. Фрейзера в Пекине и что министерство иностранных дел было против антисоветской направленности его заявлений.

Содержавшиеся в выступлениях М. Фрейзера в КНР нападки на политику разрядки и призывы к усилению милитаризации Тихого и Индийского океанов вызвали отрицательный резонанс в странах Южной и Юго-Восточной Азии. Учитывая все это, М. Фрейзер вынужден был, что называется, «перестраиваться на ходу». Еще по пути из КНР, во время остановки в Гонконге (Сянгане), он заявил, что некоторые его выступления были «неправильно поняты». «Мы считаем, — подчеркнул он, — что добрые отношения с Советским Союзом важны».

Враждебность к СССР оставалась, однако, одним из доминирующих соображений при определении правительством Фрейзера его линии в отношении Китая. Так, в начале 1979 г. в связи с событиями в Кампучии оно фактически встало на точку зрения Пекина, а после нападения Китая на СРВ попыталось приписать «ответственность» за обострение обстановки в Юго-Восточной Азии СССР и СРВ.

В мае 1980 г. состоялся визит в Австралию китайской делегации во главе с заместителем премьера Государственного совета. В ходе проведенных переговоров обсуждались перспективы австрало-китайского сотрудничества не только в экономической области, но и «по основным международным проблемам». Было принято решение о проведении ежегодных политических консультаций между представителями министерств иностранных дел КНР и Австралии — поочередно в Пекине и Канберре. Характеризуя итоги переговоров, М. Фрейзер заявил, что «Китай занимает важнейшее место во внешних отношениях Австралии и связи с ним будут продолжать развиваться»³¹.

В последние два года пребывания либерально-аграрного

правительства у власти им вообще выдвигалась идея некой общности политических и стратегических интересов Австралии и Китая. В практическом плане, в частности, были сделаны первые шаги в сторону более тесных связей в военной области (обмен военными атташе, первое за три с лишним десятилетия посещение в сентябре 1981 г. австралийским военным кораблем китайского порта Шанхай).

Т. Стрит, сменивший Э. Пиккока на посту министра иностранных дел в октябре 1980 г., выступая в австралийском парламенте после своей поездки в Пекин в январе 1981 г., подчеркнул: «Я полагаю, что нашим широким политико-стратегическим, равно как и коммерческим, интересам отвечает, чтобы Китай сохранял «обращенную вовне» ориентацию и «окно, открытое на запад». Когда я упоминаю о стратегических интересах, я имею в виду общий баланс, в особенности в азиатско-тихоокеанском регионе и в Северной Азии, где действуют все четыре великие державы — Китай, Япония, Советский Союз и Соединенные Штаты и где благожелательная позиция Китая весьма важна»³².

Второй визит М. Фрейзера в КНР (август 1982 г.) был приурочен к десятилетию восстановления дипломатических отношений между двумя странами и прошел под знаком стремления обеих сторон к дальнейшему укреплению «дружественных отношений». При всем этом энтузиазм М. Фрейзера, Т. Стрита и некоторых других членов либерально-аграрного правительства по поводу сближения с Китаем разделялся далеко не всеми в правительственных и политических кругах Австралии. В частности, Э. Пикок в целом выступал за «большую сдержанность» (главной причиной его удаления с поста министра иностранных дел было, по мнению австралийских обозревателей, расхождение между ним и М. Фрейзером по вопросам политики по отношению к КНР).

Определенное воздействие на китайскую политику Канберры оказывала (и оказывает) также деятельность существующего в стране «тайваньского лобби», в состав которого входят прежде всего представители деловых кругов, заинтересованных в торговле с Тайванем (товарооборот Австралии с Тайванем сопоставим с товарооборотом между нею и КНР: в 1980/81 г. соответственно 903,9 млн. и 941,2 млн. долл.³³), а также крайне правые политические деятели. Политика администрации Рейгана в отношении Тайваня и связанные с этим американо-китайские трения

способствовали оживлению активности «тайваньского лобби» в Канберре.

С приходом к власти лейбористского правительства в австрало-китайских отношениях наметились некоторые изменения. В ходе официального визита в Австралию премьера Государственного совета КНР Чжао Цзяня в апреле 1983 г. выявились серьезные расхождения между сторонами, прежде всего по вопросу об отношении к Вьетнаму.

Китайская политика Канберры, как показывает опыт десятилетия, прошедшего со времени восстановления дипломатических отношений между Австралией и КНР, формируется и осуществляется под воздействием различных и противоречивых факторов. К этому добавляется чрезвычайно важный момент — неуверенность австралийских политиков в «стабильности» внешнеполитического курса Китая. «Из-за шатаний Китая в сфере политики и ориентации австралийским дипломатам и бизнесменам трудно научиться жить с этим непредсказуемым гигантом»³⁴, — подчеркивалось в опубликованном ведущим австралийским журналом обзоре, который был специально посвящен «причинам нестабильности Китая».

При всем этом основной тенденцией остается усиление значения Китая во внешней политике Австралии. В представлении определяющих эту политику деятелей, в их восприятии современной политико-стратегической действительности наблюдается явное завышение реальных веса и возможностей Китая на глобальном и особенно региональном уровнях.

Одновременно ими преувеличивались австралийские возможности в смысле оказания воздействия на политику КНР — в желательном для правящих кругов Австралии направлении. Правительство либерально-аграрной коалиции выдвигало даже претензии на «посредническую роль» в отношениях между Китаем и США. В частности, сам М. Фрейзер в ходе переговоров с премьером Государственного совета КНР Чжао Цзянем и заместителем председателя ЦК КПК Дэн Сяопином во время своего второго визита в Пекин стремился сгладить китайско-американские расхождения по Тайваню.

Но если для Австралии отношения с Китаем имеют первостепенное значение, то во всем комплексе внешнеполитических отношений его самого пятый континент занимает сравнительно скромное место. Тем не менее китайские политики отводили Австралии не последнюю роль в своих

планах на международной арене. Они, в частности, учитывали, что Австралия — союзник США, и видели в более тесных связях с ней возможность установления полезных, с их точки зрения, контактов с блоком АНЗЮС.

Исключительно важное место в австралийской внешней политике — вне зависимости от того, какое правительство находилось у власти в Канберре, — занимали в последние полтора десятилетия отношения с «ближайшим северным соседом» — Индонезией, а также другими государствами АСЕАН. В начале 70-х годов во время первого за послевоенный период визита индонезийского президента Сухарто (февраль 1972 г.) в Австралию стороны высказывались за упрочение двустороннего сотрудничества: министр иностранных дел Индонезии А. Малик заявил, что его страна готова стать «передовым рубежом австралийской обороны». Со своей стороны австралийское (либерально-аграрное) правительство взяло на себя обязательство содействовать усилению индонезийского военного потенциала. С этого момента и до настоящего времени военное сотрудничество остается важнейшим компонентом австрало-индонезийских отношений. Лейбористское правительство в 1972—1975 гг. продолжало начатую его предшественниками программу «оборонительного сотрудничества» с Индонезией. Характеризуя значение Индонезии в австралийской политике, Э. Уитлем провозглашал укрепление связей с ней «целью номер один» своего правительства.

Правительство Фрейзера, несмотря на серьезные трения в отношениях с Джакартой (они были связаны главным образом с вопросом о Восточном Тиморе: Австралия признала присоединение этой бывшей португальской колонии к Индонезии только в январе 1978 г.), продолжало проводить линию на укрепление политического и военного сотрудничества с Индонезией.

М. Фрейзер неоднократно подчеркивал заинтересованность Австралии в развитии связей с ней и другими государствами АСЕАН. В августе 1977 г. он участвовал в проходивших в Куала-Лумпуре переговорах между главами правительств Японии, Австралии и Новой Зеландии, с одной стороны, и руководителями стран АСЕАН — с другой. Канберра выступала за упрочение связей двух самых развитых капиталистических стран региона — Японии и Австралии, а также Новой Зеландии с АСЕАН по экономической линии, рассчитывая в перспективе на использование этой организации и в военно-политических целях, в целях укрепления позиций империализма в регионе,

сохранения «западной ориентации» стран АСЕАН. Лейбористское правительство Р. Хоука также ориентировалось на дальнейшее развитие отношений с АСЕАН, и прежде всего с Индонезией. Джакарта была первой из зарубежных столиц, которую посетил (в апреле 1983 г.) с официальным визитом министр иностранных дел этого правительства У. Хэйден.

На протяжении последнего десятилетия Австралия участвовала в снабжении Индонезии, Малайзии, Сингапура военной техникой, в подготовке офицерского состава для этих стран. В частности, к концу 70-х годов в австралийских военно-учебных заведениях прошли подготовку более 1,5 тыс. малайзийских и сингапурских и более 1 тыс. индонезийских военнослужащих. Австралийские вооруженные силы проводили совместные маневры с вооруженными силами этих стран. Сотрудничество Австралии со странами АСЕАН по военной линии активно поощряется США, а также Японией и Англией. Политические и военные стратеги главных империалистических держав отводят Австралии роль своего представителя в Юго-Восточной Азии. Вашингтон, в частности, прямо рассчитывает использовать Австралию как связующее звено между Соединенными Штатами и странами региона, не входящими в контролируемые ими военные блоки.

Если Австралия не обладает достаточными возможностями, чтобы играть определяющую роль в делах Юго-Восточной Азии, то для роли «представителя и партнера» США, а также Японии и Англии она располагает необходимыми экономическими и военно-политическими данными. Австралия неизменно фигурирует в планируемых империалистическими, прежде всего американскими, стратегами военно-политических комбинациях в азиатско-тихоокеанском регионе в качестве ведущего участника. Характеризуя выгоды американско-австралийского союза для США, видный американский специалист по отношениям между двумя странами Г. Гелбер писал: «...Австралия — одновременно и постоянный и прозападный фактор в любом индотихоокеанском равновесии. Поскольку она является частью этого региона, ее труднее, чем аутсайдеров, заподозрить во вмешательстве. Это обстоятельство может сделать вмешательство Австралии полезным в тех случаях, когда действия со стороны основной державы союза (США. — *И. Л.*) могли бы показаться неуместными или вызвать возмущение»³⁵.

В подготовленном в 1979 г. отделом политического

планирования МИД Австралии и представленном парламенту докладе «Австралия и третий мир» подчеркивалось первостепенное место связей с АСЕАН в «австралийской внешнеполитической сфере». Развивая это положение, Э. Пикок в октябре 1979 г. утверждал, что «будущее Австралии» будет определяться ее отношениями с соседними странами, и главным образом со странами АСЕАН.

Если Австралия лишь в последние годы проявляет самостоятельную активность в рамках азиатско-тихоокеанского региона, то составную часть этого региона — Океанию — она уже давно рассматривает фактически как сферу своего исключительного влияния, являясь в этом районе несопоставимо более сильной в экономическом и внешнеполитическом отношении, чем не только малые независимые государства, но и экономически развитая Новая Зеландия. Австралия во всевозрастающей степени служит центром экономического и политического притяжения для этих государств. Она претендует на роль «естественного лидера» Океании.

Из всех океанийских государств Новая Зеландия привлекает наибольшее внимание правящих кругов Австралии. Ими вынашиваются далеко идущие планы австрало-новозеландской экономической и политической интеграции. В 60—70-х годах в политических и научных кругах Австралии и Новой Зеландии не прекращалось обсуждение ее проблем и перспектив. Заключенное в 1965 г. соглашение о создании НАФТА — австрало-новозеландской зоны свободной торговли — в Канберре рассматривали как первый шаг в направлении интеграции. Показательно, что в 1968 г. тогдашний австралийский премьер-министр Дж. Гортон во время своего визита в Веллингтон вынужден был публично опровергать циркулировавшие в печати слухи о том, что Новой Зеландии будет предложено вступить в Австралийский Союз в качестве седьмого штата ³⁶.

В 70-х годах Австралия и Новая Зеландия заметно продвинулись по пути экономической и военной интеграции, хотя этот процесс наталкивался на естественные опасения новозеландской стороны. Правящие круги Новой Зеландии отдавали себе отчет в резком неравенстве сил и опасались ущемления своих интересов.

Но на рубеже 70—80-х годов экономическое, а также политическое сближение двух стран значительно ускорилося. Это объясняется прежде всего резким ухудшением экономического положения Новой Зеландии, хозяйство которой испытывало всевозрастающие трудности из-за со-

кращения возможностей сбыта новозеландской сельскохозяйственной продукции на рынках Англии и других западноевропейских стран вследствие протекционистской политики ЕЭС. Новозеландские правящие круги искали выхода в сближении с экономически значительно более сильным соседом. В марте 1978 г. после переговоров премьер-министра М. Фрейзера с заместителем премьер-министра Новой Зеландии Б. Толбойзом было принято решение о создании «Австрало-новозеландского фонда», в функции которого входит содействие двустороннему торгово-экономическому сотрудничеству, в частности разработка совместных мер «противостояния» ЕЭС. В ноябре 1978 г. новозеландское правительство выступило за укрепление военно-политического партнерства с Австралией, заявив, что Австралия и Новая Зеландия «в стратегическом отношении представляют собой единое целое».

С 1979 г. между правительствами Австралии и Новой Зеландии проходила целая серия переговоров о создании более тесного, чем НАФТА, экономического блока, а также о долговременных перспективах экономической и политической интеграции двух стран. Они завершились в июне 1982 г. соглашением «О тесных экономических связях», предусматривающим «постепенную и прогрессивную либерализацию торговли через Тасманово море всеми товарами, производимыми в каждой из стран»³⁷ (соглашение вступило в силу в январе 1983 г.). Премьер-министр Новой Зеландии Р. Малдун заявил, что реализация соглашения будет означать создание «общего рынка с 18 млн. человек»³⁸. В Канберре рассчитывают, что австрало-новозеландский «общий рынок» должен положить начало образованию более широкой «ассоциации в южной части Тихого океана» с участием Папуа-Новой Гвинеи, Фиджи и других малых океанийских государств.

Вообще австралийский империализм ведет активную политику, направленную на распространение своего влияния в Океании. С этой целью используется Южнотихоокеанский форум (организация, в которую входят Австралия, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, Фиджи, Западное Самоа, Соломоновы острова и другие государства и территории этого региона). Австралия вместе с Новой Зеландией выступила инициатором создания 200-мильной экономической зоны вокруг стран — участниц форума. Решение об этом было принято на сессии форума в Порт-Морсби в августе 1977 г. После соответствующих законодательных актов в каждой из стран весной 1978 г. вокруг Австралии и стран

Океании возникла крупнейшая в мире экономическая зона (только одна австралийская зона — 6,4 млн. кв. км)³⁹. Канберра фактически взяла на себя основную ответственность за реализацию упомянутого решения, в частности за осуществление контроля над рыболовством третьих стран в пределах зоны. Существование этой зоны имеет не только чрезвычайно большое экономическое значение, но также серьезные политико-стратегические последствия.

Австралия оказывает большое влияние на малые океанийские государства по экономической, политической и военной линиям, несмотря на отсутствие каких-либо формальных соглашений с ними. Примером может служить самое большое из них — Папуа-Новая Гвинея. Значительная часть экономики этой страны контролируется австралийским капиталом. Около трети расходной части ее государственного бюджета покрывается в последние годы за счет экономической помощи Австралии (общая сумма этой помощи в 1981—1985 гг. — около 1 млрд. долл.)⁴⁰. Вооруженные силы Папуа-Новой Гвинеи фактически находятся под австралийским контролем, офицерские кадры проходят подготовку в военно-учебных заведениях Австралии. Персонал для дипломатической службы Папуа-Новой Гвинеи стажирруется в австралийских посольствах и представительствах. Это, естественно, накладывает отпечаток на «видение мира» дипломатами и политиками страны.

Разобщенность, экономическая и культурная отсталость малых государств Океании пока еще открывают перед австралийскими правящими кругами определенные возможности проведения в отношении этих государств политики, направленной на вовлечение их в орбиту своего экономического, политического и военного влияния.

В настоящее время основной сферой внешнеполитической активности Австралии является азиатско-тихоокеанский регион и восточная часть Индийского океана. Именно здесь она выступает как заметная самостоятельная сила, как важная региональная держава. В представленном в ноябре 1982 г. австралийскому парламенту отчете Объединенного парламентского комитета по иностранным делам и обороне, в котором рассматривались место и роль Австралии в АНЗЮС, специально обосновывалось положение о том, что «Австралия, как средняя держава, может иногда действовать более эффективно сама по себе, беря на себя ведущую роль на региональном уровне от имени союза, например, в южной части Тихого океана»⁴¹.

Лейбористское правительство Р. Хоука, опираясь на

значительный экономический и военный потенциал страны, стремится к активной роли в азиатско-тихоокеанском регионе. Канберра при лейбористах выдвигает претензии на роль своего рода посредника между СРВ и Китаем, СРВ и странами АСЕАН. Так, в июле—августе 1983 г. в ходе визитов в Ханой и Пекин У. Хэйден обсуждал там «австралийскую мирную инициативу» по Кампучии. Западные обозреватели отмечали определенную тенденцию к переносу «центра тяжести» внешнеполитической активности Канберры с отношений с США на отношения со странами западной части Тихого океана.

5. Советско-австралийские отношения

Развитие советско-австралийских отношений в послевоенные годы было сложным процессом, который определялся как общей политической обстановкой в мире, так и непосредственно политикой Советского Союза и Австралии в отношении друг друга.

СССР последовательно проводил политику, основанную на принципах мирного сосуществования, проявлял готовность к сотрудничеству с Австралией в интересах упрочения мира и безопасности, в первую очередь в регионе Тихого и Индийского океанов, стремился к налаживанию двусторонних взаимовыгодных контактов по линии экономики, науки и техники, культуры и искусства. В то же время для австралийской политики в отношении СССР была характерна широкая амплитуда колебаний — от крайне антисоветских позиций в важнейших международных вопросах до попыток более реалистического и конструктивного подхода.

50—60-е годы были годами, когда Австралия, у власти в которой находилось либерально-аграрное правительство, принимала активное участие в «холодной войне» и, почти безоговорочно следуя за США на международной арене, придерживалась, как правило, антисоветской линии. В этот период была, можно сказать, достигнута низшая точка в советско-австралийских отношениях: в 1954—1959 гг. по вине австралийской стороны были приостановлены (фактически прерваны) нормальные дипломатические отношения между двумя странами. Участие Австралии в американской агрессии во Вьетнаме на протяжении целого ряда лет негативно влияло на эти отношения.

К началу 70-х годов со всей очевидностью выявилась неизбежность поражения США во Вьетнаме. Это обстоя-

тельство оказало непосредственное воздействие на австралийскую политику, в том числе в отношении СССР. Либерально-аграрное правительство попыталось привести свой внешнеполитический курс в соответствие с новыми реальностями. Одним из проявлений этого была позиция, занятая им в отношении советского предложения о создании системы безопасности в Азии. Выступая по этому поводу в парламенте в августе 1969 г., министр иностранных дел Г. Фрит заявил: «Австралийское правительство всегда приветствовало возможность конструктивных контактов с Советским Союзом, и это положение лежало и лежит в основе нашего подхода к каждому отдельному вопросу... Если бы удалось обеспечить и укрепить сотрудничество между странами региона, включая, конечно, Австралию, мы сделали бы важные шаги, чтобы Юго-Восточная Азия перестала быть слабым звеном в общей системе мировой безопасности. Если русские предложения соответствуют этим общим целям и могут содействовать их достижению, мы, естественно, рассмотрим их с глубоким интересом» ⁴². В СССР это заявление было расценено как «проявление в политике австралийского правительства реалистических тенденций» ⁴³.

Едва наметившееся изменение подхода правительства к советским инициативам вызвало активное противодействие реакционных кругов страны. В печати развернулась провокационная кампания, инициаторы которой не скупилась на измышления по поводу целей советской политики. Дело дошло до того, что премьер-министр Дж. Гортон вынужден был опровергать слухи о «советско-австралийском военном пакте» ⁴⁴. Под нажимом реакционных кругов правительство отступило от позиции, занятой им в отношении советского предложения. Дж. Гортон в октябре 1969 г. фактически дезавуировал своего министра иностранных дел, вследствие чего последний вынужден был уйти в отставку.

Но в Канберре уже больше не могли закрывать глаза на всевозрастающий авторитет СССР на международной арене. В 1970—1972 гг. правительство Австралии выступило с заявлениями о намерении «расширить» отношения с Советским Союзом и предприняло некоторые шаги в сторону их реализации (в частности, им было дано согласие на открытие генерального консульства СССР в Сиднее). При лейбористском правительстве, как мы знаем, имела место активизация связей между СССР и Австралией, что отвечало интересам обеих сторон.

Правительство М. Фрейзера после прихода к власти стало проводить недружественную линию в отношении СССР, раздувало мифы о «советской угрозе», призывало, о чем уже говорилось, к расширению американского военного присутствия в азиатско-тихоокеанском регионе и в Индийском океане. Печать, радио и телевидение Австралии, а также официальные лица на всем протяжении пребывания у власти либерально-аграрной коалиции вели фактически непрекращавшуюся кампанию по извращению и искажению советской внешней политики.

До какого абсурда доходили в своем антисоветизме канберрские политики, свидетельствует весьма характерный эпизод, получивший в австралийской печати ироническое наименование «трехчасовая русская угроза». Дело обстояло следующим образом. Министр обороны Дж. Киллен выступил на пресс-конференции 30 июня 1976 г. с заявлением, содержащим утверждение о том, что СССР представляет «непосредственную военную угрозу Австралии». Нелепость подобного утверждения была настолько очевидна, что это поставило правительство в затруднительное положение. Последовало прямое указание со стороны М. Фрейзера, и министр обороны — через три часа после упомянутого заявления — выступил с прямо противоположным «разъяснением», которое гласило: «Правительство не считает, что Советский Союз представляет прямую военную угрозу»⁴⁵.

Попытки официальной Канберры использовать «советскую угрозу» для обоснования курса, направленного против разрядки, на активизацию военных блоков, в частности на усиление военного присутствия США и других империалистических держав в регионе Тихого и Индийского океанов, наталкивались на отрицательное отношение со стороны видных представителей политических кругов и научной общественности Австралии. Это проявилось, например, на организованной австралийским институтом международных отношений конференции «Советская политика к востоку от Суэца». Многие австралийские участники этой весьма представительной конференции (август 1976 г.) ставили под сомнение внешнеполитический курс правительства. Член парламента лейборист У. Хэйден (в то время министр обороны лейбористского теневого кабинета, в настоящее время — министр иностранных дел) характеризовал политику правительства, направленную на поощрение эскалации военного присутствия США в Индийском океане под предлогом роста «советской угрозы», как

«граничающую с безответственностью»⁴⁶. Измышления о «советской угрозе Австралии» были опровергнуты в докладе специальной комиссии австралийского сената «Австралия и регион Индийского океана», опубликованном в начале 1977 г.⁴⁷

Правительство М. Фрейзера продолжало, однако, проводить линию, направленную против разрядки и основывавшуюся на концепциях, которые полностью искажали действительную картину политической ситуации. В начале 1977 г. оно вновь выступило с утверждениями о «советской угрозе» в Индийском океане и высказалось за расширение американо-английской военной базы на о. Диего-Гарсия.

В 1978 г. правительство Фрейзера включилось в направленную против СССР клеветническую кампанию «защиты прав человека». В феврале 1979 г. министр иностранных дел Э. Пикок пытался возложить «ответственность» за обострение обстановки в Юго-Восточной Азии на Советский Союз и Вьетнам. Одновременно он «объяснял» неблагоприятное для Запада развитие событий в Африке и на Среднем Востоке «советским вмешательством и влиянием». В апреле 1979 г. Э. Пикок, грубо извращая советский внешнеполитический курс, обвинил СССР в стремлении использовать в своих интересах события в Иране и в «наращивании» военно-морских сил в Индийском океане.

Канберра активно включилась в развязанную администрацией Картера в связи с событиями в Афганистане антисоветскую кампанию. Ее позиция в отношении этих событий полностью совпадала с позицией Вашингтона. Вслед за США правительство Австралии предприняло ряд шагов в направлении «противодействия» Советскому Союзу. В частности, в феврале 1980 г. М. Фрейзер объявил о срочной программе усиления военного потенциала страны, обосновывая необходимость этого «изменившейся в результате событий в Афганистане» международной обстановкой. Этой программой предусматривались увеличение численности вооруженных сил, усиление военно-морского флота и авиации, модернизация вооружения, создание сети военных аэродромов в Западной Австралии, резкое расширение «австралийского вклада» в патрулирование в Индийском океане.

Приход к власти администрации Р. Рейгана послужил стимулом для дальнейшей активизации антисоветского курса либерально-аграрного правительства. В мае 1982 г. в ходе официального визита в США М. Фрейзер, выступая в Нью-Йорке перед членами влиятельной «Ассоциации

внешней политики», выдвинул целый план «укрепления Западного союза для защиты свободы демократических наций против советской угрозы»⁴⁸. Следуя за Вашингтоном, Канберра по ряду важнейших международных вопросов, в том числе связанных с Афганистаном, Кампучией, Польшей, занимала позиции, враждебные СССР и всему социалистическому содружеству. Правительство Фрейзера участвовало в осуществлении «санкций» против Советского Союза. Это, в частности, выразилось в свертывании научных и культурных контактов с советской стороной.

И тем не менее курс либерально-аграрного правительства в отношении СССР на протяжении пребывания его у власти не был однозначен. Это правительство вынуждено было считаться с реальностью, с неуклонным усилением влияния Советского Союза в мировой политике. Против его антисоветского курса выступали влиятельные круги общественности страны. Определенную роль играла также заинтересованность деловых кругов страны в развитии торговли с СССР. Этим объяснялся ряд заявлений официальной Канберры о готовности сотрудничать с Советским Союзом. Уже отмечалось, что сразу же после заявлений в Пекине в июне 1976 г. о «советской угрозе» М. Фрейзер высказался за «добрые отношения» с Советским Союзом. Вслед за тем летом 1976 г. СССР посетили заместитель премьер-министра и министр торговли Д. Антони, министр транспорта П. Никсон. Д. Антони открыл австралийскую торговую выставку в Москве и вел переговоры о расширении советско-австралийских экономических связей. В августе 1976 г. Э. Пикок выступил с большим заявлением об отношениях между Австралией и СССР, в котором утверждал, что его правительство стремится «поддерживать дружественные связи и развивать сотрудничество с Советским Союзом». В марте 1977 г. он же подчеркивал, что отношения Австралии с СССР «покоятся на твердой почве» и что австралийское правительство желает придать им «максимально широкий и дружественный характер». В июле 1978 г. Советский Союз посетила австралийская парламентская делегация.

Торгово-экономические отношения между СССР и Австралией ведут свою историю с 1922 г., но лишь в последние 10—15 лет они получили существенное развитие. Так, объем взаимного товарооборота возрос с 62 млн. руб. в 1970 г. до 781 млн. руб. в 1980 г. В 1981—1982 гг. он сократился, но составлял свыше 500 млн. руб. в год. Традиционной статьёй советского импорта из Австралии является

шерсть (на нее приходится в последние годы 35—40 % всей стоимости импорта). За счет поставок из Австралии СССР обеспечивает около 70 % своих импортных потребностей в тонкой овечьей шерсти. В 70-х годах расширились закупки пшеницы, а также ячменя (на зерновые приходится 40—50 % стоимости импорта), кроме того, закупается мясо, некоторые виды минерального сырья. В 1981 г. в Советский Союз впервые было продано австралийское медицинское и ветеринарное оборудование⁴⁹. СССР является одним из важнейших покупателей продукции сельского хозяйства Австралии.

В свою очередь СССР поставляет в Австралию металло-режущие станки, тракторы и некоторые другие виды машин и оборудования (35—40 % общего объема экспорта), химическую продукцию, рыбные консервы и различные товары культурно-бытового назначения. С 1970 г. стоимость советского экспорта в Австралию увеличилась почти в 10 раз. Тем не менее импорт по-прежнему значительно превышает экспорт, что является серьезным препятствием для дальнейшего расширения объема взаимной торговли.

В 1965 г. между двумя странами было заключено первое торговое соглашение — о взаимном предоставлении режима наиболее благоприятствуемой нации. Однако договорно-правовая и институциональная база советско-австралийских торгово-экономических связей укрепились в основном уже в 70-х годах. В 1973 г. было подписано соглашение о развитии торгово-экономических отношений, по которому, в частности, была учреждена смешанная советско-австралийская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. В 1977 г. в рамках этой комиссии создана рабочая группа по торговле машинами и оборудованием. Кроме того, в Австралии созданы с участием советских внешнеторговых организаций два общества для содействия экспорту готовой промышленной продукции — «Беларусь тракторс» (торговля тракторами) и «Текма» (по продаже машинно-технического оборудования и лицензий). В последние годы в Австралию были проданы советские лицензии на ряд технологических процессов в черной и цветной металлургии. В 1975 г. было заключено двустороннее соглашение о научно-техническом сотрудничестве. Оно приносит свои плоды, в частности, в области энергетики⁵⁰.

Упомянутые соглашения, работа смешанной комиссии и рабочей группы давали возможность для нахождения разнообразных путей расширения торгово-экономического

и научно-технического сотрудничества. Однако ухудшение советско-австралийских отношений в 1980 г. в результате политики правительства М. Фрейзера, поддержавшего антисоветскую кампанию администрации США, нанесло серьезный ущерб развитию экономических, научных, культурных и других связей двух стран. Отказавшись от введения торговых санкций, поскольку они нанесли бы ущерб прежде всего самой Австралии, правительство М. Фрейзера практически свернуло сотрудничество по другим линиям.

Приход к власти в Австралии лейбористского правительства внес новые моменты в советско-австралийские отношения. В одном из своих первых внешнеполитических выступлений премьер-министр Р. Хоук заявил, что Австралия предпримет шаги по восстановлению нормальных отношений с Советским Союзом. Правительство, отметил он, не желает быть в двусмысленном положении из-за того, что страна ведет торговлю с СССР, но не имеет с ним нормальных отношений в других областях. Р. Хоук подчеркнул, что вопросы, связанные с обеспечением мира на земле, не могут конструктивно обсуждаться без Советского Союза⁵¹.

В июне 1983 г. правительство Австралии объявило о восстановлении в полном объеме экономических отношений с СССР, а также о восстановлении культурных, научных и спортивных связей⁵². С 1 июля 1983 г. был снят запрет на заход в австралийские порты советских пассажирских круизных судов. В октябре того же года в Москве прошла пятая сессия смешанной советско-австралийской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. На ней в конструктивном духе был обсужден широкий круг вопросов делового сотрудничества между двумя странами, в том числе состояние и перспективы торговли, расширение поставок советских машин и оборудования, перспективы сотрудничества в области рыбного хозяйства, а также возможности коммерческого использования научно-технических достижений⁵³.

Лейбористское правительство проявляло стремление внести вклад в дело нормализации обстановки в Юго-Восточной Азии. Положение в этом регионе явилось одной из важнейших тем переговоров между членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и министром иностранных дел Австралии У. Хэйденом, состоявшихся во время визита последнего в СССР в мае 1984 г. В сообщении

об этих переговорах говорилось: «Министры выразили уверенность, что ликвидация напряженности в Юго-Восточной Азии, утверждение в этом регионе мира и стабильности на основе отношений доверия, добрососедства и сотрудничества отвечали бы как интересам государств этого региона, так и широким интересам международной безопасности. Этой цели служат усилия по налаживанию диалога между государствами Индокитая и странами АСЕАН» ⁵⁴.

Возникли определенные точки соприкосновения между позицией СССР и позицией лейбористского правительства в вопросах об ограничении гонки вооружений. Канберра высказывалась за объявление южной части Тихого океана «безъядерной зоной» и за превращение Индийского океана в «зону мира». Учитывая настроения широких кругов австралийской общественности, выступающих за вклад Австралии в дело сохранения и упрочения мира, лейбористское правительство в середине 1983 г. заявило о намерении организовать «институт мира» для изучения проблем мира и безопасности на региональном и глобальном уровнях. В министерстве иностранных дел Австралии был создан специальный пост «посла по делам разоружения».

Правительства и народы наших двух стран объективно заинтересованы в укреплении мира.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ КАНАДЫ

Особенности развития экономики Канады во многом обусловлены начавшейся в послевоенный период интенсивной разработкой ее огромных природных богатств, усилением иммиграционных потоков, широкомасштабной деятельностью иностранного капитала в ряде ключевых отраслей, постепенным разрастанием механизма и сфер деятельности государства в лице федеральной и провинциальных властей. Страна, получившая много нелестных эпитетов («арктическая банановая республика», «дровосек и водонос», страна с «усеченной» экономикой, «пятьдесят первый штат США» и т. д.), является страной больших экономических возможностей. Бывшая аграрная периферия, а теперь член «семерки» лидеров капиталистического мира, Канада демонстрирует весьма своеобразный пример экономики, в которой противоречиво сплетаются факторы стимулирующие и факторы, тормозящие экономическое развитие. Выделяясь высоким уровнем концентрации экономической власти в руках корпоративной элиты, Канада вынуждена противодействовать постоянному влиянию извне. Сила и в значительной мере негативный характер этого влияния обусловлены тем, что оно исходит от гигантской, периодически дающей сбой экономической машины США, а также тем, что канадская корпоративная элита во многом подчинена американской или взаимодействует с ней.

Принципиальным отличием канадского экономического развития явилось то, что государственно-монополистический капитализм приобрел здесь развитые формы позднее, чем в других капиталистических странах. Это предопределило специфику национального финансового капитала Канады, формировавшегося под непосредственным воздействием уже сложившегося и начавшего широкую международную экспансию финансового капитала США. Позднее началось и активное внедрение в канадскую экономику достижений научно-технической революции. Ускоренная ликвидация такого двойного «запаздывания» стала одной из основных причин высоких темпов экономического роста Канады после второй мировой войны и относительно ко-

роткого периода ее перехода в группу наиболее развитых капиталистических государств.

Важную роль в этом сыграл значительный экономический потенциал Канады. Степень обеспеченности страны важнейшими видами топливно-сырьевых ресурсов намного выше, чем других развитых капиталистических государств. Это выгодно отличает Канаду от других капиталистических стран и сулит ей большие перспективы, одновременно создавая перманентный накал внутрирегиональных противоречий в связи со стремлением США осуществлять «совместную» эксплуатацию североамериканских ресурсов. Характерной особенностью и прямым результатом внутрирегиональных условий функционирования хозяйственного комплекса страны является ориентация канадской экономики на внешние рынки. Зависимость Канады от внешних рынков намного выше, чем других промышленно развитых капиталистических государств: в 70-е годы экспорт составлял более $\frac{1}{4}$ ВВП (в США — $\frac{1}{20}$ часть) и $\frac{1}{3}$ всего промышленного производства. Высокая степень вовлеченности Канады в систему международного разделения труда оказывает противоречивое воздействие на состояние экономики, ставя ее в прямую зависимость от колебаний конъюнктуры мирового рынка.

Отстаивая лидирующие позиции в экономике капиталистического мира, Соединенные Штаты после второй мировой войны начали широкую экспансию в экономике Канады. Помимо прямой цели — выкачивания прибылей и минерально-сырьевых ресурсов, финансовый капитал США руководствовался при этом необходимостью подтянуть Канаду до уровня экономического развития, выгодно американским монополиям, а также стимулировать создание такой структуры экономики, которая дополняла бы американскую и минимально конкурировала бы с ней. Объединив систему обороны североамериканского континента и подключив канадские монополии к выполнению военных заказов Пентагона, Соединенные Штаты обеспечили возможность формирования в Северной Америке единого военно-промышленного комплекса.

Несмотря на глубокие экономические связи с США, имеющие во многом объективный характер, одной из основных тенденций общественно-политической жизни Канады является стремление к независимому развитию как в экономической, так и в социально-политической сферах. Действие объективных экономических законов обуславливает перманентный характер противоречий между Канадой и

США. Периодически обостряющаяся конкурентная борьба монополий двух стран нарушает «гармонию» межгосударственных отношений, к которой стремятся сторонники неограниченного регионального экономического сотрудничества. С начала 70-х годов столкновение интересов Канады и США усилилось.

Укрепление экономических позиций Канады, расширение ее участия в системе мирохозяйственных связей сопровождалось повышением ее роли в мировой экономике и политике.

1. Динамика и факторы экономического роста

Современные позиции Канады в экономике капиталистического мира обусловлены спецификой послевоенного развития производительных сил страны. Канада занимает в настоящее время седьмое место среди стран — членов ОЭСР по объему валового внутреннего продукта. Тот факт, что ей не удалось занять более высоких позиций, в значительной мере предопределен относительной малонаселенностью страны и низкой плотностью населения Канады (2,4 человека на кв. км, тогда как аналогичный среднемировой показатель составляет 29 человек; по плотности населения страна занимает одно из последних в ОЭСР мест). Чрезвычайно высока степень неравномерности распределения населения по отдельным провинциям: на 89 % территории страны постоянные поселения практически отсутствуют. Основная часть населения сосредоточена в экономически развитых провинциях: Онтарио — 35,4 %, Квебек — 26,4, Британская Колумбия — 11,3, Альберта — 9,2, Манитоба и Саскачеван — по 4,0 %. На долю остальных четырех провинций (Новая Шотландия, Нью-Брансуик, Ньюфаундленд и Остров Принца Эдуарда) приходится 9,2 % населения Канады. Наименее заселены обширные Северо-Западные территории и Юкон — там проживает 0,3 % жителей Канады. Демографические тенденции Канады существенно отличаются от аналогичных процессов в других развитых странах капитализма. Доля естественного прироста населения, составлявшая в 40-х годах 92,3 %, почти неуклонно сокращалась и упала до 65,6 % в 1971—1976 гг.¹ Большую роль в формировании населения страны играет иммиграция. Несмотря на то что в послевоенный период приток иммигрантов сократился в 2—3 раза, Канада ежегодно принимает значительное число переселенцев, что оказывает большое воздействие на ее экономи-

ческое развитие. Наивысшим уровень иммиграции за весь послевоенный период был в 1957 г. (282 тыс. человек).

В целом доля иммиграции в приросте численности населения Канады увеличилась в послевоенный период с 7,7 до 34,4 %. Это оказывало двойственное воздействие на экономику страны и создавало специфические условия формирования рынка рабочей силы. С одной стороны, происходило постоянное пополнение трудовых ресурсов, что обеспечивало Канаде наиболее высокие темпы прироста численности рабочей силы среди развитых капиталистических стран. В течение 60-х годов канадский рынок рабочей силы ежегодно пополнялся за счет иммигрантов в среднем на 35—40 %, в 70-х годах — на 25 %. Особое значение имел в среднем более высокий уровень образования и квалификации переселенцев по сравнению с местным населением. Дипломированные переселенцы удовлетворяли почти половину потребностей экономики страны в квалифицированных специалистах. В то же время интенсивный приток иммигрантов оказывал прямое воздействие на обострение проблемы безработицы и вынуждал правительство Канады принимать меры по ограничению ежегодной численности переселенцев.

Национальный состав иммиграции отличается большой неоднородностью. Результатом интенсивности миграционных процессов явилось этническое разнообразие Канады, наложившее несомненный отпечаток на формирование производительных сил страны. В стране насчитывается более 30 этнических групп: 67 % населения говорят на английском языке, 25,7 % — на французском, остальные 7,3 % жителей говорят на 24 языках.

Среднегодовой темп прироста рабочей силы Канады составлял в 1971—1981 гг. 3,2 %. Общая численность самодеятельного населения превысила в 1981 г. 11,9 млн. человек, из них 10,9 млн. человек составляли занятые, 898 тыс. человек — безработные².

Материальной основой развития экономики послевоенной Канады явился рост ее производственного потенциала, обусловленный большими капиталовложениями во все отрасли. Общий объем инвестиций превысил за 70-е годы 353 млрд. долл. * (в текущих ценах), а объем ежегодных капиталовложений вырос к концу десятилетия более чем в 3 раза. Однако в начале 80-х годов эта тенденция была

* Здесь и далее если специально не оговаривается, то имеется в виду канадский доллар.

нарушена — в 1982 г. объем валовых инвестиций упал на 12 % по сравнению с уровнем 1981 г., составив менее 28 млрд. долл. Норма накопления в экономике Канады на протяжении всего послевоенного периода оставалась относительно высокой: в 50-х годах инвестируемая доля ВВП составляла 23,4 %, в 70-х годах — 22,6 %³. В первые послевоенные годы Канада направляла на формирование основного капитала значительно больший процент ВВП, чем остальные развитые страны капитализма, затем этот разрыв существенно сократился. В 1980 г. инвестиции составили 23,1 % ВВП Канады, что было выше уровня накопления капитала в США, Великобритании, Италии и Франции. В том же году из «семерки» Канаду опережали только Япония и ФРГ. Средний ежегодный прирост объема валовых капитальных вложений составлял в Канаде в 1975—1980 гг. 2,3 % и являлся в этот период относительно высоким по сравнению с показателями других развитых стран.

Объем государственных инвестиций вырос с 4 млрд. долл. в 1972 г. до 9 млрд. в 1981 г., частные капиталовложения увеличились с 19 млрд. долл. до 71 млрд., или в 3,7 раза. В результате, несмотря на рост абсолютных масштабов участия государства в формировании материальной базы экономики Канады, его доля в совокупных капиталовложениях упала с 17 % в 1972 г. до 11 % в 1981 г.⁴ Тем не менее государственное вмешательство сыграло определенную роль в стимулировании послевоенного развития.

В 70-х годах в структуре частных капиталовложений имела место тенденция к росту инвестиций в машины и оборудование (40 % в 1981 г.). Остальная часть вложений направлялась на строительство жилых и производственных зданий и сооружений. При этом если в 1972 г. их доли были примерно равны, то в течение истекшего десятилетия соотношение коренным образом изменилось: объем инвестиций в производственные здания и сооружения более чем вдвое превысил объем инвестиций в жилищное строительство. Обновление основного капитала в традиционных отраслях экономики Канады сопровождалось интенсивным созданием новых отраслей промышленности, прежде всего авиационной, электротехнической, отраслей, связанных с добычей и переработкой нефти и природного газа, добычей железной и урановой руды, калийных солей.

Производительность труда в целом по стране в 1980 г. составляла в среднем 95 % от уровня США, а в таких отраслях, как строительство, горнодобывающая, энер-

гетическая, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, ее уровень был выше американского. Среди «семерки» Канада имела самую низкую долю занятых в промышленности, составлявшую в 1980 г. 28,5%. При сокращении численности занятых в сельском хозяйстве объем производства на 1 занятого вырос с 1961 по 1979 г. в 2,4 раза, а объем производства за один человеко-час — почти в 2,7 раза. Средний ежегодный темп прироста производства на одного занятого в экономике Канады составлял в 1949—1979 гг. 2,5 %, темп прироста производства за один человеко-час — 3,4 %.

Вместе с тем следует учитывать, что приведенные выше данные включают не только национальные предприятия Канады, но и филиалы зарубежных ТНК. Если в довоенный период доля иностранного контроля над канадской экономикой составляла 21 %, то уже на рубеже 60-х годов она достигла 32 %, из них 26 % приходилось на долю США. В течение последующих 20 лет соотношение национального и иностранного контроля в целом по всем отраслям колебалось в незначительных пределах. Принципиальное значение имело некоторое повышение к концу 70-х годов доли канадского контроля: до 45 % — в обрабатывающей, до 44 % — в горнодобывающей и до 35 % — в нефтегазовой промышленности. Тем не менее степень контроля иностранцев в этих трех ведущих отраслях экономики Канады остается беспрецедентной, а ее последствия оказывают противоречивое воздействие на динамику и результаты экономического роста страны. Главным и неизбежным последствием явилось то, что существенная часть процесса воспроизводства осуществляется не в национальных интересах, а в соответствии с целями ТНК и в прямой связи с их экономическими потребностями и политическими установками.

Особенности развития экономики Канады отразились и на ее научно-техническом потенциале, отличающемся относительно невысоким уровнем развития фундаментальных научных исследований и в то же время отлаженным механизмом прикладных исследований и внедрения. Современный уровень канадского производства является результатом интенсивной реализации собственных научно-технических достижений в отраслях национального сектора экономики, а также широкого ввоза из-за рубежа новой техники и технологии, в основном обеспечивающих потребности технического перевооружения филиалов иностранных компаний. Вместе с тем Канада отстает от

лидирующих стран капитализма по доле расходов на НИОКР в структуре ВВП. Если в 1967 г. эти расходы достигали 1,33 % ВВП, то в 1975 г. они сократились до 1,2 % ⁶, что было почти вдвое ниже уровня США и Великобритании. Общая сумма расходов Канады на НИОКР выросла с 0,3 % млрд. долл. в 1960 г. почти до 2,2 млрд. долл. в 1978 г. Государственные ассигнования на НИОКР росли более медленными темпами, чем расходы промышленности и университетов, следствием чего явилась устойчивая тенденция к сокращению удельного веса государственного финансирования, составлявшего в 50-х годах почти 70 %, а в 70-х годах — около половины канадских затрат на НИОКР ⁷.

Слабость собственной научно-исследовательской базы канадских монополий во многом обусловлена широкими возможностями получения современных знаний и техники из США. Однако весьма проблематична потенциальная выгодность для Канады подобной формы кооперации в области науки и техники: получение результатов НИОКР в готовом виде сопровождается растущим объемом затрат на их приобретение, постоянной зависимостью от контрагентов из США.

70-е годы продемонстрировали неоднозначные итоги послевоенной эволюции канадского хозяйства, обусловленные как специфическими национальными экономическими противоречиями, так и общими противоречиями развития экономики капитализма (см. табл. 15). По объему производства ВВП на душу населения в 1980 г. Канада находилась на 12-м месте среди членов ОЭСР и на 4-м месте в «семерке» ⁸. Примечательно, что Канада практически сравнялась с США по этому показателю: если в 1950 г. он составлял 71 % от американского уровня, то в 1980 г. — 99 % ⁹.

Анализ динамики роста экономики Канады свидетельствует о ее неравномерности. Если в 1950—1970 гг. темпы прироста ВВП колебались в среднем в пределах 4,5—5 %, то в 1970—1980 гг. они снизились до 4 %. Во второй половине 70-х годов темпы прироста канадского ВВП составляли только 3 %, что было ниже темпов роста всех остальных членов «семерки», кроме Великобритании. Объем ВВП Канады вырос за 1950—1970 гг. более чем в 2,6 раза. В течение следующего десятилетия он увеличился почти в 1,5 раза и достиг в 1980 г. 130,5 млрд. долл. (в ценах 1971 г.).

В отличие от остальных стран «семерки» (исключая Францию) Канада в 70-х годах из всех экономических

Основные показатели послевоенного развития экономики Канады (в млрд. долл.)

	1950	1960	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981
Динамика валового национального продукта (в ценах 1971 г.)	33,8	53,2	88,4	94,5	100,2	107,8	111,7	113,0	119,2	121,8	126,2	129,9	130,5	134,5
Темп прироста ВВП (% к предыдущему году)	7,6	2,9	2,5	6,9	6,1	7,6	3,6	1,2	5,5	2,1	3,6	2,9	0,5	3,1
Доля в промышленном производстве стран ОЭСР, %	3,2	2,9	3,0	3,2	3,2	3,2	3,2	3,3	3,2	3,2	3,3	3,3	3,1	3,1
Индекс промышленного производства, 1971 г. = 100	31,3	52,5	95,8	100,0	107,6	119,0	122,8	115,5	122,2	125,3	129,9	137,8	135,5	137,7
Валовые капиталовложения, в ценах 1971 г.	7,0	11,8	18,9	20,8	22,0	21,4	25,7	26,7	27,4	27,2	27,2	28,9	30,1	31,8
Загрузка мощностей в обрабатывающей промышленности, %	75,1	83,3	83,9	86,5	91,2	90,4	81,2	82,7	82,2	86,0	86,1	81,0	79,2	
Индекс розничного товарооборота, 1971 г. = 100			92	100	121	136	156	170	204	220	265	275	299	338
Индекс стоимости жизни, 1971 г. = 100	68,0	79,6	97,2	100,0	104,8	112,7	125,0	138,5	148,9	160,8	175,2	191,2	210,6	236,9
Экспорт товаров	3,1	5,4	16,8	17,8	20,1	25,5	32,6	33,5	38,0	44,3	53,1	65,3	76,2	83,7
Импорт товаров	3,1	5,5	14,0	15,6	18,3	22,7	30,9	34,0	36,6	41,5	49,0	61,1	69,3	79,1
Сальдо платежного баланса по текущим операциям	-0,3	-1,2	1,1	0,4	-0,4	0,1	-1,5	-4,9	-3,8	-4,3	-4,9	-4,9	-1,9	-6,6
Золотовалютные резервы (на конец года)		2,0	4,7	5,3	5,6	4,8	4,8	4,5	5,0	3,8	3,5	2,9	4,0	4,4

Источники: Canadian Statistical Review, January 1983; Main Economic Indicators, Historical Statistics 1960—1979, p. 12—13; Statistical Yearbook 1979/80.

кризисов выходила хоть с небольшим, но с приростом объема ВВП. 80-е годы внесли существенные коррективы в экономическое положение страны, предопределившие резкие конъюнктурные колебания, не имеющие аналогов в ее послевоенном хозяйственном развитии. В 1982 г. объем ВВП сократился до 128,1 млрд. долл. (в ценах 1971 г.). Снижение основных экономических показателей, имевшее место в 1982 г., явилось для Канады наиболее серьезным за весь период после «великой депрессии». Если кризис 1974—1975 гг. привел к падению темпов прироста канадского ВВП до 1,2 %, а кризис 1979—1980 гг. — до 0,5 %, то кризис 1981—1982 гг. имел своим результатом сокращение объема ВВП на 4,8 % — уровень, небывалый не только для Канады, но и для всех остальных развитых стран капитализма.

Кризис начала 80-х годов наглядно продемонстрировал высокую степень взаимосвязи канадского экономического цикла с американским: резкое сокращение промышленного производства США (2-е место в капиталистическом мире по глубине после Канады) предопределило неизбежный и более существенный спад в Канаде, где падение промышленного производства составило почти 11 %. Свертывание объема жилищного строительства достигло в Канаде в 1982 г. небывалых масштабов — по сравнению с предыдущим годом оно сократилось на 29 % (в США оно уменьшилось на 2,6 %, а в целом по ОЭСР — на 7 %) ¹⁰. Падение объема капиталовложений в машины и оборудование составило 16,4 %, что также явилось беспрецедентным для «семерки». Загрузка производственных мощностей упала к концу 1982 г. до 63,5 % в целом по обрабатывающей промышленности и до 56,4 % в отраслях, производящих товары длительного пользования.

Таблица 16

Динамика физического объема промышленного производства
(1975 г. = 100)

	1950	1960	1970	1979	1980	1981	1982 ¹	1982 в % к 1981
Канада	30	45	82	119	117	119	106	—10,8
США	41	57	92	130	125	128	118	—8,2
Все развитые страны капи- тализма	32	51	90	123	122	123	118	—3,9

¹ Предварительные данные.

Источник. Monthly Bulletin of Statistics, за соответствующие годы.

Синхронность циклического развития национальных хозяйств Канады и США выступает объективной закономерностью экономики североамериканского региона. Экономические кризисы и спады производства имели место в Канаде в 1953—1954 гг., 1957—1958 гг., 1960 г., 1966 г., 1969—1970 гг., 1974—1975 гг., 1977 г., 1979—1980 гг., 1981—1982 гг., т. е. происходили практически одновременно с американскими. Высокая степень совпадения фаз циклического развития Канады и США в значительной мере обусловлена прямым переносом конъюнктурных колебаний американской экономики на канадскую. Одной из основных причин этого являются первоочередные сокращения производства и массовые увольнения на предприятиях американских компаний, функционирующих в Канаде.

Безработица превратилась в настоящее время в острейшую проблему экономического развития Канады. Только в течение 70-х годов число безработных выросло почти в 2 раза, тогда как число занятых в гражданских отраслях увеличилось всего на 20 %¹¹. Основная часть рабочих мест (72 %) была обеспечена мелкими фирмами с числом занятых, не превышавшим 20 человек. В период с 1969 по 1977 г. они создали в обрабатывающей промышленности страны 317 тыс. рабочих мест, тогда как крупные фирмы сократили число рабочих мест на 124 тыс.¹² В условиях высокого уровня концентрации производства в канадской промышленности такие тенденции осложняли противодействие повышению уровня безработицы. В 70-х годах в Канаде была самая высокая среди развитых капиталистических стран доля безработных в экономически активном населении, достигавшая в среднем 6,7 %, тогда как в целом по странам ОЭСР она составляла 4,3 %. В 80-х годах проблема усугубилась: в начале 1984 г. доля безработных в общей численности экономически активного населения достигла 12,4%, приблизившись к полуторамиллионам человек¹³.

Характерным явлением стали высокие среднегодовые темпы роста потребительских цен. По этому показателю Канада традиционно обгоняла США: так, в 1969—1979 гг. он составлял соответственно 7 и 6,3%, в 1981 г. — 12,5 и 10,4 %. В 80-х годах потребительские цены в Канаде стали расти более высокими темпами, чем в среднем по странам ОЭСР. Резкий скачок инфляционного роста цен в Канаде в середине 70-х годов в значительной мере был связан с увеличением стоимости предметов потребления на миро-

вом капиталистическом рынке, ростом цен на зерно, сырую нефть и природный газ, неизбежно отразившимися на «открытой» экономике Канады, чрезвычайно восприимчивой к мировой инфляции. Считая, что инфляция имеет в основном иностранное происхождение и может быть искусственно ограничена, правительство Канады приступило в конце 1975 г. к реализации соответствующих мер. Результатом явился рекордный рост дефицита федерального бюджета и новый скачок инфляции, явно имевшей отечественное происхождение. Программы принудительного регулирования и контроля над заработной платой, ценами, прибылями и доходами не привели к достижению поставленных перед ними целей: было официально признано, что государственная антиинфляционная политика способствовала инфляции и должна быть заменена системой добровольных ограничений цен и заработной платы.

Крайняя неустойчивость экономической конъюнктуры в начале 80-х годов отразила серьезность проблем, накопившихся в экономике Канады. Безработица и инфляция достигли рекордных для этой страны уровней, по стране прокатилась серия банкротств (самый высокий уровень был отмечен в 1982 г.), канадская газета «Глоб энд мейл» констатировала их беспрецедентное количество, превысившее 38 тыс. Оценивая ситуацию, руководитель Научно-исследовательского института имени С. Д. Хау К. Бейджи признавал: «Канадская экономика оказалась в самом худшем состоянии со времен второй мировой войны. Все показатели отражают изменения к худшему»¹⁴. Министр финансов М. Лалонд, определяя в конце 1982 г. положение Канады как «исключительно тяжелое», подчеркивал: «Мы переживаем самый глубокий экономический спад со времени «великой депрессии» 30-х годов»¹⁵.

Многочисленные попытки стабилизировать экономику страны не дали реальных результатов. Так, с конца 70-х годов правительство вынуждено было начать проведение ограничительной бюджетной политики, неэффективность которой проявилась очень быстро: в 1982/83 г. дефицит достиг 23,6 млрд. долл. В качестве основной меры для сокращения статей расходов было избрано ограничение масштабов государственных ассигнований на здравоохранение, образование и социальное обеспечение. Бюджетная политика не отразилась, однако, на других статьях; так, военные расходы Канады увеличились за истекшее десятилетие в 2,4 раза и достигли 6,9 млрд. долл. в 1982 г., что более чем на 60 % превысило уровень 1979 г.¹⁶

Жесткий антиинфляционный курс, проводившийся Банком Канады с конца 70-х годов с целью предотвращения дальнейшего падения курса канадского доллара и ограничения оттока капитала в США, привел к существенному росту ставки учетного процента, которая поднялась в середине 1982 г., несмотря на экономический кризис, до 22,7 %. Повышение стоимости кредита замедлило рост инвестиций практически во все отрасли, способствовало увеличению численности безработных и снижению темпов роста канадской экономики. Общее обострение внутриэкономических проблем продемонстрировало неэффективность механизма государственно-монополистического регулирования.

2. Отраслевая структура хозяйства

Результатом послевоенного развития экономики Канады явились сдвиги в структуре общественного производства, ускоренные экономическими кризисами 70-х годов. Главным из них было закрепление за бывшей аграрной страной статуса промышленной державы. Интенсификация воспроизводственного процесса происходила в Канаде относительно высокими темпами и привела к существенному росту производительности и глубины разделения общественного труда. Наряду с этим развитие государственно-монополистического регулирования экономики и классовые завоевания канадских трудящихся способствовали изменению структуры спроса, выразившемуся в повышении удельного веса сферы нематериального производства. Итогом действия названных факторов стала неравномерность развития канадского хозяйства и модификация межотраслевых пропорций, обусловленные изменением долей отдельных отраслей и групп отраслей в ВВП страны.

В 60—70-х годах темпы роста таких отраслей, как электро-, газо- и водоснабжение, транспорт и коммуникации, торговля, кредитно-финансовая сфера и сфера услуг, устойчиво обгоняли темпы роста экономики в целом. Темпы развития первичных отраслей — сельского и лесного хозяйства, рыболовства и добывающей промышленности — отставали от динамики роста совокупного канадского ВВП; аналогичная ситуация сложилась в 70-х годах и в обрабатывающей промышленности, которая не только снизила темпы роста до 3,5 % в среднем за десятилетие, но и сократила свой удельный вес в ВВП с 26,4 % в 1970 г. до 20,2 % в 1982 г. В структуре промышленного производства главным изменением явились опережающие темпы роста стои-

мостного объема производства товаров длительного пользования.

Следствием неравномерности развития отдельных отраслей явился рост непроизводственной сферы и сокращение доли материального производства в структуре ВВП: в течение 1961—1982 гг. их доля уменьшилась на 8,5 процентных пункта. Существенные сдвиги произошли в отраслевой структуре занятости в экономике. К 1981 г. доля занятых в отраслях материального производства сократилась до 34 % и Канада стала лидером капиталистического мира по доле занятых в сфере услуг (66 %). В целом доля ВВП, создаваемого в сфере материального производства, сократилась с 53 % в 1949 г. до 35,7 % в 1982 г., соответственно доля непроизводственной сферы повысилась с 47 до 53 %.

Изменение соотношения первичных и обрабатывающих отраслей в структуре материального производства привело к изменению первоначальной аграрно-сырьевой направленности канадской экономики. В 1982 г. доля первичных отраслей составила всего 17 % стоимости продукции отраслей материального производства по сравнению с 31 % в 1947 г., 24 % в 1961 г. и 22 % в 1970 г. В результате современная отраслевая структура ВВП Канады практически не отличается от аналогичных структур таких стран, как США и Великобритания. Специфика национального хозяйства Канады проявляется на более глубоких уровнях разделения труда.

Отличительной особенностью структуры канадского производства является слабая интегрированность отдельных сфер и отраслей производства внутри страны. Практически каждая провинция Канады имеет свою структуру производства, что дополняется низким уровнем развития внутри- и межотраслевой специализации и кооперирования между отдельными провинциями. Все это препятствует углублению производственных связей между провинциями, нарушая хозяйственное взаимодействие внутри страны.

Главное место в канадском хозяйстве принадлежит промышленности. Хотя ее удельный вес несколько сократился с 32,4 % в 1961 г. до 26,2 % в 1982 г., она преобладает над остальными отраслями материального производства (см. табл. 17). В послевоенный период промышленное производство росло в Канаде относительно высокими темпами, его объем увеличился почти в 4 раза. По темпам роста физического объема промышленного производства Канада

Отраслевая структура ВВП и среднегодовые темпы роста отраслей (на базе цен 1971 г.; в %)

Отрасли	Отраслевая структура							Среднегодовой темп прироста	
	1961	1970	1971	1975	1980	1981	1982	1961—1979	1971—1979
Сельское и лесное хозяйство, рыболовство . . .	6,0	4,8	4,3	3,2	3,2	3,6	3,6	2,3	3,0
Промышленность	32,4	34,9	29,5	28,7	28,1	27,9	26,2	5,2	3,5
добывающая	4,6	5,0	3,8	3,6	3,0	2,7	2,5	4,3	0,5
обрабатывающая	24,9	26,4	22,9	22,1	21,9	21,9	20,2	5,0	3,5
производство электроэнергии, электро-, газо- и водоснабжение	2,9	3,5	2,8	3,0	3,2	3,3	3,5	7,8	6,5
Строительство	5,8	5,4	7,0	6,7	5,7	6,1	5,9	3,9	2,8
Транспорт и связь	9,6	10,4	8,8	9,4	10,6	10,7	10,8	6,5	5,5
Торговля	13,0	12,9	11,4	12,1	12,6	12,2	11,8	5,4	4,3
Финансы, страхование и недвижимость	11,8	10,6	12,0	12,6	13,1	13,0	13,6	5,4	5,8
Коммунально-бытовые услуги	13,8	15,0	19,4	19,6	19,7	19,5	20,6	6,4	6,9
Государственный аппарат и вооруженные силы	7,2	5,7	7,4	7,5	6,9	6,8	7,3	3,5	3,3
Всего ¹	100	100	100	100	100	100	100	5,1	4,1

¹ Сумма цифр в столбцах может отличаться от 100 вследствие округления.

Р а с с ч и т а н о по: Canadian Statistical Review; Canada Year Book 1980/81, p. 866.

отставала от США и Японии, однако опережала Великобританию, а в отдельные годы — ФРГ и Францию.

Ведущее место в сфере производства занимает *обрабатывающая промышленность*, на долю которой приходится около 80 % стоимости промышленного производства и $\frac{1}{5}$ часть всей рабочей силы Канады (см. табл. 18). В обрабатывающей промышленности осуществляется 28 % совокупных капиталовложений в новые машины и оборудование и около $\frac{1}{3}$ общей стоимости затрат на НИОКР.

Таблица 18

Структура промышленного производства Канады
(на базе цен 1971 г., в %)

	1950	1960	1970	1975	1980	1981	1982
Обрабатывающая . . .	87,4	78,9	75,6	77,0	77,9	78,5	77,1
Добывающая	8,3	12,4	14,3	12,5	10,7	9,7	9,5
Производство электро- энергии, электро-, газо- и водоснабжение . . .	4,3	8,7	10,0	10,5	11,4	11,8	13,4

Р а с с ч и т а н о по: Canadian Statistical Review за соответствующие годы; Yearbook of National Accounts Statistics, vol. I, 1979, p. 161—162; Economic Review. Department of Finance. Canada. April 1979, p. 150.

Большая доля продукции обрабатывающей промышленности Канады идет на экспорт: 73 % продукции транспортного машиностроения, более 44 % металлургической и более 20 % химической промышленности, 56 % целлюлозно-бумажной, более 49 % деревообрабатывающей, 44 % лесной промышленности, почти 14 % производимого в стране электрооборудования¹⁷. Обесценение канадского доллара оказало стимулирующее воздействие на экспорт Канады и создало дополнительный спрос на внутреннем рынке.

Обрабатывающая промышленность отличается более низкой конкурентоспособностью по сравнению с американской, о чем свидетельствуют как необходимость прибегать к протекционистским таможенным пошлинам, так и трудности в сбыте наиболее сложных видов готовой продукции на внешних рынках. Продукция многих канадских компаний повторяет основную часть ассортимента головных американских фирм, но производится в значительно меньших масштабах, что существенно сокращает возможности динамичного развития производства. Кроме того, деятельность американских монополий привела к созданию

в ряде отраслей неоправданно большого числа фирм. Вследствие более высокой организации производства и управления, а также финансовой поддержки со стороны материнских компаний норма прибыли предприятий, контролируемых американцами, значительно выше, чем у канадских фирм. В то же время издержки производства американских филиалов в Канаде выше, чем на головных предприятиях в США. Здесь сказывается преднамеренное ограничение размеров производства в Канаде в целях предотвращения возможности конкуренции с материнскими компаниями на внешних рынках. Характерным примером служит автомобильная промышленность Канады, не конкурирующая на мировом рынке с американской автомобильной промышленностью.

Несмотря на относительно небольшой и постоянно сокращающийся удельный вес *добывающей промышленности* в структуре общественного производства, эта отрасль — важная составная часть канадской экономики. В то время как доля занятых в добывающей промышленности составляла в конце 70-х годов 2,6 % общего числа занятых, Канада занимала 3-е место по объему производства сырьевых ресурсов после США и СССР. Здесь добывается около 60 видов различных минералов, 60 % стоимости производства которых приходится на четыре важнейших — нефть, природный газ, железную руду и медь. По объему производства цинка и асбеста Канада занимает первое место в мире, молибдена — второе, меди, золота, платины и серы — третье.

Экспорт продукции добывающих отраслей традиционно составляет значительную часть канадского экспорта, превышающую в настоящее время $\frac{1}{3}$. Канадская экономика в значительной мере удовлетворяет потребности других капиталистических стран в целом ряде продуктов добывающей промышленности, обеспечивая треть мирового потребления никеля, 40% — асбеста, существенную долю потребностей в меди, железной руде, алюминии и цинке¹⁸. Удельный вес Канады на мировом капиталистическом рынке минерального сырья достигает 17%. В течение длительного периода канадский экспорт состоял в основном из нетопливного сырья (80% и более в середине 60-х годов). В связи с ростом цен на энергоресурсы в 70-х годах их доля начала быстро расти и в 1975 г. превысила 52% общей стоимости экспорта отрасли. Однако уже в 1980 г. доля энергосырья сократилась до 47%.

В конце 70-х годов *сельское хозяйство*, обработка и сбыт

его продукции аккумулировали более 25% всех деловых операций в стране. Площадь культивируемых земель составляет в Канаде 68,3 млн. га (6,4% территории страны). Из них 44,1 млн. га приходится на долю районов, где осуществляется мелиорация и используются другие приемы искусственного повышения плодородия почв; 75% обрабатываемых земель сосредоточено в районе Прерий, охватывающем территории трех провинций — Манитоба, Саскачеван и Альберта.

Для сельского хозяйства Канады характерна высокая степень концентрации производства. К середине 70-х годов количество ферм в стране сократилось по сравнению с началом 50-х годов более чем вдвое и достигло, согласно данным переписи 1976 г., 300 тыс. Спецификой Канады является быстрый рост размеров ферм: средняя площадь сельскохозяйственных угодий, приходящаяся на долю одной фермы, увеличилась с 279 акров в 1951 г. до 470 акров в 1974 г., что почти на 23% превысило площадь средней фермы в США. Об ускорении процесса концентрации сельскохозяйственного производства в Канаде свидетельствует то, что за прошедшее десятилетие доля мелких ферм, стоимость продаж которых составляла менее 10 тыс. долл., упала с 62 до 38%, доля средних ферм (от 10 до 50 тыс. долл.) выросла с 34 до 47%, а доля крупных ферм (от 50 до 100 тыс. долл. и выше) увеличилась с 4 до 15%¹⁹. Таким образом, если в начале 70-х годов основой аграрного сектора Канады являлись мелкие фермы, то к концу 70-х — средние и крупные фермерские хозяйства.

Доля продукции земледелия в общей сумме сельскохозяйственных доходов составляет около 42 %, продукции животноводства — более 55 %. Тем не менее основа агропромышленного комплекса Канады — зерновое хозяйство. Ведущим направлением его развития является производство продовольственного зерна, доля которого во второй половине 70-х годов достигла 48% (удельный вес кормового зерна составлял 44%, масличных культур — около 8%). Канадская структура зернового хозяйства существенно отличается от американской, где доли продовольственного и кормового зерна достигают соответственно 18 и 66%. Основная сельскохозяйственная культура — пшеница, составляющая ежегодно почти половину урожая зерновых.

Канада значительно обгоняет США по производству ряда сельскохозяйственных продуктов в расчете на душу населения и занимает 1-е место в мире по производству зерна на одного жителя: в 1981 г. его объем превысил

2 т. Объем производства молока и молочных продуктов на душу населения здесь почти в 1,4 раза выше, чем в США.

В послевоенный период почти 90% прироста сельскохозяйственного производства в Канаде было обеспечено за счет повышения урожайности культур и повышения продуктивности животноводства. Высокие темпы роста производительности труда в сельском хозяйстве обусловлены интенсивными капиталовложениями в эту отрасль экономики. Если с 1951 по 1961 г. объем инвестиций, приходившихся в среднем на одну ферму, вырос на 77%, то за 1961—1971 гг. он увеличился на 139%, достигнув 65 тыс. долл., а с 1971 по 1974 г. вырос еще на 69% и превысил 110 тыс. долл. Общая стоимость капитала, инвестированного в сельскохозяйственное производство, выросла с 9,7 млрд. долл. в 1951 г. до 36,1 млрд. в 1974 г.

Индекс выпуска продукции за один человеко-час вырос с 54 в 1951 г. до 144 в 1974 г. (1967 г. = 100)²⁰. Численность занятых в сельском хозяйстве Канады сократилась вдвое — с 17,8 % трудоспособного населения в 1955 г. до 6,5 % в 1973 г. и 4,1 % в 1980 г. Если в 60-х годах один сельскохозяйственный работник обеспечивал продуктами питания 30 человек, то в середине 70-х годов — 40 человек.

В Канаде происходит перманентное сокращение удельного веса сельского хозяйства в производстве ВВП: если в 1955 г. он составлял 12,8%, в 1973 г. — 5, то в начале 80-х годов уже менее 3%. Наряду с этим произошло резкое уменьшение доли сельского хозяйства в стоимости канадского экспорта — в первые послевоенные годы она составляла 40%, в 70-х годах — около 12%. Однако это свидетельствует не об уменьшении экспортной ориентации сельского хозяйства Канады, а об интенсивном развитии промышленности страны, стоимостной объем экспортных операций которой растет вдвое быстрее.

По масштабам экспорта продукции земледелия Канада занимает лидирующие позиции в мире. В начале 80-х годов Канаде принадлежало 1-е место в мире по объему экспорта ржи (более 30 % мирового экспорта), 2-е место после США по экспорту пшеницы (16 % мирового экспорта) и 3-е место по объему экспорта ячменя (28 %), а в целом она занимала 7-е место среди стран капитализма по экспорту сельскохозяйственной продукции. Основу сельскохозяйственного экспорта Канады составляет пшеница, производство которой традиционно ориентировано на внешние рынки. Подавляющая часть кормового зерна потребляется внутри страны, доля экспорта составляет около 20% производства.

Общая стоимость экспорта Канадой сельскохозяйственной продукции составила в 1982 г. более 8 млрд. долл., из них на долю пшеницы пришлось 45 %, других зерновых и масличных культур — более 24%. Несмотря на высокий уровень сельскохозяйственного развития, Канада ежегодно импортирует большое количество разнообразных продуктов. Так, в 1978 г. стоимость канадского импорта сельскохозяйственной продукции составила более 67% от стоимости экспорта, в 1982 г. — 55 %.

В течение 70-х годов темпы прироста доходов в сельскохозяйственном производстве отличались отсутствием стабильности: общая сумма доходов возросла с 7 млрд. долл. в 1973 г. до 10 млрд. в 1975 г., однако в последующие годы прирост был практически равен нулю. В 1978 г. объем доходов составил 11,8 млрд. долл. Чистый доход канадских фермеров составил 3,3 млрд. долл., или менее 28% общей суммы.

Становление агропромышленного комплекса сопряжено в Канаде с многоплановыми социальными и экономическими противоречиями, что требует вмешательства государственного аппарата. При непосредственном участии правительственных органов структура сельского хозяйства страны была перестроена с целью создания диверсифицированного производства и формирования высокопродуктивного агропромышленного комплекса. Особое значение имеет в Канаде государственное регулирование производства и сбыта сельскохозяйственной продукции, которое осуществляется путем поддержания цен на продукцию отрасли и введения ограничительных квот на размер посевных площадей и объем товарной продукции по отдельным видам. Расходы по поддержанию цен на сельскохозяйственную продукцию, финансируемые из специального фонда стабилизации, составляют растущую статью государственного бюджета Канады. Комплекс программ помощи сельскому хозяйству включает также предоставление компенсаций, страхование доходов в случае неурожая и т. д. Большое развитие приобрели такие формы регулирования, как государственное финансирование значительной части научных исследований отрасли, контроль за внедрением их результатов и их практическим использованием.

Обострение конкурентной борьбы как на внутреннем, так и на мировом рынке сельскохозяйственной продукции предопределяет неизбежность постоянного действия процессов слияния и поглощения канадских ферм. Согласно официальным данным Национального фермерского союза

Канады, начало 80-х годов было отмечено массовым разорением фермеров: только в 1982 г. число банкротств выросло на 65% по сравнению с 1981 г. Одной из основных причин явилось резкое ухудшение условий получения банковских кредитов для закупок сельскохозяйственной техники и удобрений. В ходе массовых выступлений, число которых достигло в 1982 г. 1,8 тыс., канадские фермеры требовали от правительства принятия соответствующих мер по предотвращению разорения фермерства страны.

3. Топливо-энергетический комплекс и энергетическая политика

В 70-х годах в энергетике концентрировались острейшие противоречия развития экономики капитализма. Несмотря на высокую степень самообеспеченности Канады топливно-энергетическими ресурсами, энергетический кризис затронул практически всю систему энергоснабжения этой страны. Изменения мировой энергетической ситуации привели к важным сдвигам в канадской энергетической политике, последствия которых уже проявились и будут сказываться на характере экономического развития Канады в течение длительного времени.

Энергетика играет важную роль в развитии канадской экономики. По уровню энерговооруженности Канада занимает одно из первых мест в капиталистическом мире. В 1980 г. объем потребления энергетических ресурсов на душу населения в стране составил 10,2 т условного топлива, что в 1,7 раза превышает средний показатель по группе промышленно развитых капиталистических стран и в 5,2 раза превосходит среднемировой уровень²¹. Канада является одной из немногих развитых капиталистических стран, способных полностью обеспечить свои энергетические потребности за счет собственного производства энергоресурсов. По состоянию на 1 января 1982 г. доля Канады в доказанных запасах нефти стран несоциалистического мира составляла 0,8%, природного газа — 2,8, угля — 1,1, урана — 19%. Объем канадских доказанных запасов нефти составляет около 980 млн. т, наряду с ними существуют значительные перспективные ресурсы жидкого топлива. Канада является единственной страной в мире, которая в промышленных масштабах использует альтернативную энергетическую технологию, состоящую в экстракции нефти из битуминозных пород. Канадские запасы битумного сырья для производства синтетической нефти уникальны

по своим масштабам, а их энергетическое содержание сравнимо по величине с геологическими ресурсами нефти на Ближнем и Среднем Востоке, существовавшими до начала промышленной разработки. В начале 80-х годов доля производства синтетической нефти в суммарном производстве жидкого топлива составляла в Канаде около 10%. Согласно оценке XI Мировой энергетической конференции, к концу столетия канадская экономика сможет удовлетворять за счет синтетической нефти от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ своих потребностей в жидком топливе²².

Доказанные запасы природного газа составляют 2 575 млрд. куб. м. По имеющимся оценкам, в Канаде существуют наилучшие среди стран западного полушария перспективы открытия новых ресурсов газа²³. Степень разведанности перспективных площадей в Канаде примерно в 19 раз ниже, чем в США. В связи с этим нельзя исключить возможность открытия новых крупных запасов нефти и газа в еще не разведанных районах Канады. По объему разведанных запасов угля (115 млрд. т) Канада занимает 8-е место в мире. Примерно $\frac{1}{5}$ всех разведанных в капиталистических и развивающихся странах ресурсов урана (около 400 тыс. т — по оценке 1978 г.) приходится на долю Канады.

На протяжении всего послевоенного периода отрасли канадской промышленности, занятые производством энергетических ресурсов, развивались темпами, как правило, опережавшими общие темпы роста экономики Канады. В 1950—1970 гг. совокупный объем производства энергетических ресурсов в Канаде увеличивался в среднем примерно на 10% в год, тогда как средние темпы роста ВВП страны составляли в этот период 5%. В 70-х годах в связи с изменением энергетической ситуации и общим замедлением темпов экономического роста в странах капитализма средний темп прироста объема производства энергетических ресурсов в Канаде снизился до 3,2% и отстал от темпов роста ВВП, составлявших около 4% в год.

Как следует из табл. 19, объем производства топливно-энергетических ресурсов вырос в Канаде за истекшие 30 лет в 9 раз, производство нефти и нефтепродуктов увеличилось в 21 раз, природного газа — в 38 раз. Принципиальные изменения произошли в структуре производства энергетических ресурсов. Уголь, доминировавший в 1950 г., уступил свое место нефти и природному газу, на долю которых в 1980 г. пришлось 77% совокупного производства энергоносителей. Доля электроэнергии, произведенной на

Производство энергетических ресурсов в Канаде

Годы	Уголь		Нефть и нефтепродукты, полученные из природного газа		Природный газ		Электроэнергия, произведенная на ГЭС и АЭС		Всего	
	млн. тут. ¹	доля в % ²	млн. тут.	доля в %	млн. тут.	доля в %	млн. тут.	доля в %	млн. тут.	%
1950	16,0	52	5,8	19	2,5	8	6,5	21	30,9	100
1960	8,7	11	38,4	49	19,0	24	13,0	16	79,1	100
1970	12,3	6	101	49	72,1	35	19,4	9	205	100
1975	21,6	8	118	45	95,4	37	26,4	10	261	100
1980	30,4	11	119	43	94,9	34	35,3	13	280	100

¹ Млн. т условного топлива; ² Сумма процентов в строках может отличаться от 100 % вследствие округления.

Рассчитано по: Yearbook of World Energy Statistics, 1979, 1980.

ГЭС и АЭС, сначала сократилась, а с середины 70-х годов вновь начался ее постепенный рост.

Особенностью канадской экономики является традиционно высокий уровень потребления энергии, темпы роста которого обгоняют аналогичные темпы развитых стран капитализма в целом. С 1950 по 1980 г. потребление энергоресурсов выросло в Канаде с 73 до 245 млн. тут., т. е. почти в 3,4 раза, тогда как во всех развитых капиталистических странах оно увеличилось за этот период в 2,6 раза. В 1950 г. доля Канады в общем объеме потребления энергии в развитых капиталистических странах составляла 4%, к концу 1980 г. она достигла 5,1%.

Структура потребления энергетических ресурсов имеет в Канаде две важные особенности: доля угля в ней в 2 раза ниже, а доля гидро- и атомной энергии — более чем в 3 раза выше, чем в структуре потребления энергоресурсов во всех развитых капиталистических странах (см. табл. 20). Последний факт обусловлен наличием обширного гидропотенциала, в частности электростанций Ниагарского каскада. В конце 70-х годов на долю ГЭС приходилось 57% установленной мощности канадских электростанций, 35% составляла доля теплоэлектростанций и 8% — доля АЭС. В 1981 г. на долю ГЭС пришлось 75% выработанной электроэнергии (свыше 260 млрд. кВт · ч), на долю АЭС — 9%.

Канада занимает 1-е место в мире по уровню потребления электрической энергии на душу населения: в 1980 г. этот уровень достигал 14 138 кВт · ч на одного чело-

Потребление энергетических ресурсов в Канаде

Годы	Потребление энергоресурсов			Структура потребления по видам энергоресурсов, в % ¹			
	всего, млн. тут.	на душу населения, кг ут.	на единицу ВВП, кг ут. на 1 долл. (в ценах 1971 г.)	твердое топливо	жидкое топливо	природный газ	первичная электроэнергия (ГЭС, АЭС)
1950	73	5 334	2,14	55	33	3	9
1960	103	5 750	2,04	20	53	15	12
1970	187	8 779	2,12	13	53	23	10
1975	227	10 005	2,01	12	51	26	11
1980	245	10 241	1,88	12	49	27	13

¹ Сумма процентов в строках может отличаться от 100 в результате округления.

Рассчитано по: Yearbook of World Energy Statistics, 1979, 1980; Canada Year Book, 1963/64, p. 158, 1016; 1980/81, p. 862.

века, что в 1,4 раза превосходит соответствующий показатель для США и более чем в 2 раза превышает уровень электропотребления в развитых странах капитализма в целом ²⁴. Уровень потребления энергоресурсов на единицу ВВП составлял в Канаде в 1980 г. 0,84 кг условного топлива на 1 долл., что является наиболее высоким уровнем среди развитых капиталистических стран. Это свидетельствует о высокой энергоемкости экономики Канады, обусловленной интенсивным развитием как энергопроизводящих, так и энергопотребляющих отраслей.

В развитии послевоенных тенденций потребления энергии в Канаде можно выделить два основных этапа: с 1950 г. до начала 70-х годов и период 70-х — начала 80-х годов. В течение первого этапа энергоемкость ВВП Канады практически не изменялась, оставаясь на уровне около 2 кг условного топлива на 1 долл. (в ценах 1971 г.). Доля нефти и газа в структуре потребления неуклонно возрастала за счет сокращения доли твердого топлива. В 70-х годах произошел перелом в тенденциях развития энергопотребления: началось снижение энергоемкости общественного производства, постепенное сокращение доли нефти и замедление темпов прироста доли газа в структуре потребления. Эти сдвиги были тесно связаны с изменениями мировой энергетической ситуации, проявившимися в первую очередь в многократном повышении цен на нефть на мировом капиталистическом рынке.

Энергетическая политика Канады в своем послевоенном развитии также прошла два основных этапа, водоразделом между которыми был энергетический кризис 1973—1974 гг. Особенностью канадской энергетики является географическая разделенность центров производства и потребления энергетических ресурсов, оказывающая сильное влияние на энергетическую политику страны. Нефтегазовый сектор канадской промышленности сконцентрирован в западной провинции Альберта, на долю которой приходится 85 % общей добычи нефти и газа. В то же время около 60% энергетических ресурсов потребляется в восточных провинциях Канады — Онтарио и Квебеке. Основным источником снабжения этих провинций был импорт нефти из стран — членов ОПЕК, прежде всего Венесуэлы, а нефть Альберты практически без каких-либо ограничений получила доступ на обширный рынок Северо-Запада и Среднего Запада США.

В 1960 г. правительство Канады провозгласило свою энергетическую политику, заключавшуюся в закреплении существовавшего статус-кво в системе энергоснабжения Канады. Было признано экономически целесообразным поставлять нефть Альберты в соседние штаты по ценам американского внутреннего рынка, превышавшим в то время уровень экспортных цен ОПЕК, по которым в свою очередь производились закупки топлива для снабжения восточных провинций. Подобная система обеспечивала значительную экономию на транспортных издержках и давала Канаде дополнительные доходы вследствие существования разницы цен на нефть на мировом и американском рынках. Нефтяная промышленность Канады оказалась ориентированной преимущественно на удовлетворение американских потребностей в нефти. В 1973 г. Канада экспортировала в США свыше $\frac{2}{3}$ своего производства нефти и более 40% добычи природного газа. В ходе энергетического кризиса Канада остро ощутила уязвимость своей позиции в отношениях с США в области энергетики. После четырехкратного повышения цен на нефть странами ОПЕК она встала перед необходимостью ввозить в восточные провинции нефть, цены на которую намного превышали уровень цен контролируемого правительством США американского внутреннего рынка, в соответствии с ценами которого устанавливались экспортные цены на канадскую нефть. Изменившаяся энергетическая ситуация вынудила правительство пересмотреть основные аспекты своей энергетической политики.

В 1973 г. Канада установила правительственный контроль над экспортом энергетических ресурсов, который привел к почти двукратному сокращению общего объема их вывоза — со 142 млн. т условного топлива в 1973 г. до 78 млн. т в 1980 г. Были приняты также меры, направленные на ликвидацию чрезмерной зависимости энергетики страны от США и на повышение надежности ее топливоснабжения. В 1976 г. закончено строительство системы нефтепроводов между провинциями, что позволило снизить потребности восточных провинций в импортной нефти за счет поставок из Альберты и других западных провинций. В середине 70-х годов были сформулированы основные принципы энергетической политики Канады, предусматривавшие: достижение самообеспеченности энергией к 1990 г. при условии роста доли участия канадских фирм в производстве энергетических ресурсов; соответствие внутренних цен на энергоресурсы их издержкам производства; стимулирование замены дефицитных ресурсов более доступными; поощрение мер по экономии энергии и т. д. Для проведения в жизнь государственной энергетической политики в области разведки и добычи нефти и газа в 1975 г. была создана национальная нефтяная компания «Петро-Канада», вошедшая к концу 70-х годов в десятку крупнейших нефтегазодобывающих компаний Канады. Не менее важным мероприятием явился пересмотр системы ценообразования в нефтяном секторе канадской энергетики: цены на нефть западных провинций были повышены до уровня цен ОПЕК путем введения специального уравнительного налога. В 1980 г. средняя цена канадской нефти, экспортировавшейся в США, составляла 29,17 ам. долл. за баррель, или 85% официальной продажной цены нефти Саудовской Аравии. К середине 1983 г. эта разница сократилась до 1%²⁵.

Доходы, полученные от налогообложения экспортных поставок, использовались федеральным правительством для субсидирования потребителей импортной нефти в восточных провинциях и для удержания внутренних цен на энергию на низком уровне. В результате повышения цен на нефть ОПЕК в 1972—1980 гг. выплаты в счет компенсации расходов потребителей достигли 18,15 долл. за баррель импортируемой нефти²⁶. Существование низкого уровня внутренних цен на энергоресурсы способствовало повышению конкурентоспособности канадской промышленной и сельскохозяйственной продукции. В течение 70-х годов внутренние цены на нефть составляли в Канаде всего

40—60% уровня мировых цен. В начале 80-х годов цена на важнейший нефтепродукт — бензин была в Канаде на 3 % ниже, чем в США, в 2,7 раза ниже, чем в ФРГ, и в 3,3 раза ниже, чем в Италии²⁷.

В течение прошедшего десятилетия в Канаде было начато осуществление комплекса мер по экономии энергии. В частности, федеральное правительство ввело стандарты использования энергии автомобилями. В соответствии с энергетической программой средний расход топлива на 100 км пробега автомобилей должен быть снижен с 15,7 л в 1975 г. до 11,8 л в 1980 г. и 8,6 л в 1985 г. Для повышения эффективности использования энергии в жилищно-бытовом и коммерческом секторах правительство предоставляет дотации на теплоизоляцию зданий. Действующие программы охватывают 55% всего жилого фонда Канады.

Реализация канадской энергетической политики резко активизировалась в начале 1980 г. после возвращения к власти правительства либералов. Основным звеном новой Национальной энергетической программы явилась «канадизация» энергетики страны, что обусловлено высокой зависимостью этого жизненно важного сектора экономики Канады от иностранного капитала, в первую очередь американского. В 1980 г. активы 17 из 25 крупнейших нефтяных компаний Канады на 50% и более состояли из капитала иностранных фирм. Эти же 17 компаний осуществляли свыше 70% продаж нефти и газа в Канаде²⁸.

В начале 80-х годов доля канадской собственности в нефтегазовой промышленности составляла всего 28%. В соответствии с этим право принятия важнейших решений в области энергетики страны находилось в значительной мере в руках американских корпораций. Одной из основных целей новой энергетической программы было провозглашено повышение доли канадского капитала в производстве нефти и газа до 50% к 1990 г. В соответствии с задачами, поставленными федеральным правительством, перераспределение прав собственности в ведущей отрасли энергетики должно привести к изменению общей ориентации ее развития и установлению однозначного приоритета — удовлетворения национальных энергетических потребностей Канады. Достижение этой цели предполагалось осуществить с помощью введения налоговых и финансовых стимулов для канадских и контролируемых канадским капиталом компаний, действующих в области разведки и добычи природных энергетических ресурсов. Особый акцент сделан на стимулирование разведки и освоения

ресурсов нефти и газа канадского Севера и континентального шельфа. Государство взяло на себя обязательство компенсировать от 88 до 92% капитальных затрат компаний на разведку энергоресурсов в этих районах и от 61 до 74% — в континентальных районах Канады. При этом субсидии должны предоставляться только тем фирмам, доля канадского капитала в активах которых превышает 50%, а максимальный размер субсидий установлен для компаний, доля канадского капитала в активах которых превышает 75%. Новая система налогообложения предусматривала повышение федеральных налогов и соответствующий рост их доли в доходах от продажи нефти с 10 до 24%, что должно сопровождаться соответствующим снижением доходов нефтедобывающих провинций и нефтяных компаний.

Наряду с изменением системы экономических стимулов, нацеленным на «канадизацию» нефтегазовой промышленности, важным элементом энергетической программы является поощрение расширения участия канадских государственных и частных компаний в разведке и добыче природных энергоресурсов. Основными инструментами механизма расширения государственной собственности в нефтегазовой промышленности стали национальная нефтяная компания «Петро-Кэнада» и компания «Кэнэдиэн дивелопмент Корп.». Значительная часть средств, полученных от повышения налогов на добычу нефти, поступит в распоряжение «Петро-Кэнада», начавшей в 80-х годах интенсивную скупку акций иностранных энергетических компаний. Активным проводником политики «канадизации» является также компания «Доум петролеум», 50% акций которой принадлежит канадскому правительству. В целом скупка иностранных активов, осуществленная в течение 1981 г., позволила повысить долю участия канадского капитала в нефтедобыче с 28 до 35%.

Реализация новой энергетической программы наталкивается на серьезную оппозицию со стороны некоторых частных канадских нефтяных компаний, иностранных фирм, функционирующих в Канаде, а также активно поддерживающих их позиции правительства Альберты и администрации США. Недовольство частного бизнеса энергетической политикой П. Трюдо обусловлено расширением масштабов и ужесточением методов государственного регулирования отрасли. В большой мере это объясняется тем, что стратегия бывшего правительства Канады прямо противоположна современной энергетической политике

США, направленной на ослабление государственного контроля в сфере энергетики. Следствием открытого противодействия официальному курсу федеральных властей явились пересмотр многими нефтяными компаниями своих инвестиционных планов и перенесение основной части их операций из Канады в США. Отток капитала из канадской нефтяной промышленности привел к сокращению объема ежегодного бурения нефтегазовых скважин в Канаде более чем на 30% — с 9,4 тыс. скважин в 1980 г. до 6,5 тыс. в 1982 г.²⁹ Снижение активности буровых работ отразилось на объеме доказанных запасов нефти в Канаде, который сократился с 1980 по 1982 г. (без учета газового конденсата) более чем на 20%. Наряду с этим канадские филиалы транснациональных корпораций «Экссон» («Империал ойл») и «Ройал датч-Шелл» («Шелл Кэнада») приостановили реализацию крупных энергетических проектов, в частности проектов производства синтетической нефти из битуминозных песчаников «Колд Лейк» и «Элсэндз» общей стоимостью свыше 20 млрд. долл. Возможные долгосрочные последствия реализации всех этих негативных для канадской энергетики и экономики в целом тенденций заставляют правительство искать пути для принятия компромиссных решений. Федеральное правительство согласилось, в частности, с требованиями Альберты об ускорении повышения внутренних цен на нефть до установленного предела, равного 75% уровня мировых цен.

Приобретение активов иностранных компаний подвергло значительному напряжению финансовые ресурсы канадских нефтяных компаний и канадскую валютно-финансовую систему в целом. В период с 1 января по 1 сентября 1981 г. канадские кредитные институты были вынуждены занять на международных финансовых рынках 6,8 млрд. ам. долл. — сумма более чем внушительная по сравнению с 2,5 млрд. долл. за аналогичный период 1980 г.³⁰ Основная часть этих средств была использована для приобретения активов иностранных энергетических компаний.

Энергетическая политика Канады была подвергнута резкой критике в американской прессе и в выступлениях официальных представителей США. В ходе обсуждения проблемы американо-канадских отношений в конгрессе многие законодатели выступили с требованием ввести антиканадские экономические санкции с привлечением ГАТТ и ОЭСР. Однако в конечном счете правительство США отказалось от прямого политического и экономического нажима. Немаловажной причиной этого является то, что

правительство США, по всей вероятности, не теряет надежды возобновить диалог с Канадой по поводу создания «общего североамериканского энергетического рынка».

Убедившись в твердости позиций федерального правительства в области энергетики, нефтяные компании вынуждены были начать процесс адаптации к новой энергетической политике Канады. В то же время в соответствии с требованиями нефтедобывающих провинций и нефтяных корпораций канадское правительство пошло на частичное изменение первоначальной редакции программы*. Несмотря на очевидные трудности, новая энергетическая программа Канады продолжает осуществляться. Первые результаты свидетельствуют о потенциальной выгоде и перспективности программы для канадской экономики. В 1983 г. степень самообеспеченности Канады нефтью возросла до 101% по сравнению с 79,5% в 1980 г. Кроме того, в 1981 г. поступления от экспорта природного газа, электроэнергии, урана и угля на 3 млрд. долл. превысили стоимость импорта нефти в Канаду. Реализация комплекса целей и задач, поставленных в канадской энергетической программе, потенциально могла бы способствовать улучшению позиций Канады в мировой экономике, снижению ее зависимости от США и ускорению экономического развития страны в целом. Первые шаги по осуществлению программы продемонстрировали серьезные противоречия и препятствия, неизбежно возникающие на пути подобных форм государственного вмешательства в сферу деятельности транснационального бизнеса. Тем не менее своеобразный подход канадского правительства к решению жизненно важной для страны проблемы свидетельствует о необходимости принципиальных сдвигов в механизме регулирования этой важной отрасли экономики в условиях растущей нестабильности мирового капиталистического хозяйства, потенциальных изменений в мировой энергетической ситуации, а также произвола международных нефтяных монополий.

4. Региональная экономика и ее диспропорции

Объективной причиной формирования региональных диспропорций является существование в Канаде пяти эко-

* Были снижены первоначально установленные ставки налоговых отчислений в пользу провинций и в федеральную казну; принято решение о снятии ограничений на экспорт канадского природного газа в США.

номических районов, принципиально отличающихся по условиям хозяйственного развития и его результатам и не связанных развитой системой межрегионального разделения труда. Бажнейший из них — Центральный, включающий провинции Онтарио и Квебек, на долю которых приходится 24,5% территории и 62% населения страны. На востоке Канады вдоль побережья океана расположены Атлантические провинции — Новая Шотландия, Остров Принца Эдуарда, Ньюфаундленд и Нью-Брансуик, доля которых в территории и населении весьма невелика (5,5 и 9,4% соответственно). В континентальной части Канады находится Степной район (Прерии), включающий в себя провинции Альберта, Саскачеван и Манитоба, — основной район размещения сельскохозяйственного производства (почти 50% всей продукции) и добывающих отраслей промышленности (60% добычи минерального сырья по стоимости). На побережье Тихого океана выходит провинция Британская Колумбия — район Дальнего Запада Канады, отличающийся от соседнего района Прерий диверсифицированной структурой экономики, сходной с общеканадской. Канадский Север включает Северо-Западные территории, Юкон, а также северные части провинций Альберта, Саскачеван, Манитоба, Онтарио и Квебек. Этот в основном не освоенный, малонаселенный район является «пограничной землей» канадской экономики, практически еще не вовлеченной в процесс общественного воспроизводства.

Диспропорции хозяйственного развития Канады восходят ко времени возникновения и становления конфедерации. Земли на побережье Великих Озер, вдоль рек Оттавы и Св. Лаврентия привлекали основной поток иммигрантов. Благоприятный климат, наличие удобных водных путей, соединяющих центральную часть Канады с Европой и севером Соединенных Штатов, способствовали более быстрому экономическому развитию провинции Онтарио, ставшей экономическим и политическим центром государства. Канадский капитализм, зародившийся в Центральном районе страны, нуждался в создании и сохранении «монополии на экономическое развитие», обеспечении емких рынков сбыта для растущей промышленности. Экономическая политика федерального правительства, поддерживаемого прежде всего торгово-финансовым и промышленным капиталом Онтарио, по отношению к западным и восточным районам Канады напоминала политику метрополии по отношению к колониальным владениям. Так, на протяжении десятков

лет транспортная политика властей лишала обрабатывающую промышленность Прерий и Атлантики возможности прибыльного сбыта своих товаров на рынках Центральной Канады, искусственно сдерживала их индустриальное развитие. В свою очередь система высоких импортных пошлин фактически отрезала эти районы от рынков дешевых готовых изделий в пограничных штатах США. Таким образом, федеральное правительство сознательно расширяло рынки сбыта обрабатывающей промышленности Онтарио и Квебека, стимулируя их рост за счет развития экономики других регионов. Следствием явились концентрация основных обрабатывающих отраслей в Центральном районе и превалирование сельского хозяйства и отраслей первичного сектора в районах Прерий и Атлантики.

Специфика отраслевых структур отдельных регионов Канады предопределила возникновение «ножниц цен» на сырье и готовые изделия, «бегство» капиталов в наиболее высокопроизводительные отрасли, прежде всего провинции Онтарио. Таким образом, одной из основ хозяйственных диспропорций и неравномерности уровней регионального экономического развития явилась целенаправленная политика монополистического капитала Центральной Канады и правительства страны.

Экономический подъем 50—60-х годов не смог устранить диспропорций в развитии провинций. Особенностью государственно-монополистического капитализма Канады стало формирование своеобразной системы двухъярусной экономической власти на федеральном и провинциальном уровнях, что привело к росту доходов провинций и усилению их независимости от центральных властей. Быстрое развитие и либерализация мировой торговли также способствовали ослаблению федерального контроля над направлениями экономического развития провинций вследствие изменения ориентации основной части канадского производства с расширения внутреннего на захват внешних рынков сбыта.

Резкая дифференциация отдельных регионов Канады по основным экономическим показателям обусловлена не только историко-географическими факторами и большими различиями в их экономических потенциалах, но и существенным неравенством в уровнях развития производительности труда. Так, в обрабатывающей промышленности Онтарио производительность труда составляет около 106% от среднеканадского уровня, в Квебеке — почти 94, в районе Прерий — 93, а в Атлантическом регионе она не

Основные показатели экономического развития регионов Канады

Основные экономические показатели	Канада в целом	Центральный район		Атланти-ческие провинции	Район Прерий			Британ-ская Колум-бия	Канад-ский Север
		Онтарио	Квебек		Альберта	Саска-чеван	Манито-ба		
Территория									
млн. кв. км.	9,17	0,89	1,36	0,50	0,64	0,57	0,55	0,93	0,07
%	100	9,7	14,8	5,5	7,0	6,2	6,0	10,2	40,6
Численность населения (на 1.1.1981)									
млн. человек	24,09	8,60	6,33	2,27	2,14	0,98	1,03	2,69	0,07
%	100	35,7	26,3	9,4	8,9	4,1	4,3	11,2	0,3
Промышленное производство (1979 г.)									
млрд. долл.	151,7	75,9	39,2	7,1	9,0	1,9	3,9	14,6	—
%	100	50,1	25,8	4,7	5,9	1,2	2,5	9,6	—
Добыча минерального сырья (1978 г.)									
млрд. долл.	19,7	2,6	1,8	1,1	9,7	1,6	0,5	1,8	0,5
%	100	13,2	9,3	5,7	49,6	7,9	2,4	9,2	2,7
Сельскохозяйственное производ- ство (1978 г.)									
млрд. долл.	11,8	3,4	1,7	0,4	2,3	2,5	1,1	0,6	—
%	100	28,5	14,0	3,2	19,3	20,9	9,4	4,8	—
Доход на душу населения (1980 г., тыс. долл., в год)	8,03	8,71	7,64	5,94	8,30	7,40	7,46	8,73	9,94
в % от среднеканадского уровня	100	109	95	74	103	92	93	109	124

превышает 67%. Поэтому проблема региональных диспропорций в экономике Канады имеет своим источником не только закономерности внутристранового разделения труда, связанного с особенностями размещения обрабатывающего, добывающего и сельскохозяйственного секторов экономики, но прежде всего гипертрофированное развитие наиболее высокоэффективных отраслей в одних регионах за счет других. В итоге в Онтарио производится более 50% промышленного и 28% сельскохозяйственного производства, а в трех Атлантических провинциях — менее 5% продукции промышленного и около 3% продукции сельскохозяйственного производства страны. Весьма высок межпровинциальный разрыв в уровнях доходов на душу населения (см. табл. 21). О глубине региональных диспропорций свидетельствует резкая дифференциация уровней безработицы по провинциям, которая не только не сглаживается, а, напротив, имеет тенденцию к усилению.

Таблица 22

Соотношение уровней безработицы в провинциях Канады
(в % к общеканадскому уровню)

Годы	Онтарио	Квебек	Атлантические провинции	Альберта	Саскачеван	Манитоба	Британская Колумбия
1972	81	121	161	90	71	87	126
1981	89	134	150	51	57	84	86

Рассчитано по: Canada Year Book 1980/81, p. 270; Canadian Statistical Review, May 1982, p. 42.

Помимо традиционных диспропорций в экономическом развитии отдельных регионов, свойственных всем капиталистическим странам и обусловленных практически неизбежным в условиях капитализма делением экономики на промышленные, аграрно-сырьевые и депрессивные районы, экономика Канады отягощена совокупностью специфических противоречий регионального развития. Важнейшим фактором обострения этих противоречий в послевоенный период стало расширение экономической интеграции канадских провинций с сопредельными районами США. Формирование межстрановых хозяйственных связей в направлении «север — юг» привело к размыванию традиционных широтных потоков экономических ресурсов. В результате экономическое взаимодействие между канадски-

ми провинциями и американскими штатами в ряде случаев заменило или в значительной мере ослабило хозяйственные связи между отдельными районами Канады. Эти процессы противодействуют налаживанию внутриканадских связей и нарушают целостность экономического комплекса Канады, устраняя возможность пропорционального развития отдельных его составляющих.

Обе группы противоречий регионального развития оказывают серьезное негативное воздействие на экономическую и внутривнутриполитическую сферы жизни страны. Усилению центробежных тенденций способствует также становление мощной нефтегазовой промышленности в провинции Альберта, которое существенно повысило ее экономический потенциал и обеспечило особую роль в хозяйственном комплексе: в настоящее время в Альберте добывается почти половина канадского минерального сырья.

Глубокие диспропорции в развитии отдельных регионов Канады привели в 70-х годах к резкому обострению федерально-провинциальных и межпровинциальных экономических разногласий. Необходимость экстренного разрешения региональных проблем обусловила их выдвижение в число важнейших задач канадской системы государственно-монополистического регулирования. «Неудачи в области сокращения региональных диспропорций равнозначны развалу федерации»³¹. Столь откровенное заявление П. Трюдо свидетельствует о масштабах этих противоречий и их возросшей роли в экономическом и социально-политическом развитии страны. Закономерным итогом явилось и то, что политическая и экономическая системы Канады складывались и продолжают функционировать в непрерывной борьбе провинций с федеральным правительством за право принятия решений в различных сферах экономики. Отсюда проистекают и относительно большая политическая и экономическая самостоятельность канадских провинций, особенно по сравнению с американскими штатами и периодически обостряющиеся проблемы сепаратизма, который процветает теперь не только в Квебеке, но и в Альберте и Британской Колумбии, провинциях-нуворишах, резко усиливших свои позиции в ходе сырьевого кризиса.

В Канаде год от года обостряется национальный вопрос. На протяжении десятилетий насущной внутренней проблемой является экономическое положение франкоязычного населения Квебека и вопрос о самом его политическом

статусе. Квебек — старейшая и наиболее крупная провинция, в которой сконцентрировано более $\frac{1}{4}$ населения и экономического потенциала страны, отличается особой глубиной экономических проблем: в начале 80-х годов на его долю приходилась $\frac{1}{3}$ всех безработных и 40% деловых банкротств в Канаде.

Особым аспектом регионального развития канадской экономики является необходимость освоения грандиозного потенциала севера страны, где на огромной территории находятся богатейшие запасы энергетических и других минеральных ресурсов.

Вплоть до конца 60-х годов в процессе разработки и реализации своей экономической политики правительство Канады не уделяло необходимого внимания региональным проблемам, считая их второстепенными по сравнению с проблемами обеспечения темпов экономического роста и занятости. В течение 70-х годов произошел резкий сдвиг в отношении федерального правительства к вопросам регионального развития, и в настоящее время практически ни один официальный документ, касающийся внутренней экономической политики, не обходит региональных проблем. Основным инструментом государственно-монополистического регулирования процессов канадского регионального развития стали правительственные программы, для реализации которых в 1969 г. было сформировано министерство регионального экономического развития. В соответствии с программой регионального стимулирования, принятой в 1969 г.³², правительство предоставляет предприятиям и компаниям субсидии для строительства, расширения и модернизации производственных мощностей в определенных районах, в частности во всех Атлантических провинциях, на севере страны, в провинциях Манитоба и Саскачеван, а также в некоторых депрессивных районах остальных провинций. Наряду с этим были разработаны программы использования сельскохозяйственных земель, приняты некоторые меры для привлечения капитала в Квебек, традиционно страдающий от высокого уровня безработицы и др.

Попытки устранения региональных диспропорций осуществляются посредством прямого финансирования и финансового стимулирования частного бизнеса за счет средств государственного бюджета. Интенсивно практикуется обеспечение отсталых районов инфраструктурой, что привлекает частный капитал и создает условия для расширения производственной деятельности. Используется также си-

стема содействия межрайонной миграции рабочей силы. В 1982 г. общая сумма трансфертных (безвозмездных) выплат федерального правительства провинциям достигла 15,5 млрд. долл., что составило 8% совокупных государственных расходов³³. Далеко не все эти средства были направлены на устранение региональных диспропорций, однако очевидно, что в руках центральных властей находится наиболее мощный инструмент воздействия на региональную структуру размещения производительных сил Канады.

Невысокая эффективность государственного регулирования предопределена индикативным характером региональных программ. Несмотря на их целевую направленность и бюджетное финансирование, реализация программ и ее результаты не подлежат правительственному контролю и оценке. Контроль распространяется только на размещение предприятий государственного сектора. Отсутствие в Канаде системы долгосрочного регионального регулирования и проверки достигнутых сдвигов делает практически неразрешимой проблему выравнивания внутристрановых диспропорций. Сохранение старых и возникновение новых экономических и социальных конфликтов свидетельствуют о том, что канадская региональная политика не принесла серьезных результатов. Все это ставит трудные задачи перед правительством, целью которого является регулирование экономических проблем Канады на основе сохранения национального единства.

5. Специфика экономической интеграции Канады и США

Важнейшие особенности послевоенной эволюции экономики Канады обусловлены активизацией процесса регионального разделения труда, которая во многом предопределила направления основных сдвигов в хозяйственном развитии страны. Объективное взаимодействие национальных воспроизводственных процессов Канады и США, усилившееся в 60—70-х годах под влиянием совокупности факторов (как общих для послевоенной экономики развитых капиталистических стран, так и специфически североамериканских), действует в направлении становления американо-канадского интеграционного комплекса. Интеграционные процессы оказали противоречивое влияние на характер и результаты канадского экономического развития. Интеграционное взаимодействие в определенной сте-

пени содействовало более быстрому росту экономики Канады, однако не менее серьезными оказались негативные последствия становления широкомасштабного экономического сотрудничества с США. Отдав значительную часть своих экономических ресурсов в сферу влияния американского капитала, допустив его деятельность в важнейших областях экономики, канадская буржуазия была быстро поставлена перед фактом ослабления своего влияния внутри собственной страны.

Естественным при капитализме следствием интеграции двух неравноценных по экономической мощи хозяйств, а также большой разницы в уровнях развития США и Канады, имевшей место на первоначальном этапе формирования регионального интеграционного комплекса, было непропорциональное распределение полученных от интеграции выгод и «приоритет» Канады в покрытии издержек интеграционной взаимозависимости. В этом плане Канада уникальна: входя в «семерку» наиболее развитых государств капитализма, она является единственной страной с односторонней ориентацией подавляющей части внешнеэкономических связей. Экономика Канады находится в неравном положении по сравнению со всеми остальными развитыми странами капитализма, поскольку процесс международного разделения труда для нее в значительной мере ограничен сотрудничеством с одной страной, являющейся к тому же крупнейшей в капиталистическом мире. Как показала практика 70-х годов, возможность оторваться от системы внутрирегиональных связей и стать на путь осуществления диверсифицированных многосторонних экономических контактов — для Канады весьма труднореализуемая задача.

Хозяйственное сближение Канады и США является объективным процессом, отражающим историко-географические, экономические и социально-политические особенности формирования экономики региона. В системе мирохозяйственных связей капитализма отношения двух стран выделяются уровнем своего развития — динамика, формы, механизм и результаты их экономических связей не имеют аналогов.

В Северной Америке интеграционное развитие идет преимущественно на частномонополистической основе: приоритет в процессе сращивания экономических структур принадлежит не государству, а монополиям, прежде всего транснациональным. Однако американо-канадский интеграционный процесс, не опирающийся на наднациональные

политико-правовые основы, развивается в целом не менее интенсивно, а в отдельных сферах более результативно, чем западноевропейский, регулируемый и координируемый межгосударственными соглашениями. Огромные масштабы, длительность и устойчивость двусторонних связей, прежде всего в форме встречных потоков товаров и капитала, создали условия для глубокого развития процесса разделения труда. Широкий спектр результатов североамериканского разделения труда свидетельствует о формировании в экономике региона интегрированного хозяйственного комплекса.

На первоначальном этапе интеграции экономика Канады в отличие от экономики США еще не сложилась в самостоятельный экономический организм, а механизм канадского государственно-монополистического регулирования существенно отставал от американского по масштабам государственного вмешательства в сферу экономики. Страны не были сопоставимы не только по экономическому потенциалу, но и по уровню хозяйственного развития. Это предопределило односторонний характер интеграции, развивавшейся до 70-х годов за счет преобладающих усилий американской стороны.

К началу 80-х годов Канада приблизилась к США по уровню экономического развития, что явилось одним из объективных следствий интеграционного взаимодействия и одновременно превратилось в серьезное препятствие на пути его организационного оформления. В этих условиях дальнейшее усиление экономического преобладания американского монополистического капитала в любых его формах и проявлениях вступило в явное противоречие с экономическими и политическими интересами Канады. На протяжении 70-х годов краеугольным камнем экономической жизни страны явились так называемый новый экономический национализм и политика «канадизации» экономики, которые предусматривают повышение роли национального сектора, ограничение влияния монополий США на хозяйственное развитие и диверсификацию внешнеэкономических связей страны. Борьба за экономическую самостоятельность, за уменьшение негативных последствий многоплановой и широкомасштабной деятельности американских ТНК стала для Канады насущной задачей.

Процесс «канадизации» затронул прежде всего крупные иностранные корпорации, непосредственно примыкавшие к определенным финансовым группам Канады. Так, в руки канадцев перешел контроль над корпорациями

«Алкан», «Белл Кэнада» и ИНКО, которые ранее контролировались американским капиталом. «Канадизация» встречает активное сопротивление, прежде всего деловых кругов США, развивается противоречиво, а в ряде случаев идет на попятную. Американский монополистический капитал скептически оценивает попытки канадского бизнеса после нескольких десятилетий «летаргии» перестроить путем «канадизации» экономику страны и превратить ее из «хрупкой и изолированной в конкурентоспособную и ориентированную в глобальных масштабах»^{33а}. Тем самым он отказывает Канаде в самой возможности изменения ее экономической структуры за счет расширения национального предпринимательства и обеспечения роста в «искусственных» условиях ограничения сотрудничества с США. Вопреки курсу канадского правительства и в противовес процессу реализации национальных целей Канады американская администрация в начале 80-х годов возобновила неоднократно повторявшиеся ранее попытки осуществить план создания регионального экономического сообщества. Североамериканская интеграция становится на современном этапе одним из важных факторов политики правящих кругов США. Падение экономических и политических акций США в мире, их растущая неспособность действительно противостоять японским и западноевропейским конкурентам, сложность стоящих перед страной проблем, в частности энергетической, вынуждают Соединенные Штаты к поиску эффективных способов поддержания своего положения лидера мировой капиталистической системы. Не уповая более только на собственный экономический потенциал, осознавая ненадежность и ограниченность методов самоизлечения от экономических трудностей, США взяли курс на интенсификацию экономического развития путем использования стимулирующих факторов интеграционного взаимодействия в масштабах региона.

Попытки США установить «особые отношения» с Канадой были наглядно продемонстрированы в ходе предвыборной кампании Р. Рейгана и в последующие годы правления его администрации. Выдвинув план создания экономического сообщества, США сделали ставку на достижение так называемого «североамериканского согласия», фактически означающего подведение институциональной базы под такое направление экономического развития континента, которое в максимальной степени отвечало бы интересам империализма США. Достигнутая в 1981 г. под американским нажимом договоренность США, Канады и

Мексике о созыве трехстороннего совещания на высшем уровне с целью обсуждения конкретных путей формирования общего рынка, последующие двусторонние встречи глав правительств стран Северной Америки, настойчивые попытки США урегулировать взаимные противоречия, стимулировать торговлю и другие формы хозяйственных связей свидетельствуют о том, что основой экономической политики США остается континентализм.

Интеграция ни в коей мере не устраняет экономических противоречий между США и Канадой, неизбежно углубляющихся в ходе ее развития. Сращивание национальных хозяйств происходит в условиях, когда партнерами выступают государства, находящиеся в разных экономических «весовых категориях». Это предопределяет двойственное отношение к интеграции со стороны Канады, объективно привязанной к американской экономике, но стремящейся сохранить, а по возможности и расширить пределы своей экономической и политической самостоятельности. Растущая независимость Канады, усиление канадского национализма вынуждают администрацию США форсировать реализацию курса на официальное объединение хозяйственных ресурсов двух стран, продвижение их к экономическому и политическому союзу во имя достижения «общности региональных интересов». В совместном заявлении коммунистических партий США и Канады от 17 июня 1981 г. было высказано решительное осуждение планов администрации Рейгана добиться заключения интеграционного соглашения, имеющего целью «заставить Мексику и Канаду вступить в нежелательный и неравный политический и экономический альянс с США»³⁴.

В отличие от Западной Европы, которая к моменту образования ЕЭС состояла из относительно однородных по уровню экономического развития стран, североамериканская интеграция развивалась на принципиально иной основе. Становление современного хозяйственного комплекса Канады происходило в условиях расширения и углубления процесса интернационализации регионального производства. При этом канадская экономика как бы подтягивалась до американского уровня за счет объективно развивающихся процессов хозяйственного взаимодействия двух стран, а также благодаря интенсивному стимулированию этого процесса американским монополистическим капиталом, прямо заинтересованным в выкачивании из Канады прибылей и ресурсов, и косвенно — в создании в Канаде эффективно функционирующего высокоразвитого

производственного комплекса, обслуживающего экономику США и удовлетворяющего за счет своих богатейших экономических ресурсов ее растущие потребности. Американо-канадская экономическая интеграция рассматривается американским империализмом как средство укрепления его глобальных позиций. Сравнительный анализ основных экономических показателей Северной Америки, Западной Европы и Японии свидетельствует о потенциальном изменении соотношения сил в системе межимпериалистического соперничества в случае интеграционного объединения экономических потенциалов Канады и США (см. табл. 23). Объединенный хозяйственный комплекс двух стран превысил бы уровень США (по состоянию на 1980 г.) по численности населения и объему ВВП более чем на 10%, промышленному производству — на 9, товарному экспорту — почти на 30%. Соединенные Штаты особенно заинтересованы в прямом доступе к огромным запасам энергетических ресурсов Канады. Немалое значение имеет и тот факт, что общая доля США и Канады в мировом сельскохозяйственном экспорте составляет около 20%.

Таблица 23

**Основные экономические показатели Северной Америки,
Западной Европы и Японии в 1980 г.**

	Северная Америка			Западная Европа	Япония
	США	Канада	в целом		
Территория (млн. кв. км)	9,4	10,0	19,4	3,7	0,4
Население (млн. человек)	227,7	23,9	251,6	394,6	116,8
Валовой внутренний продукт (млрд. долл., в ценах 1975 г.)					
А	1 832,2	190,4	2 022,6	2 058,7	639,4
Б	1 832,2	171,8	2 004,0	1 820,0	660,0
ВВП на душу населения (долл.)					
А	8 050	7 965	8 040	5 215	5 475
Б	8 050	7 180	7 965	4 610	5 650
Доля в ВВП развитых капиталистических стран (%)					
А	37,5	3,9	41,4	41,6	13,3
Б	39,3	3,67	43,0	39,1	14,2
Условно чистая продукция промышленности (млрд. долл., в ценах 1975 г.)					

	Северная Америка			Западная Европа	Япония
	США	Канада	в целом		
А	470,5	41,5	512,0	575,0	195,0
Б	470,5	37,5	508,0	508,0	200,0
Доля в промышленном производстве разви- тых капиталистиче- ских стран (%)					
А	36,1	3,2	39,3	44,1	15,0
Б	37,5	3,0	40,5	40,5	16,0
Экспорт (млрд. долл.)	216,7	64,2	280,9	803,0	129,8
Доля в совокупном экспорте развитых капиталистических стран (%) . . .	17,6	5,6	23,3	63,2	10,2
Важнейшие виды про- дукции					
Электроэнергия (млрд. кВт · ч)	2 485	370	2 855	1 665	620
Нефть, включая га- зовый конденсат (млн. т.)	424	71	495	106	0,4
Природный газ (млрд. куб. м)	593	82	675	163	3
Уголь каменный и бу- рый (млн. т) . . .	759	36	795	410	18
Сталь (млн. т) . . .	104	16	120	155	111
Металлорежущие стан- ки (тыс. ед.) . . .	270	20	290	300	170

Примечание. А. По официальным валютным курсам. Б. По фактической покупательной способности валют.

Рассчитано по: Main Economic Indicators, January 1982, p. 180—181; Monthly Bulletin of Statistics, December 1981, p. LVII—LXIII; Monthly Bulletin of Statistics, January 1982, p. 32—86, 106—111; Yearbook of National Accounts Statistics, vol. II, 1979, p. 329—337; 1979, N 5, с. 147—157.

Ведущая роль в формировании североамериканского экономического комплекса принадлежит процессу миграции капитала. Капиталовложения США в канадскую промышленность в течение десятилетий создавали базу для производственной интеграции; в то же время в 70-х годах возросли масштабы притока капитала из Канады в США. Процесс взаимного инвестирования обеспечил практически неограниченную свободу деятельности монополий обеих стран, особенно американских в экономике Канады (см. гл. VIII). Результатом послевоенного развития производственной и финансовой систем Канады и США явилось слияние рынков производительного и ссудного капи-

тала. Однако последствия этого были неравноценны для каждой из стран. В то время как доля иностранной собственности в американской обрабатывающей промышленности не превышала в конце 70-х годов 3%, а в добывающей — 5%, соответствующие канадские показатели были несравненно выше и достигали 47 и 37%. Соотношение американских активов в Канаде и канадских — в США составляет в настоящее время 2,8:1, а прямых капиталовложений — 4,5:1. Несопоставима и роль взаимных капиталовложений: с участием американских инвестиций создается почти 20% ВВП Канады, тогда как доля канадских вложений в создании ВВП США не превышает 0,3%. Такое положение во многом предопределяет зависимость Канады от США и, следовательно, специфику североамериканского интеграционного процесса. Другой его характерной чертой является широкое развитие специализации и кооперирования производства, отражающееся, в частности, в том, что значительная часть прямых американских вложений в Канаде (42%) и более половины канадского капитала, инвестированного в США, направляются в обрабатывающую промышленность.

Таблица 24

Взаимные капиталовложения и торговля США и Канады в 1980 г.
(млрд. долл.)

	США			Канада		
	всего	в т. ч. Канада	доля Канады (%)	всего	в т. ч. США	доля США (%)
Прямые инвестиции страны за рубежом	213,5	44,6	21	23,5	9,8	42
Прямые иностранные инвестиции в стране	65,5	9,8	15	59,5 ¹	44,6	75
Экспорт товаров	220,7	35,4	16	64,2	41,5	65
Импорт — » —	240,8	41,5	17	58,5	35,4	67

¹ Оценка.

Р а с с ч и т а н о п о: Monthly Bulletin of Statistics, January 1982, p. 106; Survey of Current Business, August 1981, p. 56, S—18, S—20.

Наряду с миграцией капиталов важным фактором интеграции и одновременно катализатором американско-канадских противоречий выступает взаимная торговля. Товарооборот между США и Канадой больше, чем между двумя

любими другими капиталистическими странами: в 1983 г. его стоимость приблизилась к 160 млрд. долл. Двусторонние торговые связи быстро расширяются: только за прошедшее десятилетие их объем вырос почти в 3,6 раза (см. табл. 24). Высокая, хотя далеко не равнозначная зависимость США и Канады от взаимного товарообмена свидетельствует о преобладающей роли североамериканского рынка в процессах общественного воспроизводства обеих стран, глубоком региональном разделении труда, на базе которого происходит переплетение двух экономик. Не менее важным показателем взаимодополнения и сращивания национальных хозяйственных процессов является сближение структур двустороннего товарооборота Канады и США и решающая роль в нем продукции обрабатывающих отраслей (см. гл. VIII).

Одновременно в Северной Америке формируется региональный рынок рабочей силы. В его основе лежат общность языка, сходство систем профессиональной подготовки и практически свободное перемещение трудовых ресурсов. С конца 70-х годов процесс объединения рынка рабочей силы сдерживался высоким уровнем безработицы в обеих странах.

Государственно-монополистический механизм североамериканской интеграции существенно отличается от западноевропейского и состоит из трех основных звеньев *. Наиболее широкое развитие получили односторонние меры государственного вмешательства во взаимные экономические отношения (регулирование миграции капитала, товаров, рабочей силы и т. д.). Следующее звено — комплекс двусторонних межправительственных соглашений о совместном регулировании отдельных отраслей и сфер экономики. Важнейшим из них является соглашение 1965 г. о свободной торговле продукцией автомобильной промышленности. Значение соглашения для экономического развития двух стран выходит за рамки данной отрасли, а его роль стимулятора процесса сращивания национальных хозяйств Канады и США является лидирующей. С середины 40-х годов действует американо-канадский договор о свободной торговле сельскохозяйственными машинами; осуществляются, несмотря на постоянно возникающие противоречия и конфликты, совместные программы по охране и восста-

* Подробно см.: *Лавровская Т. В.* Североамериканский узел межимпериалистических противоречий. М., 1978, с. 50—59; МЭМО, 1982, № 8, с. 46—50.

новлению окружающей среды; действуют соглашения об эксплуатации водных ресурсов континента и т. д.

Углубление хозяйственной привязанности Канады к США предопределило развитие идентичных по характеру процессов практически во всех основных сферах, однако степень их интегрированности различна. Наиболее интегрированная область экономического взаимодействия двух стран — военное производство. Его регулирование осуществляется с помощью наиболее отлаженного механизма, основанного на межгосударственных соглашениях. Расширение военно-политического альянса двух стран шло параллельно и в связи с развитием их экономических отношений. В 1958 г. было заключено канадо-американское Соглашение о противовоздушной обороне Северной Америки (НОРАД). В 1959 г. подписано межправительственное соглашение о совместном военном производстве, в соответствии с которым канадские производители беспощинно поставляют в США оружие и военную технику и пользуются равными возможностями с американскими корпорациями при заключении контрактов с Пентагоном. В марте 1981 г. действие НОРАД было продлено на очередной пятилетний срок и дополнено соглашением о военном сотрудничестве в космическом пространстве. Единая система производства продукции военного назначения является основой кооперации США и Канады в военной сфере, которая осуществляется в рамках более 800 двусторонних соглашений и договоренностей о военном сотрудничестве. В прямой связи с экономической интеграцией идет формирование единого военно-промышленного комплекса, что тягивает Канаду в процесс становления единого североамериканского центра капитализма.

Межгосударственное регулирование различных направлений взаимных связей, составляющее третье, завершающее звено государственно-монополистического механизма североамериканской интеграции, имеет сравнительно неразвитые организационные формы. Оно осуществляется преимущественно межправительственными организациями исследовательско-координационного характера, обладающими ограниченными правами и обязанностями. К концу 70-х годов функционировали (а в ряде случаев бездействовали) 17 таких двусторонних органов. В качестве основной формы межгосударственного регулирования использовалась система двусторонних консультативных связей на всех уровнях. Вспомогательной, но значительно более результативной формой регулирования взаимных связей

является координация сотрудничества на уровне американских штатов и канадских провинций. В середине 70-х годов насчитывалось 1057 «сфер взаимодействия», в которых осуществлялось такое сотрудничество³⁵. Все двусторонние организации имели отраслевую направленность и вносили рекомендации только в рамках своих сфер влияния. Центральный орган, регулирующий внутрирегиональные связи, в Северной Америке отсутствует. Не обладая такой компетенцией, как аппарат ЕЭС, американско-канадские органы играют роль наблюдателя, а в ряде случаев — координатора взаимных действий, способного смягчить возникающие противоречия и способствовать развитию региональной интеграции. Различия между двумя типами межгосударственного регулирования, его институциональная неразвитость в отношении США и Канады по сравнению с ЕЭС свидетельствуют о том, что североамериканская интеграция способна развиваться без опоры на специально созданный наднациональный политико-правовой механизм.

В Северной Америке одним из важнейших результатов интеграционного процесса стало относительное выравнивание уровней экономического развития, которое выражается в постепенной нивелировке основных хозяйственных показателей в расчете на душу населения. Из всех индустриально развитых капиталистических государств Канада по ряду позиций сейчас наиболее близка к американскому уровню. Сокращается разрыв в уровнях общественной производительности труда: производство ВВП на одного занятого составляло в Канаде в 1967 г. в среднем 65 % американского уровня, в 1980 г. — почти 95 %. Выравнивается объем ВВП в расчете на душу населения: в 1950 г. он составлял в Канаде 71 % уровня США, в 1970 г. — 91, в 1975 г. — 102, в 1980 г. — 99 %. Происходит сближение структур материального производства двух стран — выравниваются доли основных отраслей в ВВП и удельный вес занятых в них.

Вместе с тем экономические отношения США и Канады порождают серьезные противоречия и оказывают негативное воздействие на хозяйства обеих стран. При этом основная тяжесть, естественно, ложится на более слабого партнера. Это проявляется прежде всего в синхронизации североамериканского цикла. Практически все послевоенные американские кризисы и спады производства неизбежно распространялись на Канаду. Синхронизация цикла отражается также в сближении показателей уровня занято-

сти, в совпадении движения процентных ставок. Как уже упоминалось в начале главы, канадские показатели инфляции превышают американские, поскольку «импортируемая» из США инфляция насаждается на внутреннюю; в результате темпы роста цен в Канаде, как правило, выше, чем в США. Отрицательно сказались на хозяйстве Канады попытки администрации Р. Рейгана в начале 80-х годов бороться с инфляцией путем повышения процентных ставок, вызвавшего приток канадских капиталов в американские банки. Канада также была вынуждена существенно повысить банковские ставки, что привело к снижению темпов экономического роста и увеличению числа банкротств. В связи с этим даже американская пресса вынуждена была признать, что вся эта ситуация продемонстрировала канадцам, насколько зависима их экономика и насколько трудно освободить ее от влияния США.

Одним из последствий интеграции явилось технологическое отставание сектора экономики Канады, контролируемого национальным капиталом. Оно вызывается недостаточным объемом НИОКР и нехваткой современного оборудования. Так, в обрабатывающей промышленности Канады затраты на НИОКР на предприятиях, принадлежащих американским ТНК, достигают 80—90 % уровня США, а на собственно канадских — лишь 60—70 %. Негативные последствия для экономического развития Канады имеет переориентация межпровинциальных хозяйственных связей на взаимодействие с экономикой США, которая усиливает тенденции политического сепаратизма и угрожает целостности канадской конфедерации. Важной областью интеграционного взаимодействия традиционно является энергетика: в 70-х годах 9 из 10 ведущих нефтегазовых компаний Канады контролировались США; американскому капиталу принадлежало почти 66 % нефтегазовой, 60 % угольной и 25 % уранодобывающей промышленности Канады. В результате начавшейся в 1980 г. реализации Канадой Национальной энергетической программы американско-канадские противоречия в этой области резко обострились. Такой крутой антиамериканский поворот в политике Канады побудил правительство и деловые круги США к активизации курса на региональную интеграцию. Опубликованный в 1981 г. доклад по экономической политике Ассоциации содействия ООН в США завершается следующим выводом: «Если необходимы новые направления и решительные инициативы по созданию в будущем столетии

североамериканской экономической зоны, то время начать их реализацию наступило» ³⁶.

Современное состояние американско-канадских отношений характеризуется противоборством двух противоположных тенденций — интеграционной и дезинтеграционной. Если в реальной хозяйственной практике, да и в словесной риторике (главным образом американской) побуждает объединительное начало, то в сфере политического решения проблемы превалируют силы разобщения. Канадский национализм, особенно усилившийся в последнее время, и реакция монополистического капитала США, уязвленного самой попыткой ограничить его «права» и возможности в Канаде, демонстрируют растущее противоборство и конкуренцию двух стран. Реализация американского проекта континентальной интеграции наталкивается на труднопреодолимые препятствия. Преградой служит очевидность прямых негативных последствий для Канады дальнейшей либерализации торговли и снятия последних протекционистских барьеров, в частности перспектива снижения уровня занятости и повышения доли готовой продукции в импорте из США в результате сосредоточения основных технологических процессов на американской территории, а также перспектива сокращения и без того недостаточного объема канадских НИОКР и централизации их в США.

Несмотря на расширение и углубление спектра взаимных противоречий, в экономическом развитии региона тем не менее сильна центристская тенденция. По мнению Генерального секретаря Компартии Канады У. Каштана, в Северной Америке «общее направление политики состоит не в независимом развитии Канады, а в континентализме. Основные монополистические круги связаны тысячами нитей с американским империализмом, и их нельзя считать одной из сил в борьбе за суверенитет и независимость Канады... Правительство Трюдо стремится стать равным, а не младшим партнером американского империализма» ³⁷. Экономические проблемы США и Канады во многом идентичны: стабилизация экономического роста, снижение уровня безработицы и инфляции, повышение конкурентоспособности за счет межстранового разделения труда. Однако наличие общих задач само по себе отнюдь не гарантирует устранения взаимных трений и конфликтов. Повышение конкурентоспособности североамериканского региона потребовало бы от обеих сторон разработки и проведения единой хозяйственной, научно-техни-

ческой и внешнеэкономической политики, что в обозримом будущем не представляется реальным. Вне рамок официально оформленного экономического сообщества такая политика практически неосуществима. Что касается частномонополистического уровня, то здесь возможны отдельные элементы согласованной хозяйственной политики отдельных корпораций, а в исключительных случаях — отраслей производства.

Наряду с общими проблемами как Канада, так и США имеют комплекс национальных задач и специфических приоритетов. Основные водоразделы проходят по следующим направлениям: гегемонизм, имперские притязания США и стремление Канады к экономической и политической самостоятельности; внутрирегиональная экспансия американского капитала и попытки Канады сгладить ее отрицательные последствия; политика США, направленная на «совместную» эксплуатацию природных ресурсов Северной Америки, и курс Канады на использование естественных богатств в национальных целях. Таким образом, глобальное межимпериалистическое соперничество и внутрирегиональные цели экономического роста вызывают необходимость поиска Соединенными Штатами и Канадой соответствующего инструментария для устранения или по крайней мере сглаживания существующих и потенциальных узлов взаимных противоречий. Вместе с тем расширение сфер столкновения интересов трех центров империалистического соперничества — США, Западной Европы и Японии — в начале 80-х годов и очевидная перспектива усиления их взаимной конфронтации вынуждают каждый из этих центров мобилизовывать не только внутренние, но и внешние ресурсы в целях укрепления своих позиций. Это лежит в основе попыток США в максимальной степени использовать возможности процесса интернационализации хозяйственной жизни североамериканского региона с тем, чтобы упрочить свою роль «центра притяжения» для экономик близлежащих стран, в первую очередь Канады. Усиление региональных притязаний США обусловлено их стремлением к континентальному союзу и созданию действенного противовеса двум другим центрам межимпериалистического соперничества.

Политике правительства либералов был присущ открытый дуализм. С одной стороны, активизировался процесс «канадизации», провозглашался курс на ослабление зависимости от США — начало 80-х годов продемонстрировало неуступчивость Канады по целому ряду конкретных

вопросов двусторонних отношений. В то же время было дано согласие на переговоры об общем рынке, создание которого предопределяет существенное расширение и неизбежное углубление взаимных связей, а также их законодательную регламентацию. В середине 1984 г. переговоры о свободной торговле продукцией ряда отраслей приобрели деловой характер. Это означало переоценку канадской торговой политики, опиравшейся с 1972 г. на концепцию отхода от односторонней ориентации на США, и укрепление позиций сторонников полной либерализации североамериканской торговли. Вместе с тем, в Канаде широко распространено мнение, что от интеграционных планов «отдает аншлюсом». Отрицательные для страны последствия региональной интеграции признаются даже американскими специалистами, которые не скрывают, что канадской экономике «грозит опасность поглощения Соединенными Штатами и что за экономической аннексией последует аннексия политическая» ³⁸.

Комплекс межимпериалистических противоречий, негативные для Канады аспекты асимметричного партнерства с США служат серьезным препятствием углублению внутрирегиональных связей и реализации проектов межгосударственного интеграционного соглашения. Вместе с тем налицо результаты объективного взаимодействия экономик двух стран и уже далеко зашедшего процесса формирования экономического механизма интеграции. Углубление региональных интеграционных процессов, интенсивно развивающихся вне рамок институционального оформления, свидетельствует о существовании реальной основы становления североамериканского центра межимпериалистического соперничества.

МОНОПОЛИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННО - МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ

1. Особенности процесса концентрации и централизации капитала

Как уже отмечалось, пройденный Канадой под определяющим влиянием притока американского капитала довольно продолжительный отрезок пути индустриального развития имел своим результатом народнохозяйственную структуру, характеризующуюся большим своеобразием, но во многом однотипную со структурой экономики США. Главным отличием между двумя странами, в котором повинно именно энергичное и целенаправленное вмешательство американских ТНК, является гипертрофированное по сравнению с большинством промышленно развитых государств развитие «первичного» (сырьевого) сектора канадской экономики при относительно пониженной доле (в создании ВВП, в общей занятости и т. п.) отраслей «вторичной» (обрабатывающей) промышленности. «Канада, по всей видимости, уже не является аграрным обществом, — отмечал известный канадский марксист У. Клемент, — но о ней едва ли можно говорить, что она особенно сильно ориентирована в сторону вторичных отраслей. В Канаде произошел переход от первичного сектора к третичному без достаточного развития обрабатывающих производств»¹. В то же время, будучи рассмотрена с точки зрения соотношения двух основных сфер хозяйственной деятельности — материального производства и сферы услуг (тот самый «третичный» сектор, упомянутый в цитате), Канада предстает перед нами как своеобразный мини-дубликат США. И больше в мире нет стран, которые в макроструктурном отношении хотя бы отдаленно приближались к «североамериканскому образцу».

Специфика капиталистической Северной Америки проявляется и в том, что высокая концентрация производства и капитала в США и Канаде была достигнута значительно раньше, чем в странах Западной Европы или в Японии². Поэтому в послевоенные десятилетия ее рост здесь был не столь разительным, как в экономике двух других центров

современного империализма. Более того, при значительно меньших, чем в США, абсолютной численности и масштабах деятельности монополий степень подчинения ими производства и сбыта в большинстве отраслей канадской промышленности и финансов, как правило, не ниже, а в ряде случаев даже несколько выше, чем в соответствующих отраслях хозяйства «южного соседа». При этом, за редким исключением, концентрация и монополизация в отраслях тем выше, чем большую роль в них играет иностранный капитал. Еще в середине 60-х годов Председатель Коммунистической партии Канады Тим Бак писал, что Канада «полностью контролируется небольшим числом крупных монополий». При этом «пагубные последствия их хищнической политики усугубляются тем, что гиганты, господствующие над всей экономикой, — это иностранные монополии, которые принадлежат американцам и управляются из США»³.

Решающую роль в экономике Канады играют частнокапиталистические акционерные предприятия. На конец 1979 г. их насчитывалось 311 тыс. (исключая кредитно-финансовые институты). Однако ключевые позиции занимает сравнительно компактная группа монополистических объединений. Ведущие позиции в большинстве отраслей занимают международные монополии в форме транснациональных корпораций (ТНК). Хотя в некоторых из них преобладает канадский капитал, в большинстве случаев он занимает подчиненное положение по отношению к монополистам США и Великобритании, реже — третьих стран.

Действующие в Канаде дочерние компании зарубежных ТНК, как правило, значительно крупнее, чем их канадские конкуренты. Так, в горнодобывающей промышленности в 1979 г. средняя годовая сумма продаж фирм с активами свыше 10 млн. долл., контролируемых иностранным капиталом (202 фирмы), составляла 91,3 млн. долл., а у каждой из 183 национальных компаний — 50,7 млн. В обрабатывающей промышленности соответствующие показатели составляли 136,2 млн. долл. для 644 иностранных фирм и 86,0 млн. для 572 канадских компаний. Особенно значительный разрыв в масштабах операций иностранных и национальных фирм сохраняется в сфере добычи природного топлива (продажи в среднем на одну иностранную компанию в 114,5 млн. и на национальную — в 32,1 млн. долл.), а также в транспортном машиностроении (395,5 млн. долл. и 61,4 млн. соответственно). Среди 1000 крупнейших нефинансовых корпораций

иностранных — 492, причем средние показатели продаж у них в 1,5 раза выше, чем у частных национальных компаний (см. табл. 25).

Ядро монополистического капитала страны образуют 500 ведущих корпораций. Составляя лишь 0,16 % общей численности нефинансовых корпораций страны, они тем не менее монополизировали почти 54 % оборота, свыше 65 % активов и 67 % прибылей. Среди них была 271 подконтрольная иностранному капиталу фирма. Их доля превышала 50 % продаж, 34 % активов и 46 % совокупных прибылей 500 крупнейших фирм. В 1982 г. в «клубе 500» компаний — лидеров нефинансовой сферы состояло 260 иностранных компаний, в том числе 176 американских, 60 стран Западной Европы и 15 — японских⁴. В самой верхней части списка монополистических гигантов («большая десятка») находятся 6 промышленных, 3 торгово-промышленных и 1 транспортная монополии. У 6 фирм прослеживается определяющее иностранное влияние, хотя 3 из них формально относятся к национальному сектору экономики.

Открывает список национальная железнодорожная компания «Кэнэдиен Пасифик», лидирующая не только по масштабам операций (12,3 млрд. долл. в 1982 г.), но и по активам (17,3 млрд.) и по числу занятых (127 тыс.). Непосредственно за ней идет автомобильная монополия «Дженерал моторс оф Кэнада», продажи которой даже в кризисном 1982 г. составляли 9,6 млрд. долл. По активам 2-е место прочно принадлежит «Белл Кэнада» — 13,4 млрд. долл. (по продажам у нее 5-е место). Она же была в 1982 г. рекорсменом по размерам валовой прибыли (622 млн. долл.), в то время как «Кэнэдиен Пасифик» находилась по этому показателю лишь на третьем месте. Правда, с учетом показателей торгово-промышленного филиала этой монополии — «Кэнэдиен Пасифик энтерпрайсис» (4-е место по продажам, 3-е — по активам) совокупная прибыль крупнейшего национального концерна превышала в 1982 г. 338 млн. долл., что выводило ее на 3-е место после лидера по производству алкогольных напитков «Сигрэм» (350 млн.) перед нефтяной монополией «Импириэл ойл» (289 млн.), которая была третьей по сумме продаж. В список крупнейших входили также контролируемые национальным капиталом торгово-промышленные монополии «Джордж Уэстон» и его же дочерний гигант «Лоблоу компаниз», главный конкурент «Дженерал моторс» — «Форд мотор оф Кэнада», богатейшая из горно-

рудных и металлургических фирм «Алкэн алюминум» дочерняя компания всемирно известного англо-голландского нефтяного концерна «Шелл Кэнада». В списке корпораций миллиардеров (по продажам) насчитывается 78 фирм, большинство из которых контролируется иностранным капиталом.

Наиболее высокий уровень концентрации отмечается в отраслях с непрерывным циклом производства, а также

Таблица 25

Распределение численности и продаж 1000 крупнейших нефинансовых корпораций между иностранными и национальными (частными и государственными) фирмами в 1979 г.

	Число фирм	Число под-контрольных корпораций	Сумма продаж	Продажи в среднем на фирму -
				млрд. долл.
25 фирм-лидеров				
А	9	163	43,9	4,8
В	12	302	36,5	3,0
С	4	87	21,8	5,5
50 фирм-лидеров				
А	22	288	62,4	2,8
В	24	458	54,9	2,3
С	4	87	21,8	5,5
100 фирм				
А	50	571	84,7	1,7
В	42	654	69,7	1,7
С	8	115	25,2	3,2
200 фирм				
А	112	908	106,7	0,9
В	77	925	82,2	1,1
С	11	134	26,3	2,4
500 фирм				
А	271	1 518	130,0	0,5
В	212	1 609	101,3	0,5
С	17	140	26,9	1,6
1000 фирм				
А	492	2 043	142,7	0,3
В	484	2 293	116,7	0,2
С	24	147	27,4	1,1

А — фирмы, контролируемые иностранным капиталом.

В — национальные частные компании.

С — национальные государственные компании.

ориентирующихся на массовые рынки (металлургия, производство автомобилей, автомобильных покрышек, оборудования связи, бытовых электроприборов, промышленных химикатов, удобрений, синтетических волокон).

В горнодобывающей промышленности большая часть мощностей и выпуска продукции сосредоточена в руках горстки монополистических концернов. На 4 компании-лидера приходится свыше $\frac{1}{3}$ добычи нефти и природного газа, $\frac{3}{4}$ — угля. Ни один из них не контролируется национальным капиталом. На 4 компании приходится $\frac{3}{4}$ отгрузок железной руды, почти 100 % добычи, переработки и экспорта медно-никелевых руд, свыше $\frac{2}{3}$ — полиметаллических руд, 80 % — асбеста, $\frac{3}{4}$ — калийных солей и т. п. Здесь, как правило, действуют одни и те же крупные ТНК, владеющие предприятиями полного производственного цикла. Большинство из таких вертикально интегрированных концернов (комбинатов) контролируется капиталом США. Но есть среди них и гигантские канадские компании. Так, «Интернэшнл никел К^о оф Кэнэда» (ИНКО) является крупнейшим в капиталистическом мире продуцентом никеля. Ее главная контора расположена в Монреале, а предприятия — в Канаде, США, Англии, Новой Каледонии, Индонезии. Компания занимает также видное место в мировом производстве меди, драгоценных металлов и автомобильных аккумуляторов. «Алкэн алюминиюм» — гигантская холдинг-компания, под управлением которой находится свыше 60 дочерних фирм. На ее предприятиях в 1982 г. было занято 72 тыс. человек, продажи составили 5,7 млрд. долл. Производственная деятельность, включая добычу и переработку цветных металлов, бокситов, выплавку алюминия, транспортировку и сбыт продукции, осуществляется в 33, а сбытовая в 100 странах мира. Это крупнейший в капиталистическом мире производитель и экспортер алюминия. В продажах компании на Канаду приходится менее $\frac{1}{5}$, тогда как на США и ЕЭС — примерно по $\frac{1}{3}$ и т. д. Среди 500 крупнейших нефинансовых корпораций Канады она занимает 8-е место по продажам и 5-е — по размеру активов (на конец 1982 г. — 8,2 млрд. долл. против 4,2 млрд. у ИНКО, находившейся по этому показателю на 15-м месте).

Национальный капитал в лице «Бразкейд ресурсес», контролируемый совместно магнатами Бронфманами и государственной холдинг-компанией «Кесс де депо э пласман дю Кебек», удерживает в своих руках «ресурсную империю», какой слывет «Норанда майнз» (10-е место в стране

по размеру активов), владеющая десятками рудников и шахт, а после поглощения «Макмиллан Блодел» ставшая лидером и в области лесопильного производства. Национальные монополии преобладают и в черной металлургии. Таковы две из трех компаний — лидеров отрасли — «Стил-ко» (23-е место по активам, 36-е — по продажам) и «До-фаско» (38-е — по активам, 55-е — по продажам). Первая сосредоточила в своих руках свыше $\frac{1}{3}$, а вторая — $\frac{1}{5}$ всех мощностей по выплавке стали в стране. Однако и здесь, гласно или негласно, «изнутри» присутствует иностранный капитал. По имеющимся сведениям, часть капитала ИНКО находится в руках клана Морганов, «Алкэн алюмин-иум» — американской семьи Дэвисов и правительства Норвегии.

В нефтегазовой промышленности хозяйничает «большая четверка» иностранных ТНК — «Импириэл ойл» (3-е место по продажам, американский владелец — «Экссон»), «Шелл Кэнада» (10-е место), «Тексако Кэнада» (11-е место, американский хозяин — «Тексако») и «Галф Кэнада» (12-е место, контролируется «Галф ойл», США). На эти компании, с которыми все более успешно конкурируют национальные «Доум петролеум» (25-е место), «Хоум ойл», «Хаски ойл» и государственная монополия «Петро-Кэнада», до сих пор приходится свыше $\frac{1}{3}$ общей добычи нефти и газа и львиная доля мощностей нефтеперерабатывающих заводов. В сфере лесной и целлюлозно-бумажной промышленности переплетаются интересы канадских, американских и английских монополистов. Здесь преобладают мелкие и средние фирмы, контролируемые национальным капиталом, хотя имеются и такие гиганты, как «Эйбитиби» (49-е место по продажам, 52-е — по активам), которая после поглощения в 1978 г. компании «Прайс» стала крупнейшим в Северной Америке производителем газетной бумаги.

Как уже отмечалось, национальный капитал владеет и компанией «Макмиллан Блодел» (34-е место по активам, 38-е — по продажам) — одним из крупнейших и наиболее диверсифицированных в капиталистическом мире производителей пиломатериалов и фанеры. Эта фирма выступает также собственником заводов по производству газетной бумаги, целлюлозы, картона, упаковочных материалов как в Канаде, так и в США и странах Западной Европы. В ее собственности находится свыше 1 млн. га лесных угодий. Впрочем, самостоятельность канадских фирм в лесобумажном секторе промышленности от иностранного капита-

да зачастую является кажущейся. Многие компании, производящие газетную бумагу, фактически подчинены своим потребителям — издательским фирмам США, с которыми они связаны долгосрочными контрактами и другими обязательствами.

В общем машиностроении, по переписи 1981 г., насчитывалось 1620 компаний, однако менее 200 из них (с количеством занятых свыше 100 на каждом) обеспечивают до 70 % отгрузок, тогда как почти $\frac{2}{3}$ наиболее мелких — менее 10 %. При этом на долю компаний, контролируемых иностранным капиталом, и здесь приходится свыше 50 % отгрузок отрасли.

В электротехнической и электронной промышленности, где в 1981 г. насчитывалась 1121 компания, на 8 крупнейших монополий приходится $\frac{1}{3}$ всех занятых и свыше $\frac{2}{5}$ совокупных продаж. Положение в отрасли определяют такие гиганты, как «Белл Канада» и ее «электронный» филиал «Норзерн телеком» (23-е место по продажам), формально считающиеся канадскими по капиталу, но теснейшим образом связанные с ведущими американскими монополиями. По производству современных средств связи «Норзерн телеком» является первым в Канаде и вторым в Северной Америке. Крупнейшим в стране производителем электротехнических изделий остается «Кэнэдиен дженерал электрик» (50-е место по продажам). Заметное положение в отрасли занимают дочерние фирмы и других известных американских монополий (например, «Литтон системс Канада», «Ксерокс Канада»). В первую половину «списка 500» вошла еще недавно мало кому известная национальная компания «Мител». Вместе с несколькими другими молодыми фирмами, большинство из которых облюбовало местом пребывания своих предприятий Оттавскую долину, она работает на североамериканский рынок электроники и быстро наращивает масштабы своих операций.

Что касается производства средств транспорта, то его ведущая подотрасль — автомобильная промышленность — являет пример наивысшей концентрации. Здесь сложилась и в течение всего послевоенного периода осуществляется неограниченная монополия «большой тройки» американских корпораций, на которую приходится 95 % производства автомобилей и более $\frac{1}{3}$ — частей для их сборки. В послевоенный период лидерство по производству легковых автомобилей перешло от компании «Форд Канада» (7-е место по продажам, но 34-е — по активам) к «Джене-

рал моторс оф Кэнада», тогда как позиции «Крайслер Кэнада» (16-е место по продажам), специализирующейся на производстве мощных и неэкономичных моделей, в годы энергетического кризиса резко ухудшились. Более 5 лет эта компания находилась на грани банкротства и только в 1982 г. после глубокой и дорогостоящей реорганизации впервые закончила год с небольшой прибылью.

В судостроительной промышленности действует около 60 предприятий, однако всего на 4 из них приходится половина занятости и производства, а на дюжину крупнейших — свыше $\frac{3}{4}$.

Почти все наиболее крупные химические компании — «Дюпон оф Кэнада» (79-е место по продажам), «Юнион карбайд Кэнада» (103-е место), «Доу кемикл оф Кэнада» (74-е место) — созданы при определяющем участии монополий США. Исключение составляет Си-Ай-Эл — филиал английского концерна «Импириэл кемикл индастриз», также один из лидеров отрасли.

Наиболее «канадская» отрасль — производство и сбыт продовольственных товаров и напитков. «Джордж Уэстон» — ведущая торгово-промышленная монополия — занимает 6-е место по обороту среди крупнейших компаний страны (7,8 млрд. долл. в 1982 г.) и включает свыше 150 фирм, которые поставляют на рынки не только Канады, но и США хлебобулочные, бакалейные товары, кондитерские изделия, шоколад, а также автомобильные части, рефрижераторное оборудование. Под контролем «империи Уэстонов» находится около 2 тыс. супермаркетов и розничных продовольственных магазинов. Национальный капитал контролирует также «Сигрэм» — одну из крупнейших в мире компаний по производству алкогольных напитков (30-е место по продажам).

Внутренняя торговля в целом монополизирована в существенно меньшей мере, чем промышленность. На 4 крупнейшие компании в сфере оптовой торговли в 1979 г. пришлось лишь 7,7 % оборота, на 8 компаний — 12 %. Для розничной торговли эти показатели составляли 13 и 21,8 %. Примерно такой же степени достигла монополизация в сфере бытовых услуг и еще меньше — в строительстве. В отличие от этого концентрация в сфере транспорта, энергетики, связи и других отраслей коммунального хозяйства достигла весьма высокого уровня. Так, на 8 крупнейших транспортных монополий в 1979 г. приходилось 52,6 % оборота отрасли, в сфере связи доля компаний-лидеров исчислялась в 78,8 %, в складском хозяйстве —

в 68,4 %, в электроэнергетике, газо- и водоснабжении и т. п. — в 65,7 %. Характерно, что в обеих группах отраслей (за исключением, пожалуй, оптовой торговли) иностранный капитал почти не представлен (доля в продажах порядка 7—12 %). Зато велико участие в развитии коммунального хозяйства, прежде всего энергетики, государственных предприятий.

Из числа частных торговых монополий нельзя обойти вниманием старейшую компанию Канады «Хадсонс Бэй» — крупнейшего в мире торговца пушниной и меховыми товарами и самого крупного в Канаде оптового продавца табачной продукции. Ее оборот в 1982 г. составил 4,1 млрд. долл., что обеспечило ей 13-е место в списке крупнейших. «Хадсонс Бэй» принадлежит около 600 магазинов буквально во всех частях страны. В капитале компании преобладают монополисты Канады. Монополизация торговой сферы продолжается высокими темпами. За четверть века, прошедшие с середины 50-х годов, доля торговых центров в розничном товарообороте увеличилась с менее 2 % до почти $\frac{1}{4}$, цепных магазинов — с $\frac{1}{3}$ до более $\frac{2}{5}$.

В сфере связи доминирует упомянутая выше гигантская монополия, тесно связанная с капиталом США, — «Белл Канада», которой принадлежит 80 % установленных в стране телефонов. «Кэнэдиен Пасифик», владеющая трансконтинентальной железной дорогой, конкурирует с крупнейшей государственной железнодорожной компанией «Кэнэдиен нэшнл рейлуэйз».

Излюбленным орудием агрессивной конкуренции является централизация как метод ускоренного накопления капитала монополистическими концернами посредством механизма слияний и поглощений. Как правило, она применяется в целях устранения конкурента или же для получения доступа к источникам сырья или рынкам сбыта конечной продукции. Об активизации этого процесса в современной обстановке говорят следующие данные. В 1946—1960 гг. в среднем имели место ежегодно по 114 слияний и поглощений, в 1961—1965 гг. — по 185, в 1975 г. — 264, в 1978 г. — 439. С тех пор рост числа слияний и поглощений несколько замедлился, зато резко возросли масштабы таких операций. В последние годы получили распространение крупномасштабные операции, направленные на приобретение контроля над фирмами, входящими в «список 500», а иногда и в его верхнюю часть. Так, в 1981 г. национальная нефтяная компания «Доум петролеум» приобрела у американской «Коноко инк.» за

4,3 млрд. долл. 47 % акций «Хадсонс Бей ойл энд гэс компани», занимавшей в том году 99-е место в списке крупнейших, — самое «дорогостоящее» поглощение в канадской истории *.

Мощным стимулом для ускорения процессов концентрации являются экономические кризисы. Недаром со второй половины 70-х годов, как писала газета «Файнэншл пост», «активность в области слияний среди корпораций превзошла все известное на памяти». В условиях низкой конъюнктуры и при высоких темпах инфляции крупнейшие компании считали для себя значительно более выгодным скупать существующие предприятия, чем вкладывать средства в строительство новых. Наряду с поглощениями ослабленных кризисом соперников отмечается тенденция к добровольным слияниям фирм, а также к созданию производственных консорциумов, что связано с резким повышением капиталоемкости новых предприятий, особенно в отраслях, базирующихся на природных ресурсах. Так, стоимость сооружения целлюлозно-бумажного завода оптимального размера, составлявшая в конце 60-х годов 80—100 млн. долл., возросла ныне до 300 млн. долл. и более, что практически не под силу не только мелким, но и средним фирмам. К концу 70-х годов для оснащения одного рабочего места в среднем по материальному производству требовалось около 47 тыс. долл. капиталовложений, а в сфере добычи минерального сырья и природного топлива — 180 тыс.

Затянувшаяся волна слияний и поглощений была обусловлена во многом проводимой правительством либералов политикой «канадизации». Объектами покупки становились дочерние компании американских монополий, а среди покупателей фигурируют частно-государственная Корпорация развития Канады (КРК), государственная нефтяная монополия «Петро-Канада», провинциальные государственные холдинги «Кесс дю депо э пласман дю Кебек», «Сосьете женераль де финансман» и др. Мощным стимулом к дальнейшей централизации капитала на национальной почве послужила объявленная в конце 1980 г. Национальная энергетическая программа, провозгласившая ряд масштабных задач в области «канадизации» топливно-сырьевой базы страны (см. § 4 гл. VI).

* Подробнее о слияниях и поглощениях последних лет см.: *Бородаевский А. Д.* США — Канада: региональный хозяйственный комплекс. М., 1983, с. 68—81.

Мощная волна слияний захлестнула и розничную торговлю, где характерными оказались «цепные» слияния. Так, компания «Хадсонс Бэй», которая контролирует 60 % оборота всех универмагов страны, поглотила последовательно две другие крупнейшие торговые фирмы — «Зеллерс» и «Симпсон». Однако вскоре контроль над самой «Хадсонс Бей» перешел в руки известного газетного магната Томпсона.

В обрабатывающей промышленности в условиях НТР наиболее важным методом конкурентной борьбы монополий как на внутреннем, так и на внешнем рынке выступает диверсификация производства и сбыта. Большинство крупнейших компаний — это диверсифицированные концерны международной ориентации, производящие чрезвычайно широкую номенклатуру изделий и действующие сразу в нескольких отраслях. Примером одной из наиболее диверсифицированных компаний может служить «Домтар», контролируемая двумя государственными холдингами провинции Квебек. Ее оборот состоит из продаж целлюлозы и бумаги, строительных материалов, широкой номенклатуры химических товаров. На определенном этапе тенденция к диверсификации может приводить к созданию конгломератных образований (слияние совершенно различных по роду деятельности и сферам производства фирм). В отдельных случаях это ведет к значительному усилению финансового могущества фирмы, как это имело место с англо-бельгийско-канадским по капиталу конгломератом «Дженстар». За счет скупки прибыльных мелких компаний, спекулятивных операций с земельными участками и другой недвижимостью его активы возросли с 244 млн. долл. в 1970 г. до 2,7 млрд. долл. в 1982 г. Конгломерат участвовал в слияниях, затронувших интересы более 100 компаний. В настоящее время «Дженстар» лидирует по выпуску цемента в Канаде, а также имеет предприятия по производству удобрений, ремонту судов и т. п.

Процесс концентрации производства и капитала способствует росту прибылей монополистов. Монополизация рынков, тесные связи с кредитными институтами, экономия на издержках в результате использования преимуществ массового производства, участие в международном разделении труда, эксплуатация рынков развивающихся стран, финансовая помощь со стороны материнских компаний, преимущества, обеспечиваемые государственной поддержкой, ведут к тому, что большинство ТНК выделяются как массой, так и нормой прибыли. Чистая прибыль корпораций

с активами в 10 млн. долл. и выше (чуть менее 3 тыс. фирм) до вычета налогов достигла в 1979 г. 27,1 млрд. долл. против 2,3 млрд. долл. в 1960 г. Основную массу прибылей получили 500 ведущих корпораций. Одна только «Белл Канада» имела в 1979 г. чистую прибыль в размере 0,6 млрд. долл. В особо привилегированном положении с середины 70-х годов оказались монополии нефтегазовой промышленности, взвинтившие цены на свою продукцию, которая пользуется повышенным спросом внутри страны и за рубежом.

Как правило, норма прибыли корпораций, контролируемых иностранным капиталом, выше, чем национальных. Для увеличения нормы и массы чистой прибыли после уплаты налогов ТНК широко прибегают к механизму трансфертных цен. Так, материнские компании автомобильных ТНК устанавливают цены в расчетах со своими филиалами в Канаде на уровне, позволяющем получать прибыль в обеих странах и при этом обеспечивающем оптимальную «экономия» на налогах. Безусловным «лидером в ценах» на продукцию автомобильной промышленности является корпорация «Дженерал моторс». Другие компании устанавливают цены на свои автомобили исходя из уровня цен, предлагаемого этой корпорацией. Во внутрифирменном обороте горнодобывающих и металлургических концернов также широко используются трансфертные цены, что занижает показатели прибыли канадских предприятий, публикуемые официальной статистикой.

На способность ТНК манипулировать суммами прибылей для сокрытия их части от национального налогообложения указывал, например, известный канадский экономист А. Сафарьян⁵. У. Клемент, проанализировав обширный эмпирический материал, пришел к общему выводу, что иностранные инвестиции в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности приносят значительно большие прибыли, чем канадская собственность в тех же сферах⁶. Добавим к этому, что трансфертные цены не только лишают финансовые органы Канады возможности заставить американские ТНК выплачивать налоги в соответствии с реальным размером их прибылей от операций в Канаде, но и оказывают дополнительное инфляционное давление на канадский доллар.

В немонополизированном секторе экономики норма прибыли существенно ниже. Об этом со всей очевидностью свидетельствует тот факт, что на сотни тысяч мелких предприятий устойчиво приходится лишь около $1/3$ совокупных прибылей. Финансовое положение значительной части та-

ких предприятий весьма непрочны. Не случайно на мелкие предприятия приходится от 70 до 90 % всех банкротств, причем количество их резко возрастает в годы экономических кризисов. За один 1977 г. в Канаде было зарегистрировано 4,1 тыс. банкротств, причем общий ущерб для держателей их акций составил почти 1 млрд. долл. В 1980 г. обанкротилось уже свыше 6 тыс. фирм, почти на 1000 больше, чем в 1979 г. В 1982 г., по официальным оценкам, число банкротств на 30 % превысило показатель 1981 г. и т. д. и т. п.

Централизация капитала в ряде случаев может быть достигнута без слияний и поглощений. Объединяясь в картели или консорциумы, капиталистические предприятия временно воздерживаются от конкуренции между собой в интересах поощрения взаимовыгодного «партнерства». Это не означает, что их участники в принципе избегают конкуренции. Напротив, по самой своей природе эти союзы монополистов имеют агрессивный, наступательный характер. Участники объединены в них для борьбы с конкурентами в лице третьих фирм. В Канаде картели и консорциумы получили наибольшее распространение в сырьевых отраслях. Для освоения железорудного месторождения Уобуш еще в 60-х годах была создана компания «Уобуш айрон К⁰», участниками которой являются ведущие железорудные и металлургические корпорации Канады и США. В таких консорциумах, как «Синкруд», «Кэнэдиен арктик гэс», канадский капитал имеет «равные права» с иностранным. В консорциуме «Кэнэдиен оверсиз пейпер» каждый из 6 участников первоначально получил по 16,5 % акций и т. д.

«Скрытая» концентрация достигается также на основе долгосрочных субконтрактных и подрядных отношений, прочно вовлекающих мелких производителей в разветвленную производственную систему монополий. Особенно действенной подобная «привязка» становится в тех случаях, когда контрактные соглашения о номенклатуре, масштабах и ритмичности поставок дополняются встречной передачей технологии и «ноу-хау», разработанными компанией, осуществляющей сборку конечной продукции. Технологическая и рыночная зависимость младших партнеров становится настолько полной, что с успехом заменяет непосредственный финансовый контроль над ними со стороны соответствующей монополии.

В целом можно сделать вывод, что достигнутый за последнее десятилетие в разных формах уровень концен-

трации капитала в материальном производстве Канады достаточно высок, чтобы обеспечить действующим в стране местным и иностранным монополиям господство в сфере производства и сбыта.

2. Кредитная система и финансовый капитал

Наличие в Канаде развитой кредитной системы безусловно облегчает финансовой олигархии осуществление эффективного контроля над хозяйственной жизнью страны. Сложность институциональной системы кредитно-финансовых учреждений объясняется как высоким уровнем развития производительных сил и потребностями государственно-монополистического регулирования экономики, так и воздействием кредитных структур США и Великобритании, которые стремились прибрать к рукам национальные источники финансирования для укрепления своих экономических позиций в Канаде. Вместе с тем с момента образования независимого государства кредитная система, и особенно ее ядро — коммерческие банки, служила важной опорой национального капитала в его борьбе против иностранных монополий *. Хотя структурная перестройка кредитной системы была закончена в основном до второй мировой войны, в послевоенный период появляются новые типы специализированных финансовых институтов и широкое распространение получают небанковские кредитные учреждения (траст, финансовые и ипотечные компании, пенсионные фонды, кредитные союзы, сберегательные кассы, компании по страхованию жизни). Однако основой кредитной системы, осью всей финансовой сферы остаются коммерческие банки.

Банковская система отличается чрезвычайно высокой степенью концентрации — до последнего времени в стране действовало всего 11 коммерческих или депозитных банков **. Численность таких банков изменялась в послево-

* Подробнее см.: *Дмитриев С.С., Павлова Л.П.* Финансовая и денежно-кредитная система Канады. М., 1978.

** В порядке убывания активов (1982 г., в млрд. долл.): «Ройал бэнк оф Кэнада» (88,5), «Кэнэдиен империел бэнк оф коммерс» (68,4), «Бэнк оф Монтреал» (62,0), «Бэнк оф Нова Скошиа» (53,6), «Торонто-Доминион бэнк» (43,0), «Нешил бэнк оф Кэнада» (18,8), «Меркантайл бэнк оф Кэнада» (4,3), «Континентал бэнк оф Кэнада» (4,1), «Бэнк оф Бритиш Коламбия» (3,2), «Кэнэдиен коммершл бэнк» (2,0), «Норзлэнд бэнк». Коммерческие банки действуют на основе «хартии», выдаваемой правительством Канады. Поэтому их также называют «привилегированными» или «чартер-банками».

енные десятилетия в основном в результате слияний и поглощений. За всю историю канадской банковской системы в разное время было образовано свыше 160 банков, из которых рано или поздно обанкротилось 45, слилось с другими банками — свыше 40. Эти данные опровергают выдвигаемый многими буржуазными экономистами тезис о якобы особой «устойчивости», «стабильности» банковской системы Канады.

К числу наиболее крупных в послевоенный период относятся слияния «Бэнк оф Торонто» и «Доминион бэнк» в «Торонто-Доминион бэнк» (1955 г.), «Кэнэдиен бэнк оф коммерс» и «Импириел бэнк оф Кэнада» в «Кэнэдиен импириел бэнк оф коммерс» (1961 г.). Перед этим (1956 г.) «Импириел бэнк» успел поглотить «Барклейз бэнк (Канада)». В 1979 г. произошла амальгамация «Банк канадъен насьональ» и «Провиншл бэнк оф Кэнада» с образованием «Нэшнл бэнк оф Кэнада».

По размерам депозитов, валовых активов, а также разнообразию предоставляемых услуг (более 100 видов) коммерческие банки стоят вне конкуренции. Они распоряжаются $\frac{2}{5}$ всех финансовых ресурсов, которыми располагает кредитная система, и сосредотачивают в своих руках примерно такую же долю личных сбережений. Их совокупные активы в национальной валюте составляли на конец 1982 г. 212,6 млрд. долл., а включая инвалютные достигали 350 млрд. долл., что примерно соответствует ВВП страны в текущих ценах. Непосредственно в коммерческих банках занято свыше 157 тыс. человек — существенная часть общего контингента служащих. В банках открыто 34 млн. депозитивных и расчетных счетов, что почти в 1,5 раза превышает численность населения страны.

По важнейшим показателям финансовой деятельности канадские банки занимают видное место в иерархии ведущих банковских институтов мира. «Банковская система Канады, — утверждает американский экономист Ф. Лис, — является одной из самых развитых и наиболее авторитетных в мире»⁷. Ведущая пятерка банков фигурирует в списках 300 крупнейших банков капиталистических стран, причем «Ройал бэнк» уступает в Северной Америке по активам только ведущей тройке банков США.

Коммерческие банки осуществляют депозитно-ссудные

В начале 1983 г. появилось сообщение, что в результате прошедшей волны реорганизации (слияния и учреждение новых коммерческих банков) их общее число достигло 13.

операции через сеть своих отделений (более 7,4 тыс.), имеющих в 2 тыс. населенных пунктов Канады. Существование разветвленной сети отделений позволяет банкам маневрировать кредитными ресурсами, перебрасывать «излишки» средств из одних географических пунктов в другие, где на них имеется спрос. Головная контора (банк в обычном понимании) осуществляет общее руководство, планирует деятельность банка, а непосредственные операции с клиентурой осуществляют филиалы. Последние обладают значительной автономией при проведении операций (исключая особо крупные). Канадское законодательство о банках, созданное по английскому образцу, поощряло организацию крупных банков. В отличие от законодательства США оно не создавало никаких препятствий для функционирования отделений, так как учреждение новых банков в мелких населенных пунктах, часто временных, существующих лишь до исчерпания ресурсов того или иного месторождения полезных ископаемых, не всегда было экономически оправдано.

В силу того что количество банков невелико, они чаще применяют в своей практике картельные соглашения, монополистический сговор, повышая за счет этого норму прибыли. Тем не менее среди банков идет острое соперничество за лидерство. Старейший «Бэнк оф Монтреал» уступил в послевоенный период ведущее место по активам сначала «Ройал бэнк оф Кэнада», а затем и «Кэнэдиен империел бэнк оф комерс». Указанные изменения не затронули монопольного положения «большой пятерки», на долю которой в настоящее время приходится свыше 90 % совокупных активов коммерческих банков, в то время как в начале века доля пяти ведущих банков составляла немногим более 40 %. Только эти банки имеют сеть отделений во всех провинциях Канады, в то время как остальные являются по существу региональными.

После очередного пересмотра закона о банках в 1980 г. сильно уменьшились препятствия к учреждению в Канаде филиалов и отделений иностранных банков. Впервые иностранный финансовый капитал был допущен в эту святая святых канадского денежного бизнеса. В настоящее время число таких новых банков составляет 58, причем один из них — филиал крупнейшего в мире американского банка («Ситибэнк Кэнада», активы в 2,3 млрд. долл.) — занял 24-ю позицию в списке крупнейших финансовых учреждений. В сентябре 1982 г. активы иностранных банков в Канаде достигли 16,7 млрд. долл. Главной

сферой их деятельности было оказание финансовых услуг частному сектору и государственным учреждениям.

Основными конкурентами коммерческих банков выступают финансовые институты, которые принимают средства вкладчиков на личные сберегательные счета: так называемые квебекские сберегательные банки *, кредитные союзы и сберегательные кассы, ипотечные и траст-компании. Однако коммерческие банки конкурируют и с компаниями, финансирующими потребительский кредит населению, а также со страховыми обществами (кредитование промышленности и жилищного строительства). В некоторых сферах кредитования (фермерские ссуды, страховое и пенсионное дело) сталкиваются интересы государственных и частных институтов, хотя законодательство ограничивает масштабы такой конкуренции.

Ресурсы частных небанковских кредитных институтов сконцентрированы значительно слабее, чем банковской системы. Однако и здесь значение немногих крупнейших компаний весьма велико. Наибольшую роль среди них играют компании по страхованию жизни, количество которых превышает 160, причем на долю 11 крупнейших приходится более 85 % их совокупных активов. Это крупнейший после банков «пул» привлеченных средств населения. В 1982 г. было выдано страховых полисов на 85,7 млрд. кан. долл., в том числе $\frac{2}{3}$ — индивидуальным страхователям жизни и имущества.

Компании по страхованию жизни — единственный помимо коммерческих банков вид кредитных институтов, деятельность которых выходит за национальные рамки. Для наиболее крупных страховых компаний, действующих в Канаде, страховые полисы, выписанные в других странах (преимущественно в США и Великобритании), составляют до 40 % общего объема их операций.

Несмотря на рост других кредитных институтов, особенно сети сберегательных касс и всевозможных кредитных союзов, коммерческие банки уверенно лидируют по объему депозитных операций, и, хотя их доля в совокупных депозитах сокращается, она все еще составляет около $\frac{2}{3}$. На долю коммерческих банков приходится в настоящее время до $\frac{1}{3}$ личных сбережений населения, $\frac{2}{3}$ займов населению, $\frac{1}{3}$ задолженности фермеров по потребитель-

* Крупнейший из них — «Монреал сити энд дистрикт сейвингс бэнк» (активы — 4,5 млрд. долл.) занимал в 1982 г. 10-е место в списке крупнейших финансовых учреждений страны.

скому кредиту, они держат около $\frac{1}{5}$ государственных ценных бумаг. Все это свидетельствует о том, что коммерческие банки остаются наиболее универсальным и дифференцированным кредитным институтом.

Основными заемщиками на рынках ссудного капитала выступают: население — около $\frac{1}{3}$, частнокапиталистические предприятия — $\frac{1}{5}$, государственная администрация и государственные предприятия — почти $\frac{2}{5}$. В ходе послевоенных десятилетий абсолютные масштабы обращения капиталистических предприятий к внешним источникам кредитования резко возросли. В среднем за 1976—1977 гг., например, привлеченные промышленными фирмами ресурсы достигали 9,2 млрд. долл. против 1,1 млрд. в первые послевоенные годы. Вместе с тем удельный вес привлеченных средств в совокупных ресурсах предприятий, используемых ими на цели финансирования капитальных и текущих затрат, в общем сократился в результате заметного повышения роли самофинансирования. В свою очередь развитие системы самофинансирования определялось в первую очередь повышением роли амортизационных отчислений, что связано, с одной стороны, с ускорением морального износа оборудования и удорожанием каждой его единицы, а с другой — с практикой ускоренной амортизации, поощряемой правительственными органами.

Значение нераспределенной прибыли как источника самофинансирования усиливалось вплоть до середины 60-х годов, после чего отмечалось некоторое падение его роли. Это было связано не с прекращением роста массы прибылей, получаемых корпорациями, которая и в эти годы продолжала расти заметными темпами, а с увеличением выплат акционерам по дивидендам, что приводило в отдельные годы даже к сокращению размеров нераспределенной прибыли в текущих ценах. С начала 70-х годов снова возобладала тенденция к росту значения нераспределенной прибыли для финансирования капитальных затрат предприятий.

Все это, однако, не умаляет значения внешних источников финансирования. Их роль особенно повышается в периоды высокой экономической конъюнктуры, когда наиболее распространенными методами привлечения дополнительных финансовых ресурсов становятся выпуск и размещение новых акций и облигаций, в том числе за границей, получение займов у кредитных институтов, прежде всего банков.

Все более важное значение в ссудных операциях банков

приобретает кредитование частнокапиталистических предприятий. Среди их клиентов фигурируют крупнейшие промышленные монополии, включая многие ТНК. За два десятилетия объем предоставляемых ссуд на сумму не менее 5 млн. долл. каждая увеличился с 0,6 млрд. долл. (1962 г.) до почти 20 млрд. (1982 г.). Традиционно банкам была присуща довольно четко выраженная отраслевая специализация. «Ройал бэнк оф Кэнада», например, являлся ведущим в финансировании нефтегазовой промышленности, а «Кэнэдиен империел бэнк оф комерс» — горнорудной. Однако в последнее десятилетие эта специализация сплошь и рядом нарушается. Так, в финансировании строительства медных рудников в провинции Британская Колумбия принимали активное участие «Бэнк оф Монтреол» и «Бэнк оф Нова Скошиа».

В связи с резким ростом капиталоемкости промышленных объектов их финансирование зачастую не под силу одному банку. Все большее распространение получает поэтому создание банковских консорциумов. Таким способом финансировалось строительство ряда крупнейших объектов: свинцово-цинкового рудника «Энвил», ГЭС «Черчил Фолз» мощностью 5,2 млн. кВт, нефтехимического предприятия государственной корпорации «Петросар». На строительство буровых платформ, предназначенных для разведки и добычи нефти и природного газа в Арктике, компания «Доум петролеум» получила от банков 120 млн. долл. сроком на 10 лет и т.п.

Немаловажным представляется и такой факт, как постепенная переориентация самих канадских банков с поддержки преимущественно национальных предприятий на кредитование международных монополий. Эта тенденция все больше пробивает себе дорогу по мере того, как операции самих канадских банков приобретают интернациональный характер. В предоставляемых банками заемных средствах доля займов в иностранной валюте достигла 38 % против 4 % пятнадцать лет назад. В 1981 г. 47,4 % их прибылей после уплаты налогов было получено от международных операций (против 17 % в 1971 г.). В силу этого деятельность канадских банков объективно препятствует усилиям, направленным на ограничение влияния иностранного капитала в промышленности страны. Справедливости ради надо отметить, что в последнее время банки все чаще участвуют и в финансировании операций, связанных с выкупом канадских компаний у иностранных владельцев в рамках политики «канадизации».

При предоставлении особо крупных кредитов ТНК канадские коммерческие банки зачастую непосредственно блокируются с банками США и реже — других капиталистических государств. Так, в финансировании строительства комплекса ГЭС «Джемс-бэй» партнерами канадских банков выступали финансовые группы Морганов, Рокфеллеров, Ротшильдов и т. п.

Значительно изменилась в послевоенный период структура инвестиций коммерческих банков в ценные бумаги. В течение длительного времени банки предпочитали более ликвидные государственные облигации. За последнее десятилетие они стали проявлять повышенный интерес к ценным бумагам частных корпораций. Однако главными держателями акций частных корпораций стали в послевоенный период пенсионные фонды. Если учесть, что большинство из них образовано и управляется самими промышленными монополиями, то данное явление становится легкообъяснимым. Корпорации таким образом используют накопленные в пенсионных фондах денежные средства рабочих и служащих на собственные цели. На конец 1981 г. активы 20 крупнейших пенсионных фондов превышали 18 млрд. долл.⁸ против 0,9 млрд. в 1950 г. для всей совокупности подобных учреждений. Число лиц, уплачивающих взносы в такие фонды, составляет не менее $\frac{2}{5}$ рабочей силы страны. «Успех» частных пенсионных фондов объясняется прежде всего недостатком государственной системы пенсионного обеспечения. В них заинтересованы в первую очередь предприниматели, которые таким путем получают в свое распоряжение накапливаемые финансовые средства трудящихся.

Характеризуя важнейшие тенденции послевоенного развития коммерческих банков, нельзя не поставить на одно из ведущих мест необычайно возросшие масштабы их внешнеэкономической экспансии. Этому способствовали дальнейшее развертывание внешнеэкономических связей страны, бурный рост ТНК, монополизировавших ключевые отрасли экономики, и др. В условиях, когда внутренний кредитный рынок Канады по существу поделен, причем довольно жестко, заграничная деятельность становится одним из главных источников увеличения нормы и массы банковской прибыли. Канадским банкам удалось развить свои заграничные операции в такой степени, что в настоящее время по валютным активам они уступают только банкам США и Великобритании. Этому способствовало энергичное расширение сети их отделений в развитых

капиталистических и развивающихся странах. Канадские банки поддерживают корреспондентские связи с не менее чем 5 тыс. иностранных кредитных институтов. Особо следует отметить резкое расширение в послевоенный период вкладов в канадские банки в иностранной валюте. Процесс интернационализации столь глубоко охватил канадские банки, что, по словам одного из сотрудников «Ройал бэнк оф Кэнада», они «превратились из банков с отделами по ведению международных операций в международные банки, главные конторы которых расположены в Канаде». Одним из важных проявлений этого процесса является участие банков «большой пятерки» в международных банковских консорциумах («Энерджи бэнк оф Ингленд», «Остралиан мерчант бэнк», «Мидлэнд энд интернэшнл бэнкс» и др.).

В системе финансового капитала Канады банки занимают особое место. Они в целом реже, чем в ряде других стран, выступают центрами финансово-олигархических групп. В этой роли чаще всего выступают крупнейшие промышленные монополии. Однако финансовая мощь банков позволяет им осуществлять руководящую роль в олигархической системе с помощью косвенных рычагов воздействия. П. Ньюмен именует коммерческие банки Канады «духовными отцами» всей хозяйственной системы, «хранителями храма» национального делового истеблишмента, имеющими достаточно власти, чтобы наложить вето на любое значительное экономическое решение, принимаемое в частном секторе⁹.

Сращивание монополистического банковского капитала с промышленным осуществляется через участие в акционерном капитале, «личную унию» и по другим каналам. Немаловажное значение имеет также деятельность экспертных советов, создаваемых банками для консультирования директоров промышленных корпораций. Банки предоставляют частным компаниям деловую информацию о своей клиентуре, составляют прогнозы текущей конъюнктуры и т. п.

Формально банкам запрещено владеть более чем 10 % обычных акций с правом голоса крупных промышленных фирм (для мелких компаний лимит составляет 50 %). Однако они нашли простой способ обходить законодательство путем образования холдинг-компаний и инвестиционных трестов. «Бэнк оф Нова Скошиа», например, через две такие «подставные» компании («Бэнско» и «Джилберт секьюритиз») владеет пакетами акций круп-

ных корпораций в текстильной, целлюлозно-бумажной и других отраслях промышленности.

Особую роль в этом процессе продолжает играть «личная уния». Директора восьми канадских банков — около 260 человек — занимают в общей сложности более 3000 директорских постов в промышленных корпорациях с общими активами 581 млрд. долл.¹⁰ При этом определяющее значение имеют связи банков «большой пятерки» с крупнейшими корпорациями¹¹.

Совмещение директорских постов является одним из важных методов вмешательства банков в деятельность страховых и инвестиционных компаний. В других случаях, как, например, в их отношениях с траст-компаниями, главную роль играет непосредственное участие в капитале. Крупнейшие траст-компании по существу обслуживают только какой-нибудь один из банков «большой пятерки» («Ройал траст» фактически находится под контролем «Бэнк оф Монтреол», а «Монтреол траст» — «Ройал бэнк оф Кэнада» и т. п.), тогда как страховые компании значительно более самостоятельны и, как правило, связаны с несколькими банками (например, «Сан лайф эшуренс оф Кэнада» с «Ройал бэнк оф Кэнада» и «Бэнк оф Монтреол»).

Крупнейшие и наиболее могущественные центры финансовой олигархии в стране — холдинг-компании «Аргус корп.» и «Пауэр корп.» — формально не имеют в своем составе коммерческих банков. Однако именно опора на банки придает этим объединениям тот вес, которым они обладают в системе финансового капитала Канады. Так, канадская газета «Файнэншл пост» писала, что Королевская комиссия по проблемам концентрации в 1975 г. не дала ответа на главный вопрос: «Не сконцентрирована ли реально власть, которой обладает «Пауэр корп.», в руках «Ройал бэнк оф Кэнада»?»¹² Директора «Аргус корп.» представлены в директоратах всех банков «большой пятерки».

Финансовые сведения об этих компаниях чрезвычайно скудны и носят случайный характер. Ни та ни другая, например, не входят ни в список 500 крупнейших нефинансовых корпораций, ни в список лидеров финансовой сферы, хотя контролируемые ими компании фигурируют и там, и тут. Так, на 31-м месте по объему продаж в списке журнала «Кэнэдиен бизнес» в 1982 г. находилась торгово-промышленная монополия «Доминион сторз» — одна из крупнейших в сфере торговли продовольствием. Вместе

с лидером североамериканского сельскохозяйственного машиностроения «Мэсси-Фергюсон» она образует промышленное ядро конгломерата, каким является «Аргус корп.». В середине 70-х годов, обладая собственными активами всего в 200 млн. долл., этот уникальный в своем роде холдинг контролировал промышленные корпорации с совокупными активами 3,6 млрд. Обозреватель газеты «Файнэншл пост» сравнивал «Аргус» с прожорливым спрутом, который развалился на полу Торонтской фондовой биржи, любовно обвив своими щупальцами «Мэсси-Фергюсон» и «Доминион сторз».

Особое значение имеет контроль «Аргус» над другой холдинг-компанией — «Холлинджер майнз». Ее дочерняя компания «Лабрадор майнинг» — один из крупнейших производителей железной руды — теснейшим образом связана с американской монополистической группой Ханна. «Холлинджер майнз» долгое время контролировала также горнорудный концерн «Норанда майнз», что свидетельствует о ее весе в «ресурсном» секторе экономики.

«Империя Аргус», представляющая преимущественно интересы национального капитала, понесла в последние десятилетия чувствительные потери. Так, в свое время она была вынуждена расстаться с контрольными пакетами акций таких крупных корпораций, как «Кэнэдиен бруэриз», «Домтар», «Бритиш Коламбия форест продактс». Уже более пяти лет в тяжелом финансовом положении находится и компания «Мэсси-Фергюсон», убытки которой в 1982 г. составили 0,5 млрд. долл. (печальное 1-е место в списке «Кэнэдиен бизнес»). Руководство «Аргус» ищет выхода из создавшегося положения на путях диверсификации, пытаясь проникнуть в нефтегазовую, угольную и уранодобывающую промышленность.

В отличие от своего главного конкурента «Пауэр корп.» представляет собой образец динамичного развития. Секрет ее успеха — в опоре преимущественно на иностранный капитал и в сохранении устойчивых связей с коммерческими банками Канады, США («Бэнк оф Америка»), а также с международными банковскими консорциумами. Имея собственные активы около 550 млн. долл., «Пауэр корп.» контролирует корпорации с активами свыше 4 млрд., действующими в обрабатывающей промышленности, кредитной сфере, на транспорте и т. п. Под ее контролем находятся, в частности, авиастроительная корпорация «Хоукер-Сиддли Канада» (англо-канадский капитал), целлюлозно-бумажная монополия «Консолидейтед Батерст», металлур-

гическая компания «Доско», финансовый холдинг «Инвестерз груп», быстро растущая фирма «Геска» и др. В 1975 г. «Пауэр корп.» предприняла неудачную попытку установить контроль над «Аргус корп.», что обострило противоречия между этими группировками.

Центром другого крупного объединения монополистического капитала является «Кэнэдиен Пасифик». В его составе также один из ведущих производителей цветных металлов — «Коминко», ряд фирм в нефтегазовой промышленности, пароходные компании и т.п. Журнал делового мира страны «Кэнэдиен бизнес» утверждает, что капитал «Кэнэдиен Пасифик», «Алкэн» и ряда других крупнейших корпораций столь сильно распылен, что установить реальных владельцев практически невозможно. Важно, однако, что контроль над каждым объединением монополистического капитала находится в конечном счете в руках вполне определенных лиц, которые и направляют его деятельность.

Упомянутый П. Ньюмен выделяет 19 семейных кланов, каждый из которых владеет состоянием, превышающим 100 млн. долл. Некоторые имена канадских миллиардеров известны всему миру. В их числе мировой фабрикант обуви (350 млн. пар в год), выходец из Чехословакии Т. Батя. На его 90 предприятиях в 80 странах занято около 85 тыс. рабочих. Центр империи располагается в Торонто. Не меньшей известностью пользуется и марка компании «Сигрэм», которая является крупнейшим производителем виски и других алкогольных напитков в капиталистическом мире. Руководит ее деятельностью через семейный инвестиционный трест «Кемп инвестменс» семейство Бронфманов, имеющее еще по меньшей мере два холдинга — «Бразкан» (собственник компаний «Консолидейтед гласс», «Джон Лабатт», «Уэстмин ресурсес» и др.) и «Бразкейд ресурсес» (участвует в контроле над «Норанда майнз» и тем самым над несколькими десятками компаний «ресурсного» сектора, включая «Брансуик майнинг энд смелтинг» и «Макмиллан Блодел»).

Представляющая интересы клана Райхманов холдинг-компания «Олимпиа энд Йорк дивелопментс» не состоит «в списке 500», в то время как подконтрольная ей монополия «Эйбители пейпер» лидирует среди производителей газетной бумаги, а «Ройал трастко» занимает 7-е место среди крупнейших финансовых учреждений страны.

Семейству Романов принадлежит контроль над «Денисон майнз» - ведущей уранодобывающей компанией Кана-

ды, выросшей в последние годы в диверсифицированный «ресурсный» концерн. Клан Ирвингов контролирует судостроительную компанию «Сент Джон шипбилдинг энд драй док», где выпускаются платформы для подводного бурения, танкеры, а также несколько нефтеперерабатывающих заводов, около 3 тыс. бензоколонок, предприятия в цветной металлургии и целлюлозно-бумажной промышленности. Экономика провинции Нью-Брансуик с 600-тысячным населением практически находится под контролем К. Ирвинга, хотя его имя также не фигурирует в «списке 500». Ему принадлежит $\frac{1}{10}$ земель провинции, каждый 12-й рабочий занят в одной из его компаний. Семейство Бомбардые управляет делами компаний, производящих железнодорожные локомотивы и снегоходы. Пятое поколение семейства Молсонов сохраняет монополию в пивоваренной промышленности. Видные позиции в индустриальном бизнесе занимают также семейства Бэркс, Маккейн, Вулф, Белцберг, Симэн, Уэбстер. Пул. Мэнниксы и Дэвисы олицетворяют большой бизнес в строительной индустрии. В торговле доминируют Уэстоны, Итоны, Вулворты, Симпсоны, Стайнберги, в кредитной сфере — Ричардсоны, Джеффри, Бернсы, Джекманы.

Тот факт, что иностранный капитал захватил ключевые посты в промышленности, во многом объясняет сплоченность и сравнительную компактность финансовой олигархии Канады *. И в то же время экономическая элита — носитель политических, экономических и даже этнических противоречий. Так, лишь 8 % руководителей крупного бизнеса в элите — это франкоканадцы, составляющие 29 % населения. Внутри экономической элиты постоянно дают о себе знать противоречия между капиталистами, представляющими национальный капитал, и буржуазией, находящейся на службе ТНК США.

В послевоенный период канадские монополисты, реорганизуя и концентрируя производство, в целом укрепили позиции как в собственной стране, где им приходится конкурировать с иностранным капиталом, так и за границей. Национальный капитал включает в себя прежде всего собственников средств производства и банкиров, интересы которых связаны преимущественно с внутренним рынком. Количественно они составляют преобладающую часть

* В середине 70-х годов 946 членам экономической элиты Канады принадлежали 1754 руководящих поста в крупнейших корпорациях страны. Однако в ядро элиты входило лишь 274 бизнесмена (29 %), на которых приходилось 782 (54 %) руководящих поста.

класса буржуазии, но их реальная власть не слишком велика. Что же касается крупного капитала, то между монополистами США и Канады до сих пор в основном сохраняется своеобразное «разделение труда» на почве освоения и эксплуатации естественных ресурсов северной части субконтинента. Если канадская буржуазия по-прежнему контролирует в основном сферы финансов, транспорта, коммунальное хозяйство, средства массовых коммуникаций и т. п., то капиталисты США занимают наиболее прочные позиции в области разработки полезных ископаемых и в высококонцентрированных отраслях обрабатывающей промышленности. Правда, в последние десятилетия существенно укрепились позиции национального монополистического капитала в таких отраслях «ресурсного» сектора, как лесная и целлюлозно-бумажная, рудодобывающая и металлургическая.

Крупный национальный капитал издавна привык извлекать пользу из партнерства с американскими монополистами и в целом по-прежнему готов делиться с ними прибылями и другими выгодами от доступа к природным богатствам страны. Монополистическая верхушка страны объективно больше заинтересована в дальнейшем сближении с США, чем в резком повороте экономического руля, сулящем большую экономическую независимость, но ставящем под угрозу выгоды «континентального сотрудничества».

Особое место занимает довольно широкий круг лиц канадского происхождения, участвующих в капитале или состоящих на службе американских ТНК и других крупных иностранных корпораций. Этот слой местной буржуазии служит главным проводником интересов монополистического капитала США, Англии, других империалистических держав в своей стране и, как правило, послушно выполняет директивы своих заграничных хозяев. Жестко ориентированный на США капитал особенно широко представлен в отраслях обрабатывающей промышленности, контролируемых ведущими ТНК США. Наличие в Канаде такой «своей» буржуазии дает американским монополиям огромный эффект, так как она обеспечивает им добровольное и весьма мощное лобби в правительственных кругах, помогает получать государственные заказы, включая военные, гарантировать беспрепятственный доступ к сырьевым ресурсам, способствует расширению рынков сбыта для их промышленной продукции.

Было бы ошибкой полагать, что обе части национально-

го капитала резко отграничены и постоянно находятся по отношению друг к другу на антагонистических позициях. Грань, разделяющая национальную и проамериканскую буржуазию, не является непреодолимой и во многом стирается. В ходе интеграции национальные капиталисты все чаще вступают в соглашение с американскими монополиями. Так, национальные корпорации в черной металлургии извлекают большие выгоды от экспорта железной руды в обмен на снабжение своих предприятий коксующимся углем из США, а главный рынок сбыта для них — автомобильная и электротехническая промышленность — отрасли, в которых также доминирует американский капитал. Часть канадских бизнесменов пополняют состав директоров ТНК, другие связаны с международными монополиями по коммерческим каналам или через «личную унию».

Несовпадение экономических целей не мешает монополистическому капиталу США и Канады сплачиваться для борьбы с трудящимися, выступающими в защиту своих жизненных прав. Подчиненные позиции крупного канадского капитала не исключают для него возможности пользоваться преимуществами своего партнерства с монополиями США для эксплуатации народов других стран. В этом случае канадская буржуазия, будучи пособником наживы американских монополий в своей стране, одновременно выступает и как участник империалистической эксплуатации в масштабах капиталистической части мира.

3. Государственная собственность и финансы государства

Государственно-монополистическая система в Канаде только складывается, что дополнительно усиливает присущие ей черты неопределенности, промежуточности по сравнению с более четко обозначившимися западноевропейской и американской «моделями» ГМК. С первой из них канадскую «модель» роднит довольно высокая развитость государственного предпринимательства, со второй — форма и методы антициклического — прямого и косвенного — регулирования экономики.

Процесс усиления монополистического капитала в послевоенный период облегчался постоянной поддержкой со стороны государства, экономическая функция которого в эти десятилетия получила огромное развитие, в том числе в направлении укрепления государственного сектора. Главным источником расширения собственности буржуазного государства в Канаде, как и в США, являются новые

инвестиции. Государственные капиталовложения в основной капитал составили в 1982 г. 10,6 млрд. долл., что соответствовало около $\frac{1}{6}$ подобных расходов частных компаний. Среди них преобладали расходы на строительство, где доля государства традиционно существенно выше (до $\frac{2}{5}$ объема затрат частного сектора на эти цели).

Государство занимается в крупных масштабах строительством новых дорог, энергетических сооружений, каналов, портов, аэродромов, административных зданий. В то же время его участие в промышленном и жилищном строительстве ограничивается весьма скромными рамками. Построенные за счет казны объекты пополняют фонд государственного имущества, основу которого составляет собственность на 90 % земельного и лесного фондов страны, а также на военное имущество.

Государственная собственность концентрируется в отраслях, обеспечивающих общие условия функционирования национального производства. Поэтому расширение предпринимательской деятельности государства не ослабляет, а, напротив, укрепляет позиции крупнейших монополистических объединений, контролирующих ключевые отрасли хозяйства, и прежде всего промышленность. По последним данным, которыми мы располагаем, совокупные активы государственных предприятий Канады превышали в конце 70-х годов 90 млрд. долл. Из них, однако, на долю горнодобывающей и обрабатывающей промышленности приходилось лишь около 2,5 % ¹⁴. Государственные предприятия в сфере горнодобывающего и нефтегазового производства имели в 1979 г. всего 3,7 % активов отрасли, а их доля в продажах и прибылях была еще ниже (2,2 и 1 % соответственно). Доля контролируемых государством монополий в сфере обрабатывающей промышленности составляла 5,1 % по активам и примерно в 2 раза меньше — по продажам и прибылям ¹⁵.

Наибольшего развития предпринимательская деятельность государства достигла в электроэнергетике, на транспорте, в области связи и других отраслях коммунального хозяйства (свыше 60 % активов, более $\frac{1}{3}$ оборота и прибылей), а также в кредитной сфере. Совокупные государственные активы распределялись между этими двумя крупными подразделениями канадской экономики примерно в соотношении 2:1.

В 1958 г. было всего 28 «коронных» корпораций федерального и 58 — провинциального подчинения, а в 1977 г. их число возросло до 50 и 106 соответственно. На

конец 1978 г. активы государственных предприятий федерального подчинения оценивались в 35,1 млрд. долл., а провинциального — в 55,6 млрд. При этом их доля во всех корпоративных активах нефинансовой сферы (14%) была в 2 раза ниже, чем подобный показатель, рассчитанный по основному капиталу (28%), — свидетельство высокой вовлеченности в капиталоемкий энергетический и транспортный бизнес.

Отраслью промышленности, где государство играет лидирующую роль, является производство синтетического каучука. Образованная еще в 1942 г. «коронная» корпорация «Полисар» — монополист по производству этого продукта в стране. Она занимает видное место среди ведущих компаний капиталистического мира в данной отрасли. Отдельные государственные предприятия имеются также в целлюлозно-бумажной и металлургической промышленности. С конца 60-х годов государство взяло под свой жесткий контроль сферу добычи урановых руд. С 1944 г. «коронная» корпорация «Эльдорадо ньюклиэр» является активным участником разведки, добычи и переработки урана, а также экспорта его концентратов.

На государственных электростанциях вырабатывается свыше 70% электроэнергии. Крупнейшие в стране энергосистемы находятся под управлением энергетических комиссий провинций Онтарио, Квебек и Британская Колумбия. Научными исследованиями в области применения атомной энергии, а также проектированием и строительством АЭС в Канаде и за рубежом занимается федеральная «коронная» корпорация «Атомик энерджи оф Кэнада». При этом важно подчеркнуть, что еще в 1962 г. свыше 60% электроэнергии, например, в провинции Квебек давали американские станции, хотя крупнейшая в наши дни «коронная» корпорация «Хайдро-Квебек» существует с 1944 г.

Под контролем государства находится 70% железнодорожной сети, в том числе трансканадская железная дорога, принадлежащая «Кэнэдиен нэшнл рейлуэйз», а также водный путь по р. Святого Лаврентия и девять важнейших портов, через которые проходит 80% грузов, поступающих в Канаду морским путем. Значение этой транспортной системы для освоения природных ресурсов и развития промышленности, сельского хозяйства и внешней торговли Канады неоспоримо. С 1939 г. действует государственная авиакомпания «Эйр Кэнада».

Государство в лице своих предприятий контролирует также значительный сектор в сфере радиовещания и теле-

видения. На долю государственных учреждений приходится почти $\frac{1}{5}$ совокупных активов кредитных институтов страны. Собственностью государства являются центральный эмиссионный банк — Банк Канады (активы в 19,4 млрд. долл.), Федеральный банк развития бизнеса, Корпорация фермерского кредита, Центральная ипотечная и жилищная корпорация, Корпорация развития экспорта. Основными объектами государственного кредитования выступают сельское хозяйство, жилищное строительство, внешняя торговля, мелкие частнокапиталистические предприятия.

Энергетический кризис был одной из причин внедрения государства в разведку и добычу нефти и природного газа. Активы созданной в 1975 г. корпорации «Петро-Кэнада» достигли в 1982 г. 7,6 млрд. долл. Они включают в себя контрольные пакеты акций американских нефтяных корпораций «Атлантик ричфилд» и «Пасифик петролеумз», приобретенные ею еще в 1976—1978 гг. Весной 1981 г. за 1,3 млрд. долл. в руки государственной монополии перешел 51%-ный пакет акций «Петрофина Кэнада инк.» — филиала бельгийской «Петрофины», имевшей в Канаде крупные производственные мощности и разветвленную сеть бензоколонок. Это вывело компанию «Петро-Кэнада» на второе место в нефтегазовой промышленности страны. Обладая концессионными правами на значительную часть крупного нефтяного месторождения на атлантическом шельфе провинции Ньюфаундленд и планируя ежегодно тратить на новые поисковые работы до 800 млн. долл., «Петро-Кэнада» рассчитывает еще до 1990 г. занять место крупнейшего в стране производителя жидкого топлива.

Значительный государственный сектор образовался в 70-х годах в аэрокосмической промышленности, после того как канадское правительство выкупило у англичан контрольный пакет акций компании «Де Хэвилленд эйркрафт оф Кэнада». Аналогичная сделка была заключена и с американской фирмой «Дженерал дайнэмикс» в отношении «Кэнадэйр». В 1969 г. была учреждена государственная компания «Телесат Кэнада», возглавившая усилия по разработке и эксплуатации спутников связи.

Стремясь спасти от банкротства компанию «Доминион стил энд коул», контролируемую английским капиталом, государство скупило часть акций. Таким образом оно оказалось вовлеченным в угольную промышленность и черную металлургию. Огосударствление сопровождалось выплатой

значительной компенсации монополиям. И так как правительство брало на себя контроль над убыточными предприятиями, то огосударствлению предшествовало «санирование», или экономическое стимулирование, соответствующих фирм. Указанные авиационные компании получили, например, из средств бюджета в общей сложности около 200 млн. долл.

Вместе с тем внедрение государственных предприятий в отрасли, где традиционно доминировал частный капитал, порождает его сопротивление. По этой причине государство в последние годы проявляет возрастающий интерес к созданию «смешанных» предприятий. Участие государства оказалось, в частности, удобной для монополий формой гарантирования огромных капиталовложений в неосвоенных районах страны. Так, «смешанный» характер имеют корпорации «Джемс-бэй» и «Панарктик ойлс». Аналогичные цели достигались и за счет передачи ряда государственных компаний (включая «Полисар») под контроль холдинга Корпорация развития Канады, образованного в 1971 г. и принадлежащего государству на $\frac{2}{3}$. Частногосударственные холдинги действуют и в каждой из провинций. Старейшая из них — «Индастриэл истэйтс» в провинции Новая Шотландия существует с 1957 г.

Характерный случай вторжения государства в сферу частного бизнеса был связан с государственной поддержкой освоения компанией «Нанисивик майнз» запасов свинцово-цинковых руд Баффиновой Земли. Федеральное правительство не ограничилось щедрым финансированием вложений в инфраструктуру, как это было с проектами «Пайн-Пойнт майнз» в Северо-Западных территориях и «Энвил майнинг корп.» в провинции Юкон. В обмен на предоставление 16,7 млн. долл. на строительство оно получило 18% акций компании и право ввести двух своих представителей в совет директоров. Существует мнение, что проект «Нанисивик» представляет собой «рабочую модель» будущего участия государства в операциях по освоению природных ресурсов на федеральных землях вплоть до строительства перерабатывающих заводов.

В условиях Канады партнерство с частным капиталом зачастую оказывается партнерством с ТНК. Так, проект «Петросар» объединил финансовые ресурсы Корпорации развития Канады, «Дюпон оф Кэнада» и «Юнайтед карбайд Кэнада» для создания крупного нефтехимического комплекса. Широко представлены иностранные ТНК и в консорциуме «Синкруд», в активах которого «Петро-Кэна-

да» имеет 15%, власти провинции Альберта — 10 и Онтарио — 5%, тогда как частный капитал — 70% *. «Эльдорадо ньюклиэр» вложила значительные средства в освоение уранового месторождения «Ки-лейк» в Саскачеване совместно с западногерманской фирмой «Уранэрс».

Монополистический капитал Канады находится в целом на антагонистических позициях по отношению к идее расширения государственной собственности. Вместе с тем она признается допустимой и даже желательной в тех случаях, когда ее функционирование создает предпосылки для прибыльной работы частных предприятий. Не случайно в большинстве случаев государственные предприятия либо являются убыточными, либо получаемая ими прибыль ниже, чем у частных конкурентов **. Вместе с тем вследствие понимания того факта, что убыточность государственных предприятий ведет к дальнейшему росту дефицитности бюджета, осуществлялась правительственная политика «коммерсиализации» деятельности государственного сектора. Этому содействовало и принятое в 70-х годах законодательство. В некоторых случаях рентабельность отдельных государственных предприятий повысилась. Так, в результате модернизации производства, внедрения ЭВМ, ликвидации части нерентабельных перевозок объем грузооборота «Кэнэдиен нэшнл рейлуэйз» за последнее десятилетие значительно увеличился.

Согласно распространенному в Канаде представлению о границах государственно-монополистического регулирования экономики национализация признается чрезмерно радикальным средством вмешательства, которое может быть применено лишь в исключительных ситуациях. В качестве примера можно привести предпринятые в 1980 г. действия властей Квебека в отношении «Асбестос корп.», занимающей второе место по добыче этого минерала в Канаде. Только после безуспешных переговоров с американской материнской компанией «Дженерал дайнэмикс», тянувшихся три года, национальная ассамблея Квебека

* Половину своей доли, составлявшей в 1979 г. 20%, власти Альберты уступили частным компаниям «Хадсонс Бэй ойл энд гэс» и «Петрофина Кэнада» за участие в их капитале.

** В 1976 г., например, 70 крупнейших государственных предприятий получили валовую прибыль в размере 200 млн. долл. на активы 28 млрд., т. е. норма прибыли составляла для них лишь 0,8% (Financial Times of Canada, 6.VIII.1979). Это свидетельствует о многом, особенно если вспомнить, что по масштабам операций ведущие государственные компании в среднем существенно превосходят частные (см. данные табл. 25, последняя колонка).

приняла «Закон 70», в соответствии с которым в рамках «национальной политики в области добычи асбеста» канадские активы корпорации были национализированы с выплатой владельцам компенсации. Во второй половине 70-х годов государственная «Поташ корп. оф Саскачеван» превратилась во второго в мире производителя калийных солей, скупив у частных владельцев четыре крупных добывающих комплекса.

Значительно чаще в практике Канады поднимался вопрос о возвращении государственных предприятий частным владельцам. За недолгий период своего пребывания у власти правительство консерваторов успело объявить о приватизации 8 «коронных» корпораций с совокупными активами свыше 800 млн. долл., включая «Эльдорадо ньюклиэр» и «Кэнадэйр». Возмущение канадской общественности планами правительства Дж. Кларка передать в частный сектор корпорацию «Петро-Кэнада» явилось одной из причин падения этого кабинета.

В силу ограниченного характера государственного предпринимательства в Канаде, как и в США, основную материальную базу государственного вмешательства в экономику составляет бюджет. Система государственных финансов строится по схеме: федеральный бюджет — бюджеты провинций — бюджеты местных органов власти. Консолидированный общегосударственный бюджет включает также доходы части государственных предприятий и государственной системы социального страхования. В 1982 г. общегосударственные расходы приблизились к 155 млрд. долл., что в 37 раз превышало показатель 1950 г. (см. табл. 26). Общие государственные расходы составляют в настоящее время почти 60% национального дохода Канады (против 28% в 1950 г. и 40% в 1960 г.), в том числе федеральные — 27% (в 1950 г. было 16%, в 1960 г. — 23%).

Из федерального бюджета осуществляется финансирование военных расходов, значительной части затрат по регулированию экономики, содержанию правительственной администрации, а также на здравоохранение и социальное обеспечение. Бюджеты провинций и местных органов власти являются главным источником финансирования капитальных вложений (в основном в инфраструктуру), а также используются на цели образования и подготовки кадров, медицинскую помощь и т. п.

Рост масштабов вмешательства в экономику требует постоянного наращивания финансовых усилий государ-

Государственный бюджет (млрд. долл.)

Годы	Все органы власти ¹			В том числе федеральное правительство		
	доходы	расходы	сальдо	доходы	расходы	сальдо
1950 . . .	4,6	4,1	+0,5	3,0	2,4	+0,6
1960 . . .	10,7	11,3	—0,6	6,5	6,7	—0,2
1970 . . .	32,0	31,1	+0,9	15,5	15,3	+0,2
1980 . . .	110,0	113,5	—2,5	37,0	47,0	—10,0
1981 . . .	132,0	132,1	—0,1	48,7	56,6	—7,9
1982 . . .	140,7	154,9	—14,1	48,0	68,7	—20,7

¹ Исключая межведомственные переводы.

Источники: Department of Finance. Economic Review. Ottawa, 1978, p. 176—179; Canadian Statistical Review, June 1983.

ства. Представляя парламенту проект федерального бюджета на 1982/83 г., тогдашний министр финансов А. Макичен назвал колоссальную сумму в 60 млрд. долл., которую правительство намеревалось ассигновать в течение 5 лет, чтобы «обеспечить основу экономического роста в наступившем десятилетии». Свыше $\frac{2}{3}$ из этих миллиардов имелось в виду использовать в виде расходов по статье «экономическое развитие» и 18 млрд. — по статье «развитие энергетики». Несколько раньше на 1981—1984 гг. намечалось истратить на эти цели 40 млрд. долл., причем прогрессивная общественность была обеспокоена тем, что основная часть ассигнований должна была быть выкроена за счет «экономии» на социальных программах. Так, доля затрат на медицинское обслуживание, выплату пенсий и семейных пособий и т. п. должна была упасть с 42% всех государственных расходов в 1980/81 г. до 35% в 1983/84 г.¹⁶

Огромный и растущий бюджетный дефицит и обстановка кризиса, типичные для начала 80-х годов, привели к глубоким изменениям в структуре федеральных расходов. Так, проценты по государственному долгу отвлекали на себя значительно большую часть средств, чем в 60—70-х годах (см. табл. 27). Резко повысилась и доля трансфертных выплат населению, среди которых большое место занимает выплата пособий по безработице, а также малообеспеченным и многодетным семьям. Как отражение возросших усилий государства по стимулированию экономики абсолютно и относительно возросли расходы на инвестиции и субсидии частным фирмам. Основные полу-

Структура федеральных бюджетных доходов и расходов (в %)

	1950	1960	1970	1980	1981	1982
Доходы						
Подходный налог с населения	20,7	29,9	41,2	47,2	46,3	50,5
Налоги на доходы иностранцев	1,8	1,2	1,8	2,0	1,8	1,9
Налог на прибыли корпораций	28,6	20,1	14,8	16,9	13,4	10,7
Косвенные налоги	37,6	34,0	26,4	24,3	29,9	27,0
Налог с оборота	20,9	20,4	17,4	12,6 ¹	12,1 ¹	11,7 ¹
Акцизы	7,6	5,4	3,6	2,8 ¹	2,2 ¹	2,1 ¹
Таможенные пошлины	8,7	8,0	5,2	6,9 ¹	6,2 ¹	4,7 ¹
Доходы от инвестиций	4,5	10,1	8,4	9,6	8,4	9,9
Расходы ²						
Капиталовложения	0,04	0,2	0,7	1,2	1,1	2,7
Текущие расходы на товары и услуги	40,3	37,2	30,8	23,1	23,2	22,0
Военные расходы	21,5	23,7	12,6	8,2	8,1	8,3
Субсидии	2,6	4,3	4,0	9,2	9,2	6,7
Переводы населению	26,8	30,2	27,4	27,6	26,6	29,2
Переводы провинциям и муниципалитетам	11,0	15,3	23,0	21,4	19,9	18,7
Переводы иностранцам	0,6	1,1	1,6	1,3	1,2	1,2
Проценты по государственному долгу	18,6	11,6	12,6	16,2	18,8	19,4

¹ Расчет по данным за финансовые годы. ² Включая межведомственные переводы.

Источники: National Income and Expenditure Accounts, 1926—1974. Ottawa, 1976, p. 158—163, 258—263; 1963—1977, p. 56—65; Canadian Statistical Review, June 1983.

чатели последних — крупные капиталистические фермерские хозяйства, а также фирмы судостроительной, лесобумажной, автомобильной, электронной, угольной, золотодобывающей и других отраслей промышленности.

В то же время доля «текущих расходов на товары и услуги», на которые в 1950 г. приходилось свыше, а в 1960 г. почти ²/₅ расходной части бюджета, понизилась до 22—23%. На военные расходы в последние годы приходится 35—38% затрат правительства по этой статье. В 1982 г. только прямые федеральные расходы «на оборону» достигли 7 млрд. долл. С учетом косвенных расходов (включая пенсии ветеранам войны и часть процентов, выплачиваемых по государственному долгу) военные расходы составляли в начале 80-х годов не менее 15 млрд. долл., что соответствовало примерно 5% национального дохода страны. Наряду с большими суммами, ежегодно ассигнове-

мыми правительством на закупку боевых самолетов, танков и другой военной техники, крупные заказы военного ведомства проходят и по «гражданским» статьям (приобретение транспортных и пассажирских самолетов, железнодорожного подвижного состава, оборудования связи и т. д.). Показательно, что на 1985/86 г. программируются прямые государственные расходы «на оборону» в размере 9,8 млрд. долл. (почти $\frac{1}{10}$ федерального бюджета).

Доходная часть федерального бюджета более чем на 90% обеспечивается налоговыми поступлениями. При этом доля прямых налогов составляет более $\frac{2}{3}$ доходов, косвенных — более $\frac{1}{4}$. Ведущее место в доходах федерального бюджета принадлежит подоходному налогу с населения (свыше половины всех поступлений). При помощи этого налога перераспределяется почти 10% национального дохода. Доля налога на прибыли корпораций и налога с оборота после реформы 1972 г. заметно понизилась. Сравнительно небольшую роль играют налог на иностранцев, акцизы и таможенные пошлины.

Налоговая реформа 1972 г., которой предшествовала работа, проведенная специально созданной Королевской комиссией Картера, и оживленная общенациональная дискуссия в прессе были призваны преодолеть анахронизмы налоговой системы, скопированной с английской и недостаточно учитывавшей местные условия. Она дала известное облегчение фирмам обрабатывающей промышленности, снизив ставку налога на корпорации с 50 до 46% (а с 1973 г. — и до 40%) и расширив для них возможность налоговых изъятий, в частности путем ускоренного списания стоимости нового оборудования (для мелких компаний налоговая ставка была понижена с 25 до 20%). В то же время режим налогообложения в «ресурсном» секторе экономики был, по всеобщему мнению, несколько ужесточен, хотя и здесь было введено немало льгот, в первую очередь в части режима списания капитальных затрат. Под напором общественности был введен налог на доходы от операций с ценными бумагами, хотя его ставка составила лишь половину налога на доходы корпораций, возникающие из других источников. Однако одновременно был отменен налог на наследуемую недвижимость, что означало для 200 тыс. крупнейших собственников Канады потенциальную экономию на налогах порядка 4,5 млрд. долл. И все это происходило в стране, где «верхние» 20% налогоплательщиков владеют 68,3% национального богатства (1977 г.), в то время как «нижние» 20% — менее 1% ¹⁷.

И после реформы 1972 г. в канадском законодательстве осталось более 100 налоговых лазеек, большинство из которых, правда, доступно лишь получателям крупных доходов. С их помощью в 1979 г. лицо с доходами от 10 до 15 тыс. долл. могло «сэкономить» на налогах в среднем 771 долл., в то время как получатель 100 тыс. долл. мог вовсе не платить налогов с 46 тыс. И что самое поразительное: в том же году в Канаде было 740 лиц с доходами свыше 100 тыс., которые ухитрились вообще не платить федерального подоходного налога (!). Если у мелких фирм в среднем изымалось в виде налогов 36,3% их прибылей, то у крупных — лишь 24,5%. Только в результате отсрочки налоговых платежей частные фирмы ежегодно задерживают платежи в казну в сумме до 25 млрд. долл., что превышает годовой бюджетный дефицит. Часть подобной «задолженности» подчас вообще не бывает погашена. В среднем, по некоторым оценкам, получатели крупных доходов имеют в 100 раз большую выгоду от налоговых льгот по сравнению с рядовыми налогоплательщиками.

С начала 70-х годов развернулся хронический кризис государственных финансов Канады. Еще в 1978 г. на конференции премьер-министров провинций с участием П. Трюдо была одобрена долгосрочная стратегия бюджетного регулирования, которая предусматривала отказ от попыток воздействия на экономические кризисы путем увеличения государственных расходов. Затем в 1979 г. консервативное правительство Дж. Кларка пообещало сократить государственные расходы на 2 млрд. долл. и уменьшить занятость в государственном аппарате на 60 тыс. человек в течение трех лет. Интересно, что именно в период его короткого правления налоговые изъятия были впервые выделены за чертой бюджета в виде особой расходной статьи («налоговые затраты»), по которой государство ежегодно «ассигнует» 30—35 млрд. долл.

Вновь сменившее консерваторов правительство либералов пришло к выборам 1980 г. с концепцией «стимулирующего бюджета», смысл которой в том, что любое существенное сокращение огромного дефицита федерального бюджета должно оказать стимулирующее воздействие на экономический рост. Добиться этого либералы рассчитывали путем удержания прироста государственных расходов в пределах, обусловленных приростом ВВП. Однако сократить дефицит им не удалось — в 1982 г. он достиг рекордного рубежа в 25 млрд. долл., что превышало 30% совокупных расходов бюджета.

4. На пути к «национальной промышленной политике»

Усложнение задач, стоящих в 80-е годы перед государственно-монополистическим капитализмом Канады, привело к определенным сдвигам в формах и методах вмешательства в экономику. С одной стороны, были предприняты попытки модернизировать традиционные инструменты регулирования — бюджетные и денежно-кредитные, с другой — наметился сдвиг в направлении более активного внедрения элементов программирования экономики, отход от «компенсационных» методов регулирования в сторону политики длительного экономического роста.

В области бюджетного регулирования осуществлен ряд мероприятий (введение всевозможных вспомогательных бюджетов, системы «планирование — программирование — бюджетное финансирование»), что, однако, не привело к повышению действенности бюджетной политики. Рост бюджетных дефицитов, как уже отмечалось, активизировал противников кейнсианских методов регулирования. С конца 70-х годов растущее влияние оказывают взгляды сторонников «новой экономики», и прежде всего монетаристов во главе с М. Фридманом. Так, Банк Канады с 1976 г. устанавливает лимиты для увеличения денежной массы в обращении. При этом конечной задачей ставился переход к ежегодному расширению денежной массы в обращении соответственно долгосрочным темпам развития экономики. Однако Банку Канады не удалось ни сколько-нибудь заметно замедлить разбухание денежной массы, ни сдержать инфляцию. С начала 80-х годов почти не было роста ВВП в реальном выражении, тогда как годовое повышение розничных цен исчислялось двузначными цифрами.

С марта 1980 г. действует новый порядок установления учетной ставки Банка Канады — на базе средней процентной ставки по казначейским векселям плюс 0,25%. Новый метод по ряду моментов напоминает механизм установления учетной ставки Банка Канады, применявшийся вплоть

1962 г., когда канадский банк «рабски» следовал за изменениями учетной ставки банков ФРС, всякий раз фиксируя ее на более высоком уровне (на 0,25—0,5%) для стимулирования притока американского капитала в страну («плавающая» учетная ставка). В последующие годы была сделана попытка добиться большей самостоятельности в денежной политике, которая, однако, имела лишь частичный успех. Фактически и в новых условиях связь между

учетной ставкой Банка Канады и ФРС США остается довольно жесткой.

Традиционно причисляемая к группе стран, в которых при высоком уровне развития капитализма масштабы государственного вмешательства в экономику были относительно невелики, Канада за последнее десятилетие совершила значительный скачок в сторону усиления государственного воздействия на хозяйственную сферу. Нельзя не отметить прежде всего тенденцию к усложнению организационного механизма государственно-монополистического регулирования. К числу важных событий в этой области можно отнести образование в 1978 г. Совета экономического развития в составе 8 министров. В задачи этого органа входят координация работы над экономическими программами и ознакомление с их целями промышленности и широкой общественности.

Либералы проявили себя в целом как сторонники более активного государственного вмешательства, тогда как консерваторы расхваливают преимущества рыночной экономики. Однако и те и другие достаточно непоследовательны. П. Трюдо, который длительное время был противником контроля над ценами и доходами, с конца 70-х годов не раз прибегал к этому довольно радикальному средству регулирования. В последнее десятилетие заметно усилилось влияние частнокапиталистического сектора на экономическую политику через целый ряд неправительственных ассоциаций, имеющих целью координацию усилий бизнеса и государства. Среди множества организаций такого рода можно назвать Канадскую ассоциацию промышленников, объединяющую свыше 3 тыс. фирм, Канадскую федерацию независимого бизнеса (почти 50 тыс. компаний), Канадскую торговую палату, Канадскую федерацию сельского хозяйства, Канадско-американский комитет, «Конференс борд ин Кэнада» и др. Делаются попытки привлечь к сотрудничеству с этими организациями профсоюзы. Все это получило наименование политики «концензуса», призванной наряду с классовым аспектом примирить дирижистскую и либеральную школы экономической теории. Впервые стремление обеспечить «национальное согласие» в вопросах выработки и проведения в жизнь экономического курса проявилось еще в 1960 г. при образовании Национального совета по проблемам производительности труда, который позднее был преобразован в Экономический совет Канады¹⁸. По мнению известного канадского экономиста С. Гоника, этот «либеральный концензус» распался в начале

80-х годов в результате неспособности правительства ослабить безработицу или инфляцию, не говоря уже о том, чтобы преодолеть и ту и другую¹⁹.

Что касается программирования экономики в национальных масштабах, то после длительных дискуссий в начале 60-х годов правительство Канады пришло к выводу, что «тип планирования, который применяется в некоторых европейских странах, не является подходящим для плюралистической экономической и социальной системы Канады»²⁰. Вместе с тем либеральным правительством был одобрен принцип «целевого управления» экономикой, предусматривавший постановку сравнительно узких конкретных задач и попытки объединить усилия государства и частного бизнеса для их решения; на практике он воплотился в разработке и реализации большого количества программ.

В 70-х годах был провозглашен курс на разработку «национальной промышленной стратегии» — широкой программы индустриального развития страны. В течение 1978—1979 гг. был опубликован ряд обзоров промышленности и правительственный документ «Программа действий для промышленного развития»²¹. В них сформулированы общие принципы индустриальной политики, важнейшими составными частями которой названы мероприятия, направленные на повышение конкурентоспособности и производительности труда в промышленности²².

На протяжении послевоенных десятилетий регулирующая деятельность государства в отдельных сферах была относительно мало согласована и взаимоувязана. Параллельно формировались «национальная ресурсная политика», «национальная энергетическая политика», «политика стимулирования вторичной обрабатывающей промышленности» и т. д. В 70-х годах все чаще стали раздаваться призывы начать проводить различие между экономическим «ростом», предусматривающим простое наращивание масштабов производства путем вовлечения в хозяйственный оборот все новых природных ресурсов, и «развитием», на основе которого укрепляются внутри- и межотраслевые связи в национальной экономике, повышается общая степень интегрированности хозяйства и т. п. Появились высказывания о «недоразвитости» канадской производственной структуры, о ее «урезанном» характере, имея в виду не только слабую степень развития современных обрабатывающих производств, но и отсутствие в ряде случаев высших звеньев технологических цепочек, связанных с переработ-

кой минерального сырья. И несмотря на традиционную буржуазную приверженность к либеральной экономической доктрине, в стране крепло убеждение, что государство должно взять на себя активную роль в переводе экономики страны с рельс «роста» на рельсы более сбалансированного и гармоничного «развития». Все чаще слышались, в частности, высказывания, что Канаде пора преодолеть свой органический недостаток, заключающийся в том, что она издавна «богата ресурсами, но бедна политикой» ²³.

Остро встала проблема согласования политики, проводимой на федеральном и провинциальном уровнях. Противоречия между ними в конечном счете создают серьезные препятствия к разработке единого (национального) стратегического курса для обеспечения благоприятных структурных сдвигов в промышленности, ослабления иностранного контроля над ее отдельными отраслями и т. п. Одной из попыток преодолеть несогласованность действий на разных уровнях власти было учреждение в 1972 г. Канадской конференции министров по вопросам политики в области производства сырья ²⁴. Ей в обязанность и была вменена выработка «нового сбалансированного подхода» к развитию добычи и переработке минеральных ресурсов страны. В 1973 г. на очередной сессии конференции был принят важный документ — «Предложения по выработке гибкой политики в области производства сырья», в котором этот «новый подход» получил наиболее полное выражение ²⁵.

Общенациональное значение имела и эволюция энергетической политики канадского правительства. На протяжении немногим более 20 лет ее развития обнаруживается несколько серьезных «поворотов руля», отражавших, с одной стороны, борьбу различных подходов к использованию национальных топливно-энергетических ресурсов, а с другой — общее резкое изменение ситуации в капиталистическом мире после бурных событий осени 1973 г. (см. гл. VI).

Дальнейшая индустриализация страны соответствует долгосрочным интересам национального монополистического капитала, поскольку сулит повышение его шансов в конкурентной борьбе на внешних рынках. Этим целям служит, в частности, государственная поддержка наукоемких отраслей промышленности, в том числе путем наращивания государственных расходов на НИОКР, обеспечивающих свыше 45% совокупных затрат на эти цели. В обрабатывающей промышленности в среднем от 20 до 35% расходов на исследования оплачивается из государственного бюджета, а общий размер федеральных расходов

на НИОКР возрос за последнее десятилетие более чем втрое (2,5 млрд. долл. в 1981/82 г.)²⁶.

Правительственные субсидии и дотации покрывают около 10% внутрифирменных расходов на НИОКР. В начале 80-х годов от 50 до 80% всех таких субсидий приходилось на фирмы трех отраслей, относимых к наукоемким (производство оборудования связи, оборудования для нефтедобычи и электротехника).

Поощрение НИОКР в промышленности осуществляется путем их частичного (в размере 50—75%) субсидирования, в виде контрактов на научные исследования, выдаваемых фирмам министерствами и ведомствами, а также за счет создания на государственные средства различных исследовательских центров, промышленных парков, предоставления частному сектору организационной поддержки в научных исследованиях. В последнее время существовали три основные постоянно действующие программы субсидирования НИОКР в промышленности — «Программа помощи промышленным исследованиям», «Программа повышения производительности труда в оборонной промышленности» и «Программа развития предпринимательства». Кроме того, правительство периодически выделяет средства по кратко- и среднесрочным программам поощрения НИОКР в наиболее наукоемких отраслях. Всего по программам субсидирования научных исследований частных промышленных фирм в 1981/82 г. было выплачено более 165 млн. долл.; обязательным условием финансирования является повышение технологического и экспортного потенциала компаний²⁷.

Со второй половины 70-х годов канадское правительство уделяло большее внимание финансовой поддержке НИОКР, проводимых на предприятиях мелких и средних компаний, контролируемых национальным капиталом, повышало степень государственного контроля за целевым использованием субсидий. Так, в 1977 г. была отменена «Программа стимулирования промышленных исследований и разработок», по которой фирмам возмещалось 25% стоимости фактически произведенных НИОКР и по которой субсидировались только фирмы, имеющие прибыль. В том же году была принята новая «Программа развития предпринимательства», по которой субсидируются только мелкие и средние фирмы, причем средства выделяются не на оплату уже выполненных НИОКР, а на будущие, одобренные министерством промышленности и торговли разработки.

Тем не менее усилия государства оказываются явно недостаточными, чтобы преодолеть отставание страны в области научных исследований. Вследствие ориентации на зарубежную технологию предприятий — филиалов американских ТНК, доминирующих в основных отраслях промышленности, недостаточной прибыльности и небольших размеров значительной части компаний, контролируемых национальным капиталом, Канада по доле внутрифирменных расходов на НИОКР в валовом продукте промышленности существенно отстает от других промышленно развитых капиталистических стран. В условиях огромной концентрации НИОКР, когда всего 35 компаний осуществляют около 40% расходов на эти цели, подавляющая часть действующих в стране дочерних компаний иностранных ТНК, включая «большую тройку» автомобильных корпораций, вообще не имеет в Канаде своих конструкторских бюро и лабораторий. Несмотря на рост инвестиций в наукоемкие отрасли и повышение роли НИОКР в промышленности, основным источником новой технологии все еще остается ее передача по внутрикорпоративным каналам из Соединенных Штатов.

Важным направлением государственного воздействия на экономику является стимулирование развития и модернизации производства в отраслевом разрезе. Так, энергетика на протяжении уже ряда лет имеет свой особый бюджет, располагающий миллиардными суммами. Специальные программы в сфере обрабатывающей промышленности предусматривают стимулирование судостроительных фирм, производителей обуви, тканей и одежды, а также аэрокосмические и другие военно-промышленные компании. При этом надо отметить, что содействие в рамках таких программ дополняет государственную помощь по другим каналам, в том числе по линии Федерального банка развития бизнеса. Так, рассчитанная до 1986 г. программа модернизации целлюлозно-бумажной промышленности, на которую из федеральных и провинциальных источников ассигновано 516 млн. долл., встретила одобрение со стороны промышленников и должна, как ожидается, вызвать к жизни частные инвестиции в отрасль на уровне 3,5—5 млрд. долл.²⁸ В то же время, например, компании цветной металлургии высказались против ассигнования 1 млрд. долл. для субсидирования производства никеля на неизменном уровне в условиях кризисного состояния рынка. По мнению президента ИНКО, которой досталась бы львиная доля предложенной субсидии, такой шаг «лишь затруднит

решение существующей проблемы», поскольку приведет к росту нереализованных запасов²⁹. Это пример того, как «благое намерение» правительства, стремящегося поддержать занятость в депрессивной отрасли, не встречает понимания бизнесменов, озабоченных главной проблемой, с их точки зрения, — проблемой прибыльного сбыта.

Растущие средства в последние годы правительство расходует на финансирование проектов регионального развития. Дело в том, что присущая в той или иной степени всем развитым капиталистическим странам неравномерность размещения производительных сил по регионам приобрела в условиях Канады особую остроту и выдвинулась за последнее десятилетие в число важнейших проблем национального единства и суверенитета. Характерно, например, признание бывшего министра экономического развития Канады Ж. Маршана: «Мы не сделаем объединенную Канаду реальностью, если нам не удастся устранить крупные диспропорции в условиях жизни в различных районах и регионах»³⁰. По размеру затрат на цели регионального развития Канада уступает только Великобритании и Италии. Переводы из федерального бюджета провинциям в основном на эти цели достигли в 1982 г. 15,5 млрд. долл. С образованием в 1969 г. министерства регионального экономического развития была сделана попытка централизации важнейших государственных региональных программ. Основными направлениями в работе министерства являлись: стимулирование занятости в очагах хронической безработицы (таких, как остров Кейп Бретон в провинции Новая Шотландия), частных инвестиций в депрессивных районах, а также поддержка бедствующих аграрных районов. В этих целях предоставлялись субсидии компаниям, строящим или расширяющим предприятия в «выделенных» районах. Другим распространенным методом привлечения частного капитала являлось создание на государственные средства «промышленных парков» со всей необходимой инфраструктурой.

Новый этап в региональной политике был связан с разработкой в 1974 г. «комплексного» подхода с целью достижения «сбалансированной и диверсифицированной региональной экономики». Путь к этому видели во внедрении скоординированных федерально-провинциальных программ, получивших название «соглашений по общему развитию», заключаемых сроком на 10 лет. Конкретизация условий таких соглашений, выделение приоритетных отраслей и районов производится с помощью вспомога-

ных соглашений, рассчитанных на срок от одного до пяти лет. Финансирование проектов осуществляется из бюджетов федерального правительства. Реальность и эффективность таких региональных планов-прогнозов во многом зависят от их финансового обеспечения, которое весьма различно у отдельных провинций. Если в так называемом «наследственном фонде» провинции Альберта, формируемом из отчислений от сбыта нефти и предназначенном для финансирования вложений в местную экономику, скопилось уже почти два десятка миллиардов долларов, то у «бедных» и деньгами, и ресурсами атлантических провинций ничего подобного нет и не предвидится.

Для лучшей координации усилий, преодоления центробежных и сепаратистских тенденций в конце 1982 г. была создана Королевская комиссия по вопросам экономического союза и перспектив развития Канады. П. Трюдо назвал ее цели, «возможно, самыми важными и далеко идущими среди всех комиссий в истории страны»³¹.

Однако в условиях затяжного экономического кризиса границы между отдельными сферами государственной регулирующей деятельности становятся весьма подвижными и зачастую стираются. Так, самые различные программы субсидирования все чаще оказываются подчинены задачам поддержания занятости, помощи депрессивным отраслям и районам *. Меняются и условия предоставления помощи частному капиталу. Например, если раньше право на получение льготных займов для мелкого бизнеса имела любая компания с оборотом до 1,5 млн. долл., то с весны 1982 г. они стали выдаваться только фирмам, находящимся на грани банкротства. Недаром число и общая сумма таких займов пошли на убыль³².

Происходит и соответствующая передислокация финансовых ресурсов государства. Так, в октябре 1982 г. из бюджета на 1982/83 г. и двух последующих была выделена общая сумма в 1,1 млрд. долл., предназначавшаяся ранее для финансирования расходов на энергетику, оборону и иностранную помощь, и передана на цели увеличения занятости, поддержания жилищного и железнодорожного строительства. А ведь всего за полгода до этого была оглашена не менее масштабная программа финансирования

* Эта тенденция проявляется и в организационной перестройке правительственных органов, в частности в слиянии министерства промышленности и торговли с министерством регионального развития в новое «суперминистерство».

того же жилищного строительства, рыболовства и ряда других охваченных кризисом отраслей.

В своей программе канадские коммунисты характеризуют Канаду как империалистическую державу, как «высокоразвитое государство монополистического капитализма»³³. Они отмечают достигнутую высокую степень концентрации капитала, а также тесные связи финансовых учреждений, в первую очередь банков, с промышленными монополиями, имеющие своим результатом «крайне централизованную финансово-промышленную олигархию»³⁴. Гигантские монополистические комплексы распространили свою собственность, господство и контроль практически на все секторы национальной экономики.

Особую важность имеет то обстоятельство, что канадский монополистический капитал все более непосредственно подчиняет себе государственный аппарат как на федеральном уровне, так и в каждой из десяти провинций. «Он срачивается с государством,— писал по этому поводу член ЦК Коммунистической партии Канады М. Раш,— и использует эти связи, чтобы еще более упрочить, опираясь на две буржуазные партии, свой монополистический контроль во всех сферах экономической и политической жизни»³⁵. Коммунистическая партия Канады считает одной из своих важнейших задач формирование антимонополистического фронта трудящихся, борьбу за демократическую и социалистическую альтернативу государственно-монополистическому капитализму.

КАНАДА В СИСТЕМЕ МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

Специфика экономического развития Канады в период после второй мировой войны во многом обусловлена большой зависимостью страны от внешнеэкономических связей. Развитие тесного экономического сотрудничества сначала с Великобританией, а затем с США создало возможность для ускоренного встраивания Канады в современную систему мирохозяйственных связей капитализма. Кризисная ситуация в экономике капитализма, серьезные сбои в механизме хозяйственных связей капиталистических стран в 70 — начале 80-х годов с особой силой проявились в Канаде. Огромный размер внешнего долга, который вырос за прошедшее десятилетие более чем в 3 раза и достиг в 1981 г. 73,3 млрд. ам. долл., демонстрирует резкое обострение внешнеэкономических проблем Канады. Характерно, что 54,6 млрд. ам. долл., или более 74% этого долга, составляют задолженность основному партнеру — США¹.

1. Особенности внешней торговли и торговой политики

Динамика экспортно-импортной квоты в валовом национальном продукте Канады отражает последовательное углубление зависимости страны от внешней торговли. На протяжении прошедшего десятилетия Канада лидировала среди промышленно развитых стран капитализма по доле экспортной квоты в ВВП. Если в 1960 г. эта доля составляла 13,6%, то уже в 1970 г. она достигла 19,4%, обеспечив Канаде первое место по этому показателю. Еще быстрее экспортная квота росла в 70-е годы и в результате в 1980 г. она превысила 28%.

Несколько медленнее увеличивалась доля импорта в стоимости ВВП, составлявшая в те же годы соответственно 14, 16 и почти 24%². Таким образом, структура экономики Канады весьма своеобразна: импортируя около $\frac{1}{4}$ всех потребляемых товаров и услуг, эта страна вывозит на внешние рынки в стоимостном выражении еще больше. В конце 70 — начале 80-х годов Канада занимала второе место

Основные показатели внешней торговли Канады
(в млн. долл.)

Годы	Экспорт		Импорт		Сальдо торгового баланса	Отношение экспорта к импорту (в %)
	в ценах фоб (исключая реэкспорт)	Физический объем (1971 = 100)	в ценах сиф	Физический объем (1971 = 100)		
1950 . . .	3 143	25	3 125	27	18	100,6
1960 . . .	5 390	37	5 495	44	105	98,1
1970 . . .	16 820	95	13 952	91	2 904	120,6
1975 . . .	33 328	108	34 716	141	1 388	96,0
1976 . . .	38 475	121	37 494	152	981	102,6
1977 . . .	44 554	132	42 332	153	2 222	105,2
1978 . . .	52 842	144	49 938	158	2 904	105,8
1979 . . .	65 327	148	62 453	176	2 874	104,6
1980 . . .	74 446	146	69 274	166	5 172	107,5
1981 . . .	81 203	149	79 129	171	2 074	102,6

Р а с с ч и т а н о п о: Canadian Statistical Review. Historical Summary 1970, p. 128—129; Canada Year Book, 1976—1977, p. 904; Canadian Statistical Review. January 1983, p. 108—111.

среди стран «семерки» (после ФРГ) по стоимости товарооборота в расчете на душу населения. В 1980 г. этот показатель достиг почти 5,2 тыс. ам. долл., что было в 2,5 раза больше аналогичного внешнеторгового показателя США³. В Канаде, как и в других странах капитализма, темпы роста внешнеторгового оборота опережают рост ВВП и объема промышленного производства. В 1970—1980 гг. среднегодовые темпы роста ВВП Канады составили 3,9%, объема промышленного производства — 3,2, а темпы роста физического объема внешней торговли — 5,4%.

Динамика внешней торговли. В послевоенный период товарообмен Канады развивался высокими темпами: стоимость экспорта увеличилась с 1950 по 1981 г. в 27 раз, а стоимость импорта — более чем в 25 раз. Значительная часть роста была обусловлена инфляцией, искусственно завывсившей показателя товарооборота. Поэтому более близка к действительности оценка динамики внешней торговли по изменению ее физического объема. В соответствии с этой оценкой экспорт Канады вырос за рассматриваемый период почти в 6 раз, а импорт — в 6,3 раза (см. табл. 28).

Фактором роста товарообмена в 70-х годах явилось общее улучшение условий внешнеторговой деятельности Канады на мировом рынке вследствие изменений в динамике экспортных и импортных цен по сравнению с пред-

шествующими двумя десятилетиями. Канадские экспортные цены увеличились с 1971 по 1981 г. почти на 210%, а импортные — на 197% ⁴. В период с 1972 по 1981 г. мировые экспортные цены на природный газ, доля которого в канадском экспорте составляла в те годы в среднем около 4%, выросли более чем в 7 раз, цены на алюминий (2% экспорта Канады) — почти в 3 раза, на древесину и древесную массу (около 5% экспорта) — в 3 раза, на минеральные удобрения (1,7% экспорта) — почти в 5 раз. Цены на пшеницу, составлявшую в среднем более 4% канадского экспорта, увеличились более чем в 2,5 раза. В то же время на стоимости канадского импорта рост мировых цен сказался в меньшей степени, в частности в результате относительно более низких темпов роста цен на готовую промышленную продукцию, составлявшую в 70-х годах свыше 60% стоимости ввозимых в Канаду товаров. Большое влияние на итоги внешней торговли Канады оказали мировые экспортные цены на нефть, выросшие за 70-е годы более чем в 15 раз. В течение этого периода стоимость канадского экспорта нефти увеличилась в 4,5 раза, хотя его физический объем сократился в 3,4 раза. Параллельно стоимость импорта нефти в Канаду выросла в 16,6 раза, в то время как его физический объем снизился на 4%. По другим видам энергоресурсов Канада сохранила положительное сальдо внешнеторгового баланса.

Основными стимулами развития внешней торговли Канады в послевоенный период явился высокий уровень спроса на сырье; интенсивное проникновение американского капитала в ведущие отрасли канадской обрабатывающей промышленности; общие высокие темпы роста экономического потенциала Канады. Немалую роль сыграли быстрый рост торговли с США, в частности ее расширение после заключения трех отраслевых соглашений о свободной торговле, и развитие системы государственного стимулирования экспорта, а в последние годы — развитие экспортных отраслей производства. Большое влияние на формирование товарной и географической структуры внешней торговли Канады, а также на ее конъюнктурные колебания традиционно оказывает процесс миграции капитала, обуславливающий быстрый рост масштабов внутрифирменного товарообмена. В 70-х годах дополнительным стимулирующим фактором стал активный экспорт частного канадского капитала, существенно расширивший сферы внешнеэкономической деятельности канадских монополий. Однако внешняя торговля Канады развивалась сравнительно более

медленными темпами, чем торговля развитых стран капитализма в целом. В течение 1975—1980 гг. среднегодовой темп роста стоимости экспорта всех стран — членов ОЭСР составлял 6,5%, Канады — 6,3%. Значительно больший разрыв имел место в темпах роста импорта, достигавших в целом по ОЭСР 5,3% по сравнению с 3,2% в Канаде. Еще бóльшую разницу демонстрирует сравнение канадских темпов со среднегодовыми темпами роста внешней торговли «семерки», составлявшими в 1975—1980 гг. 6,6% по экспорту и 6,3% по импорту⁵. Среднегодовые темпы роста канадского внешнеторгового оборота не превышали в этот период 4,8%. В целом доля Канады во внешнеторговом обороте развитых капиталистических стран в послевоенный период сократилась с 7,2% в 1955 г. до 5,1% в 1982 г.⁶

Структурные сдвиги. Товарная структура внешней торговли Канады претерпела за послевоенный период существенные изменения. Наиболее заметные сдвиги произошли в экспорте, где в 50—60-е годы доминировали промышленные полуфабрикаты, тогда как готовая продукция составляла около 8—9% стоимости. В период с 1960 по 1970 г. произошли наиболее значительные сдвиги: быстрый рост вывоза готовых изделий привел к увеличению их доли до 34,2%. За прошедшее десятилетие удельный вес готовой продукции несколько сократился, и в начале 80-х годов она составляла менее $\frac{1}{3}$ канадского экспорта, что было значительно меньше, чем в других развитых капиталистических странах. Промышленные полуфабрикаты продолжали занимать ведущее место в структуре экспорта, хотя их доля уменьшилась по сравнению с 50—60-ми годами на 12%. Специфической тенденцией развития канадского экспорта явился рост доли промышленного сырья — с 11 до 20%.

Особенности структуры экономики Канады отражаются также и в структуре ее импорта, сдвиги в которой за послевоенный период демонстрируют две противоречивые тенденции. Наибольшие изменения претерпела динамика импорта готовых изделий: их доля выросла с 36,7 до 57,3%. С одной стороны, это является свидетельством расширения участия Канады в международном разделении труда, развития специализации и кооперирования, прежде всего в рамках североамериканского региона, с другой — отражает недостаточный уровень развития канадской обрабатывающей промышленности, главным образом ее наукоемких отраслей (см. табл. 29).

В период с 1960 по 1978 г. экспортная квота промыш-

Структурные сдвиги во внешней торговле Канады (в % к итогу)

	Экспорт					Импорт				
	1950	1960	1970	1980	1981	1950	1960	1970	1980	1981
Продовольствие (включая живой скот)	29,1	18,8	11,3	11,0	11,6	12,3	10,6	8,0	7,0	6,6
Сырье промышленного назначения	10,8	21,2	18,6	19,9	18,7	23,8	13,6	8,4	16,3	15,4
Промышленные полуфабрикаты . . .	51,5	51,9	35,6	39,5	37,6	26,4	24,5	20,7	18,4	18,4
Готовая продукция	8,6	7,8	34,2	29,3	31,2	36,7	49,6	61,7	57,3	58,4

Рассчитано по: Canada Year Book, 1972, p. 1096—1099; 1976/77, p. 904—905; Canadian Statistical Review, January 1983, p. 108.

ленности Канады возросла с 12 до 28%. В ряде ведущих отраслей эта квота намного выше, что свидетельствует о росте экспортной ориентации промышленности страны. Горнодобывающие отрасли поставляют на экспорт около 80% производимой продукции. В целом на долю Канады приходится около 17% мирового капиталистического экспорта минерального сырья. Обработывающая промышленность Канады также ориентирована на экспорт. В 1978 г. его доля составляла 29% продукции отрасли, а доля отрасли в общей стоимости канадского экспорта достигла почти 73%⁷.

Канада является одним из основных в капиталистическом мире импортеров машин и оборудования и занимает первое — третье места по масштабам ввоза энергосилового, землеройного и подъемно-транспортного оборудования, сельскохозяйственных машин, автомобилей и самосвалов. Ей присущи высокая и быстро возрастающая в 70-х годах зависимость от импорта наукоемкой продукции — станков с программным управлением, ЭВМ, электронных компонентов, авиационной техники. В структуре канадской внешней торговли имеют место явления парадоксального характера, обусловленные спецификой экономики страны. К их числу относится прежде всего торговля нефтью. Имея большие внутренние ресурсы и экспортируя значительную долю ежегодной добычи (экспорт составил 33 млн. т. в 1970 г., 31 млн. т. в 1975 г. и 10 млн. т. в 1980 г.), Канада вынуждена импортировать нефть в огромных для нее объемах, которые составляли в те же годы соответственно 29, 41 и 28 млн. т. Стоимость экспорта нефти достигла

в 1980 г. 2,9 млрд. долл., стоимость импорта — 6,9 млрд., а общее отрицательное сальдо баланса торговли нефтью составило в 1980 г. 4 млрд. долл. В то же время, выступая крупнейшим в мире экспортером газетной бумаги, Канада удовлетворяет значительную часть своих потребностей в высококачественной бумаге за счет ее ввоза.

Канада занимает седьмое место по размеру экспорта сельскохозяйственной продукции; на ее долю приходится около 9% совокупного мирового капиталистического экспорта. Удельный вес сельскохозяйственных товаров в структуре канадской внешней торговли составляет около 10%. Главной статьёй сельскохозяйственного экспорта Канады является пшеница: в конце 70-х годов на экспорт шло 39% ее производства. Канада вывозит 25% производимого ячменя, 17% — ржи, 45% — рапса⁸.

Зависимость канадской экономики от импорта готовой продукции негативно отражается на торговом балансе страны. Баланс торговли готовой продукцией сводится с постоянным и нарастающим дефицитом: в 50—60-е годы он составлял в среднем 1—3 млрд. долл. в год, в 1975 г. — 10 млрд., а в целом за 70-е годы дефицит канадской торговли готовыми изделиями вырос почти в 6 раз, достигнув в 1981 г. около 21 млрд. долл. Для его покрытия расширяется экспорт сырья и полуфабрикатов, на котором и базируется общее положительное сальдо внешнеторгового баланса Канады. Специализация Канады на нетрадиционных для развитой страны статьях внешней торговли во многом предопределена высоким уровнем развития внутрифирменного обмена, главным образом внутрирегионального. По крайней мере 40% канадского экспорта приходится на долю компаний, контролируемых иностранным капиталом, и более 50% канадского импорта составляет продукция материнских компаний.

Географическая структура торговли. Основу внешнего товарообмена Канады составляет торговля с развитыми капиталистическими странами, удельный вес которых в стоимости канадского экспорта в послевоенный период практически не изменился и составляет около 90%, а в стоимости канадского импорта повысился с 85 до 88%. Вместе с тем в 70-х годах наметились некоторые сдвиги за счет расширения торговли с социалистическими и развивающимися странами. Так, удельный вес европейских социалистических стран в экспорте Канады вырос с 1,0% в 1970 г. до 2,8% в 1980 г.; доля СССР повысилась за эти годы с 0,6 до 2,0% (подробно см. § 3 и 4).

Географическое распределение экспорта и импорта Канады (в млн. долл.)

	Экспорт				Импорт			
	1950	1960	1970	1981	1950	1960	1970	1981
Всего . . .	3 143	5 390	16 820	83 678	3 125	5 495	13 952	79 129
Развитые капиталистические страны . . .	2 850	4 923	15 200	74 723	2 658	4 812	12 447	69 273
%	90,7	91,3	90,4	89,3	85,1	87,6	89,2	87,5
США	2 050	3 039	10 917	55 378	2 090	3 689	9 917	54 350
%	65,2	56,4	64,9	66,2	66,9	67,1	71,1	68,7
Япония . . .	31	180	813	4 374	12	110	582	4 038
%	1,0	3,3	4,8	5,4	0,4	2,0	4,2	5,1
Великобритания	471	925	1 485	3 347	401	589	738	2 377
%	15,0	17,2	8,8	4,0	12,8	10,7	5,3	3,0
Прочие страны ЕЭС . .	118	443	1 205	5 552	65	293	805	4 062
%	3,8	8,2	7,2	6,6	2,1	5,3	5,8	5,1

Рассчитано по: Canadian Statistical Review. Historical Summary, 1970, p. 123—126; Canadian Statistical Review, January 1983, p. 108—109.

Географическая структура внешней торговли Канады не имеет аналогов в капиталистическом мире вследствие односторонней ориентации основных товарных потоков: доля США в канадской торговле огромна и имеет почти перманентную тенденцию к повышению. Главным изменением в географическом распределении товарообмена в 70-х годах явилось отеснение Великобритании с занимаемого ею еще с довоенных лет места второго торгового партнера Канады на третье место. Вторым после США контрагентом Канады в области как экспорта, так и импорта стала Япония. В период с 1950 по 1981 г. общая стоимость канадского товарообмена с развитыми капиталистическими странами выросла в 26 раз, с США — в 26,5 раза, с Японией — почти в 196 раз (см. табл. 30).

Основой официального курса правительства Канады в 70-х годах являлась политика диверсификации внешне-экономических контактов, направленная на реализацию трех долгосрочных стратегических задач: проведение независимого политического и экономического курса страны; создание противовесов США за счет расширения направлений международного сотрудничества и развития экономических связей со странами Западной Европы, с Японией и с социалистическими и развивающимися странами; осу-

ществление внешнеэкономической политики, обеспечивающей эффективное решение проблем национального экономического развития. Однако проблема перестройки внешнеэкономических связей, обеспечения более широкого выхода Канады на мировой рынок не была решена и остается по-прежнему весьма актуальной. В условиях Канады такая политика не может не иметь долговременного характера, так как ее реализация требует не только изменения механизма внешнеэкономического сотрудничества, но и существенной перестройки всего хозяйственного механизма страны.

Создание реальных «противовесов» за счет расширения торговли с Японией, Западной Европой и другими странами мира не осуществлено. Серьезные препятствия, стоящие на этом пути, показали первые итоги подписанного в июле 1976 г. Общего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Канадой и ЕЭС, которое явилось самой крупной акцией политики диверсификации. Канада — первое развитое капиталистическое государство, с которым страны «Общего рынка» начали развивать свои торгово-экономические связи на официальной договорной основе. Эта основа не стала, однако, залогом их эффективности: доля стран ЕЭС сократилась в 1976—1980 гг. по сравнению с 1971—1975 гг. с 13 до 11% в стоимости канадского экспорта и с 11 до 8,5% в стоимости импорта, а их доля в товарообороте Канады упала с 12 до 10%. Характерно, что в целом за 70-е годы удельный вес Японии увеличился на 12% в стоимости канадского экспорта и на 21,4% в стоимости импорта, однако ее доля во внешнеторговом обороте Канады по-прежнему низка и даже сократилась. Фактором, затруднившим реализацию политики диверсификации, явился кризис 1974—1975 гг., в результате которого страны ЕЭС, вступившие в фазу подъема только в 1978 г., т. е. на два года позднее, чем США, имели во второй половине 70-х годов весьма ограниченную покупательную способность. Начиная с 1981 г. экспорт Канады в целый ряд стран, прежде всего в Японию, ФРГ, Великобританию и Францию, был существенно затруднен повышением курса канадского доллара по отношению к валютам других развитых капиталистических стран (за исключением доллара США), а также очередным экономическим кризисом в странах Западной Европы.

Не была решена и задача повышения доли готовой продукции в структуре канадского внерегионального экспорта. Канадские фирмы, тесно связанные с хорошо

изученным и многократно апробированным рынком США, не имеют необходимого опыта работы на рынках других стран, поэтому не выдерживают столкновения с сильной конкуренцией, торгово-политическим режимом и более высокими транспортными издержками на рынках западно-европейских стран. В результате доля готовых изделий в структуре экспорта Канады в ЕЭС составляла в 1980 г. всего 14,5%, что было в 2 раза меньше удельного веса этих изделий в общей стоимости канадского экспорта и в 2,5 раза меньше их доли в экспорте в США.

Особенности канадо-американских торговых связей. Взаимная торговля Канады и США является одним из ведущих факторов углубления процесса разделения труда в североамериканском регионе и одновременно выступает в качестве постоянно действующего катализатора конфликтов и противоречий между двумя странами. В течение последнего столетия темпы роста канадо-американской торговли были самыми высокими в капиталистическом мире и более чем в 4 раза превышали темпы роста стоимости мировой торговли в целом. До второй мировой войны доля Канады во внешнем товарообороте США составляла менее 15%, к концу войны она превысила 25%. В послевоенный период Канада и США не имели себе равных в капиталистическом мире ни по темпам роста, ни по абсолютному объему взаимного товарооборота, который увеличился с 4,1 млрд. долл. в 1950 г. до 160 млрд. в 1983 г. Доминирующая роль США в экспорте и импорте особенно упрочилась в 70-х годах, в течение которых Канада вывозила на американский рынок почти 70% своего экспорта и ввозила из США более 70% стоимости своего импорта. Значительная часть роста двустороннего товарообмена обусловлена внутрикорпорационными поставками, на долю которых приходится около половины торговли Канады и США и почти 60% стоимости ввозимой в Канаду американской продукции⁹.

Внешняя торговля играет различную роль в экономике двух стран. Канада, экспортируя около 28% своего ВВП и более половины продукции отраслей материального производства, значительно сильнее зависит от условий и результатов внешней торговли, чем Соединенные Штаты, вывозящие немногим более 8% ВВП и около 13% стоимости своего материального производства. В 1980 г. стоимость экспорта, приходившаяся на душу населения, составляла более 2,7 тыс. долл. в Канаде и только около 1 тыс. в США. Значение взаимной торговли для Канады и США также

весьма различно. Канада поставляет в США почти 22% своего ВВП, что превышает 18% общей суммы американского импорта. В свою очередь США вывозят в Канаду в пределах 16—19% товарного экспорта, или 2% своего ВВП. Если для Канады торговля в США является фактором, во многом предопределяющим общее состояние ее экономической конъюнктуры, то для США с их диверсифицированными внешними связями торговые отношения с Канадой важный, но не решающий фактор. Однако Канада была и остается ведущим торговым партнером США, опережающим всех остальных по уровню потребления американской продукции и по объему поставок на американский рынок. Доля Канады во внешней торговле США сопоставима с общей долей стран — членов ЕЭС и в 1,5 раза превышает удельный вес Японии — второго по значению торгового партнера США.

Послевоенное развитие канадо-американской торговли отличалось серьезными сдвигами в товарной структуре. В конце 50-х годов имела место значительная асимметрия структур взаимного экспорта — Канада, как и до второй мировой войны, продолжала выступать в какой-то мере аграрно-сырьевым придатком США. К середине 70 — началу 80-х годов эта асимметрия существенно сгладилась. Главная роль в этом процессе принадлежала взаимным поставкам готовой продукции, которые расширялись быстрее, чем канадо-американский товарообмен в целом, и выросли в период с 1958 по 1981 г. более чем в 15 раз. Темпы роста ввоза готовой продукции из Канады в США достигали 14% в год, тогда как для обратного потока товаров они составляли 11%. В результате готовые изделия превратились в основную статью канадского экспорта в США. Сдвиги в структуре товарообмена были обусловлены также сокращением торговли топливом, сырьем и продовольствием (см. табл. 31).

Особенности специализации и кооперирования производства в североамериканской обрабатывающей промышленности, прежде всего в машиностроении, имеют прямые негативные последствия для канадской внешней торговли, поскольку сложившаяся система разделения труда между канадскими компаниями, в значительной мере специализирующимися на производстве деталей, частей и узлов машин и оборудования, и компаниями США, занятыми сборкой готовой продукции, затрудняет участие Канады в поставках на мировой рынок комплектного оборудования и предприятий «под ключ». Наряду с этим США продолжа-

Структура взаимной торговли Канады и США
(в млн. ам. долл.)

	Экспорт Канады в США					
	1958		1975		1981	
	млн. долл.	%	млн. долл.	%	млн. долл.	%
Всего	3 021	100	21 232	100	45 017	100
Продовольствие и напитки	434	14,4	938	4,4	1 930	4,3
Топливо и сырье	1 192	39,4	7 557	35,6	13 646	30,3
Готовые изделия	1 359	45,0	12 656	59,6	28 915	64,2

	Экспорт США в Канаду					
	1958		1975		1981	
	млн. долл.	%	млн. долл.	%	млн. долл.	%
Всего	3 336	100	21 358	100	37 192	100
Продовольствие и напитки	261	7,9	1 056	4,9	1 679	4,5
Топливо и сырье	456	13,6	1 821	8,5	3 676	9,9
Готовые изделия	2 541	76,1	17 899	83,8	30 683	82,5

Рассчитано по: U. N. Commodity Trade Statistics, 1959; Monthly Bulletin of Statistics, February 1983, p. XXXVI—LVI.

ют оставаться для Канады основным поставщиком продукции высокой степени обработки. По данной статье канадское сальдо в торговле с США традиционно является пассивным и составляет в среднем около 2,5 млрд. долл. в год. Выступая нетто-экспортером наукоемкой продукции, США пролонгируют технологическую зависимость Канады и в определенной мере сдерживают научно-технический прогресс в ее экономике, контролируя доступ канадцев к своим научным достижениям и регулируя масштабы НИОКР канадских филиалов.

Один из наиболее динамичных элементов взаимной торговли Канады и США — автомобили и части для их производства. Около 70% автомобилей, производимых в Канаде, экспортируется в США. Канадская торговля с США готовыми автомашинами имеет активное сальдо, однако быстро растет дефицит по поставкам автомобиль-

ных частей американского производства, из которых в Канаде собираются готовые изделия.

Канада является основным поставщиком минерального сырья в США. В середине 70-х годов из 38 видов важнейших минералов Канада ввозила на американский рынок 22 вида. При этом она занимала первое место в качестве поставщика асбеста, ртути, никеля, золота, серебра, цинка, селена, вольфрама, калия, гипса, железа, титана, свинца, меди, цемента, соли, природного газа и нефти; второе место — по доле в импорте США тантала, кадмия и теллура; четвертое место — по ввозу алюминия¹⁰. В середине 70-х годов в США поступало более 57% экспортировавшегося Канадой промышленного и сельскохозяйственного сырья. Доля США за послевоенный период несколько сократилась, однако это сокращение происходит значительно более медленными темпами, чем общее снижение доли сырья в экспорте Канады. Доля Канады в американском сырьевом импорте остается высокой и достигает 23%, тогда как доля сырья, экспортируемого США в Канаду, упала с 18% в 1956 г. до 11% в 1975 г.

Важным элементом североамериканской торговли являются энергетические ресурсы. В первые послевоенные годы США были основным поставщиком нефти в Канаду и обеспечивали более половины ее потребностей в жидком топливе. С середины 50-х годов Канада стала нетто-экспортером нефти в США, хотя и продолжала импортировать ее для снабжения своих восточных провинций. Высокие цены на американском рынке стимулировали разработку нефтяных ресурсов Канады и быстрый рост экспорта нефти в США. В результате к концу 60-х годов Канада обеспечивала около половины американского импорта сырой нефти. Энергетический кризис затронул Канаду самым непосредственным образом, и правительство было вынуждено приостановить прибыльный экспорт нефти и разработать программу консервации ее месторождений. К началу 80-х годов ситуация с поставками в США канадской нефти принципиально изменилась: их объем был сокращен с 31 млн. т в 1970 г. до 10 млн. т в 1980 г., а доля Канады упала с 50 до 3,6%, в результате чего она передвинулась с первого на седьмое место среди стран, экспортирующих нефть на американский рынок. Данная ситуация предопределила серьезные двусторонние противоречия в области торговли нефтью.

Подобная ситуация сложилась и в торговле природным газом. Канада поставляет США 100% своего экспорта газа,

практически полностью обеспечивая американский импорт этого энергоресурса. В 1980 г. США и Канада заключили договор сроком на 5 лет, в соответствии с которым канадский природный газ поставляется в США по ценам,

Таблица 32

Доля Канады в обеспечении импортных потребностей США основными видами сырья (1975 г., в %)

Виды сырья	Доля экспорта в США во всем экспорте Канады	Доля импорта из Канады во всем импорте США	Виды сырья	Доля экспорта в США во всем экспорте Канады	Доля импорта из Канады во всем импорте США
Минеральное сырье			Продукция лесной и целлюлозно-бумажной промышленности		
Металлы:			пиломатериалы	77,5	84,2
алюминий . . .	61,8	63,7	шпон и фанера	44,8	17,7
кобальт . . .	82,7	5,6	бумажная масса	54,6	97,5
медь . . .	23,1	48,1	газетная бумага	78,0	99,5
золото . . .	54,4	43,0	прочая бумага и картон	40,5	45,8
железо . . .	66,4	15,8	Сельскохозяйственная продукция		
свинец . . .	23,2	29,5	пшеница	0,5	5,6
молибден . . .	5,5	62,9	ячмень	12,1	0,1
никель . . .	40,6	69,3	масличные	4,7	45,7
платина . . .	8,9	4,0	живой скот и мясо	47,6	10,3
серебро . . .	80,9	38,0	фрукты и овощи	37,4	4,2
уран . . .	59,8	97,0	сахар	51,2	1,5
цинк . . .	34,7	51,4			
Неметаллы:					
асбест . . .	34,5	88,5			
поташ . . .	81,0	94,2			
Топливо:					
уголь . . .	3,4	20,9			
природный газ	100,0	99,6			
нефть . . .	96,5	14,6			

Источник: Natural Resources in US-Canadian Relations. Vol. I. Ed. by C. Beigie and A. Hero. Boulder (Colorado), 1980, vol. I, p. 23.

составляющим всего 75% от уровня мировых цен. Однако уже в начале 1983 г. США потребовали от Канады «добровольного пересмотра» цен на экспортируемые нефть и газ,

пригрозив в случае отказа принятием закона о принудительном снижении цен.

Послевоенные экономические отношения США и Канады изобилуют острыми противоречиями практически во всех сферах взаимных связей. Характерно, что в условиях далеко не равных экономических потенциалов и конкурентных возможностей основная часть конфликтных ситуаций имела своим источником рестриктивные акции и разноплановые экономические претензии США к своему северному партнеру. Торговые отношения двух стран отличаются высокой степенью свободы экспансии американских компаний на канадском рынке и интенсивным ограждением последних от конкуренции канадцев на внутреннем рынке США. Дискриминация канадских товаров и многочисленные факты нарушения Соединенными Штатами существующих договоренностей о взаимной торговле периодически превращают «особые» отношения двух стран в их прямую противоположность, напоминающую отношения торговой войны. Одним из примеров служит резкое обострение в конце 70 — начале 80-х годов конкурентной борьбы между Канадой и США на мировом рынке пшеницы. Канада является вторым после США ее экспортером. В 1979 г. ее доля составила 16% мирового экспорта. Однако если США увеличили за 70-е годы свой экспорт пшеницы почти в 2 раза, то Канада — только на 9%. Канадо-американские противоречия выходят за рамки двусторонних связей: так, введенные США в 1982—1983 гг. торговые санкции на поставку нефтегазового оборудования и технологии в СССР вызвали решительный протест правительства и деловых кругов Канады.

Сдвиги в масштабах и структуре взаимного товарообмена Канады и США отразились на состоянии баланса их торговли. В течение 22 послевоенных лет (вплоть до 1968 г.) торговля Канады с США имела устойчивый дефицит, покрывавшийся за счет притока иностранных инвестиций, займов на рынке ценных бумаг США и доходов от торговли с другими странами. В 70-х годах сальдо торгового баланса постоянно колебалось то в одну, то в другую сторону. Согласно данным канадской статистики, оно составляло 1 млрд. долл. в 1970 г.; (—) 1,9 млрд. долл. в 1975 г.; более 1,9 млрд. долл. в 1978 г. и (—) 0,44 млрд. долл. в 1980 г. В 1981 г. актив Канады в торговле с США составил 1 028 млн. долл. (или 879 млн. ам. долл.). По данным американской статистики, он достигал 6 850 млн. ам. долл., а в соответствии с данными статистики ООН составлял

7 825 млн. ам. долл.* Общее положительное сальдо канадской внешней торговли обеспечивалось в 70-х годах активами в торговле со странами Западной Европы и с Японией.

Таблица 33

**Экспортная ориентация канадских компаний,
контролируемых американским капиталом**

	Экспортная квота (экспорт в % к продажам)	Экспорт в США в % ко всему экспорту
Всего	23	76
Горнодобывающая промышленность и выплавка металлов	66	48
Нефтегазовая промышленность . . .	10	97
Обрабатывающая промышленность . .	26	80

Источник. Survey of Current Business, March 1979.

При оценке возможностей диверсификации внешней торговли Канады необходимо учитывать степень и направления экономического и политического влияния США со всеми присущими ему колебаниями и сдвигами. Это влияние формируется как в правительственных кругах США, так и в сфере крупного американского бизнеса, прежде всего той его части, которая имеет деловые интересы в Канаде. В результате существенная часть решений о канадских внешнеэкономических связях принимается не в Канаде, а в штаб-квартирах американских ТНК, внедряющихся в ведущие отрасли промышленности Канады и определяющих все основные аспекты заграничной деятельности своих канадских филиалов. Как свидетельствуют данные таблицы 33, деятельность американских компаний в добывающих отраслях промышленности Канады в середине 70-х годов была в основном ориентирована на экспорт, при этом около половины его шло в США. В то же время предопределенность направления вывоза продукции канадской нефтегазовой и обрабатывающей промышленно-

* Конфликты в сфере канадо-американской торговли усугубляет тот факт, что существенная разница в методике подсчета торгового баланса обуславливает дифференциацию публикуемых обеими странами данных. Американская методика подведения баланса торговли с Канадой такова, что США всегда оказываются либо со значительно большим дефицитом, чем есть на самом деле, либо с весьма заниженным положительным сальдо. По канадской методике подсчета данные прямо противоположные. В целях унификации данных о взаимном торговом обороте создан специальный канадо-американский комитет.

сти, почти полностью поступавшей в США, была заложена в самой политике в области производства и сбыта, разрабатывавшейся материнскими компаниями.

Внешнеторговая политика Канады. Высокий уровень развития различных форм государственно-монополистического регулирования экономики Канады нашел прямое отражение в механизме и результатах широкого государственного вмешательства в систему внешнеэкономических связей страны. Одной из основных функций государства является стимулирование внешнеторговой экспансии, что обусловлено особой ролью внешнего товарообмена в развитии экономики Канады, трудностями его прибыльной реализации в условиях растущей конкуренции на мировом капиталистическом рынке, а также комплексом проблем и противоречий, возникающих в связи с интенсивным североамериканским внутрирегиональным сотрудничеством. Система государственного вмешательства включала в себя комплекс стимулирующих мер, прежде всего различные формы поощрения экспорта товаров и капитала: государственное страхование внешнеторговых сделок канадских компаний, прямое финансирование и кредитование государством экспортных операций, проведение внешнеэкономической политики, обеспечивающей расширение заграничных рынков сбыта. Правительством Канады был создан специальный организационный аппарат, ответственный за обеспечение необходимых условий развития внешней экспансии.

Государственное финансирование экспорта товаров производственного назначения и связанных с ним технических услуг является в Канаде традиционным звеном механизма государственно-монополистического регулирования. С 1946 г. функционируют Канадская торговая корпорация и Государственная корпорация по страхованию экспортных кредитов, посредством которой началась реализация системы прямого государственного кредитования экспорта и страхования частных экспортных кредитов. В 1969 г. эта корпорация была реорганизована в Корпорацию развития экспорта (КРЭ), обеспечивающую широкомасштабные операции по прямому средне- и долгосрочному кредитованию и регулирующую всю систему правительственного субсидирования и страхования экспорта, исключая экспорт зерна. Финансирование экспорта осуществляется главным образом в целях расширения торговли с развивающимися странами; основной статьей финансирования является готовая продукция. Объем операций КРЭ вырос с 80 млн.

долл. в 1962 г. до 495 млн. долл. в 1972 г.; в 1981 г. общая сумма экспортных кредитов, предоставленных корпорациями, составила 1,65 млрд. долл.

Наряду с этим в Канаде функционирует присущая большинству развитых стран капитализма система косвенного стимулирования экспорта, которая состоит из таких элементов, как содействие заграничной экспансии частного капитала, возврат внутренних налогов при экспорте, участие в переговорах о либерализации торговли, предоставление государственной «помощи» развивающимся странам. Немалую роль в форсировании канадского экспорта играют прямые экспортные субсидии, стимулирующие производство и сбыт сельскохозяйственной продукции, а также развитие угольной, судостроительной и ряда других отраслей. Государственные субсидии идут на развитие промышленности и внешнеэкономического потенциала депрессивных районов Канады, на финансирование НИОКР в экспортных отраслях. С их помощью стимулируется экспортная ориентация канадской промышленности путем перестройки ее отраслевой структуры. В самой сущности экспортной политики Канады отражается специфика ее экономики: в соответствии с действующим законодательством в области экспорта основная часть стоимости экспортируемых машин и оборудования должна иметь «канадское происхождение».

Характерной чертой современной внешнеторговой политики Канады является тенденция к сокращению масштабов и номенклатуры импорта за счет расширения внутреннего производства необходимой продукции. Вместе с тем Канада широко проводит целенаправленную политику защиты внутреннего рынка. Основа регламентирования импорта — таможенно-тарифная система и принятый в 1947 г. закон о лицензировании экспорта и импорта. Канада распространила режим наибольшего благоприятствования на основную часть своих торговых партнеров. До вступления Англии в ЕЭС в канадском тарифе действовала колонка специальных преференциальных ставок для стран Содружества, которая теперь утратила свое значение. Импорт сырья в Канаду осуществляется беспошлинно или по минимальным ставкам; пошлины на готовые изделия повышаются по прогрессивной шкале в зависимости от степени обработки ввозимой продукции. Ставки таможенного тарифа Канады в целом выше американского уровня и составляют в среднем 6,3% по сырью, 14,5% — по полуфабрикатам и 14,2% — по готовой продукции. В ходе

многосторонних переговоров в рамках ГАТТ, проводившихся в течение прошедшего десятилетия, Канада пошла на определенное облегчение доступа иностранной продукции на свои рынки. Однако изменения во внешнеторговом курсе затронули главным образом систему ее внутрорегиональных связей.

До второй мировой войны основой взаимной торговой политики Канады и США служила система высоких таможенных пошлин. Главной тенденцией послевоенного периода явилась либерализация двусторонней торговли. Более того, на повестке дня совместных переговоров неоднократно стоял вопрос о создании общего рынка и неограниченной свободе торговли в масштабах региона. Однако перспектива резкого обострения конкурентной борьбы, прежде всего на канадском рынке, ограничила решение вопроса заключением трех отраслевых двусторонних соглашений о свободной торговле сельскохозяйственными машинами, автомобилями и частями для их производства, а также продукцией военного назначения. В условиях действия общей тенденции к относительной либерализации таможенных режимов США существенно понизили ставки тарифов в торговле с Канадой. Доля необлагаемого ввоза канадских товаров в общей сумме импорта США увеличилась с 57,5% в 1964 г. до 75% в 1978 г. В то же время для импорта из всех развитых стран капитализма эта доля составила в 1978 г. 35%, в том числе для западноевропейских стран — 15% ¹¹. Канада снижает тарифы на импорт американских товаров более низкими темпами, опасаясь, что либерализация двусторонней торговли приведет к необходимости глубокой перестройки ее промышленности, прежде всего обрабатывающей, поскольку основная масса канадских предприятий может не выдержать конкуренции с предприятиями США. В соответствии с соглашением, заключенным в 1979 г. во время «токийского раунда» многосторонних переговоров в рамках ГАТТ, к 1987 г. США будут ввозить беспошлинно 80% экспортируемой из Канады промышленной продукции, а Канада — соответственно 65% американской. На остальную часть продукции тарифы будут значительно снижены: в среднем с 14,8 до 8,5% для экспорта США в Канаду и с 8,9 до 4% — для обратного потока товаров. В целом предусмотрено сократить к 1987 г. канадские тарифы на американскую промышленную продукцию почти на 42% ¹². Первые два тура снижения были осуществлены 1 января 1980 и 1981 гг. Наряду с этим Канада обязалась постепенно отказаться от системы британских

преференциальных тарифов на импорт товаров из Великобритании и Ирландии.

Протекционизм занимает особое место во внешнеторговой политике страны. Очередное расширение масштабов применения политики торгового протекционизма, начатое капиталистическими странами в середине 70-х годов, отразилось в полной мере на торговом режиме Канады. Таможенные пошлины и антидемпинговое законодательство использовались Канадой в качестве основных инструментов, их дополняли нетарифные ограничения, прежде всего так называемые «добровольные» квоты ввоза, согласующиеся в ходе двусторонних переговоров со странами-поставщиками и предусматривающие лимитирование поставок определенных товаров. С 1971 по 1974 г. Канада заключила четыре соглашения «Об упорядочении сбыта» с иностранными торговыми партнерами, в период с 1975 по 1977 г. — еще восемь соглашений подобного рода ¹³.

В 70-х годах в Канаде несколько раз осуществлялся пересмотр методологии таможенной оценки стоимости отдельных импортных товаров, что приводило в ряде случаев к ее увеличению в среднем на 50%. Широко практиковались также традиционные количественные ограничения импорта, а также специальные правительственные кампании рекламы местной продукции. Протекционистская политика наиболее ярко проявилась в ужесточении канадского антидемпингового законодательства: если в период с 1970/71 по 1973/74 г. в Канаде имело место 38 антидемпинговых расследований и случаев обложения импортных товаров дополнительными антидемпинговыми пошлинами, то в период с 1974/75 по 1977/78 г. их число увеличилось более чем в 1,6 раза и достигло 61 ¹⁴.

Таким образом, в 70-х годах внешнеторговую политику Канады характеризовали противоречивые тенденции. Необходимость расширить круг зарубежных партнеров и укрепить позиции на внерегиональных рынках натолкнулась на трудности кардинальной ломки устоявшихся связей и их переориентации; тенденции либерализации торговли в рамках ГАТТ и особенно в двусторонних отношениях с США сочетались с усилением старых и новых форм торгового протекционизма. Как частному бизнесу, так и правительству Канады приходилось напряженно бороться не только за укрепление внешнеэкономических позиций Канады, но и за сохранение уже имеющихся.

2. Тенденции и противоречия миграции капитала

Процесс миграции капитала играет для Канады особую роль: становление современной канадской экономики осуществлялось в прямой зависимости от притока иностранных инвестиций. В 70-х годах начался интенсивный процесс экспорта капитала из Канады, и в результате заграничная деятельность канадских компаний быстро превратилась в существенный элемент внешнеэкономической экспансии.

Специфическим стимулятором противоречий канадского государственно-монополистического капитализма служит процесс финансирования экономики страны. В течение десятилетий этот процесс в значительной мере обеспечивался за счет широкомасштабных операций внешних инвесторов. Общая сумма долгосрочных иностранных инвестиций в экономику Канады выросла с 6,9 млрд. долл. в 1939 г. до 22,2 млрд. в 1960 г., а в 1970 г. она достигла 44 млрд. Наиболее высокими темпами экспорт капитала в Канаду увеличивался в 70-х годах — уже в 1976 г. объем иностранных вложений составил 81,4 млрд. долл. Основная часть вложений осуществлялась в форме прямых инвестиций: их общая стоимость приблизилась в 1980 г. к 60 млрд. долл. (в долларах США). Основная часть иностранного капитала поступала в обрабатывающую и нефтегазовую промышленность, доля которых составила соответственно 25 и 14,5 %. На долю отраслей, занятых добычей и выплавкой металлов, приходилось 7 %, торговли — 4 %, финансов — 11,5 %¹⁵.

Великобритания, бывшая в начале века главным экспортером капитала в Канаду, вынуждена была уступить свое первенство. Ее доля в общей сумме иностранных капиталовложений упала с 85 до 7,7 % в середине 70-х годов, а доля США выросла с 14 до 74,4 %¹⁶.

По масштабам американских зарубежных инвестиций Канаде принадлежит первое место среди капиталистических стран — к концу 1981 г. общая сумма активов США в ее экономике увеличилась по сравнению с 1945 г. более чем в 20 раз и превысила 104,6 млрд. ам. долл., что составило почти 15 % американских заграничных активов. По объему частных американских вложений Канада не имеет себе равных: в 1981 г. они достигли 47 млрд. ам. долл., или почти 21 % общей суммы прямых зарубежных капиталовложений США и более 28 % их прямых инвестиций во все развитые страны капитализма¹⁷. На долю Канады

пришлось около 27 % вложений США в обрабатывающую и почти 30 % инвестиций в нефтяную промышленность развитых стран. Ни одна страна даже не приближается по уровню американского инвестирования к Канаде. Характерно, что объем американских инвестиций в Канаде традиционно сопоставляется с общим объемом вложений США в 10 стран — членов ЕЭС (80,5 млрд. долл.), хотя по своим масштабам экономика Сообщества превосходит канадскую почти в 12 раз.

В структуре капитала, экспортируемого из США в Канаду, главное место занимают частные долгосрочные прямые инвестиции. Именно этот вид инвестиций играет решающую роль в глубоком проникновении иностранных компаний в экономику страны, в захвате ключевых позиций в наиболее динамичных отраслях и, как следствие, в подчинении экономического развития интересам внешних инвесторов. Государственные инвестиции США в Канаде ничтожны по сравнению с другими странами: в конце 1981 г. они составляли около 0,3 % вложений, в то время как в общей сумме заграничных инвестиций США доля государства достигала 9,6 %, а в капиталовложениях в страны Западной Европы — 5,4 %¹⁸. Это свидетельствует о том, что в Канаду ТНК США могут интенсивно внедряться и без государственного содействия.

Особое место в структуре экспорта капитала принадлежит соотношению прямых и портфельных инвестиций. В 1946 г. преобладающая часть вложений США в Канаде осуществлялась в форме портфельных инвестиций и расходовалась на скупку канадских ценных бумаг. С конца 50-х годов в Канаде начался бум промышленного инвестирования, что непосредственно отразилось на динамике прямых капиталовложений США, значительно превосшедших уровень портфельных. Это в свою очередь означало рост размеров американской собственности в Канаде, который повлек за собой контроль над основными секторами ее экономики. В целом за послевоенный период объем прямых американских инвестиций в Канаде увеличился более чем в 19 раз. Однако если в конце 60 — начале 70-х годов прямые капиталовложения составляли основную массу инвестиций США (около 64 %), то в последние годы наряду с абсолютным ростом имеет место тенденция к сокращению их удельного веса — до 52 % в 1975 г. и до 45 % к концу 1981 г.

Характерной тенденцией деятельности американских монополий в Канаде стало быстрое увеличение абсолютных

размеров и доли реинвестированной прибыли в общей сумме годового прироста вложений США. На протяжении всего послевоенного периода основная часть инвестиций финансировалась из прибыли, полученной внутри канадской экономики. В период с 1951 по 1960 г. реинвестированные прибыли филиалов американских компаний составляли 52 % прироста ежегодных вложений. В последующее десятилетие более 70 % капиталовложений финансировались за счет реинвестиций. Начиная с 1971 г. средняя доля реинвестиций достигала почти 80 % прироста, в 1978 г. — уже более 85, а в 1981 г. — 89,4 % инвестиций США в канадскую экономику. При этом доля реинвестиций в общей сумме прибыли заграничных филиалов корпораций США составляла в 1980 г. 59 %, тогда как в Канаде она достигала 74 %¹⁹. Доля чистого притока капитала из США в ежегодных вложениях сократилась с 1967 по 1976 г. почти в 10 раз, составляя в среднем 28 % в год в течение всего периода и 18 % после 1970 г. В 1978—1981 гг. приток новых капиталовложений из США в Канаду вообще прекратился.

Сдвиги в структуре финансирования инвестиций США свидетельствуют о том, что расширение масштабов американской собственности и усиление контроля над канадской экономикой осуществляются главным образом за счет ресурсов, мобилизуемых в самой Канаде. Прибыли, получаемые американскими монополиями в Канаде, настолько велики, что позволяют материнским компаниям осуществлять крупные реинвестиции и в то же время репатриировать в США огромные дивиденды. Только в 1980 и 1981 гг. из Канады в США вывозилось в форме дивидендов и других видов доходов американских филиалов по 2,3 млрд. долл. Прекратив реинвестиции, американские компании могли бы вывозить дополнительно в среднем около 2 млрд. долл. прибыли в год. Таким образом, Канада финансируется в возрастающей степени канадскими долларами, и утверждения как американских, так и канадских апологетов капитала США о его «жизненно важной роли» в современном экономическом развитии Канады лишены основания.

Позиции монополий США в Канаде в значительной мере обеспечиваются отраслевой структурой их вложений, в которой за послевоенный период произошел ряд существенных изменений. Наиболее быстрыми темпами росли капиталовложения в нефтяную промышленность — по сравнению с 1950 г. они увеличились к концу 1977 г. в

17 раз и достигли 7,2 млрд. долл. Второе место по темпам американского инвестирования занимали отрасли по добыче руд и выплавке металлов, где объем инвестиций вырос почти в 10 раз (3,2 млрд. долл.). Капиталовложения США в обрабатывающую промышленность Канады росли более медленно, они увеличились за этот период почти в 9 раз и приблизились к 16 млрд. долл. В результате доля канадской обрабатывающей промышленности в общей сумме инвестиций США сократилась с 53 % в 1950 г. до 47 % в 1976 г., удельный вес нефтяной вырос с 12 до 22 %, а доля отраслей, связанных с добычей руд и выплавкой металлов, практически не изменилась. Тем не менее подавляющая часть американских вложений продолжает осуществляться в обрабатывающую промышленность: из общей суммы прироста прямых американских инвестиций в канадскую промышленность, составившей с 1950 по 1976 г. почти 23,7 млрд. долл., более 14 млрд., или 59 %, пришлось на долю обрабатывающих отраслей. Структура этих инвестиций характеризует основную тенденцию заграничной экспансии американских монополий, развертывающих свою деятельность преимущественно в наиболее современных, динамичных и перспективных отраслях, т. е. там, где их техническое, организационное и финансовое превосходство позволяет достигать наивысшей эффективности.

70-е годы ознаменовались началом развития новой, до этого не характерной для функционирования компаний США тенденции в сторону сокращения ежегодных приобретений собственности в Канаде. Однако это вряд ли свидетельствует об общем снижении активности. Американское проникновение в Канаду уже миновало тот этап, когда расширение сферы влияния происходило главным образом за счет экстенсивных факторов. Современные позиции монополистического капитала США в Канаде позволяют ему углублять свое господство за счет внутренних ресурсов «американского сектора» канадской экономики. Действию данной тенденции способствует политика канадского правительства, в которой начиная с 1972 г. основной упор делается на регулировании деятельности иностранных компаний посредством ограничения перехода предприятий в их собственность.

Экономике современной Канады присущ высокий уровень концентрации капитала (см. гл. VII). Тот факт, что Канада заняла одно из первых мест в мире по степени монополизации, явился следствием не только внутренних тенденций развития канадской экономики, но и в значи-

тельной мере результатом влияния международных монополий США. Наибольший интерес для иностранных инвесторов представляли мощные канадские монополии, и именно здесь быстрее всего рос контроль США. В 70-х годах иностранцы контролировали $\frac{1}{3}$ канадских компаний с активами, превышавшими 1 млн. долл., и около 80—90 % канадских корпораций с активами в 25 млн. долл. и более. Средний размер активов компаний, контролировавшихся иностранным капиталом, был почти в 6,4 раза больше, чем у канадских компаний (соответственно 12,2 млн. и 1.9 млн. долл.). Иностранные компании контролировали 66 из 100 крупнейших промышленных корпораций Канады и 8 из 10 крупнейших. Основной поток инвестиций шел из наиболее могущественных компаний США: 300 из 500 крупнейших американских монополий имели дочерние предприятия в Канаде.

Наиболее быстрыми темпами размеры собственности США увеличивались в горнодобывающей промышленности и выплавке металлов, где их доля выросла за послевоенный период почти вдвое и достигла 51 %. Нефтегазовая промышленность Канады — второй по величине «американский сектор» канадской экономики (50 %). Третье место занимает обрабатывающая промышленность, однако она является единственной сферой производства Канады, где существует неуклонная тенденция к возрастанию доли американской собственности, колеблющейся в пределах 44—48 %. Таким образом, основные сферы канадской экономики фактически предоставлены в распоряжение американских компаний. Оспаривая тезис о зависимости Канады от Соединенных Штатов, ряд канадских экономистов утверждает, что сохранение контроля над финансовой сферой в руках государства означает сохранение контроля над экономикой страны. Необоснованность такого вывода очевидна: несмотря на всю важность государственного контроля над финансами, основные решения о капиталовложениях в канадскую экономику принимаются компаниями США. В среднем в трех основных сферах производства Канады на долю национального капитала в середине 70-х годов приходилось 37 % контроля, а на долю американского — почти 50 %. Корпорации США контролировали 85,8 % добычи железной руды, 65 % добычи нефти, газа и других неметаллических полезных ископаемых, около 80 % производства изделий из резины, 95 % производства автомобилей и частей к ним, 48 % самолетостроения, 89 % промышленного электрооборудования, 72 % нефтеперера-

ботки, 41 % издательского дела, 68 % фармацевтической промышленности, производство 59 % промышленных химикатов и 50 % удобрений. Все это свидетельствует не только о высокой степени влияния США в экономике Канады, но и о прямом засилье иностранного капитала.

Наглядной демонстрацией привлекательности Канады для инвесторов США служат данные о результатах их экспансии. В настоящее время американцам принадлежит 90 % всех канадских предприятий с числом занятых более 5 тыс. человек. К началу 80-х годов более 60 % ведущих промышленных концернов Канады контролировались зарубежными монополиями. В целом доля корпораций США в общем объеме капиталовложений в канадскую экономику превышала $\frac{1}{3}$, что служило основой их контроля над значительной частью валового внутреннего продукта страны. Объем продаж компаний, являвшихся не менее чем наполовину американской собственностью, достигал в середине 70-х годов 78,5 млрд. долл., что было немногим менее 50 % канадского ВВП *.

Роль американского капитала в Канаде двойственна и имеет противоречивые последствия. Высокие показатели послевоенного развития в значительной мере обязаны внутренним силам молодого капитализма Канады, опиравшегося на исключительно богатые природные ресурсы, не имеющие себе равных в капиталистическом мире по разнообразию и запасам в расчете на одного жителя. Вместе с тем естественным сопутствующим фактором американских инвестиций явилось внедрение новой технологии, современных методов организации и управления производством. С одной стороны, нельзя не учитывать роль внешних инвестиций в экономическом росте Канады; в то же время необходимо объективно оценивать тот неизмеримый ущерб, который приносят репатриация прибылей, добавочная безработица, эксплуатация природных ресурсов, экономическая и технологическая зависимость от материнских компаний, необходимость следовать диктуемой ими политике и многие другие факторы. Позитивные последствия в значительной мере перекрываются издержками американского господства, прямой негативный результат которого — перевод в США огромных процентов, дивидендов, роялти (гонорары, вознаграждения за патенты и т. д.) и прочих платежей.

* Доля монополий США в формировании совокупного ВВП стран Западной Европы составляла в этот период менее 21 %.

Непосредственным следствием деятельности компаний США является распространение американской юрисдикции на канадские филиалы. Экстратерриториальное применение законов США выступает в качестве одного из наиболее ярких противоречий процесса интернационализации капиталистического производства и проявляется в Канаде с особой силой. Филиалы американских корпораций в большинстве случаев проводят политику правительства США и распространяют на Канаду действие американских законов о торговле с социалистическими странами, систему мероприятий по регулированию платежного баланса США, а также американское антитрестовское законодательство, т. е. осуществляют в Канаде директивы, противоречащие законам страны и идущие вразрез с ее национальными интересами. Проблема «кто принимает решения?» давно стоит на повестке дня в Канаде. Три компетентные канадские правительственные комиссии под руководством М. Уоткинса, И. Вана и Г. Грея, исследовавшие в 60—70-х годах деятельность иностранных фирм, обосновали в своих многотомных отчетах тот факт, что важнейшие решения относительно экономического развития Канады принимаются в США.

Политика, проводимая Канадой по отношению к иностранным капиталовложениям, весьма противоречива. Желая сохранить приток капиталовложений, канадское правительство никогда не добивалось устранения самой возможности принятия решений, касающихся экономических проблем Канады, за ее пределами. С апреля 1974 г. в Канаде функционирует специальное федеральное Агентство по проверке иностранных инвестиций, предназначенное для рассмотрения всех поступающих предложений о сделках с участием иностранных вкладчиков. Подобная централизация регулирования движения капитала могла дать результаты, особенно в стране, провинции которой конкурируют друг с другом в привлечении американского капитала. Однако на деле Агентство не стало преградой для иностранной инвестиционной активности: с апреля 1974 по март 1979 г. оно рассмотрело 1910 предложений о новых инвестициях в различные сферы экономики Канады, отклонив только 136. Более 84 % предложений получили официальное одобрение. Действующая система оценки степени выгоды предполагаемых сделок особенно либеральна по отношению к инвесторам из США. К августу 1981 г. Агентство удовлетворило 90,5 % всех заявок американских вкладчиков²⁰, что, по мнению прессы, «едва ли

можно считать рекордом ограничения иностранных капиталовложений»²¹. К этому следует добавить, что вне сферы компетенции Агентства остался огромный и фактически неподвластный правительственному контролю уже функционирующий американский сектор. В целом за период с 1974 по 1981 г. общий объем прямых инвестиций США в канадскую экономику увеличился более чем в 1,5 раза. Таким образом, существующая практика ограничения иностранных инвестиций в экономику Канады не оказывает на них необходимого сдерживающего воздействия.

Отсутствие четкой национальной политики в значительной степени порождено монополистическим капиталом Канады, интересы которого по многим направлениям совпадают с интересами американских корпораций. Капитал космополитичен, монополистический капитал в особенности. Если проникновение американского капитала сулит канадским монополиям выгоды, они его приветствуют. В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин показал, что для отношений национально обособленных финансовых капиталов характерны антагонистические столкновения, но они не исключают и переплетения их интересов. Пример взаимоотношений между американскими и канадскими монополиями — наглядное тому подтверждение.

В течение нескольких десятилетий Канада выступает в качестве экспортера капитала и дает один из наиболее ярких в современном капиталистическом мире образцов противоречивости процесса миграции капитала. В послевоенный период она ежегодно получала в среднем около 1 млрд. долл. иностранных долгосрочных инвестиций, а чистый отток канадского капитала из страны составлял около 380 млн. долл., с помощью которых канадские компании, все более теснимые иностранным капиталом в собственной стране, пытались расширить свой производственный комплекс за ее пределами. В середине 70-х годов Канада занимала одно из ведущих мест в капиталистическом мире по объему экспорта капитала на душу населения и превосходила по этому показателю США.

В течение послевоенного периода процесс экспорта капитала из Канады претерпел существенную эволюцию. Динамика заграничных вложений отличалась высокими темпами: сумма долгосрочных инвестиций выросла с 1,4 млрд. долл. в 1939 г. до 11,8 млрд. в 1970 г. и 23,5 млрд. в 1976 г.; общая сумма канадских заграничных активов увеличилась за этот период с 1,9 до 48,8 млрд. долл. В то же

время разрыв между стоимостью импортированного и экспортированного Канадой капитала достиг в 1976 г. 57,9 млрд. долл., а сумма чистой международной задолженности составила 48,5 млрд. долл.²² Сдвиги в структуре экспорта канадского капитала характеризуются резким изменением соотношения прямых и портфельных инвестиций: если в довоенные годы их доля в сумме долгосрочных вложений была одинаковой, то в конце 70-х годов удельный вес прямых инвестиций был почти в 2,5 раза больше. Общая сумма экспортированного из Канады капитала выросла в течение 1951—1976 гг. почти в 6,4 раза. Еще более быстрыми темпами росли прямые заграничные инвестиции — они увеличились за этот период почти в 10 раз.

В течение 1976—1980 гг. прямые канадские вложения за границей выросли более чем в 2 раза и достигли к концу 1980 г. 23,5 млрд. долл. (в долларах США). Основной сферой приложения канадского капитала служат США — почти 70 % всех долгосрочных зарубежных канадских инвестиций направляются в эту страну. На долю США приходится 42 % прямых и 76 % портфельных капиталовложений Канады за границей. К началу 1981 г. общая сумма канадских активов в американской экономике превысила 38,7 млрд. долл., что составляло почти 7 % всех иностранных активов²³. В том же году частные канадские инвестиции в США достигли 36,2 млрд. долл., или 9,6 % общей суммы внешних инвестиций, а прямые капиталовложения — более 12,2 млрд. долл., что составило 13,6 % стоимости прямых иностранных вложений в американскую экономику. В течение многих лет Канада являлась вторым по значению (после Великобритании) иностранным инвестором в США: в первой половине 70-х годов ее удельный вес достигал в среднем 25 % общей суммы прямых иностранных инвестиций. К концу 1981 г. Канада передвинулась на третье место.

Структура капитала, экспортируемого из Канады в США, имеет принципиальные отличия от обратного потока инвестиций. Инвестиции Канады в экономику США представляют собой в основном вложения в акции и облигации американских компаний и в правительственные ценные бумаги, тогда как доля прямых капиталовложений достигает только 31,5 % общей суммы канадских активов. Различия в формах взаимного инвестирования обуславливают неравные возможности монополистических капиталов двух стран и несхожесть роли этих инвестиций в экономике принимающей страны. Тем не менее монополистический

капитал Канады играет одну из ведущих ролей в процессе внедрения иностранных компаний в экономику США. Это обеспечивается не столько объемом вложений, сколько спецификой их отраслевой структуры. Устойчивые позиции канадских инвесторов в американской обрабатывающей промышленности выделяют Канаду среди других стран, вкладывающих свои капиталы в США, и свидетельствуют о глубоком взаимопроникновении и переплетении производительных капиталов двух стран. В 1981 г. 5,8 млрд. долл. прямых канадских инвестиций шли в обрабатывающую промышленность США, что составляло 47,4 % всех инвестиций Канады и почти 20 % всех иностранных вложений в эту сферу американской экономики. По доле инвестиций в обрабатывающую промышленность США только Великобритания незначительно опережает Канаду.

Несмотря на довольно значительный абсолютный рост канадских вложений во все основные сферы американской экономики, на протяжении 70-х годов произошло относительное сокращение их доли за счет увеличения удельного веса вложений в предприятия обрабатывающей промышленности. Тот факт, что основной процесс миграции капитала между США и Канадой протекает в обрабатывающих отраслях, обусловлен постоянным углублением процесса специализации и кооперирования в этой сфере североамериканского производства. Быстрыми темпами растет проникновение Канады в нефтяную промышленность США; только с 1976 по 1981 г. инвестиции выросли здесь в 2,3 раза, превысив к концу 1981 г. 1,5 млрд. долл., что составило 12,7 % общей суммы капиталовложений Канады. Интенсивно расширяются канадские инвестиции в остальных отраслях американской экономики — торговле (10,5 % всех вложений), финансовой и страховой системах (соответственно по 3,3 %), в приобретении недвижимости (7,5 %). В 1981 г. общая сумма инвестиций Канады в эти отрасли достигла почти 3 млрд. долл., что составило 24,5 % всех прямых канадских вложений. В целом роль капиталовложений Канады в создании валового внутреннего продукта США очень мала (0,3 %). Тем не менее деятельность монополистического капитала Канады в американской экономике развивается высокими темпами вследствие дальнейшего углубления процесса интернационализации североамериканского производства и растущего стремления Канады укрепить свои позиции на внутреннем рынке США.

Ускорение проникновения монополистического капитала Канады в экономику США привело к существенному углублению процесса экономического взаимодействия национальных хозяйственных комплексов двух стран. Однако это не устраняет немалые принципиальные различия в характере монополистических кругов Канады и США, а также огромные диспропорции в их финансовых и производственных возможностях. Отсюда вытекает неизбежность постоянной конкурентной борьбы и межгосударственных противоречий, а также попыток канадского капитала вырваться из орбиты американского, расширить и диверсифицировать сферу внутри- и внешнеэкономической экспансии.

3. Особенности экономических связей с развивающимися странами

Важное место в системе внешнеэкономических приоритетов Канады занимает углубление всесторонних связей с развивающимися странами. Целевая направленность канадской политики по отношению к этим странам типична для государственно-монополистического капитализма и предусматривает стимулирование экономического роста Канады, расширение ее внешней экспансии за счет экспорта товаров и капитала, попытки стабилизировать политическую ситуацию в развивающихся странах путем предоставления им так называемой «помощи» и «привязки» их экономики к экономике промышленно развитых капиталистических стран. Специфически канадским является стремление использовать связи с развивающимися странами для достижения таких внутренних целей, как укрепление национального единства и смягчение национальных противоречий, а также диверсификация направлений эффективного международного экономического обмена.

Прямое влияние сотрудничества Канады с развивающимся миром на ее экономику и политику невелико. Однако по мере укрепления экономического потенциала развивающихся стран значение для Канады расширения отношений с ними постоянно возрастает. Уже сегодня эти страны служат для Канады основным внешним источником топливных ресурсов — на их долю приходится более 64 % всего канадского импорта топлива — и одновременно важным рынком сбыта продовольствия (более 19 % всего канадского экспорта), особенно зерновых (28 % экспорта). Растущее понимание важности развития экономического сотрудничества с развивающимися странами заставляет

правляющие круги Канады искать пути для более интенсивного проникновения канадского капитала в эти страны.

В 70-х годах развитие торговли с развивающимися государствами было признано одним из приоритетных направлений реализации политики диверсификации канадских экономических связей. Торговля традиционно является основной формой сотрудничества Канады с этими странами, однако ее отличает чрезвычайно низкая доля в общей структуре канадского внешнего товарообмена. Слабое развитие этого направления канадской внешнеторговой деятельности обусловлено относительно высоким уровнем самообеспеченности топливно-сырьевыми ресурсами и трудностями, связанными со сбытом канадских промышленных товаров на рынках развивающихся стран, уже захваченных и поделенных монополиями других промышленных стран.

В послевоенный период удельный вес развивающихся стран во внешней торговле Канады не претерпел серьезных изменений. Их доля в канадском экспорте составляла 8—9 % в 50—60-е годы, 7 % в 1970 г. и менее 9 % в 1980 г., а доля в импорте снизилась с 14 % в 1950 г. до 8 % в 1970 г. и 11 % в 1980 г. В конце 70-х годов экспорт Канады в развивающиеся страны складывался из продуктов питания (22 %), зерновых (14 %), промышленного сырья, руд и минеральных удобрений (19 %). На долю машин и оборудования приходилось немногим более 35 % экспорта. В структуре канадского импорта из развивающихся стран превалировало топливо (более 54 %); удельный вес машин и оборудования составлял всего 5 %, прочих промышленных изделий — 22 % ²⁵.

В географической структуре торговли Канады с развивающимися странами отчетливо прослеживаются устоявшиеся направления связей. В области как экспорта, так и импорта это страны Азии, прежде всего Ближний Восток. Несколько меньше (см. табл. 34) доля стран Южной и Центральной Америки, из которых особо выделяется Венесуэла. Поставки нефти из этой страны составляют более 22 % стоимости всех ввозимых в Канаду товаров. Африканский континент является менее важной сферой канадских внешнеторговых интересов.

Непосредственным рычагом для стимулирования экономических связей Канады с развивающимися странами выступает предоставление так называемой экономической «помощи» на многосторонней или же двусторонней основе. Система «помощи», масштабы государственного финанси-

**Географическое распределение торговли Канады
с развивающимися странами в 1980 г. (в %)**

	Экспорт	Импорт
Ближний и Средний Восток . . .	12,6	30,8
Остальные развивающиеся страны		
Азии	34,4	22,8
Африка (без ЮАР)	9,5	5,5
Южная Америка	26,0	30,4
Венесуэла	7,5	22,4
Центральная Америка	17,5	10,5
Мексика	5,5	—

Р а с с ч и т а н о п о: Canadian Statistical Review, March 1983.

рования которой интенсивно растут, преследует вполне определенные экономические цели: расширение выхода канадского монополистического капитала на рынки развивающихся стран, субсидирование экспорта канадских товаров и услуг, улучшение общих условий деятельности канадских инвесторов в этих странах. Предоставление «помощи» предусматривает также укрепление политического престижа Канады в развивающемся мире и создание тем самым гарантий для реализации долгосрочной внешне-экономической стратегии этой страны.

Канада осуществляет программы «помощи» развивающимся странам с 1950 г. — с момента принятия «плана Колombo», одним из семи государств-инициаторов которого она явилась. Целью плана было провозглашено содействие развитых стран — членов Британского содружества наций экономическому развитию Индии, Пакистана и Цейлона, получивших независимость после второй мировой войны. По мере завоевания независимости другими государствами Азии, Африки и Латинской Америки география канадской «помощи» расширялась. Традиционными ее получателями стали страны — члены Содружества, в деятельности которого Канада играет важную роль. Она финансирует около 20 % бюджета секретариата, а также ряд программ и организаций Содружества — фонд научно-технического сотрудничества, образовательные программы и т. д.

Ведущим правительственным органом, осуществляющим предоставление «помощи», является основанное в 1960 г. Управление внешней помощи, которое в 1968 г. было переименовано в Канадское агентство международного развития. Основную часть средств, находящихся в распоря-

жении этого агентства и идущих на цели экономической «помощи», составляют государственные ассигнования (97 %); на долю неправительственных организаций приходится только около 3 %. В целях изучения проблем развивающихся стран в 1970 г. в Канаде был создан Исследовательский центр международного развития. Еще один орган — Канадское управление международного развития координирует деятельность всех правительственных органов, ответственных за предоставление экономической «помощи».

Одной из главных задач Канадского агентства международного развития является увеличение экспортных возможностей Канады. В течение 70-х годов полномочия этого органа были существенно расширены, а масштабы государственного финансирования «помощи» выросли в 3,3 раза. Непосредственной функцией агентства является распределение бюджетных средств, ассигнованных на оказание помощи, между двусторонними программами и долевым участием Канады в программах «помощи» международных организаций. Основная часть официальной «помощи» предоставляется по линии двусторонних соглашений, однако масштабы канадских обязательств по оказанию многосторонней «помощи» росли в 70-х годах значительно более высокими темпами. С 1970/71 по 1977/78 г. они выросли более чем в 6 раз, тогда как размеры двусторонней «помощи» увеличились только в 1,8 раза²⁶. В многосторонних программах «помощи» Канада участвует по линии ООН и ее специализированных организаций, через МБРР, МВФ и региональные кредитно-финансовые учреждения. Основная часть «помощи» предоставляется в виде субсидий и безвозмездных ссуд. Получателями такого вида помощи являются, как правило, наименее развитые страны. Остальная часть, предоставляемая более развитым странам, осуществляется в виде займов на относительно льготных условиях. В 1977/78 г. из 410 млн. долл., ассигнованных Канадой на многосторонние программы, более 229 млн. долл. составили займы и ссуды международным финансовым институтам.

Основная часть средств, предоставляемых Канадой на двусторонней основе, идет на цели так называемого экономического развития (не включающего продовольственную помощь). Размеры этих ассигнований постоянно колеблются, а их доля в общей сумме двусторонней «помощи» составляет в среднем около 64 %. Второй по величине ассигнований статьей канадской «помощи» на двусторон-

ней основе является продовольствие — его доля превышает 25 % общей суммы²⁷. Выступая одним из крупнейших в мире экспортеров продовольствия, Канада осуществляет обширную программу продовольственной «помощи», масштабы которой выросли с 2 млн. долл. в 1962/63 г. до 232 млн. долл. в 1977/78 г. Ее основную часть составляют пшеница и продукты ее переработки. Около 60 % канадской продовольственной «помощи» предоставляется в соответствии с межправительственными двусторонними программами, остальные 40 % — через международные организации.

Расширение системы экономической «помощи» развивающимся странам пока не принесло Канаде желаемых плодов ни в сфере торговли, ни в области участия в крупных проектах, осуществляемых международными организациями. Несмотря на то что почти 70 % общей суммы «помощи» расходуется на закупку канадских товаров и услуг, ее эффективность остается низкой и не окупается для Канады соответствующей прибылью. Отличительной чертой товарообмена Канады с развивающимися странами остается его периодическая несбалансированность: так, в 1980 г. отрицательное сальдо составило около 740 млн. долл. Стремясь наверстать упущенное, Канада проводит целенаправленную политику «помощи» в надежде упрочить свои позиции в конкурентной борьбе за рынки сбыта, выгодные источники импорта, а также за перспективные сферы вложения частного капитала. С этой целью правительство страны всячески содействует развитию связей на двусторонней коммерческой основе.

Канада весьма активно участвует в многосторонних переговорах, затрагивающих проблемы экономического сотрудничества между развитыми и развивающимися странами. Обсуждение нового международного экономического порядка, проведение эффективного диалога «Север — Юг» являются одной из наиболее широко декларируемых целей внешней политики канадского правительства. Вместе с тем характер практической деятельности Канады в этой сфере мирохозяйственных связей не подтверждает пропагандистский тезис о ее филантропической миссии. Признавая необходимость решения проблем, связанных с противоречиями между странами-поставщиками и странами-потребителями сырья, Канада занимает двойственную позицию в этом вопросе. С одной стороны, в значительной мере сырьевая специализация канадского экспорта сближает интересы Канады и развивающихся стран, обуславливает

их обоюдное стремление к долгосрочной стабилизации рынков сырья. В то же время Канада не заинтересована в создании соответствующих механизмов, которые регламентировали бы условия конкуренции и могли бы отразиться на ее внешней торговле. Противоречивость канадских интересов отражается на позиции, занимаемой страной в ходе многосторонних переговоров, и проявляется в неуступчивости Канады при принятии решений в ходе этих переговоров. Канада подписала только одно из немногих соглашений в этой области — о создании «общего фонда» стабилизации рынков сырьевых товаров (1981 г.), приняв обязательства по участию в его финансировании.

4. Экономические отношения Канады с СССР и другими социалистическими странами

Принципиальные сдвиги во внешнеэкономических связях Канады с социалистическими странами произошли в 70-х годах — период, когда были расширены договорно-правовые основы двусторонних контактов. Это создало возможности для существенного увеличения масштабов экономического сотрудничества Канады со странами социализма и диверсификации его форм, выразившейся в развитии новых, наиболее эффективных форм международного разделения труда, таких, как торговая кооперация, финансово-кредитное, научно-техническое и промышленное сотрудничество.

Эволюция экономических связей. В системе внешнеэкономических отношений Канады сотрудничество с СССР играет все более значительную роль. В настоящее время Советский Союз является одним из крупнейших торговых партнеров Канады. В 1970 г. доля СССР в общей стоимости экспорта Канады составляла всего 0,6 %, что предопределяло 14-е место нашей страны среди стран — потребителей канадской продукции. В течение 70-х годов удельный вес СССР постепенно возрастал, увеличившись с 1,3 % в 1975 г. до 2,5 % в 1982 г. Это внесло принципиальные изменения в положение СССР среди внешнеторговых партнеров Канады, выдвинув его на 4-е место среди стран-импортеров²⁸. В начале 80-х годов Канада, опередив ряд капиталистических государств, вошла в первую десятку торговых партнеров нашей страны. В 1982 г. стоимостной объем советско-канадской торговли достиг 1,4 млрд. руб. Канада заняла 10-е место среди развитых капиталистических стран по масштабам товарооборота с СССР, а ее доля

в общей стоимости внешней торговли СССР с этими странами составила 1,2 %.

Совокупность факторов, служащих объективной основой развития сотрудничества между Канадой и СССР, опирается на сходство природных и географических условий, которое ставит перед обеими странами ряд общих технико-экономических проблем. Поиски путей их разрешения определяют существование многочисленных сфер эффективного двустороннего сотрудничества, в частности обмена товарами в соответствии с потребностями партнера, обмена опытом организации и управления отдельными отраслями хозяйства. Вместе с тем характер, масштабы, формы и перспективы советско-канадских экономических отношений в значительной мере определяются спецификой экономического развития Канады, а также комплексом факторов, оказывающих прямое и косвенное воздействие на формирование ее внешнеэкономической политики. 70-е годы показали, что вопреки усиленному давлению со стороны США экономическая заинтересованность Канады в развитии отношений с СССР преобладает и противодействует политическим ухищрениям американской администрации.

Рост безработицы в Канаде выдвинул в качестве первоочередной проблему создания дополнительных рабочих мест за счет развития экспортных отраслей. Решение этой проблемы требует поиска новых надежных партнеров, что стимулирует потребность Канады в расширении связей с СССР и другими странами социализма. Согласно подсчетам канадских экономистов, только выполнение советских заказов, обусловленных двусторонними контрактами, заключенными по состоянию на конец 1982 г., может обеспечить создание 50 тыс. рабочих мест.

Важной основой для развития сотрудничества двух стран в области науки и техники является высокий научно-технический потенциал нашей страны. Лидирующие позиции СССР в ведущих областях науки определяют заинтересованность Канады, масштабы НИОКР которой весьма ограничены, в доступе к передовой советской технологии и новейшим научным достижениям. В то же время ряд открытий и изобретений канадских ученых, внедрение и освоение современных технологических процессов в отдельных отраслях и общий высокий уровень производительности общественного труда ставят Канаду в разряд перспективных для СССР партнеров в области научно-технического обмена.

Эволюция отношений Канады и СССР демонстрирует большие сдвиги, происходившие в сущности и механизме связей. В годы «холодной войны» имело место сокращение взаимных экономических связей СССР и Канады. В 1946—1953 гг. ежегодный товарооборот составлял в среднем менее 0,6 млн. руб. Советские товары облагались максимально высокими канадскими тарифами, а экспорт из Канады в СССР регулировался специальным экспортным контролем. Первоначально Канада не вошла в созданный в ноябре 1949 г. по инициативе США Координационный комитет Консультативной группы наций (КОКОМ). Однако уже в 1950 г. она присоединилась к деятельности этой межправительственной организации, возглавившей контроль за номенклатурой ввозимых в Советский Союз товаров, а также за осуществлением санкций в случае нарушений.

Новый этап в развитии экономических отношений СССР и Канады начался с середины 50-х годов. Отправным пунктом создания механизма экономического сотрудничества двух стран и его последующего развития явилось подписание 29 февраля 1956 г. Торгового соглашения, регламентирующего общие условия двустороннего товарообмена путем установления важнейших принципов равноправия и взаимовыгодных связей в области торговли. Итоги действия Торгового соглашения отражает динамика советско-канадского товарообмена: его стоимостной объем увеличился с 4,1 млн. руб. в 1955 г. до 1 395,8 млн. в 1982 г.

27 января 1971 г. было подписано советско-канадское Соглашение о сотрудничестве в применении достижений науки и техники в промышленности, а также созданы смешанная комиссия и отраслевые рабочие группы с целью обмена научно-техническим опытом и выявления перспективных направлений развития связей в избранных для сотрудничества областях науки и техники. Данное соглашение было большим шагом вперед по сравнению с Торговым соглашением, его реализация легла в основу становления новых форм экономического сотрудничества двух стран. Важной вехой в развитии отношений было подписание в ходе визита премьер-министра П. Трюдо в СССР в мае 1971 г. советско-канадского Протокола о консультациях, ставшего основой для регулярных контактов по всем вопросам двусторонних отношений, в том числе и экономических. В октябре 1971 г. было заключено Общее соглашение об обменах между СССР и Канадой, предусматривающее взаимовыгодные обмены, визиты и консультации в области науки, техники, культуры, образования и в других сферах.

Не менее важную роль в развитии экономических связей сыграло подписание в мае 1975 г. двустороннего Протокола о финансировании импорта в СССР канадских товаров.

14 июля 1976 г. СССР и Канада подписали Долгосрочное соглашение о содействии экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству. Заключение долгосрочного соглашения сроком на 10 лет означало качественный сдвиг в развитии двусторонних связей. Особенностью нового этапа явился переход от осуществления разовых сделок к сотрудничеству на долговременной основе. Для реализации данного соглашения была создана смешанная межправительственная комиссия по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству, которая включила в свой состав консультативную комиссию по торговле, действовавшую в соответствии с Торговым соглашением 1956 г., смешанную комиссию и рабочие группы, функционировавшие в рамках соглашения 1971 г. Соглашение предусматривало следующие основные направления двустороннего сотрудничества: строительство, расширение и модернизацию промышленных предприятий в СССР и Канаде, в том числе строительство в Советском Союзе предприятий на основе полной или частичной компенсации; производственную кооперацию советских и канадских организаций, предприятий и фирм; взаимный обмен товарами и услугами на обычных коммерческих условиях; обмен опытом в применении достижений науки и техники в промышленности. Эти направления легли в основу подписанной в Оттаве 26 октября 1978 г. Долгосрочной программы экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества.

После прихода к власти в мае 1979 г. правительства во главе с Дж. Кларком, которое проводило антисоветский курс, имело место свертывание в одностороннем порядке экономических отношений между двумя странами. Это выразилось в поддержке этим правительством введенного в январе 1980 г. американского эмбарго на поставки зерна в СССР. Объем продаж канадского зерна был ограничен уровнем предыдущих лет, чтобы Канада не могла компенсировать недопоставки США. Одновременно был ужесточен контроль над экспортом в Советский Союз передовой технологии и «стратегических товаров», ограничен научно-технический обмен и приостановлены контакты деловых представителей обеих стран.

После возвращения к власти либералов во главе с П. Трюдо (в марте 1980 г.) начался пересмотр принятых

консерваторами мер, направленных на свертывание советско-канадских связей. Осенью того же года ограничения на продажу зерна СССР были отменены, что фактически означало отказ следовать антисоветскому курсу администрации США. Правительству либералов пришлось устранять последствия политики консерваторов: в качестве компенсации за потери, понесенные из-за введения эмбарго, власти были вынуждены выплатить 150 тысячам канадских фермеров более 81 млн. долл.

Помимо подписания в мае 1981 г. долгосрочного соглашения о зерне, СССР и Канада продлили в январе 1982 г. на очередной пятилетний срок действие Торгового соглашения 1956 г.; договорились об обсуждении перспектив заключения нового соглашения о кредите; провели в июне 1983 г. очередную третью сессию межправительственной смешанной комиссии. В противовес попыткам США убедить Канаду в необходимости отказаться от взаимовыгодного сотрудничества с СССР, в начале 80-х годов основная часть представителей канадских деловых кругов исходила из того, что такой курс не соответствует национальным интересам их страны и ни в коей мере не может содействовать решению проблем экономического развития Канады. Намерение США сорвать крупнейшее взаимовыгодное соглашение СССР с рядом капиталистических стран о строительстве на компенсационной основе газопровода Сибирь — Западная Европа встретило резко негативное отношение в Канаде. В ответ на запрет США в конце 1981 г. экспорта в СССР нефтегазового оборудования и товаров для строительства газопровода канадские фирмы выразили готовность компенсировать не выполненные американцами сделки поставками необходимого СССР оборудования.

Введение 19 июня 1982 г. эмбарго на экспорт в СССР нефтегазового оборудования, производимого дочерними предприятиями американских компаний и изготовленного за границей по лицензиям, проданным американскими компаниями, было расценено в Канаде как стремление к достижению внешнеполитических целей США за счет экономических интересов своих ближайших партнеров — канадских дочерних предприятий, специализирующихся на вывозе нефтяного и газового оборудования. В июле 1982 г. правительство П. Трюдо в официальной ноте заявило о своем негативном отношении к американской политике, определив попытки налагать санкции на продажи канадского оборудования по заключенным с СССР

контрактам как «недопустимое ущемление канадского суверенитета»²⁹.

Формы экономических отношений Канады и СССР. Основным результатом послевоенной эволюции двусторонних связей явилась их диверсификация, выразившаяся в расширении масштабов и структуры торговли и в развитии новых, более эффективных и отвечающих экономическим потребностям обеих стран форм сотрудничества. Взаимная торговля на обычных коммерческих условиях сохраняет свое ключевое значение наряду с растущей ролью новых форм сотрудничества, пока еще слабо развитых в системе экономических связей СССР и Канады по сравнению с аналогичными формами сотрудничества СССР со странами Западной Европы и с Японией. Стоимость товарооборота между СССР и Канадой резко возросла: только за 70-е годы взаимный обмен увеличился более чем в 8 раз. В течение этого периода объем торговли Канады с СССР рос более быстрыми темпами, чем вся ее внешняя торговля. Серьезные позитивные изменения претерпела номенклатура товарообмена. В 1963 г. доля стоимости машин и оборудования в общей стоимости товарооборота Канады с СССР составила всего 0,05 %, в 1979 г. она превысила 16 %. Если в конце 50 — начале 60-х годов основными статьями советского экспорта являлись пушнина и меховое сырье, ткани, фанера и товары культурно-бытового назначения, то в 70-х годах наиболее активно развивался вывоз в Канаду современных видов продукции машиностроения, в том числе легковых автомобилей, тракторов, металлорежущих станков, кузнечно-прессового и энергетического оборудования. В результате в 1982 г. доля стоимости экспорта машин, оборудования и транспортных средств достигла 67 % общей стоимости советского экспорта в Канаду. По масштабам закупок продукции советского машиностроения Канада вышла на третье место среди развитых капиталистических стран. Изменилась также структура канадского экспорта в СССР. Хотя основу его по-прежнему составляют зерновые и мука, резко возрос стоимостной объем и номенклатура вывозимых Канадой машин, оборудования и транспортных средств. Несмотря на происшедшие позитивные сдвиги, препятствием расширению взаимовыгодного обмена остается значительный дисбаланс двусторонней торговли, структура которой все еще не соответствует уровням экономического развития Канады и СССР.

Ужесточение в 70-е годы торгового режима развитых

капиталистических стран отразилось и на торговле Канады с СССР. Прямым итогом протекционистской политики явился более низкий уровень экспорта из СССР в Канаду готовой продукции по сравнению с потенциально возможным. Такая тенденция находилась в противоречии с возросшей долей СССР в мировом производстве продукции обрабатывающей промышленности. Потребность в расширении объема и номенклатуры двустороннего обмена машинами и оборудованием предопределила реализацию комплекса мер по его стимулированию. К числу важнейших из них относится введение в практику взаимных связей системы кредитования экспорта в СССР канадских машин и оборудования и создание в Канаде смешанных акционерных обществ, деятельность которых охватывает сбыт, послепродажное техническое обслуживание советских машин и оборудования, элементы маркетинга и осуществление отдельных производственных операций. К началу 80-х годов в Канаде успешно функционировали пять смешанных обществ, обеспечивавших реализацию экспортируемых СССР тракторов, металлорежущих и деревообрабатывающих станков, гидроэнергетического оборудования. Основные акционеры смешанных обществ — всесоюзные объединения, действующие по линии Министерства внешней торговли СССР. С 1971 г. в г. Ванкувере функционирует компания «Морфлот фрейт лайнерз», являющаяся партнером «Совинфлота» и организатором судоходства между СССР и западным побережьем Канады. В 1972 г. в Торонто были созданы две акционерные компании, весьма успешно осуществляющие свои функции на канадском рынке сельскохозяйственных машин и станков, — «Беларусь эквипмент оф Кэнада» и «Стан-Кэнада машинери». При этом в сферу деятельности «Стан-Кэнада» входит не только канадский, но и американский рынок. Компания «Беларусь эквипмент» посредством сети дилеров осуществляет продажи на условиях потребительского кредита с рассрочкой платежа на срок от трех до пяти лет. Отделения компании функционируют в Монреале, Реджайне, Монктоне. На тех же условиях кредитования компания «Стан-Кэнада» продает в Канаде и США металлообрабатывающие и деревообрабатывающие станки и кузнечно-пресовое оборудование.

С 1973 г. в Ванкувере функционирует акционерная компания «ЭМЕК трейдинг», в сферу деятельности которой входит продажа и установка советских электрогенераторов и турбин. В течение 1975—1980 гг. компания осуще-

ствляла поставку и монтаж советского энергетического оборудования на четырех канадских гидроэлектростанциях. Продажу и обслуживание самолетов производит компания «Сокан эйркрафт». Одной из ведущих фирм, осуществляющих сбыт и техническое обслуживание советской продукции в Канаде, является «Лада карз оф Кэнада». Эффективность новой формы сотрудничества проявилась быстро: в 1978 г. в Канаде было продано 500 автомобилей «Лада», в 1981 г. — 16 тыс. Причем такой рост имел место в годы, когда конкуренция на североамериканском рынке чрезвычайно обострилась в результате интенсивного ввоза легковых автомобилей из Японии. Всего за первые годы своего функционирования компания продала около 45 тыс. автомобилей «Лада»³⁰. В Канаде осуществляются предпродажная подготовка автомобилей и их докомплектация, а также отделка и гарантийный ремонт. Эти производственные операции обеспечивают устойчивость долговременных контактов между партнерами и предусматривают взаимное согласование основных вопросов в области торговли.

Смешанные акционерные общества выполняют в системе экономических связей Канады и СССР разноплановые функции, распространяющиеся как на сферу торговли, так и частично на сферу производства и послепродажного обслуживания. Деятельность этих обществ обеспечила создание в Канаде сбытовой сети, имеющей разветвленную систему дилеров и пунктов технического обслуживания советских машин и оборудования. Непосредственным итогом деятельности смешанных обществ явилось ускоренное развитие экспорта советских машин и оборудования в Канаду — его стоимостной объем вырос за прошедшее десятилетие в 154 раза. Экономический кризис 1974—1975 гг. и нестабильность канадской конъюнктуры в последующие годы затормозили процесс создания новых смешанных акционерных обществ.

70-е годы положили начало новой форме экономического сотрудничества Канады и СССР — кредитованию взаимной торговли. Использование финансово-кредитной системы стало эффективным средством содействия товарообмену. Принципиальный сдвиг, отразившийся на всей системе двусторонних связей, произошел в результате подписания Канадой и СССР в мае 1975 г. межправительственного Протокола о кредите, предусматривавшего финансирование закупок в Канаде машин, оборудования и связанных с ними технических услуг. Кредит на сумму

500 млн. долл. (355 млн. руб.), предоставленный в соответствии с этим Протоколом, позволил увеличить стоимость канадского экспорта машин и оборудования в течение 70-х годов почти в 16 раз. Помимо прямого кредитования советско-канадской торговли большинство крупных коммерческих банков Канады участвуют совместно с банками других западных стран в предоставлении кредитов СССР и европейским социалистическим странам. Экспорт промышленной продукции из СССР в Канаду также осуществляется с привлечением канадских ресурсов. В случае необходимости все смешанные компании пользуются кредитами частных и государственных финансовых учреждений Канады для финансирования своих продаж.

Научно-техническое сотрудничество является еще одной из новых форм экономических связей Канады и СССР. Осуществляется оно в традиционной форме обмена результатами НИОКР — путем предоставления лицензий и ноу-хау, заключения соглашений о поставках новейшего оборудования и машин, обмене опытом в области управления и организации производства. Первые соглашения о научно-техническом сотрудничестве были подписаны с канадскими государственными корпорациями «Атомик энерджи оф Кэнада» (1964 г.) и «Полисар» (1969 г.) и предусматривали кооперацию научных усилий в области ядерной физики и физики твердого тела, в строительстве атомных электростанций, применении радиоактивных изотопов, ликвидации радиоактивных отходов, а также в производстве синтетического каучука. В 70-е годы была создана правовая база сотрудничества, обеспечивающая функционирование современного механизма двусторонних связей на основе реализации Общего соглашения между СССР и Канадой об обменах от 20 октября 1971 г., Соглашения о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Национальным исследовательским советом Канады от 11 сентября 1972 г., Соглашения об использовании атомной энергии и Соглашения о сотрудничестве в применении достижений науки и техники в промышленности (январь 1971 г.), в соответствии с которыми начали функционировать отраслевые рабочие группы в различных областях промышленности и транспорта и ряда других договоренностей.

В октябре 1978 г. СССР и Канада подписали Долгосрочную программу экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества, которая существенно расширила рамки совместной деятельности в этой области. В сентябре 1981 г. было подписано широкомасштабное

соглашение о научно-техническом сотрудничестве в области сельского хозяйства. Направления и формы совместной деятельности в основных отраслях сельскохозяйственного производства были зафиксированы в Долгосрочной программе сотрудничества, подписанной в октябре 1982 г.

На современном этапе научно-техническое сотрудничество выходит за рамки двусторонних связей, что является качественно новым явлением. Примером участия СССР и Канады в развитии международного научного сотрудничества явилось начало регулярной эксплуатации в Канаде международной космической программы «КОСПАС-САРСАТ». В программе, осуществляемой с целью спасения экипажей потерпевших бедствие самолетов и кораблей, участвуют СССР, Канада, США и Франция. Первые ее результаты были получены в сентябре 1982 г., когда на стадии испытаний поисковой системы советский искусственный спутник серии «Космос», являющийся основным звеном поиска, обеспечил спасение трех канадских граждан благодаря точному определению местонахождения потерпевшего катастрофу самолета. 70-е годы доказали взаимовыгодность и эффективность научно-технического сотрудничества Канады и СССР.

Уровень развития советско-канадского производственного сотрудничества пока далек от уровня аналогичного сотрудничества СССР со странами Западной Европы. В то же время результаты, достигнутые Канадой и СССР, а также поиск путей взаимовыгодного разделения труда и начавшаяся в 70-е годы отработка его механизма свидетельствуют о несомненных сдвигах в этой области. В течение 70-х годов СССР и Канада осуществляли разработку и совершенствование промышленных процессов и технических проектов, проводили консультации по конкретным вопросам применения в промышленности научно-технических достижений. Двусторонние договоренности обеспечили возможность начать реализацию наиболее развитых форм производственного сотрудничества — кооперацию в проведении опытно-конструкторских работ, совместное испытание и внедрение в производство технических нововведений. Совместная деятельность была сконцентрирована в отраслях, избранных в качестве наиболее приоритетных для двустороннего сотрудничества.

Важным направлением сотрудничества Канады и СССР явилась совместная деятельность по освоению районов Севера. Имея на своей территории районы, сходные по суровым климатическим и природным условиям, а также

по богатству и разнообразию труднодоступных естественных ресурсов, страны координировали усилия для разрешения общих для них научных и практических проблем. Сотрудничество с СССР, добившимся больших результатов в области освоения Севера, имеет особое значение для Канады, что обусловлено, в частности, тем, что выполнение канадских правительственных программ использования северных ресурсов требует импорта специального оборудования и научно-технических знаний, единственным источником которых во многих случаях является Советский Союз.

Позитивное развитие экономического сотрудничества Канады и СССР, расширение его масштабов и углубление форм отмечаются в обеих странах. Деловые круги Канады все более активно выступают за развитие экономического сотрудничества с СССР, подчеркивая, что оно отвечает национальным интересам Канады. Вместе с тем сила инерции канадского бизнеса все еще велика и замедляет темпы принятия назревших решений по ряду направлений двустороннего сотрудничества. Современный уровень развития советско-канадских экономических связей пока далеко не соответствует потенциальным возможностям взаимовыгодного сотрудничества.

Тенденции экономических связей с другими странами социализма. Наиболее плодотворным периодом в развитии как традиционных, так и новых форм экономического сотрудничества Канады с другими странами социализма явились 70-е годы. Важнейшими сдвигами, происшедшими в это десятилетие, стали рост объема взаимной торговли, диверсификация ее товарной структуры, расширение системы долгосрочного кредитования, развитие технологической кооперации и научно-технического обмена, а также начало функционирования совместных коммерческих предприятий. Углубление экономического взаимодействия, развитие новых форм связей осуществлялись в эти годы не только на официальном межправительственном уровне, но и на уровне непосредственных контактов различных организаций социалистических стран с канадскими правительственными агентствами, государственными корпорациями, частными банками и фирмами Канады.

Развитие связей с социалистическими странами выступает органическим элементом внешнеэкономической политики Канады, спецификой которой является необходимость расширения внерегиональных деловых контактов. Доля стран социализма во внешней торговле Канады составляла

в 1982 г. 3,1 %, на долю европейских социалистических стран приходилось 1,9 %. Характерной тенденцией взаимного товарообмена стал динамизм — в 70-х годах темпы его роста превышали темпы роста канадской торговли в целом. Так, с 1971 по 1982 г. товарооборот Канады с социалистическими странами вырос с 0,6 до 4,7 млрд. долл., или в 8 раз, тогда как общая стоимость канадской внешней торговли увеличилась за этот период менее чем в 5 раз (см. табл. 35).

Разрыв между стоимостью экспорта и импорта в торговле Канады с социалистическими странами существенно увеличился за 70-е годы. Растущая несбалансированность взаимной торговли, а также ее резкие колебания в отдельные годы обусловлены особенностями структуры товарообмена. Почти $\frac{3}{4}$ стоимости канадского экспорта формируется за счет продовольствия, прежде всего зерна. В то же время в структуре канадского импорта из стран социализма основное место принадлежит продукции обрабатывающей промышленности (так, в импорте из ГДР и СРР ее доля превышает 80 %, из СССР, ЧССР и НРБ — 70 %). Более половины стоимости товаров, ввозимых Канадой из социалистических стран, составляют готовые изделия, что намного выше по сравнению с долей этих изделий в экспорте в другие капиталистические страны.

Лидирующие позиции в товарообмене Канады со странами социализма принадлежат Советскому Союзу, второе место занимает КНР, третье — Куба. Совокупная доля трех ведущих торговых партнеров достигла в 1982 г. 85 %. Следующие три места занимают ПНР, СФРЮ и ЧССР.

Трудности, стоящие на пути расширения двусторонних связей Канады со странами социализма, постепенно преодолеваются, несмотря на серьезные препятствия, такие, в частности, как экстратерриториальное применение законов США «о торговле с врагом». Как признают сами канадцы, существующие возможности роста товарообмена «в значительной степени зависят от способности (канадских компаний.— *Т. Л.*) освоить правила торговли, коренным образом отличающиеся от наших» ³¹. Немало проблем стоит и в сфере налаживания новых, нетрадиционных форм сотрудничества. В 70-х годах Канада заключила с социалистическими странами ряд соглашений о промышленном и научно-техническом сотрудничестве, на территории Канады начали деятельность смешанные компании СССР, ЧССР и ПНР. К числу новых форм экономических отношений Канады с социалистическими странами, получивших

Динамика товарооборота Канады со всеми социалистическими странами (млн. долл.)

	1971	1973	1975	1977	1978	1979	1980	1981	1982
Товарооборот	578,2	1 000,9	1 566,1	1 543,2	2 050,5	2 654,4	4 023,6	4 565,4	4 669,1
Индекс товарооборота (1971 = 100)	100	173	271	267	355	459	696	790	808
Экспорт	456,3	788,0	1 250,2	1 205,2	1 643,4	2 053,3	3 404,9	3 798,0	4 128,9
Импорт	121,9	212,9	315,9	341,7	407,1	601,1	618,7	767,4	540,2
Сальдо	334,4	575,1	934,3	863,5	1 236,3	1 452,2	2 786,2	3 030,6	3 588,7

С о с т а в л е н о п о: Summary of External Trade. Statistics Canada, за соответствующие годы.

в эти годы наиболее широкое развитие, относится кредитно-финансовое сотрудничество.

Реализация многих видов нетрадиционных связей остается пока делом будущего. Слабость финансовой базы канадских компаний, их высокая технологическая зависимость от США и относительно небольшие масштабы заграничной предпринимательской деятельности препятствуют заключению Канадой крупномасштабных сделок в области промышленного сотрудничества с социалистическими странами. Зависимость канадской экономики от американской заставляет канадцев ориентироваться в отношениях с социалистическими странами на краткосрочные формы экономического сотрудничества с целью минимизации риска в случае очередных непредсказуемых поворотов вашингтонской политики. Это неудивительно, если принять во внимание тот факт, что в случае экстратерриториального применения различного рода «экономических санкций» США в первую очередь подвергаются опасности интересы именно канадских фирм, наиболее тесно связанных с американским капиталом.

В 70 — начале 80-х годов была заложена хорошая основа для широкомасштабного и комплексного развития долгосрочных экономических связей Канады со странами социализма. Активизация сотрудничества Канады с Советским Союзом и другими странами социализма явилась существенным вкладом в процесс разрядки и развитие экономических отношений Восток — Запад. Наряду с этим она стала одним из важных элементов в борьбе за укрепление экономической самостоятельности страны, за ее адекватное место в системе мировых хозяйственных связей.

ГЛАВА IX

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

1. Особенности социально-экономической и политической борьбы

В центре внутривнутриполитической жизни Канады с первой половины 70-х годов постоянно находятся такие проблемы, как инфляция, безработица, национальный вопрос, кризис конфедерации в целом. Попытки решать эти сложные острые проблемы предпринимала либеральная партия *, правительство которой непрерывно находилось у власти все эти годы, за исключением девяти месяцев в 1979—1980 гг. Поставив своей целью обеспечение устойчивых темпов экономического развития, либералы еще в 60-х годах избрали в соответствии с кейнсианской теорией политику дефицитного финансирования в качестве средства достижения этой долгосрочной цели. К концу 60-х годов такой курс, усугубив инфляционные процессы в экономике, привел к росту цен до 4,6 % в год ¹, и либералы перешли к дефляционным мерам, замедляющим развитие экономики, результатами чего явились, естественно, значительный рост безработицы, снижение жизненного уровня трудящихся слоев населения. Как следствие, влияние либеральной партии в стране стало падать.

В начале 70-х годов правительство снова прибегло к стимулированию экономического роста. Эта мера, однако, не принесла ожидаемого увеличения занятости, но вновь подстегнула инфляцию, которая уже в 1972 г. превзошла максимальный уровень предыдущих лет. В период экономического кризиса 1974—1975 гг. рост цен на потребитель-

* Партия относительно умеренных кругов крупного капитала страны, тесно связанная с национальной буржуазией обрабатывающих отраслей промышленности, мелкой и средней буржуазией крупных городов. На протяжении всей истории Канады соперниками либералов в борьбе за власть были консерваторы — партия правого крыла правящего класса, ориентирующаяся главным образом на буржуазию горнодобывающих отраслей, аграриев и население мелких городов. На федеральной арене действует также Новая демократическая партия (партия типа социал-демократических партий Западной Европы), опирающаяся на профсоюзы, мелкобуржуазные городские слои.

ские товары приобрел опасный характер, достигнув двузначной цифры. Одновременно с усилением инфляции росла безработица, что продемонстрировало неэффективность применявшихся до этого методов государственно-монополистического регулирования канадской экономики. В конце 1975 г. правительство П. Трюдо ввело в качестве антиинфляционной меры государственный контроль над ценами и доходами, однако на практике объявленные ограничения применялись прежде всего против роста заработной платы рабочих и служащих. После снижения в 1976 г. до предкризисного уровня темпы роста цен снова стали увеличиваться² (см. также гл. VI).

С середины 1980 г. в канадской экономике начался новый кризис, самый глубокий после 30-х годов. В июле 1981 г. рост дороговизны достиг почти 13 %. Только к концу 1982 г. темпы инфляции стали впервые за два с половиной года ниже 10 %³.

Что касается безработицы, то в 70-х годах Канада продолжала «удерживать» незавидное первое место среди развитых капиталистических стран по ее уровню. Экономический кризис 1974—1976 гг. привел к дальнейшему росту массовой безработицы до масштабов, не наблюдавшихся с 1961 г. В 1977 г. летом она достигла уровня, которого страна не знала со времен «великого кризиса» 30-х годов, — более 9 % трудоспособного населения. При этом сильнее всего страдала молодежь в возрасте до 25 лет — она составляла более половины не имевших работы. Подобный хронически высокий уровень безработицы свидетельствовал о бессилии современного капиталистического государства обеспечить занятость трудящихся. В 1980 г. безработица приняла невиданные размеры, достигнув к концу 1982 г. почти 13 %. Весной 1983 г. ее масштабы не уменьшились — без работы продолжало оставаться без малого 1,5 млн. человек⁴ (см. также гл. VI).

Сочетание массовой безработицы и обостряющейся инфляции вело к ухудшению жизненных условий трудящихся масс. Рост дороговизны обесценивал канадский доллар, что означало соответствующее падение покупательной способности доходов работающих. По данным крупнейшего профсоюзного объединения страны Канадского рабочего конгресса (КРК), за один 1973 г. инфляция «съела» все результаты борьбы профсоюзов за повышение заработной платы в течение двух предыдущих лет⁵. Более того, в 1973—1974 и 1980—1982 гг. в Канаде происходило снижение реальной заработной платы. В итоге наблюдалось

падение доли совокупной заработной платы в национальном доходе, тогда как доля прибылей корпораций в нем увеличивалась. Что же касается той части населения, которая получает так называемый фиксированный доход (пенсии, пособия), то ее покупательная способность за 1970—1978 гг. упала в результате инфляции наполовину.

Значительный ущерб интересам трудящихся наносили меры «бюджетной экономии», проводившиеся федеральными и провинциальными правительствами под флагом борьбы с инфляцией. Замедление роста государственных расходов в 1975—1977 гг. и сокращение их доли в национальном доходе происходили за счет ограничения ассигнований на пособия по безработице, медицинское обслуживание, программы общественных работ и т. д. Отражая растущие требования предпринимателей, федеральное правительство во второй половине 70-х годов проводило, в частности, неоднократную реорганизацию системы страхования по безработице, ужесточая условия получения пособий с целью сокращения численности лиц, имеющих на него право. Однако «бюджетная экономия» не распространялась в эти годы на военные расходы. Именно в конце 1975 г. правительство П. Трюдо приняло долгосрочную программу перевооружения канадской армии, и прямые ассигнования на военные цели стали быстро расти (см. гл. VII). Прямая связь между наращиванием военных расходов и усилением инфляции при этом игнорировалась.

Обострение социального неравенства в канадском обществе, малоэффективность мероприятий, проводимых федеральными, провинциальными и местными властями по борьбе с дороговизной и обеспечению занятости, вызывали естественный рост недовольства среди трудящихся и толкали их на борьбу в защиту своих жизненных интересов. Следствием этого явился бурный подъем профсоюзного движения, который представляет собой одну из важнейших особенностей внутриполитической обстановки в Канаде с начала 70-х годов.

Быстро увеличивалась общая численность организованных рабочих и служащих. По темпам роста своих рядов за последнее десятилетие канадские профсоюзы занимают одно из первых мест среди профсоюзов развитых капиталистических стран, значительно опережая в этом отношении соседние Соединенные Штаты. К началу 1981 г. профсоюзы Канады насчитывали 3,4 млн. членов, 37,4 % всех несельскохозяйственных рабочих и служащих (в конце второй мировой войны этот показатель составлял 24 %, в 1970 г. —

34 %⁶). Из них 68,5 % (2,3 млн.) принадлежали к крупнейшему профсоюзному центру страны — Канадскому рабочему конгрессу (КРК), который был создан в 1956 г. Около 190 тыс. человек (примерно 6 %) входили в Конфедерацию национальных профсоюзов (КНП), объединяющую в первую очередь франкоканадских трудящихся провинции Квебек⁷. Остальные — примерно $\frac{1}{4}$ всех организованных рабочих и служащих — входили в независимые профсоюзы.

Наивысшая степень профессиональной организованности была достигнута в государственном аппарате, затем следовали строительство, транспорт, складское хозяйство и связь, обрабатывающая и лесная промышленность. Заметно отставали по этому показателю сфера обслуживания, торговля и особенно финансовые и страховые учреждения. Бурный рост профсоюзов служащих государственного сектора привел к тому, что во второй половине 70-х годов на первое место по численности вышли Канадский союз государственных служащих (муниципальные службы) и Союз работников государственных служб (провинциальные службы), а крупнейший до этого Объединенный профсоюз сталелитейщиков стал занимать третье место.

Особенностью профсоюзного движения Канады последнего десятилетия является небывалая активность профсоюзов «белых воротничков», долгие годы известных своей пассивностью, уклонением от совместных действий с другими профсоюзами. Другая отличительная черта деятельности профсоюзов заключается в росте влияния трудящейся молодежи. Это неудивительно, если учесть, что именно молодежь была одной из главных жертв экономической и социальной политики властей, особенно тяжело страдала от безработицы, инфляции, дороговизны жилищного строительства, роста квартирной платы и т. д. Свойственные молодежи боевитость и бескомпромиссность в этих условиях оказали заметное влияние на всю деятельность профсоюзов, на их борьбу за права трудящихся.

Небывалый рост дороговизны и хронически высокий уровень безработицы, ограничение государственных расходов на социальные нужды, принудительный контроль над заработной платой — все это вело к углублению социальных противоречий в стране. Обострение конфликта между трудящимися и предпринимателями находило свое выражение прежде всего в подъеме забастовочного движения, по интенсивности которого среди развитых капиталистических стран Канада с 60-х годов уступала только Италии.

Забастовочная борьба

	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981
Число забастовок . . .	542	569	598	724	1 218	1 171	1 039	803	1 058	1 050	1 028	1 048
Число бастовавших, тыс. человек . . .	262	240	706	348	581	506	1 571	218	402	463	441	338
Длительность забастовок, тыс. человеко-дней	6 540	2 867	7 754	5 776	9 222	10 909	11 610	3 308	7 393	7 834	8 975	8 878

Источник. Strikes and Lockouts in Canada. 1981, Ottawa, 1982, p. 7.

И по форме, и по содержанию забастовки последнего десятилетия обладают рядом особенностей. Значительно изменился состав бастующих: среди них растет доля служащих, учителей, инженерно-технического и среднего медицинского персонала, лиц свободных профессий. «Белые воротнички» бастуют дружно, нередко применяют только им свойственные виды стачек, такие, как массовый уход в отставку или невыход на работу «по болезни». Именно профсоюзы «белых воротничков» стали прибегать к такой форме борьбы, как всеобщая забастовка, в которой принимают участие все трудящиеся данной профессии целой провинции или даже всей страны. Подобные действия затрагивают интересы значительной части населения и сразу же ставят требования бастующих в центр внимания общественной и политической жизни.

Содержание требований забастовщиков носит в основном по-прежнему экономический характер. Постоянная инфляция вызвала к жизни стремление профсоюзов при заключении коллективных договоров добиваться включения статьи об автоматическом увеличении зарплаты пропорционально росту дороговизны. Примерно с середины 70-х годов бастующие настойчиво добиваются получения гарантий занятости при введении технологических новшеств. Профсоюзы государственных служащих, защищая экономические интересы своих членов, многие категории которых долгие годы принадлежали к низкооплачиваемым, вступают при этом в конфликт с буржуазным государством. Его классовый характер в такие моменты раскрывается особенно полно, а забастовки приобретают также и политическое значение.

Перед лицом усиливающегося забастовочного движения большой бизнес Канады постоянно «совершенствует» приемы и методы обеспечения сохранности своих прибылей. Как никогда широко, против бастующих и их профсоюзов применяется сеть частных осведомителей, штрейкбрехеры, поставляемые специализированными фирмами группы военизированных охранников. Филиалы и дочерние компании иностранных фирм опираются в случае забастовки на прямую и косвенную поддержку со стороны своих материнских фирм. В последние годы учащаются случаи, когда в ответ на забастовку штаб-квартира ТНК закрывает канадское предприятие и переводит производство в другую страну с более дешевой рабочей силой или более покладистыми профсоюзами. Канадские монополистические круги используют послушные им буржуазные органы массовой

информации для ведения изощренной антипрофсоюзной и антизабастовочной пропаганды. Профсоюзы обвиняются в том, что их якобы завышенные требования являются главной причиной инфляции, что организованное в профсоюзы меньшинство рабочих и служащих добивается для себя повышения материального уровня за счет остальных трудящихся, составляющих большинство работающих по найму, а также за счет таких неорганизованных групп населения с низкими доходами, как пенсионеры и им подобные. Все более широкое участие в забастовочном движении быстро растущих профсоюзов непроизводственной сферы привело к тому, что такие крупнейшие объединения предпринимателей, как Канадская ассоциация промышленников и Канадская торговая палата, потребовали аннулировать право государственных служащих на забастовку и привлекать к суду профсоюзы, которые забастовками наносят ущерб частному бизнесу, лишая его «общественных услуг».

О силе забастовочного движения в Канаде, его масштабах и остроте свидетельствует такой показатель, как все более активное государственно-монополистическое регулирование трудовых отношений. За последнее десятилетие центральные и местные органы государственной власти помимо непосредственного участия в растущей конфронтации с профсоюзами государственных служащих все чаще осуществляли прямое вмешательство в трудовые конфликты в частном секторе. Например, федеральный парламент только в 1973—1975 гг. принимал законы о прекращении самых крупных забастовок шесть раз, тогда как за все 60-е годы — лишь однажды. Следует отметить, что степень вмешательства государства в трудовые конфликты возрастает, федеральное правительство не ограничивается их передачей на принудительный арбитраж, но все чаще навязывает бастующим детальное урегулирование. Власти провинций также не колеблясь используют законодательные акты для прекращения забастовок, в первую очередь крупных. К этому нужно добавить, что одновременно органы власти, особенно провинциального уровня, не прекращают своей «обычной» деятельности в области трудового законодательства, постоянно дополняя его новыми законами, часть которых в прогрессивных кругах характеризуется как прямая угроза самому существованию профсоюзов.

Дело в том, что, согласно конституции Канады, регулирование труда и трудовых отношений относится почти

исключительно к компетенции провинций. В результате канадское рабочее законодательство представляет собой весьма сложную систему, состоящую из федерального и десяти провинциальных законодательств. Не трудно вообразить, с какими трудностями сталкиваются в силу этого профсоюзы, действующие не в одной, а в нескольких и тем более во всех провинциях (транспортников, связистов и т. п.), когда им необходимо организовать одновременные выступления своих членов, и прежде всего забастовки.

В последние годы росло стремление предпринимателей и федерального правительства превратить профсоюзы в послушную составную часть системы государственно-монополистического регулирования отношений между трудом и капиталом. Потерпев неудачу в конце 60-х годов при попытке получить от профсоюзов согласие на рекомендованное правительством ограничение роста заработной платы 6 % в год, либералы стали добиваться привлечения профсоюзов к участию вместе с представителями бизнеса и правительства в деятельности различных консультативных органов типа Совета по трудовым отношениям, созданного весной 1975 г. на федеральном уровне. Однако подобные меры по налаживанию механизма классового сотрудничества не принесли осязаемых результатов — забастовочное движение не только не ослабевало, но, впервые в фазе кризиса в экономике, продолжало усиливаться. В 1974 г. число человеко-дней, потерянных в ходе забастовок, выросло по сравнению с предыдущим годом на 60 %, в 1975 г. — еще на 18 %⁸. Именно в эти годы многим профсоюзам удалось добиться прибавок к заработной плате, компенсирующих и даже превышающих текущее повышение стоимости жизни. Предприниматели категорически требовали от правительства принять меры по сдерживанию роста зарплат.

В этой обстановке правительство П. Трюдо ввело 13 октября 1975 г. государственный контроль над ценами и доходами, хотя еще летом предыдущего года в ходе подготовки к всеобщим выборам либералы убедительно доказывали избирателям неэффективность такого метода борьбы с инфляцией, предложенного консервативной партией. Решение правительства свидетельствовало о кризисе сложившейся системы государственно-монополистического регулирования труда. Фактически предопределяя заранее исход борьбы между профсоюзами и предпринимателями, государственный контроль разрушал существовавшую систему коллективно-договорных отношений.

Как и следовало ожидать, профсоюзы выступили против этого решения и заявили о своем намерении добиваться досрочной отмены контроля. Состоявшийся в мае 1976 г. XI съезд КРК уполномочил Исполком Конгресса использовать для достижения этой цели все возможные формы протеста вплоть до всеобщей забастовки. Раскрывая антирабочую направленность нового закона, Генеральный секретарь Компартии Канады У. Каштан указывал на то, что действие контроля не распространяется на квартирную плату, цены на продукты питания, импортные товары, источники энергии, на землю, доходы розничных и оптовых торговцев и оставляет под контролем фактически только заработную плату и жалование наемных лиц⁹. Жизнь подтвердила правильность этой оценки. В то время как случаи повышения цен проходили, как правило, «незамеченными» Антиинфляционным управлением, оно срезало повышение зарплаты в сотнях коллективных договоров, заключавшихся профсоюзами с предпринимателями.

В соответствии с решением XI съезда КРК Исполком организовал в годовщину введения контроля над зарплатой, 14 октября 1976 г., «день протеста», который явился первой в истории Канады всеобщей политической забастовкой. В ней участвовало более 1 млн. человек, включая членов Конфедерации национальных профсоюзов. Таким образом, борьба профсоюзов все больше приобретала политический характер. Однако этот процесс тормозился правыми лидерами в руководстве как самого КРК, так и ряда входящих в него союзов. Что же касается правительства, то и после отмены контроля (апрель 1978 г.) оно продолжало проводить политику косвенного ограничения роста заработной платы трудящихся и одновременно вновь пыталось внедрить в практику своих взаимоотношений с профсоюзами идеи и формы классового сотрудничества (о чем будет сказано далее).

Летом 1982 г. в разгар самого тяжелого после войны экономического кризиса либералы ввели принудительное ограничение роста заработной платы работающих в государственных учреждениях и на предприятиях федерального подчинения — 6 % в первый и 5 % во второй год действия закона. При этом правительство призвало представителей частного сектора поддержать эту программу. Вскоре аналогичные антипрофсоюзные меры приняли правительства всех провинций, кроме Манитобы, где у власти находились новые демократы. Профсоюзы категорически осудили это наступление на жизненный уровень трудя-

щихся, но в условиях растущей массовой безработицы не смогли дать ему действенный отпор.

Это неудивительно, если учесть, что в ходе своего развития профсоюзное движение Канады сталкивается с рядом проблем организационного и политического характера. Прежде всего это проблема организационного единства трудящихся. До сих пор профсоюзами не охвачено более 60 % рабочих и служащих вне сферы сельского хозяйства, занятых главным образом на мелких предприятиях. Слабо организованы трудящиеся женщины, служащие частного сектора, особенно в сфере обслуживания. Внутри организованной части рабочих и служащих наблюдается раздробленность, берущая начало в цеховом построении профсоюзов при их возникновении. До настоящего времени в Канаде отсутствует единый профсоюзный центр.

Такая разобщенность является серьезной помехой в борьбе трудящихся за свои права. Но преодолению ее препятствуют прежде всего тесные организационные связи канадского профсоюзного движения с профсоюзами США. Еще в середине 70-х годов более половины всех организованных рабочих и служащих Канады принадлежало к так называемым межнациональным, а вернее, американо-канадским профсоюзам, штаб-квартиры которых находились в США. Канадцы составляли всего 7 % общей численности таких союзов, а их деятельность определялась уставами, которые подчиняли канадцев американскому руководству. Для ликвидации организационной раздробленности профсоюзов внутри какой-либо отрасли путем слияния нескольких канадских отделений разных межнациональных союзов необходимо согласие центрального руководства этих союзов, которое дается очень редко.

Отделения межнациональных профсоюзов долгое время доминировали в КРК, составляя больше половины общей численности Конгресса, а их представители играли ведущую роль на съездах КРК, определяли состав и политику его руководства, выступая на его правом крыле и сдерживая рост профсоюзного движения страны. Представители межнациональных профсоюзов, в частности, многие годы тормозили вовлечение служащих в профсоюзы, с основанием опасаясь, что организация служащих, которые объединялись в основном в чисто канадские, национальные союзы, приведет к падению влияния межнациональных союзов внутри КРК и к утрате их лидерами руководящего положения как в Конгрессе, так и в канадском профсоюзном движении в целом.

Межнациональный юнионизм в Канаде — явление сложное. На этапе своего возникновения в XIX в. и неоднократно впоследствии он давал канадским трудящимся возможность опираться в борьбе против произвола отдельных предпринимателей, а затем и монополий на опыт и поддержку мощных профсоюзов США. Но по мере развития профсоюзного движения в Канаде и углубления канадо-американских противоречий стали все очевиднее проявляться и негативные стороны организационного «континентализма». В 70-х годах, в частности, обострилась проблема распределения занятости между обеими странами. Американское руководство межнациональных профсоюзов, например, одобрило введение президентом США в августе 1971 г. 10 %-ной импортной пошлины, которая больно ударила по Канаде как крупнейшему экспортеру на рынке США. Затем лидеры профцентра АФТ — КПП, объединяющего большинство межнациональных профсоюзов, которые имеют отделения в Канаде, оказались активными участниками разработки законопроекта Бёрка — Хартке, принятие которого угрожало рабочим местам 300 тыс. канадцев, в связи с чем КРК подверг АФТ — КПП резкой критике. Во второй половине 70-х годов, когда конкурентная борьба на американском и мировых рынках обострилась, руководство АФТ — КПП стало во главе кампании за максимальное ужесточение протекционизма в США, что также непосредственно угрожало занятости в Канаде.

Случаев, когда американские лидеры межнациональных профсоюзов игнорировали в своей деятельности интересы канадского меньшинства, много. Так, руководство Объединенного профсоюза сталелитейщиков заключило с 10 крупнейшими сталеплавильными компаниями США пакт, который предусматривал отказ от забастовок в течение 3 лет. Канадские отделения, с которыми американские профлидеры не посчитались, выразили свое категорическое несогласие с таким решением, грозившим оказать отрицательное влияние на исход их переговоров с предпринимателями в Канаде.

Область организационного роста и сплочения канадского рабочего движения и область распределения занятости не были единственными, где интересы канадских трудящихся и действия правых лидеров АФТ — КПП, ряда межнациональных профсоюзов расходились. Представители межнациональных профсоюзов являлись верной опорой правого крыла профсоюзного движения Канады, активно препятствовали его радикализации. Формально уставы

большинства межнациональных профсоюзов запрещают их членам принадлежать к политическим партиям. В США это не мешает реакционной верхушке АФТ — КПП оказывать поддержку представителям партий крупного капитала, одновременно тормозя развитие самостоятельной политической деятельности американских профсоюзов. В Канаде же эти уставные положения находятся в резком противоречии с многолетней практикой многих профсоюзов КРК, которые официально поддерживают Новую демократическую партию (НДП), входят в нее на правах коллективных членов, оказывают ей финансовую поддержку и принимают участие в избирательных кампаниях НДП.

В целом канадское профсоюзное движение занимает более левые позиции, особенно по вопросам внешней политики, чем американская профсоюзная верхушка. Отражая настроения своих рядовых членов, КРК в отличие от АФТ — КПП, неоднократно выступал с осуждением гонки вооружений, особенно ядерных, войны во Вьетнаме, режима Франко, белых расистов Родезии, политики апартеида в ЮАР, фашистской хунты в Чили, высказывался в поддержку политики разрядки международной напряженности и мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Он потребовал от правительства отвергнуть милитаристскую «доктрину Картера», отказаться от многомиллиардных затрат на перевооружение канадской армии, направив эти средства на жилищное строительство и борьбу против безработицы; осудил политику президента Картера, объявившего о бойкоте Олимпиады в Москве; решительно выступил против участия Канады в НАТО и НОРАД, против пропагандистской истерии, раздувавшейся буржуазными средствами массовой информации вокруг событий в Иране и Афганистане. Сказанное не означает, что правое крыло КРК, опирающееся на представителей межнациональных союзов, которые в своем большинстве разделяют позиции руководства АФТ — КПП, сдает свои позиции. На XV съезде КРК в 1982 г. правые вначале вынуждены были отступить при обсуждении внутриэкономического положения. Принятые съездом решения по этому вопросу носили боевой, классовый характер. что было прямой противоположностью тому, к чему призывали членов своих профсоюзов лидеры АФТ — КПП. Тогда правые сконцентрировали свои усилия на международных вопросах, обсуждавшихся под занавес работы съезда. и сумели протащить блок резолюций, означавших отступление от прежних позитивных позиций. Положение в Польше,

Сальвадоре, Никарагуа, Южной Африке, на Ближнем Востоке, в Афганистане, причины гонки вооружений — в оценке всех этих вопросов сквозило стремление авторов соответствующих резолюций обелить империалистическую политику Вашингтона и его союзников и, наоборот, очертить политику Советского Союза.

В отличие от позиции АФТ — КПП, лидеры которой многие годы препятствовали развитию связей американских профсоюзов с профсоюзами СССР и других социалистических стран, съезд КРК в 1972 г. принял решение в пользу восстановления подобных связей, прерванных в период «холодной войны». Сначала контакты между советскими и канадскими профсоюзами были возобновлены на уровне отраслевых объединений, а в 1975—1976 гг. был осуществлен обмен официальными делегациями между ВЦСПС и КРК¹⁰. Однако затем правым удалось навязать КРК линию руководства АФТ — КПП и Международной конфедерации свободных профсоюзов (МКСП) на разжигание враждебного отношения к профсоюзам Советского Союза, используя в качестве предлога для этого события в Афганистане и Польше. Эта линия встречала растущее сопротивление среди низовых организаций КРК. В ноябре 1982 г. съезд крупнейшей в КРК Федерации труда Онтарио призвал руководство КРК возобновить братские связи между профсоюзами двух социальных систем.

Обострение разногласий и противоречий по важным организационным, экономическим и политическим вопросам между американским и канадским профсоюзами послужило основой развернувшегося в 70-х годах движения за автономию канадских отделений межнациональных профсоюзов, а в ряде случаев и за полную их независимость. Съезды КРК в 1970 и 1974 гг. специально рассматривали этот вопрос и утвердили «минимум показателей автономии» для входящих в него отделений межнациональных союзов. Руководство многих межнациональных профсоюзов, прежде всего цеховых, проводящее политику «делового юнионизма» и «социального партнерства», категорически отказалось удовлетворить требования канадцев. Вначале штаб-квартиры 20 межнациональных союзов пытались добиться отмены решений КРК, прекратив перевод в кассу КРК отчислений от канадской части членских взносов. Убедившись в безрезультатности своих действий, правое руководство этих союзов взяло курс на раскол КРК, прикрывая свои подлинные намерения кампанией антикоммунизма.

Упорное сопротивление американских правых профлидеров привело к выходу канадских отделений из целого ряда межнациональных союзов и образованию национальных канадских профсоюзов служащих железных дорог и авиалиний, работников бумажной промышленности и др. В ряде других случаев процесс достижения канадскими отделениями полной автономии проходил без организационного разрыва. Быстрый рост национальных профсоюзов в непроизводственной сфере и «канадизация» отделений ряда межнациональных профсоюзов производственной сферы привели к тому, что в 1978 г. межнациональные профсоюзы объединяли в Канаде уже менее половины (47 %) организованных трудящихся. Утратили эти профсоюзы и былую степень влияния на КРК, где контроль над его общей и конкретной политикой все больше переходит, подчас вопреки воле лидеров Конгресса, в руки национальных союзов.

Борьба за самостоятельность канадского профсоюзного движения — процесс неоднозначный. С одной стороны, эта борьба направлена против засилья реакционного руководства американско-канадских профсоюзных объединений и поэтому содействует развитию классового сознания канадских трудящихся, эффективности их выступлений за свои экономические и политические интересы. С другой стороны, как подчеркивают представители левых кругов профсоюзного движения Канады, эта борьба таит в себе опасность сползания на националистические позиции. Выступления против межнациональных профсоюзов, как таковых, могут увести канадские профсоюзы от понимания политического, классового смысла движения за автономию, может возникнуть угроза подрыва исторических связей солидарности и единства действий между трудящимися обеих стран в их борьбе против общего врага — транснациональных монополий, контролируемых, как правило, американским крупным капиталом.

Нерешенность проблемы организационного единства движения во многом связана с сохранением его разобщенности по национальному признаку. Неудача переговоров между КРК и КНП об объединении не является неожиданным. В руководстве КРК и среди рядовых членов входящих в Конгресс профсоюзов англоговорящих провинций все еще сильны шовинистические настроения, нежелание видеть во франкоканадцах такую же нацию, как и англоканадская. В свою очередь среди франкоканадцев — членов КНП, которые находятся под заметным

влиянием националистических идей, глубоко укоренилось недоверие к англоканадским профсоюзам и особенно их лидерам.

Усиление в 70-х годах сепаратистских настроений в Квебеке способствовало заметному росту влияния франкоканадского буржуазного национализма на КНП. Это профобъединение поддерживало просепаратистскую Квебекскую партию, а после ее прихода к власти в ноябре 1976 г. — правительства этой партии. В целом же сдвиг квебекских профсоюзов влево, укрепление классового самосознания их членов проходили значительно быстрее, чем в англоканадских профсоюзах. В 1972 г. быстрое полевение КНП в условиях подъема забастовочного движения в провинции вызвало резкое противодействие со стороны правых элементов внутри Конфедерации, которые осуществили раскол КНП и создали свой собственный профцентр. Раскол затормозил, но не остановил процесс дальнейшей радикализации рядовых членов КНП, среди которых все большую поддержку находила, в частности, идея создания самостоятельной политической партии рабочих. Эта идея получила высокую оценку в прогрессивных кругах Квебека. Она остается нереализованной из-за противодействия сторонников Квебекской партии и правых в руководстве Конфедерации.

В целом руководство КНП занимает более левые позиции по сравнению с лидерами КРК. Разрыв в уровне политической зрелости профдвижения англоговорящих провинций и Квебека представляет собой серьезное препятствие на пути к организационному и политическому единству канадского профсоюзного движения. Следует отметить, что в последние годы в КРК происходят позитивные сдвиги в отношении к движению франкоканадцев за свое полное равноправие с англоканадцами и национальное самоопределение. Съезд КРК в 1978 г. принял резолюцию о праве народа Квебека решать свою судьбу без постороннего вмешательства. В 1980 г. на очередном съезде КРК эта позиция была подтверждена, что является принципиально важным успехом демократического крыла канадского профсоюзного движения.

Решение проблемы национальной автономии и организационного единства профсоюзов Канады затруднено рядом обстоятельств. Влияние традиций гомперсизма, носителями которых были межнациональные союзы, а также политика подкупа верхушки рабочего класса, которую канадская буржуазия могла себе позволить в условиях

относительно благополучного развития экономики страны после второй мировой войны, привели к тому, что большинство трудящихся остается под влиянием буржуазной идеологии. На трех всеобщих выборах в 1974, 1979 и 1980 гг. основные буржуазные партии — либеральная и консервативная — получили соответственно 78, 76 и 77 % голосов, тогда как Новая демократическая партия, несмотря на официальную поддержку со стороны КРК, — 15 % в 1974 г., 18 % в 1979 г. и 20 % в 1980 г. (см. табл. 37). Медленный рост поддержки НДП в обстановке экономического кризиса и послекризисного застоя в экономике, галопирующей инфляции и неослабевающей массовой безработицы объясняется, помимо вышеперечисленных причин, политикой правого руководства канадских социал-демократов, которое упорно нацеливает предвыборные кампании партии на те же «средние» слои избирателей, которые традиционно оказывают поддержку либералам.

В условиях обострения социальных противоречий в Канаде происходит усиление политического влияния самих профсоюзов. Особенно отчетливо это проявилось после введения в 1975 г. государственного контроля над доходами. В то время как федеральное руководство НДП выступило с критикой этого шага правительства либералов, правительства социал-демократов, стоявшие в то время у власти в провинциях Британская Колумбия, Манитоба и Саскачеван, поддерживали антирабочее законодательство, что, естественно, подрывало авторитет партии в глазах трудящихся. Консерваторы, которым принадлежало «авторство» на идею введения контроля, ограничивались критикой действия либералов с трибуны парламента. В такой обстановке Канадский рабочий конгресс быстро превратился в фактический центр и основную силу активной политической оппозиции правительству. Следует при этом, однако, добавить, что решающую роль в принятии руководством КРК решений о проведении «дня протеста» и о других конкретных действиях против контроля сыграло давление, оказанное на лидеров Конгресса его низовыми организациями и в конечном счете рядовыми членами профсоюзов.

Наиболее полно позиция руководства КРК была сформулирована в принятом съездом КРК в 1976 г. «Манифесте», подготовленном Исполкомом Конгресса. Наряду с критикой правительства П. Трюдо и монополий этот документ содержал план трехстороннего сотрудничества с ними при условии отмены контроля над заработной платой. Канадские коммунисты указывали, анализируя содержа-

ние «Манифеста», что, как показывает опыт ФРГ и других стран «Общего рынка», подобный план трехстороннего сотрудничества может быть сведен социал-демократами из КРК к классовому сотрудничеству¹¹.

Вскоре после съезда идея «трипартизма» была отвергнута рядом влиятельных профсоюзов КРК. Тем не менее лидеры Конгресса упорно пытались ее осуществить. Однако в ходе неоднократных совещаний представителей бизнеса, правительства и профсоюзов стало ясно, что правительство не пойдет на уступки в том, что касается судьбы государственного контроля над заработной платой, и соглашательская линия правых деятелей КРК потерпела крах. На следующем съезде, в 1978 г., руководство КРК снова протало идею социального сотрудничества в виде предложений о создании Управления рынка рабочей силы из представителей бизнеса, правительства и профсоюзов, что свидетельствовало о значительном влиянии в профсоюзном движении страны социал-реформистских представлений, тормозящих рост классового сознания канадского рабочего класса. После возвращения либералов к власти в 1980 г. попытки навязать рабочему движению страны какой-то вариант «трипартизма» возобновились. В начале 1984 г. лидеры КРК приняли предложение правительства участвовать в создаваемом трехстороннем Канадском центре по вопросам рынка рабочей силы и производительности.

Препятствием на пути развития рабочего движения Канады является отсутствие единства действий социал-демократов и коммунистов, к которому много лет призывает компартия. Подобное положение, существующее по вине правого руководства НДП, ослабляет позиции рабочего класса в экономической и политической борьбе в стране.

И наоборот, укреплению и активизации канадского рабочего движения, упрочению единства рабочего класса, всех демократических сил страны посвящена деятельность Коммунистической партии Канады. Основанная в подполье в 1921 г., компартия неизменно находится в авангарде борьбы трудящихся за свои жизненные интересы, против всевластия монополий и транснациональных корпораций, за ликвидацию господства США в канадской экономике и независимость страны, за мирное сосуществование, против угрозы войны.

2. Национальный вопрос

Одной из наиболее острых внутривнутриполитических проблем Канады является национальная, связанная с подъемом движения франкоканадцев провинции Квебек, где они составляют 80 % населения, за свое полное равноправие с господствующей нацией страны — англоканадцами. Дело в том, что после перехода Канады от Франции к Англии по Парижскому договору 1763 г. политическая власть сосредоточилась в руках англоговорящей верхушки канадского общества, а франкоканадцы, за редким исключением, были отстранены от участия в управлении страной. Сохранившиеся долгое время в Квебеке пережитки феодализма привели к тому, что господствующие позиции в экономике провинции захватили американские и англоканадские капиталисты. Франкоканадцам принадлежат главным образом предприятия легкой промышленности и сферы обслуживания, которые еще в первой половине 70-х годов давали всего 15 % стоимости промышленной продукции Квебека. Длительное засилье католической церкви в духовной жизни франкоканадцев имело одним из результатов отсталость системы образования, которая не удовлетворяла потребности быстрого промышленного развития Квебека после второй мировой войны в технически грамотных кадрах. Вследствие этого франкоканадцам доставалась, как правило, малоквалифицированная и низкооплачиваемая работа. В Квебеке, провинции, богатой природными ресурсами, наблюдается более низкий, чем в среднем по стране, уровень жизни, но более высокий — смертности, уровень безработицы — значительно выше, особенно в сравнении с соседней провинцией Онтарио.

Индустриализация Квебека, подстегнутая спросом на сырье и промышленную продукцию в годы второй мировой войны, бурно продолжалась в 50—60-х годах. Происходил быстрый рост городов, увеличивалась численность мелкой франкоканадской буржуазии, которая все активнее выражала недовольство господством американского и англоканадского капитала. В ее среде получали все более широкое распространение националистические идеи, желание использовать против своих англоговорящих конкурентов государственный аппарат провинции. Большие надежды возлагались этими слоями на приход к власти в 1960 г. провинциальной либеральной партии, которая стала осуществлять программу, получившую название «тихой революции» и направленную на устранение пережитков феода-

лизма в жизни Квебека, тормозивших развитие современного капитализма. Либералы провели реорганизацию системы образования, изъяв ее из-под контроля церковников, национализировали электроэнергетику, создали несколько государственных корпораций, усилили роль государства в регулировании экономики. Но затем под давлением монополистических кругов Квебека, усмотревших угрозу своему положению в дальнейшем развитии «тихой революции», она была свернута. Это вызвало новый подъем националистических настроений в провинции, усиление среди франкоканадцев влияния сепаратистских группировок, объединившихся в 1968 г. в Квебекскую партию во главе с бывшим деятелем националистического крыла либеральной партии и министром либерального правительства Р. Левеком.

К концу 60-х годов рост национализма, активизация сепаратистов в Квебеке, доходившая до террористических акций, стали вызывать серьезную обеспокоенность правящих кругов Канады, ее ведущих политических и государственных деятелей, поскольку стоявшее в то время у власти правительство Л. Пирсона оказалось не в состоянии выдвинуть приемлемую для них программу решения квебекского вопроса. Поэтому, когда весной 1968 г. возник вопрос о преемнике Л. Пирсона на постах лидера либеральной партии Канады и премьер-министра страны, им не случайно стал франкоканадец, непримиримый противник квебекского национализма и сепаратизма П. Трюдо, подход которого к решению национальной проблемы выражался его лозунгом «одна нация — одна страна».

Придя к власти, П. Трюдо пытался добиться своей цели — ликвидации угрозы государственной целостности Канады со стороны квебекского сепаратизма, — применяя меры политического, экономического и административного характера. Главные усилия правительства либералов были сосредоточены в культурно-языковой области, что типично для буржуазного подхода к национальной проблеме. В 1969 г. был принят закон об официальных языках, который провозгласил таковыми английский и французский и объявил о равноправном использовании обоих языков в системе ведомств, учреждений и предприятий федеральной сферы ответственности. Районы, где меньшинство, говорящее на одном из официальных языков, составляет 10 % и более, объявлялись «двуязычными». На изучение французского языка государственными чиновниками, а также в школах и университетах были выделены значи-

тельные средства. Для контроля за выполнением принятой программы был создан специальный аппарат комиссара по вопросам двуязычия.

Признавая, что рост недовольства франкоканадцев Квебека вызывается не только их неравноправием в языковой области, П. Трюдо в том же году создал специальное министерство регионального экономического развития, которое получило право распоряжаться крупными ассигнованиями, предназначенными для стимулирования экономического развития отсталых районов. Более половины всех сумм, распределенных этим министерством в последующие годы, было направлено в Квебек. Наконец, П. Трюдо в широких масштабах стал привлекать франкоканадцев на государственную службу в федеральном аппарате, включая его высшие эшелоны, что было призвано наглядно продемонстрировать квебекцам заботу федерального правительства об их равноправии.

Идя на удовлетворение некоторых требований франкоканадцев, П. Трюдо в то же время был готов в случае необходимости сменить «пряник» на «кнут». В Квебеке после провинциальных выборов весной 1970 г., на которых сепаратисты не смогли добиться успеха, снова активизировалась деятельность подпольных террористических групп, входивших во Фронт освобождения Квебека. В октябре того же года террористы похитили английского дипломата, а затем министра труда провинциального правительства и выдвинули ряд условий их освобождения, включая оглашение по радио и телевидению «Манифеста», в котором с националистических позиций критиковалось положение в Квебеке и содержался призыв к свержению «власти англичан». Сам факт похищения вызвал в Квебеке взрыв националистических настроений, особенно среди студентов и интеллигенции. Провинциальное правительство либеральной партии вело переговоры с террористами нерешительно, что отражало отсутствие в нем единства взглядов в отношении возможных ответных мер. Обстановка в провинции, в первую очередь в Монреале и Квебеке, накалялась с каждым днем, авторитет провинциального правительства стремительно падал. Его возможная отставка грозила вызвать политический кризис общеканадских масштабов. В этот момент федеральное правительство П. Трюдо впервые в мирных условиях ввело в действие Закон о мерах военного времени: направило в Квебек войска, предоставило широкие полномочия полиции, которая произвела массовые аресты не столько лиц, подозреваемых

в принадлежности к террористам, сколько наиболее известных и активных франкоканадских националистов. Часть скрывавшихся террористов была обнаружена полицией и отдана под суд, часть получила возможность покинуть Канаду в обмен на похищенного ими англичанина.

Решительное применение силы против терроризма в Квебеке на некоторое время подняло авторитет П. Трюдо в правящих кругах страны, среди англоканадцев, прежде всего в западных провинциях, и среди квебекских обывателей, которых напугали действия террористов, особенно убийство похищенного провинциального министра. Националистически настроенные круги Квебека, осуждая терроризм как метод борьбы за права франкоканадцев, в то же время рассматривали действия П. Трюдо как грубейшее нарушение демократических прав франкоканадцев. Они обоснованно утверждали, что эти действия были предприняты с целью подавления политических противников правительства, а их масштабы не оправдывались реальной обстановкой. В этих кругах усилилась популярность Квебекской партии.

Вместе с тем меры федерального правительства по устранению причин недовольства франкоканадцев своим положением не дали ожидаемых результатов. Как и следовало предполагать, успешное решение национальной проблемы в буржуазном государстве оказалось невозможным. Программа двуязычия была недоброжелательно встречена крупным бизнесом страны, подавляющее большинство представителей которого говорит только по-английски. Особенно враждебное отношение эта программа вызвала на канадском Западе, где наиболее сильны проявления великодержавного англоканадского шовинизма. Упорное сопротивление введению двуязычия в государственных ведомствах и учреждениях оказало англоговорящее чиновничество, не желавшее подвергать себя опасностям новых квалификационных экзаменов. В системе народного образования и в высшей школе темпы внедрения французского языка также оказались значительно ниже намеченных.

В условиях, когда направление развития экономики Квебека (включая географическое его районирование) является результатом индивидуальной деятельности частных корпораций, благие планы министерства регионального экономического развития не могли увенчаться успехом. Несмотря на затрату десятков миллионов долларов из федерального бюджета на подъем экономики слаборазвитых районов провинции, заметного результата это не дало,

что было использовано противниками П. Трюдо для обвинения его в непродуктивной трате государственных средств ради «ублажения французов». Назначение многих франкоканадцев на видные посты в федеральной администрации не только вызывало недовольство англоканадской бюрократии, привыкшей считать высокооплачиваемые государственные должности своей монополией, но и превратило П. Трюдо в мишень для нападок со стороны представителей шовинистически настроенной англоканадской буржуазии, считавшей, что в Оттаве слишком велика «власть французов». Рост недовольства среди англоканадских кругов конкретными мерами федерального правительства по смягчению неравноправия франкоканадцев сказался, в частности, на результатах всеобщих выборов 1972 г., когда П. Трюдо едва удержался у власти. После выборов он проводил дальнейшие мероприятия в этом направлении значительно осторожнее, медленнее и в меньших масштабах.

В свою очередь представители национально-демократических кругов Квебека считали меры П. Трюдо недостаточными. Их малая эффективность и тем более их свертывание после 1972 г. усиливали влияние тех националистов, которые утверждали, что проблемы Квебека в рамках канадской федерации решить нельзя. Позиции федералистов — сторонников сохранения Квебека в составе федерации — ослаблялись также провалом экономической программы правительства провинциальной либеральной партии, обещавшей добиться улучшения материального положения квебекцев на путях сотрудничества с федеральным правительством. В ходе кризиса 1974—1975 гг., который проявился в Квебеке тяжелее, чем в большинстве англоговорящих провинций, особенно пострадали мелкие предприятия и фермы, принадлежащие франкоканадцам. Безработица в провинции не только не рассосалась, а, наоборот, усилилась, достигнув в феврале 1975 г. 10.9 % общей численности рабочей силы (вне сферы сельского хозяйства)¹². Популярность либералов быстро падала, и соответственно росло влияние их главного противника — Квебекской партии.

На провинциальных выборах в ноябре 1976 г. Квебекская партия одержала победу, получив 41 % голосов и 71 место в Национальном собрании Квебека, тогда как либералы — всего 34 % голосов и 26 мест¹³. Лидер партии Р. Левек сформировал правительство Квебека. К власти пришли сепаратисты, хотя во время избирательной кампании на первом плане в их программе фигурировало обеспе-

чение «хорошего управления», а решение вопроса о пребывании Квебека в составе федерации связывалось с проведением специального референдума. Победа квебекских сепаратистов нанесла тяжелый удар по авторитету П. Трюдо как политического деятеля, перечеркнув, казалось, все его усилия по укреплению государственной целостности страны.

Вскоре после прихода к власти Р. Левек объявил о плане проведения обещанного референдума и стал деятельно к нему готовиться. Учитывая, что подавляющее большинство квебекцев не поддерживало идею отделения Квебека от Канады с целью создания самостоятельного государства, Р. Левек выдвинул проект «суверенитет-ассоциация», по которому будущий Квебек обладал бы всеми правами политически суверенного государства и в то же время состоял бы с остальными провинциями Канады в некой экономической ассоциации типа «общего рынка», включая общую валюту и банковскую систему. Несмотря на очевидные противоречия в такой схеме, Квебекская партия упорно уверяла жителей провинции в жизнеспособности «суверенитета-ассоциации».

Реакция представителей англоговорящих провинций на эту идею была единодушно отрицательной: они отказывались вести переговоры с Р. Левеком на такой основе. П. Трюдо также подверг проект Квебекской партии резкой критике, подчеркнув, что, хотя Р. Левек отрицает обвинение в сепаратизме, предложенное им государственное устройство провинции говорит именно о фактическом отделении Квебека. Но вместе с тем премьер-министр Канады отвергал возможность удержания Квебека в составе федерации силой, если внушительное большинство его населения выскажется за выход из нее. П. Трюдо учитывал, что в сложившейся обстановке многое зависело от поведения правительственных и деловых кругов США. Реакция американского крупного бизнеса на победу сепаратистов была негативной. Его не устраивали социал-демократические элементы программы Квебекской партии, намерение национализировать добычу асбеста в провинции, находившуюся в руках корпораций США. Пункт программы о выходе независимого Квебека из НАТО и НОРАД укреплял отрицательное отношение правящих кругов США к новому квебекскому правительству. Р. Левек и его окружение развили большую активность по нейтрализации подобной реакции, многократно выступая перед представителями американского делового мира с заверениями, что победа

Квебекской партии не нанесет ущерба экономическим и военно-политическим интересам США.

В свою очередь П. Трюдо, согласившись на уступки американцам по ряду нерешенных экономических вопросов двусторонних отношений, в ходе официального визита в Вашингтон в феврале 1977 г. добился поддержки президентом США Дж. Картером идеи сохранения Квебека в составе единой Канады. В дальнейшем поддержка позиции правительства П. Трюдо со стороны американской администрации была подтверждена вице-президентом У. Мондейлом и государственным секретарем С. Вэнсом, несмотря на то что уже к лету 1977 г. в программе Квебекской партии осталось лишь положение о «преимущественном участии» провинции в добыче асбеста, а пункт о выходе из НАТО и НОРАД был изъят¹⁴.

Следующий раунд борьбы по вопросу о будущем Квебека между федералистами и сепаратистами был связан с подготовкой и проведением в провинции референдума, обещанного Квебекской партией. Правительство Р. Левека оттягивало его проведение, выигрывая время для широкой пропагандистской кампании и выработки такой формулировки поставленного на голосование вопроса, которая не отпугивала бы колеблющихся. В конечном итоге на референдум был вынесен вопрос о предоставлении правительству Квебекской партии полномочий провести с федеральным правительством переговоры о будущем политическом устройстве провинции. Что же касается возможных односторонних изменений этого устройства, то их осуществление связывалось с обязательным предварительным проведением еще одного референдума по этому конкретному вопросу уже после указанных переговоров с федеральным правительством.

В период подготовки к референдуму противники сепаратистов внутри Квебека группировались вокруг провинциальной либеральной партии, которая выдвинула программу «обновленного федерализма», заключающуюся в основном в расширении области провинциальной юрисдикции путем конституционных переговоров всех членов канадской федерации. П. Трюдо и премьеры англоговорящих провинций в принципе одобрили программу квебекских либералов. При этом премьер-министр Канады дал обязательство начать подготовку к таким переговорам немедленно при условии, что большинство квебекцев отвергнут предложение Квебекской партии добиваться реализации проекта «суверенитет-ассоциация».

В результате референдума, который состоялся 20 мая 1980 г., за предоставление правительству Р. Левека испрашиваемых им полномочий проголосовало 40,5 %, против — 59,5 %¹⁵. Победили, таким образом, сторонники решения квебекской проблемы в рамках федерации. Но итоги референдума не устранили угрозы сепаратизма, а лишь отодвинули ее и поставили будущее Квебека в зависимость от обещанных федералистами конституционных реформ. Это стало очевидным весной 1981 г., когда на очередных выборах в провинциальный парламент вновь победила Квебекская партия.

Стремление П. Трюдо выполнить свои обещания натолкнулось, однако, на большие трудности. Прежде чем вносить какие-либо поправки в конституцию страны, П. Трюдо считал необходимым ликвидировать унижительное для Канады наследие ее колониального прошлого: роль конституции страны играл закон, принятый парламентом Великобритании в 1867 г., — Акт о Британской Северной Америке, любое изменение которого требовало формального обращения в Лондон и получения санкции монарха и парламента бывшей метрополии. П. Трюдо неоднократно предпринимал попытки «патриировать» Основной закон страны, т. е. добиться передачи Великобританией права изменять конституцию Канады в руки канадцев.

Приход к власти Квебекской партии, приближение референдума, а вместе с ним рост угрозы выхода Квебека из состава федерации и последующего, казалось, неизбежного поглощения Соединенными Штатами территориально разобщенных англоговорящих провинций востока и запада Канады, а затем и Онтарио превратили патриацию конституции в неотложную необходимость. Однако уже предварительные переговоры Оттавы с провинциями летом 1980 г. снова обнажили всю сложность федерально-провинциальных отношений, тот факт, что квебекская проблема — важнейшая, но не единственная в системе этих отношений.

3. Кризис федерации

Парадоксом развития Канады является то, что она была «задумана» ее основателями как высокоцентрализованное государство, и это было отражено в Акте о Британской Северной Америке 1867 г. Но в процессе исторического развития централизующее начало ослабело за счет усиле-

ния влияния и полномочий провинций. В итоге к началу 80-х годов нынешнего века, когда разразился самый острый кризис федерально-провинциальных отношений за всю историю Канады, она представляла собой, пожалуй, самое децентрализованное федеративное государство капиталистического мира. Для сравнения можно привести пример соседних с Канадой Соединенных Штатов, которые проделали противоположную эволюцию в ходе своего исторического развития — от «задуманной» их основателями весьма децентрализованной конфедерации до фактически унитарного государства с сильной центральной властью.

Причины такого итога более чем столетней истории Канады следует искать в особенностях ее экономического и политического развития. С самого начала для Канады были характерны глубокие региональные диспропорции. Федеральное правительство, естественно, выражало интересы буржуазии наиболее экономически развитой и богатой центральной части страны, и прежде всего провинции Онтарио, где сосредоточена обрабатывающая промышленность. Поэтому оно всячески содействовало закреплению приатлантических провинций на востоке и Степных провинций и Британской Колумбии на западе в роли аграрно-сырьевой базы и сферы эксплуатации для торгово-финансового и промышленного капитала Онтарио. Сильнейшим орудием достижения этой цели были транспортная политика федерального правительства, система железнодорожных тарифов, которые в условиях огромных расстояний между отдельными экономическими районами страны играют подчас решающую роль в конкурентной борьбе за общенациональный рынок сбыта товаров обрабатывающей промышленности. Результатом сознательного торможения промышленного развития востока и запада Канады к выгоде буржуазии ее центра стали явная «недоиндустриализация» этих периферийных районов и деление провинций на «богатые» — до недавнего времени в этой категории была одна провинция Онтарио — и «бедные».

Во второй половине XX в. на развитие региональных диспропорций в экономике Канады стал оказывать большое влияние быстро развивающийся процесс экономической интеграции Канады и США, который превращает Канаду в значительной мере в поставщика сырьевых ресурсов для американского рынка и приводит к ослаблению прежних внутриканадских экономических связей-зависимостей направления «восток — запад» за счет усиления связей направления «север — юг» между отдельными канадскими

провинциями и целыми экономическими районами, с одной стороны, и приграничными штатами и районами США — с другой. Как следствие, слабеет заинтересованность местных групп буржуазии периферийных экономических районов Канады в общеканадском национальном рынке, в регулирующей и посреднической роли федерального правительства. Открытие в Альберте, а затем в Британской Колумбии и Саскачеване крупных месторождений нефти и газа, пользующихся огромным спросом на американском рынке, вызвало резкое ускорение темпов экономического развития этих провинций, особенно первых двух, и привело к быстрому их превращению из «бедных» в «богатые». По таким важным показателям, как темпы роста населения и размеры ВВП на душу населения, Альберта и Британская Колумбия обогнали Онтарио. Примечательно, что и сама провинция Онтарио за последние 20 лет оказалась настолько привязанной к рынку США, что его значение для ряда ведущих отраслей обрабатывающей промышленности провинции, особенно для автомобильной и военной, превосходит значение внутриканадского (см. также гл. VI).

Общим итогом этого сложного процесса стало усиление местных группировок буржуазии, прежде всего на канадском Западе, в провинциях Альберта (нефтегазовый бизнес) и Британская Колумбия (горнорудная и лесобрабатывающая промышленность), имеющих теснейшие связи с монополистическими кругами США. Эти группировки стремятся изменить в свою пользу конституционное подчинение провинций федеральному центру в целом ряде экономических областей, таких как налогообложение, контроль над использованием «уравнилельных платежей» (выделяемых «бедным» провинциям из федеральной казны). После энергетического кризиса в первой половине 70-х годов, когда западные провинции получили в свое распоряжение огромные финансовые средства, центр экономического влияния стал еще заметнее перемещаться из Онтарио на канадский Запад. Отражением этого было усиление стремления западных провинций к пересмотру разделения конституционных полномочий в сторону децентрализации. В конце 70-х годов на подобные же позиции перешли правительства Ньюфаундленда и Новой Шотландии, оспаривавшие у Оттавы право на получение доходов от будущей добычи нефти и газа, обнаруженных на континентальном шельфе у их берегов. Устремлениям региональных группировок буржуазии, тесно связанных с американским капиталом, противостояло федеральное

правительство, как и ранее защищавшее прежде всего интересы буржуазии Онтарио, особенно национальной буржуазии обрабатывающих отраслей, которая выступает против господства в них американских ТНК и конкуренции ввозимых из США готовых изделий.

Таким образом, требования дальнейшей децентрализации тесно связаны с континенталистскими связями и настроениями региональных группировок буржуазии на канадском Западе и Востоке, стремление к централизации — с националистическими интересами буржуазии обрабатывающей промышленности Центральной Канады, которая нуждается в защите со стороны государства от экспансии мощного конкурента — монополий США.

В условиях ослабления позиций федерального правительства ему все труднее использовать в своих интересах различия и противоречия в позициях отдельных провинций в ходе федерально-провинциальных конференций. В прошлом камнем преткновения на пути выработки согласованных решений была, как правило, неуступчивость Квебека. В ходе же переговоров летом и осенью 1980 г., на которых, как и раньше, обсуждались процедура и содержание обращения федерального правительства к английской королеве с целью достижения Канадой полного суверенитета в конституционной области («патриации»), Оттаву поддержало только Онтарио. Остальные провинции требовали в качестве условия своего согласия на «патриацию» конституции внесения таких поправок в проект новой конституции, которые в своей совокупности лишали будущее федеральное правительство возможностей проводить эффективную общенациональную политику.

Тогда П. Трюдо объявил о намерении осуществить «патриацию» конституции через федеральный парламент, где либералы обладали абсолютным большинством мандатов, с последующим вынесением проекта конституции на общеканадский референдум. Помимо текста Акта о Британской Северной Америке предложенный правительством П. Трюдо проект содержал также хартию прав и формулу принятия поправок к конституции. Провинции ответили обращением в различные судебные инстанции вплоть до Верховного суда Канады, оспаривая право Оттавы решать судьбу Акта о Британской Северной Америке единолично, без получения согласия составных частей федерации. Верховный суд в сентябре 1981 г., с одной стороны, признал формальное право федерального правительства обращаться в Лондон и без согласия со стороны провинций, но одновре-

менно подчеркнул, что подобный шаг противоречил бы сложившейся при решении конституционных вопросов в прошлом традиции согласования Оттавой подобных действий с провинциями. Было очевидно, что решение Верховного суда Канады может серьезно затруднить одобрение парламентом Великобритании, где немало сторонников соблюдения неписаных конституционных норм, проекта закона о «патриации» канадской конституции, подготовленного в Оттаве.

В этих условиях Трюдо был вынужден вновь сесть за стол переговоров с премьерами провинций. В конечном счете ему удалось добиться согласия на «патриацию» со стороны премьеров англоговорящих провинций ценою ряда серьезных уступок, важнейшей из которых было сохранение за провинциями права игнорировать на своей территории федеральные законы, относящиеся к природным ресурсам. Р. Левек обвинил своих партнеров по переговорам в предательстве Квебека, объявил достигнутое в Оттаве решение незаконным и подал апелляцию в Верховный суд. На этот раз оппозиция со стороны Квебека не остановила Трюдо. К весне 1982 г. все формальности в Лондоне были завершены, а 17 апреля 1982 г. Канада получила все права на свою конституцию.

Однако в кругах демократической общественности страны справедливо указывали, что представители правящего класса осуществили «патриацию» конституции, руководствуясь собственными корыстными интересами и сознательно игнорируя целый ряд жизненных интересов трудового народа. Прежде всего среди дополнений к конституции не нашлось места для признания за франкоканадской частью населения прав партнера по федерации, во всем равного англоканадцам. Такое «решение» чревато новой вспышкой сепаратизма в Квебеке, усилением опасности существованию Канады как единого государства. Конституция 1982 г. не признает демократических прав аборигенного населения страны — индейцев, метисов и эскимосов. В результате уступок Оттавы под нажимом провинций конституция не содержит действительных гарантий основных прав и свобод канадцев, провозглашенных в хартии прав¹⁷.

4. Двухпартийная система в действии

Для развития партийно-политической системы Канады последних 20 лет характерно почти непрерывное преобладание в ней влияния одной из двух основных буржуазных

партий страны — либеральной, стоявшей у власти с 1963 г. по 1984 г. с девятимесячным интервалом в 1979—1980 гг., когда правила вторая «старая» буржуазная партия — прогрессивно-консервативная. Таким образом, именно либералы несут главную ответственность за решение основных внутриполитических проблем всего этого периода.

Совместными усилиями либералы и консерваторы довольно успешно обеспечивают идеологическое и политическое господство буржуазии в канадском обществе, сдерживают рост недовольства политикой правящего класса. Это во многом облегчается позицией правого руководства Новой демократической (социал-демократической) партии. Мажоритарная избирательная система также весьма эффективно тормозит рост влияния НДП, которая, например, на всеобщих выборах в феврале 1980 г. получила 20 % голосов и только 32 депутатских мандата в палате общин федерального парламента из 282. Вместе с тем и в указанный период двухпартийная система смогла именно лишь сдерживать отход избирателей от чисто буржуазных партий и оказалась неспособной остановить постепенное усиление позиций новых демократов после 1974 г.

Таблица 37

Итоги парламентских выборов в 1968—1984 гг.
(% голосов избирателей и число мест в палате общин ¹)

Годы	Либералы		Консерваторы		НДП		Социал-кредитовцы	
1968	45 %	155	31 %	72	17 %	22	5 %	14
1972	38 %	109	35 %	107	18 %	31	8 %	15
1974	43 %	141	35 %	95	15 %	16	5 %	11
1979	40 %	113	36 %	136	18 %	26	6 %	6
1980	44 %	146	33 %	103	20 %	32	2 %	—
1984	28 %	40	50 %	211	19 %	30	—	—

¹ До 1979 г. в палату общин избиралось 264 депутата, начиная с 1979 г. — 282.

Источники: Canadian Annual Review of Politics and Public Affairs. 1968, 1972, 1974; Canadian News Facts. 1979, p. 2170; 1980, p. 2277; Contact. Elections Canada, № 53, 15.IX.1984, p. 8.

Либералы, возглавляемые в 1968—1984 гг. П. Трюдо, показали значительно большие способности в искусстве социального маневрирования, обеспечивая при этом проведение курса в интересах правящих кругов страны, нежели консерваторы, занимавшие до 1984 г., за исключением упомянутого интервала, положение официальной оппозиции. В 1968 г. решающим фактором победы либералов было

сочетание яркой фигуры нового лидера партии П. Трюдо с его обещаниями добиться укрепления единства страны и создания «справедливого общества». Следующие два года в экономике наблюдался подъем, общественность находилась под впечатлением только что принятых мер по обеспечению языкового равноправия франкоканадцев и стимулированию развития экономики отсталых районов. Положение правительства было довольно прочным. Но уже к концу 1969 г. рост экономики замедлился, безработица достигла 6 % трудоспособного населения.

В 1970 г. наблюдались дальнейшее замедление роста производства в промышленности и прямое сокращение производства в сельском хозяйстве, что подрывало позиции либералов. Политика двуязычия встречала все более упорное сопротивление со стороны англофонов, а рост безработицы и попытки правительства ограничить рост заработной платы сопровождалась активизацией забастовочного движения. Взлет популярности П. Трюдо после подавления террористической деятельности квебекских сепаратистов оказался относительно недолговечным. Оживление деловой активности в 1971 г. не привело к снижению безработицы, которая достигла 6,5 % и наряду с инфляцией и ростом налогов превратилась в одну из главных проблем, на которых консерваторы стремились сосредоточить внимание общественности, критикуя деятельность правительства. Новые демократы вели подготовку к приближающимся выборам, разоблачая мероприятия либералов, официально нацеленные на стимулирование экономики, а на деле используемые крупным бизнесом для получения огромных дополнительных прибылей. Влияние либералов падало.

Объявив о проведении выборов в октябре 1972 г., правительство, и прежде всего сам П. Трюдо, в ходе предвыборной кампании всячески уклонялись от обсуждения конкретных вопросов состояния экономики, пытаясь убедить избирателей в том, что действительной проблемой, которую предстоит решить канадскому народу, является «выбор стиля руководства страной». Таким образом, все рассуждения о путях преодоления экономических трудностей сводились к сравнению личностей лидеров двух крупнейших партий — П. Трюдо и Р. Стэнфилда. Консерваторы, рассчитывая на неизбежное поражение либералов, вели кампанию вяло. Новые демократы, развивая тему «корпоративные нахлебники государства», остро критиковали политику правительства либералов в области налогообложения.

Результаты выборов были неожиданными для либералов. Они едва не потеряли власть и попали в зависимость от фракции НДП, которая стала определять баланс сил в палате общин. Было, однако, очевидно, что неофициальная коалиция либералы — новые демократы долго не просуществует. Правительство П. Трюдо осуществило ряд социальных мероприятий, носивших печать воздействия со стороны НДП (повышение пенсий престарелым, увеличение пособий на детей малоимущих семей и др.). Наиболее примечательным актом правительства либералов за период правления без опоры на абсолютное парламентское большинство было проведение через парламент в 1973 г. закона о проверке иностранных капиталовложений¹⁸. Этот закон занимает принципиально важное место во всей политике П. Трюдо, получившей название «третьей альтернативы» и направленной на уменьшение экономической и политической зависимости Канады от США. При том, что авторами законопроекта были либералы, он под давлением новых демократов в окончательной редакции приобрел большую жесткость и сфера его применения была расширена.

Внеочередные выборы 1974 г. были фактически спровоцированы либералами, когда они внесли в парламент проект бюджета, который не мог устроить ни консерваторов, ни новых демократов, так как не содержал решительных мер по борьбе с инфляцией, но зато предусматривал явные поблажки крупным корпорациям. Выиграть выборы либералам помогла не их собственная платформа — она содержала весьма общие обещания в экономической области без конкретного раскрытия путей их реализации, и не на ней сделали упор либералы во время предвыборной кампании, — а тактические просчеты их соперников. Выдвинутая лидером консерваторов Р. Стэнфилдом идея введения контроля над ценами была встречена враждебно не только профсоюзами, но и значительной частью предпринимателей, что нашло отражение в возникновении разногласий по этому вопросу среди самих консерваторов. Неразработанность предложения Р. Стэнфила вскрылась с полной очевидностью в ходе всей кампании, когда либералы настойчиво требовали от консерваторов разъяснить конкретную механику реализации идеи контроля. Сложилась парадоксальная ситуация, когда не правящая партия оправдывалась в своих просчетах и ошибках в управлении страной, а оппозиционная партия пыталась оправдаться в том, чего она еще не совершила.

В этой обстановке решение правого руководства НДП

вновь сосредоточить усилия партии на критике существующей налоговой системы, превратившей крупный бизнес в «корпоративных нахлебников государства», оказалось выгодным лишь либералам, поскольку воздействие старых аргументов на избирателей было, естественно, слабее, чем в 1972 г., а собственной позитивной программы действий, которая была бы качественно левее либеральных рецептов излечения экономических и социальных недугов капиталистической Канады, у НДП не было. На либералов сработала и обоснованная критика, которой НДП подвергала меры по борьбе с инфляцией, предложенные консерваторами.

В итоге выборов фактически произошло упрочение двухпартийной системы за счет в первую очередь НДП, а также правонационалистической партии социального кредита, которая опиралась на отсталые сельские районы Квебека. НДП потеряла 15 мандатов из 31. Потерпел поражение на выборах и лидер партии Д. Льюис, что вызвало его отставку.

Выборы 1974 г. закрепили тенденцию, развитие которой создавало новые трудности для функционирования буржуазной двухпартийной системы власти в Канаде: произошла дальнейшая поляризация избирательной базы либералов и консерваторов. Первые вновь получили подавляющее число мандатов от Квебека, тогда как консерваторы укрепили свои позиции в провинциях канадского Запада, где влияние либералов продолжало падать. Очередной провал настойчивых попыток консерваторов добиться хотя бы небольшого успеха в Квебеке отражал недоверие квебекцев к партии, которая не имела ясно сформулированной позиции по национальному вопросу, тогда как многие ее представители, особенно из западных провинций, открыто выступали против политики двуязычия и других мер правительства П. Трюдо по смягчению неравноправия франкоканадцев. Что касается ослабления позиций либералов на канадском Западе, то в основе этого явления лежало упомянутое выше изменение соотношения сил внутри правящего класса в результате быстрого обогащения и усиления группировок буржуазии западных провинций.

1974—1979 годы отмечены значительным падением авторитета либералов в результате выявившейся их неспособности справиться с социально-экономическими последствиями кризиса 1974—1976 гг. и послекризисной депрессии. Введение правительством П. Трюдо государственного контроля над ценами и доходами менее чем через 1,5 года после того, как в ходе избирательной кампании либералы

красноречиво доказывали неэффективность подобной меры, ускорило нарастание кризиса доверия. Дальнейшее развитие инфляции после отмены контроля лишь усугубило падение их популярности как среди широких масс избирателей, так и в правящих кругах страны. Неоднократные попытки правительства стимулировать экономическую активность и занятость не давали желаемого результата — темпы роста большинства отраслей экономики продолжали оставаться низкими, а безработица по-прежнему превышала 7 %, дефицит государственного бюджета приближался к 12 млрд. долл.

Особенно тяжелый удар по престижу либеральной партии и ее лидера П. Трюдо нанесла победа на провинциальных выборах в ноябре 1976 г. сепаратистской Квебекской партии во главе с Р. Левеком. К 1979 г. либералы остались в Оттаве в полном одиночестве: правительства всех десяти провинций страны возглавляли их соперники, причем семь из них — консерваторы. Как уже отмечалось, конфронтация федерального правительства с властями провинций приобрела кризисные масштабы. Внутри партии, особенно в западных провинциях, назревало недовольство руководством и лично П. Трюдо.

Готовясь к очередному раунду борьбы с либералами за федеральную власть, консерваторы в 1976 г. сменили лидера. Им стал молодой политик Дж. Кларк из Альберты — оплота партии, как об этом свидетельствовали результаты двух предыдущих федеральных выборов. Новому лидеру удалось приглушить ослаблявшие партию внутренние разногласия, и к новым выборам консерваторы подошли сплоченными, чего давно не наблюдалось. Партия вела активную кампанию задолго до объявления даты выборов, требуя сокращения государственных расходов, уменьшения масштабов государственного регулирования экономики, снижения налогов с бизнеса, ограничения права на забастовку, прежде всего рабочих и служащих государственного сектора. Деловые круги оказывали активную поддержку консерваторам.

В свою очередь отступление правительства либералов под нажимом справа и принесение в жертву интересов трудовых слоев населения порождали растущее недовольство правящей партией слева. В ходе избирательной кампании либералы тщетно пытались отвлечь внимание избирателей от результатов своей политики в экономической и социальной области, концентрируя внимание на проблеме сохранения единства страны, на сравнении способно-

стей П. Трюдо и Дж. Кларка как руководителей, на ответственности таких транснациональных корпораций, как американская «Экссон», за ухудшение топливно-энергетического обеспечения Канады и на планах противодействия этим корпорациям со стороны либералов.

Консерваторы, стремясь к победе, не жалели обещаний. В частности, они обязались сократить подоходный налог на 2 млрд. долл., сбалансировать государственный бюджет, денационализировать «Петро-Канада»¹⁹. Консерваторы уверяли, что добьются ускорения темпов роста экономики, снижения уровня безработицы и дороговизны, не раскрывая конкретных способов достижения этого. Они по-прежнему не имели конструктивной программы решения национального вопроса и по сути лишь повторяли вслед за либералами, что не станут вести переговоров с правительством Р. Левека относительно идеи «суверенитет-ассоциация» Квебека с остальными провинциями. Такая позиция, а также заявление Дж. Кларка, что, как одна из провинций, Квебек не имеет права на самоопределение, а победа Квебекской партии на референдуме не даст ей права на односторонний вывод Квебека из конфедерации, сводили на нет все усилия консерваторов завоевать поддержку со стороны франкоканадцев. Особенностью избирательной кампании 1979 г. было активное участие в ней консерваторов — премьеров провинциальных правительств в поддержку федеральной партии и ее лидера Дж. Кларка, что представляло собой отступление от традиционного «нейтралитета» деятелей провинциального уровня.

НДП в свою очередь критиковала обе старые партии: либералов — за плохое управление страной, консерваторов — за социально-экономические пункты предвыборной платформы, особенно за планы приватизации «Петро-Канада». Новые демократы выступали за решение проблемы занятости, инфляции и против сокращения социальных программ. Отказ руководства НДП признать за франкоканадцами Квебека право быть второй равноправной нацией страны, что отражало шовинистические пережитки в сознании англоканадцев, составлявших подавляющее большинство членов партии и ее электората, обрекал на провал избирательные надежды новых демократов в Квебеке.

Выборы, состоявшиеся в мае 1979 г., закончились, как и ожидалось, поражением либералов, но и консерваторам не принесли желанного абсолютного большинства. Более того, по числу полученных голосов либералы продолжали опережать своих соперников. Однако консерваторы, вер-

нувшиеся к власти после долгих 16 лет непрерывного пребывания в оппозиции, интерпретировали итоги выборов как свою полную победу, как отражение серьезного сдвига канадского общественного сознания вправо, как мандат на решительные меры и долгое правление (при этом они рассчитывали на твердую поддержку со стороны фракции социалкредитовцев, лидеры которых имели тесные связи с руководством Квебекской партии — непримиримого противника либералов и П. Трюдо). Как показали дальнейшие события, такая оценка была грубой ошибкой, которая привела Дж. Кларка и его правительство к поражению менее чем через год ²⁰.

Потеря либеральной партией доверия многих прежних сторонников не вызвала автоматического перехода последних в лагерь сторонников консерваторов, доля полученных консерваторами голосов увеличилась всего на 1 %. Остальные голоса «ушли» к НДП, которая по доле полученных голосов снова достигла уровня 1972 г. Но большего новым демократам добиться не удалось. Особенно разочаровывающими были для них результаты выборов в провинции Онтарио, где сосредоточен самый крупный отряд организованных рабочих и служащих страны. Несмотря на официальную поддержку со стороны руководства Канадского рабочего конгресса, НДП получила в этой провинции всего 6 мест против 57 у консерваторов и 32 у либералов.

В целом двухпартийная система продемонстрировала свою стабильность, но отсутствие у консерваторов абсолютного большинства в парламенте и формирование ими правительства меньшинства (6-го за послевоенный период) свидетельствовали о том, что эта система начинает «буксовать». Географическое распределение мандатов, полученных основными буржуазными партиями, говорило о том, что они все больше теряют право называться общенациональными и потому становятся все менее способными выступать как альтернатива друг другу по всей территории страны. Проиграв выборы в целом, либералы в то же время еще сильнее укрепили свои позиции в Квебеке, получив там на 7 мест больше, чем в 1974 г. Зато к западу от Онтарио либералы смогли провести в парламент всего трех депутатов, тогда как консерваторы — 57, включая 21 депутата, представляющего в Оттаве провинцию Альберта, 19 из 28, представляющих Британскую Колумбию, и 10 из 14, представляющих Саскачеван ²¹.

Короткое по времени правление консерваторов наглядно продемонстрировало слабость их партии как составной

части двухпартийной системы. «Альтернатива либералам» оказалась неспособной эффективно выполнять свою функцию по управлению страной в интересах правящего класса, сохраняя при этом доверие избирателей в течение достаточно длительного срока. Подавляющее большинство членов нового правительства, включая его главу, не имели никакого опыта руководства хотя бы на провинциальном уровне и в то же время с недоверием относились к советам государственных чиновников возглавляемых ими министерств, которые много лет преданно служили либералам. Что еще важнее, партия пришла к власти, не имея, как оказалось, сколько-либо разработанной, согласованной программы действия. Это обнаружилось после принятия новым правительством первых же решений в области экономики, внешней и военной политики, национальных отношений. В условиях экономического подъема и наличия абсолютного большинства в парламенте подобные дефекты у новых руководителей страны могли, возможно, частью не обнаружиться, частью быть исправлены по мере накопления опыта. В условиях же экономической депрессии, неуклонного роста инфляции и безработицы слабости консервативного правительства выявились очень скоро.

Оказалось невозможным сократить дефицит государственного бюджета, добиться повышения темпов роста экономики, уменьшить безработицу и одновременно увеличить военные расходы. В свою очередь огромный (более 12 млрд. долл.) и возраставший бюджетный дефицит тянул вниз показатели экономического роста и способствовал дальнейшей инфляции. С другой стороны, обещание снизить государственные расходы, так же как и намерение распродать в частные руки корпорации государственного сектора, оттолкнуло от консерваторов тех сторонников либералов и новых демократов, которые на выборах 1979 г. поддержали Дж. Кларка. К такому же политическому результату привело заявление правительства о намерении сократить на 6 тыс. человек численность государственного аппарата. Планы приватизации государственной нефтяной компании «Петро-Кэнада» встретили осуждение не только со стороны общественности и аппарата министерства энергетики, но и части корпораций нефтяного бизнеса, для которых к этому времени «Петро-Кэнада» превратилась в надежный источник дополнительных средств, отпускаемых государством на реализацию совместных программ. Не желая отказываться от идеи денационализации государственного сектора экономики, консерваторы неод-

нократно меняли конкретные проекты реорганизации «Петро-Кэнада», следствием чего была дальнейшая потеря партией доверия избирателей.

К подрыву репутации консерваторов привели длительные переговоры Дж. Кларка с премьер-министром Альберты Н. Лоухидом по вопросу о цене на нефть и распределении доходов от ее продажи. Надежды Джозефа Кларка на «общность» взглядов между ним самим и П. Лоухидом, поскольку оба они принадлежали к партии консерваторов, потерпели крах при столкновении с уверенным в своей силе политическим представителем крупного нефтяного бизнеса, который не был намерен уступать Оттаве и другим провинциям доходы от добычи нефти в Альберте. Отступление Дж. Кларка от своих позиций в ходе переговоров продемонстрировало его слабость как федерального политического лидера и в решающей степени подорвало позиции консерваторов в ключевой для исхода федеральных выборов провинции Онтарио, в которой сосредоточена обрабатывающая промышленность и предприниматели которой заинтересованы в дешевых источниках энергии.

Проведение консерваторами политики высоких ставок банковского процента (находясь в оппозиции, они ее критиковали), с одной стороны, получило полную поддержку со стороны финансовых кругов Канады, а с другой стороны, привело к большому недовольству среди мелкой промышленной и торговой буржуазии и домовладельцев, голосовавших в 1979 г. за партию Дж. Кларка.

Ошибочная оценка консерваторами прочности поддержки, полученной ими на выборах, проявилась в жесткости мер, предусматривавшихся проектом бюджета, внесенного правительством в парламент в начале декабря 1979 г. В качестве главного средства сокращения дефицита государственного бюджета и источника финансирования программы достижения «энергетической самообеспеченности» страны консерваторы предложили высокий акцизный налог на бензин и другие виды транспортного горючего. Они были уверены, что оппозиция не готова к новой конфронтации с ними у избирательных урн, особенно их главные соперники — либералы, лидер которых П. Трюдо в ноябре 1980 г. заявил об уходе в отставку. Дж. Кларк даже не побеспокоился о том, чтобы обеспечить проекту бюджета поддержку со стороны депутатов партии социального кредита. В результате явно непопулярный среди широких масс избирательный проект был провален голосами либералов

и новых демократов, тогда как социалкредитовцы воздержались. Дж. Кларк был вынужден признать поражение правительства, распустить парламент и назначить новые выборы на 18 февраля 1980 г., вторые выборы за неполный год.

В этой обстановке руководящие деятели либеральной партии убедили П. Трюдо вернуться на пост лидера и возглавить кампанию, сосредоточив усилия на критике правительства консерваторов и некомпетентности Дж. Кларка как премьер-министра, не делая в то же время объектом обсуждения результаты недавнего правления самих либералов.

Что касается новых демократов, то они рассчитывали на достаточную скомпрометированность обеих «старых» партий в глазах избирателей и полагали, что это позволит НДП добиться серьезного успеха. Избирательная платформа партии была проникнута духом «респектабельности» и ориентирована на мелкобуржуазные средние слои. Она не содержала подлинной альтернативы платформе либеральной партии, часть сторонников которой стремилась «перехватить» руководство НДП. В ходе кампании лидеры НДП отреклись от выдвигавшихся правыми кругами обвинений партии в «левых» симпатиях. А когда президент США Дж. Картер выступил с антисоветскими заявлениями в связи с событиями в Афганистане, Э. Бродбент заявил о «100 %-ной поддержке» этого заявления, что вызвало публичное осуждение лидера видными деятелями самой НДП. Это было отражением широкого недовольства его антисоветской позицией среди рядовых членов партии.

Уже к середине избирательной кампании стала очевидной неизбежность поражения консерваторов. Джозеф Кларк предпринял попытку спасти положение, переключив внимание избирателей на вопросы внешней политики. Он многократно повторял антисоветские домыслы и выпады американского президента, полностью одобрял его действия, направленные на подрыв разрядки международной напряженности и раздувание военной истерии, обещал поддержку возможным действиям США в Иране и т. п. Но фактический отказ от самостоятельной позиции Канады по внешнеполитическим вопросам в пользу копирования курса правых кругов Соединенных Штатов не спас канадских консерваторов — они потерпели поражение, шестое за последние 20 лет, не пробыв у власти и десяти месяцев.

Итоги выборов вновь обнажили те трудности, которые

переживает двухпартийная система власти в Канаде. Одна из ее составляющих — консервативная партия опять продемонстрировала свою неэффективность, причем в момент, когда правящий класс нуждался в партии с более правой платформой действий, способной переложить тяжести экономических и социальных проблем страны на трудовые слои населения. Правительственные скамьи в Оттаве снова заняли либералы. При этом, однако, возросла доля голосов, поданных за НДП, партию, занимающую положение слева от «системы», что свидетельствовало об усилении враждебных «системе» тенденций в канадском обществе, несмотря на торможение этого процесса правыми новыми демократами.

Осуществление планов лидеров НДП, рассчитывавших на то, что их партия займет в «системе» место одной из «старых» партий, осложнялось тем, что слабейшей частью двухпартийной системы Канады являлась консервативная партия, избирательная база которой лежала в основном значительно правее сферы влияния новых демократов. К тому же НДП, как и консервативная, вплоть до 1984 г. не могла распространить свое влияние на избирателей в Квебеке, оставаясь партией англоговорящих канадцев и, строго говоря, пока едва ли может рассматриваться как общенациональная политическая организация.

Вернувшись к власти и вскоре вновь оказавшись в условиях нового раунда стагфляции, правительство П. Трюдо объявило своей главной целью борьбу с инфляцией, а не с безработицей, демонстрируя тем самым свою классовую приверженность интересам бизнеса, буржуазии. Политическим последствием этого курса явилось, естественно, падение влияния либеральной партии в стране, чем не замедлили воспользоваться консерваторы.

После поражения консервативной партии на выборах 1980 г. Дж. Кларк не сумел остановить внутри ее рост недовольства его руководством и в 1983 г. был вынужден созвать конвент по выборам нового лидера. В июле 1983 г. им стал Брайен Малруни, первый в истории канадских консерваторов уроженец Квебека, крупный менеджер, к тому же с богатым опытом «мирного урегулирования» конфликтов с профсоюзами. Буржуазные органы массовой информации, послушные своим хозяевам, сразу же стали преподносить Малруни канадцам как будущего премьер-министра страны.

В этой обстановке в либеральной партии, включая ее руководящее звено — национальный исполком, вновь уси-

лились требования о замене П. Трюдо. В феврале 1984 г. Трюдо объявил о своем решении уйти с поста лидера либеральной партии и премьер-министра Канады. Съезд партии по выборам его преемника был назначен на июнь. В стране началась активная подготовка к новым всеобщим выборам, которые должны были состояться до марта 1985 г.

* * *

С избранием в июне 1984 г. на внеочередном съезде либеральной партии ее новым лидером состоятельного адвоката Джона Тернера, ставшего затем очередным премьер-министром Канады, в ее истории завершился период, который вполне можно назвать «периодом Трюдо» — настолько предыдущие 16 лет отмечены воздействием его идей и методов их реализации. Как и в области внешней политики, итоги деятельности правительства либеральной партии под его руководством в сфере внутренней политики неоднозначны.

Несомненно при этом одно — либералы верой и правдой служили интересам правящего класса страны. Наиболее ясно это проявилось в их отношении к проблемам инфляции и безработицы. Даже в фазе выхода экономики Канады из циклического кризиса 1980—1982 гг. правительство либералов добивалось прежде всего решения первой из этих проблем, проявляя редкое равнодушие к невиданному обострению второй. Действительно, средний уровень инфляции за 1983 г. составил 5,8 %, что является самым низким показателем с 1972 г. А среднегодовой уровень безработицы в 1983 г. остался равным 11,9 %, причем прогнозы единодушно предсказывали ее сохранение на уровне, превышающем 10 %, по крайней мере еще 2—3 года²³.

Отказываясь стимулировать экономический рост и занятость, правительство Трюдо помогало корпорациям использовать резервную армию труда для подрыва борьбы рабочих и служащих во главе с профсоюзами за повышение заработной платы и, таким образом, содействовало бизнесу в выходе из кризиса за счет трудящихся масс.

Когда Трюдо пришел к власти, наибольшую угрозу правящие круги Канады видели в подъеме квебекского сепаратизма. Решил ли он эту проблему? Судя по всему, нет, хотя бесспорно, что Трюдо принадлежит немалая заслуга в том, что Канада сохранила свою государственную

целостность, а к моменту его ухода в отставку влияние сепаратизма в Квебеке было слабее, чем 2—3 года до этого. Но носители идеи выхода Квебека из канадской федерации теперь — не разрозненные группы интеллигентов и подпольные ячейки террористов, как в 1968 г., а организованные сторонники политической партии, стоящей у власти в провинции без перерыва уже второй конституционный срок, несмотря на все усилия либералов занять ее место. Правительство Трюдо не устранило, да и не могло, оставаясь буржуазным, устранить первопричину националистических и сепаратистских настроений среди квебекцев — неравноправное экономическое и социальное положение франкоканадцев, поскольку оно является источником обогащения англоканадских и американских корпораций, хозяйничающих в Квебеке. Сохранение этого неравноправия — база возможности новых обострений национальной проблемы в Канаде после Трюдо, нового подъема сепаратизма в Квебеке.

Нерешенность национальной проблемы отразилась и в результатах конституционной реформы. Формально говоря, П. Трюдо добился патриации канадской конституции, чего не сумели сделать его предшественники, и его заслуга в этом разрыве последнего звена былой цепи зависимости Канады от Великобритании несомненна. Однако остается фактом, что главной цели, которую ставил премьер-министр в процессе патриации, — усиления полномочий федеральной власти — ему достичь не удалось. Единый фронт десяти провинций сумел отстоять их верховенство в распоряжении своим основным богатством — недрами. А отказ Трюдо и премьеров англоговорящих провинций признать франкоканадцев нацией, по справедливому заключению канадских коммунистов²⁴, усугубляет разобщенность между английской и французской Канадой и может лишь стимулировать тенденции к сепаратизму в Квебеке.

Вскоре после прихода к власти Дж. Тернер распустил парламент и назначил всеобщие выборы на 4 сентября 1984 г. В ходе предвыборной кампании либералы и консерваторы выступали с во многом сходных позиций, обещая ослабление регулирующей роли государства в экономике и усиление частнопредпринимательского начала, улучшение отношений с Соединенными Штатами, увеличение военных расходов и т. д. При этом, однако, либералам пришлось вести тяжелую защиту в значительной мере безрадостных результатов своего правления в сфере экономики и благосостояния

широких масс трудящихся. К тому же новый лидер либералов Дж. Тернер провел кампанию не лучшим образом, допустив ряд тактических ошибок и организационных просчетов.

В результате выборов либеральная партия потерпела тяжелое поражение, получив всего 28 % голосов избирателей и лишь 40 мест в палате общин (в 1980 г. — 146). Прогрессивно-консервативная партия, напротив, добилась одного из самых крупных успехов в своей истории, получив 50 % голосов и 211 мест в нижней палате (в 1980 г. — 103). Консерваторы добились победы над либералами во всех 10 провинциях, а в цитадели либеральной партии — Квебеке — они получили 58 мандатов из 75. В обстановке подобного резкого сдвига избирательного маятника новым демократам удалось в основном удержаться на прежних позициях: 19 % голосов избирателей и 30 депутатских мандатов (в 1980 г. — 32).

17 сентября 1984 г. Брайен Малруни привел к присяге третье за послевоенный период правительство консервативной партии. Канада вступила в новый период своего развития.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Внешняя политика, как область суверенной деятельности Канады, имеет сравнительно недолгую историю. Лишь в 1931 г. по Вестминстерскому статуту, принятому английским парламентом, Канада стала полностью самостоятельной и независимой от своей бывшей метрополии во внешнеполитической сфере.

До второй мировой войны Канада на международной арене была весьма пассивна. Как и Соединенные Штаты Америки, она устранилась от активного участия в разрешении возникающих конфликтов и поддерживала «политику невмешательства», проводимую Англией и Францией, что лишь способствовало захватнической деятельности Германии, Италии и Японии. Начало второй мировой войны канадское правительство использовало для демонстрации и утверждения полученной внешнеполитической самостоятельности, объявив войну Германии лишь 10 сентября 1939 г., на 10 дней позже, чем Англия. Приняв активное участие в войне и выдвинувшись в военные годы в число крупных производителей вооружения и снаряжения для участников антигитлеровской коалиции, Канада сыграла заметную роль в подготовке и создании Организации Объединенных Наций и ее учреждений.

После войны правящие круги Канады, прочно вошедшей в первую десятку высокоразвитых капиталистических стран, оказались весьма заинтересованными во внешнеполитическом обеспечении возросшей ориентированности канадской экономики на внешние рынки. Такая черта экономики требовала повышенного внимания к политическим отношениям с зарубежными партнерами, к обеспечению международной обстановки, благоприятной для внешнеэкономической деятельности. Результатом была заметная активизация Канады на международной арене.

Послевоенная внешняя политика Канады складывается под воздействием ряда факторов, основные из которых имеют долговременный характер. Самым главным, как уже отмечалось, является огромная и всевозрастающая экономическая зависимость Канады от своего ближайшего сосе-

да — Соединенных Штатов, их подавляющее превосходство над нею в экономической и военной областях, что в сочетании со сходом политических интересов буржуазии обеих стран приводит к постоянному и многогранному влиянию США на канадскую внешнюю политику.

Наличие в стране двух наций всегда ставило перед ее правительством задачу добиваться одобрения и англо-, и франкоканадцами таких принципиальных внешнеполитических решений, как участие в войне, военных союзах, а последние годы послужило причиной ускоренного развития целого направления внешней политики Канады — отношений с франкоговорящими странами Африки, Азии и Латинской Америки.

Усиление роли отдельных провинций, особенно Квебека, в системе канадской федерации послужило основой роста их влияния на внешнеполитическую деятельность федерального правительства, особенно по вопросам, которые полностью или частично входят в сферу провинциальной юрисдикции.

Исторические, политические и экономические связи Канады объясняют ее постоянную заинтересованность в тесном сотрудничестве помимо США также с Англией и в наличии подобных же отношений между этими двумя странами.

К важным факторам, воздействующим на внешнюю политику Канады, относится ее географическое положение между двумя сильнейшими государствами мира — США на юге и СССР на западе. Бурное развитие военной техники после второй мировой войны, особенно после появления межконтинентальных баллистических ракет, вызывает повышенную заинтересованность Канады в сохранении и упрочении всеобщего мира, в развитии дружеских отношений между ее великими соседями.

Наконец, внешнеполитические возможности Канады во многом определяются общим состоянием международной обстановки. Ее напряженность, как это было в годы «холодной войны», ограничивает эти возможности необходимостью соблюдать классовую солидарность с господствующей верхушкой Соединенных Штатов. Разрядка международной напряженности, как показал опыт, наоборот, дает Канаде возможность свободнее маневрировать на внешнеполитической арене, больше сообразуя свои действия с собственными национальными интересами.

В тесной связи с двумя основными типами состояния международной обстановки находится динамика проявле-

ния двух основных тенденций в канадской внешней политике послевоенных лет — континенталистской и национальной. Примерно до середины 60-х годов преобладала первая тенденция — на дальнейшее усиление сотрудничества и сближение с Соединенными Штатами. Континентализм во внешней политике отражал, с одной стороны, подчиненное положение Канады в системе канадо-американской экономической интеграции, а с другой — стремление канадской буржуазии к максимальным прибылям в процессе приспособления ею канадской экономики и политики к нуждам и намерениям правящего класса Соединенных Штатов. Континенталистская тенденция нашла выражение в поддержке основных решений и акций США — в активном участии Канады в НАТО, в посылке канадских вооруженных сил в Корею, где они сражались на стороне американских агрессоров, в заключении с США многочисленных военных и военно-экономических соглашений, из которых следует выделить соглашение 1958 г. о совместном командовании ПВО Северной Америки (НОРАД) и соглашение 1959 г. о программе совместного производства вооружений. Отличительной чертой этой тенденции было преобладание антикоммунистических, антисоветских элементов в канадском внешнеполитическом курсе.

Национальная тенденция стала заметной с середины 60-х годов. Это объясняется тем, что тесное сотрудничество с Соединенными Штатами не только приносило канадской буржуазии высокие прибыли и содействовало ее обогащению, но и вызывало рост ее аппетитов. В условиях господства американцев в канадской экономике, которая к тому же была прочно привязана интеграционными связями зависимости к экономике Соединенных Штатов, среди канадской буржуазии стало крепнуть стремление к пересмотру в свою пользу условий дальнейшего распределения доходов от совместной с американцами эксплуатации природных богатств и трудящихся Канады, а также дальнейшего политического сотрудничества на международной арене. Рост этих настроений совпал по времени с пробуждением и подъемом национального самосознания в стране в связи с празднованием столетия Канадской конфедерации в 1967 г. Вначале национальная тенденция проявлялась в форме все более резкой критики со стороны канадской общественности в адрес внешней политики США и проамериканской ориентации внешней политики Канады. Затем критика переросла в настойчивые требования изменить эту политику

и привести ее в соответствие с национальными интересами страны, укрепить самостоятельность ее внешнеполитического курса. Подобные настроения и требования стали все отчетливее проявляться в позициях всех канадских политических партий. Однако лишь после прихода к власти П. Трюдо в 1968 г., который совпал, с одной стороны, с ослаблением экономических, военно-политических и моральных позиций Соединенных Штатов, а с другой — с развернувшимся процессом разрядки напряженности в международных отношениях, эта тенденция нашла свое практическое выражение.

Рост внутривнутриполитических и экономических проблем в Канаде со второй половины 70-х годов и попытки США обострить международную обстановку затормозили и ослабили проявление национальной тенденции, создавая условия для нового усиления континенталистской тенденции (это отчетливо вырисовывалось еще до поражения либералов на выборах в 1979 г.). Кратковременное пребывание у власти консерваторов (май 1979 — февраль 1980 г.) было отмечено резким усилением проамериканизма во внешней политике Канады. Возвращение к власти либералов во главе с П. Трюдо внесло в этот плане заметные изменения, вновь усилив национальную тенденцию.

1. Пересмотр внешней политики

В 1968—1972 гг. правительство П. Трюдо осуществило беспрецедентный в истории страны — по масштабам и детальности — пересмотр внешней и военной политики Канады, результаты которого были изложены в двух правительственных Белых книгах — «Внешняя политика для канадцев» (1970 г.), «Оборона в 70-е годы» (1971 г.) и в заявлении министра иностранных дел М. Шарпа «Канадо-американские отношения: альтернативы на будущее» (1972 г.). В основе главных положений этих документов лежали идеи и установки премьер-министра. Необходимость самого пересмотра объяснялась в Белых книгах сдвигами в международной обстановке, тем, что положение Канады в сообществе государств заметно изменилось. В экономическом и политическом плане ее «обошли» такие страны, как ФРГ, Япония, Франция. Рост международного влияния Индии, Китая, Индонезии также ослабил значение Канады как «малой великой державы», которое она имела в начале послевоенного периода. Пополнение Организации Объединенных Наций за счет многочисленных новых госу-

дарств Азии и Африки практически лишило Канаду былой роли выразителя мнения развивающихся стран. Ее авторитет посредника в международных конфликтах, укрепившийся после того, как в 1956 г. по предложению канадского министра иностранных дел Л. Пирсона были созданы чрезвычайные силы ООН по поддержанию мира на Ближнем Востоке, затем упал в результате выявившейся малоэффективности мер такого рода.

Инициатор пересмотра П. Трюдо считал, что в изменившихся условиях Канаде следует играть более скромную роль в международной политике, соответствующую ее относительно ограниченным возможностям, экономя на этом и силы, и средства для своих собственных нужд. Происходившее в то время накопление и обострение сложных внутренних проблем действительно требовало неотложного внимания и усилий для их решения.

В отличие от своих предшественников на посту премьер-министра, которые были склонны определять позицию Канады по тем или иным внешнеполитическим вопросам по мере их возникновения, П. Трюдо полагал, что в основе внешней политики страны должна лежать система определенных целей. В соответствии с этими установками в Белой книге 1970 г. говорилось, что «внешнеполитическая деятельность должна быть непосредственно связана с национальной внутренней политикой Канады и преследовать те же цели», что внешняя политика «является продолжением национальной политики»¹. Такими целями, по Белой книге, были прежде всего обеспечение политической независимости и экономического благосостояния страны.

Для достижения поставленных целей канадская внешняя политика в 70-х годах должна была по замыслу авторов Белой книги прежде всего содействовать экономическому росту страны. Выдвижение задачи содействия экономическому росту на первое место в ряду приоритетов канадской внешней политики отражает ее главную ориентированность в отличие, скажем, от внешней политики США, которая направлена в большей степени на решение политических задач в соответствии с глобальными замыслами американского империализма.

Рассматривая возможное развитие событий в наступавшем десятилетии, правительство П. Трюдо указывало, что в то время, как важнейшая внутренняя проблема Канады — сохранение единства страны, во внешнеполитическом плане перед ней стоит сложная проблема, имеющая решающее значение для всего будущего Канады, — как

жить, «отличаясь от США, но в то же время в гармонии»² с этой мощной державой. При этом в Белой книге подчеркивалось, что дальнейшая эволюция канадо-американских отношений в условиях сохранения зависимости экономики Канады от притока американских капиталовложений и получения американской технологии может, с одной стороны, благоприятно сказываться на экономическом росте страны, а с другой — создавать постоянную угрозу ее суверенитету, независимости и культурной неповторимости. Для того чтобы нейтрализовать подобную угрозу, необходимо активно добиваться диверсификации канадской внешней торговли и развития научно-технического сотрудничества прежде всего со странами Европы, заявляло правительство³.

Следующим шагом в процессе пересмотра внешнеполитической деятельности Канады явилась публикация в 1971 г. Белой книги «Оборона в 70-е годы», которая также основывалась на идеях и заявлениях премьер-министра относительно военной политики страны. Особенностью военно-стратегического положения Канады является, с одной стороны, распространение на нее в случае войны действия системы обороны США безотносительно желания или нежелания самих канадцев. В то же время в случае ракетно-ядерного конфликта между США и СССР Канада, как неотъемлемая часть указанной системы, подверглась бы той же участи, что и Соединенные Штаты. Именно этим обстоятельством вызывается упомянутая острая заинтересованность канадцев в предотвращении такого конфликта, в укреплении разрядки и всеобщего мира, что нашло отражение и в этом программном документе канадского правительства.

В Белой книге 1971 г. подчеркивалось, что единственной большой угрозой Канаде является опасность возникновения термоядерной войны между СССР и США и поэтому главная цель канадского правительства в области обороны — предотвращение подобного конфликта путем содействия политическому разрешению возникающих международных споров и столкновений, путем участия в разработке мер по контролю над вооружением и по разоружению. Вместе с тем говорилось о необходимости внесения Канадой вклада в так называемую систему «стабильного взаимного сдерживания», т. е. ее участия в НАТО и НОРАД.

В соответствии с установками П. Трюдо в ней указывалось, что первоочередными задачами канадских воору-

женных сил являются: защита суверенитета страны путем надзора за ее территорией и береговой линией; оборона Северной Америки в сотрудничестве с США; выполнение согласованных обязательств по НАТО и международных обязанностей по поддержанию мира, которые могут быть взяты на себя Канадой. Такая последовательность задач представляла собой очевидный поворот от установок предыдущих лет, когда на первом плане неизменно стояли обязательства перед НАТО, а также выполнение обязанностей «честного посредника» в урегулировании различных международных конфликтов.

В Белой книге 1971 г. фактически говорилось, что, по мнению канадцев, лучшим вкладом в НАТО должна быть забота ее участников прежде всего о своей собственной обороне. Что касается Западной Европы, то, согласно Белой книге, во-первых, угроза преднамеренного нападения на нее признавалась «невероятной», а во-вторых, с развитием экономики западноевропейских стран возросла их способность обеспечивать свои военные нужды. Все это позволяло Канаде уделить больше внимания решению своих внутренних национальных задач за счет сокращения вклада в НАТО.

Взятые вместе, Белые книги свидетельствовали о переходе правительства П. Трюдо от некоторых догм и обязательств периода «холодной войны» к обеспечению собственных интересов самой Канады. Составной частью намеченного в них долговременного курса стали важные меры, осуществленные правительством во внешнеполитической области после прихода к власти, а именно замораживание на 1969—1972 гг. военных расходов на уровне 1 800 млн. долл. в год, сокращение общей численности вооруженных сил страны с 98 до 80 тыс. человек, сокращение вдвое численности канадского контингента в силах НАТО в Западной Европе, снятие ядерного оружия с вооружения этого контингента, снятие с вооружения канадского ВМФ единственного авианосца. В соответствии с установками Белых книг за этими мероприятиями последовали решения снять после 1976 г. с вооружения канадских войск в Европе танк «Центурион» как непригодный для нужд обороны самой Канады, сократить в Европе вдвое численность канадских истребителей, снять с вооружения ПВО Канады американские зенитные ракеты «Бомарк» с ядерными боеголовками. В целом произошло существенное сокращение канадского вклада в НАТО и явное изменение его качественного содержания. В дальнейшем это ска-

залось на развитии отношений Канады с Западной Европой.

Охватив в общем виде основные вопросы канадской военной и внешней политики, Белые книги правительства П. Трюдо, однако, не содержали сколько-нибудь детальной разработки проблем двусторонних отношений Канады с другими странами. Особенно бросалось в глаза отсутствие более подробного разбора канадо-американских отношений, которые занимают центральное место во внешней политике любого правительства Канады.

Частично такую особенность этих документов можно было объяснить традиционным стремлением канадцев решать вопросы, возникающие в их отношениях с могущественным южным соседом, по мере их возникновения и в манере так называемой «тихой дипломатии», избегая оглашения неулаженных разногласий. Но главной причиной являлось отсутствие единства мнений по этому важнейшему вопросу как в руководстве либеральной партии, так и в самом правительстве, где было немало представителей влиятельного проамериканского крыла, с самого начала противившихся процессу «канадизации» внешней политики страны. Они настаивали на сохранении континенталистского направления во внешнеполитическом курсе, утверждая, что оно принесет Канаде дополнительные выгоды в виде изъятия американцами из сферы действия целого ряда ограничений, правил, законов, направленных на защиту экономических интересов США. Именно такое «предпочтительное» отношение американской администрации к Канаде дало повод некоторым канадским континенталистам в 60-х годах характеризовать отношения с США как «особые».

Однако развитие событий уже в начале 70-х годов показало, что американцы склонны считаться с нуждами Канады лишь тогда, когда их собственные интересы не затронуты сколько-нибудь серьезно. Осенью 1971 г. президент США Р. Никсон неожиданно ввел 10 %-ный дополнительный налог на импорт промышленных товаров, что больше всего ударило по торговому партнеру США номер один — Канаде. Все попытки Оттавы доказать, что канадцы не причастны к возникновению валютно-финансовых трудностей США, которые послужили основанием для введения нового налога, и добиться изъятия Канады из сферы действия решения президента успеха не имели. Было ясно, что в глазах американцев их ближайший сосед, верный союзник и выгодный партнер всего лишь «одно из

других» западных государств. Стало очевидным, что «особым отношениям» пришел конец. Неслучайность поведения Вашингтона была подтверждена в выступлении Р. Никсона в канадском парламенте во время его официального визита весной 1972 г.⁴

В этой обстановке, которая усугублялась приближением срока очередных парламентских выборов, правительство П. Трюдо не могло более отмалчиваться по поводу канадо-американских отношений. В октябре 1972 г. за подписью министра иностранных дел Канады М. Шарпа была опубликована статья «Канадо-американские отношения: альтернативы на будущее», в которой анализировались три возможных варианта будущей политики правительства: сознательное содействие процессу дальнейшего всестороннего сближения Канады с США, поддержание существующего состояния канадо-американских отношений и, наконец, осуществление долговременной стратегии развития экономики и других аспектов жизни страны, добиваясь уменьшения ее нынешней зависимости от влияния внешних факторов. Первые две альтернативы отвергались как ведущие в конечном счете к потере Канадой политической самостоятельности. М. Шарп рекомендовал третью альтернативу, направленную на ослабление уязвимости Канады, особенно перед лицом США⁵.

С формальной точки зрения эта статья не являлась официальным правительственным документом, однако сам М. Шарп неоднократно ссыался на нее как на изложение позиции правительства, избравшего третью альтернативу в качестве руководящего принципа политики в отношениях с США.

По содержанию политика «третьей альтернативы» означала отход от поощрения интеграции с Соединенными Штатами, проводившегося предшественниками П. Трюдо. По форме это был отказ от решения конкретных вопросов канадо-американских отношений по мере их возникновения и намерение решать их, исходя из предварительно сформулированных принципов и целей внешней и внутренней политики. В этом плане статья М. Шарпа явилась логическим завершением пересмотра канадской внешней политики, восполнив в нем пробел по самому главному вопросу.

Характерной чертой программных документов с изложением итогов пересмотра являлось первоочередное внимание, которое уделено в них анализу состояния и перспектив канадской экономики как главного фактора, определя-

ющего положение Канады в современном мире и состояние ее взаимоотношений с другими странами. Действие этого фактора особенно наглядно проявляется в отношениях Канады с США.

2. Канадо-американские отношения

Невиданная по своим масштабам и глубине экономическая интеграция между Канадой и США, в рамках которой Канаде принадлежит сугубо подчиненное, зависимое место, является тем моментом, который серьезно ограничивает возможности канадцев проводить политику, расходящуюся с намерением американской правящей верхушки. Закономерна поэтому также теснейшая взаимосвязь между различными внутриэкономическими решениями, которые принимаются в Канаде и США, и динамикой политических отношений между ними. Это стало особенно заметно в 70-х годах, когда канадцы пытались внести изменения в распределение экономических ролей между двумя странами, результатом чего было заметное обострение и расширение области канадо-американских противоречий по вопросам двусторонних отношений.

Прежде всего это касалось вопроса об американских капиталовложениях в канадскую экономику. Правительство П. Трюдо приняло некоторые меры по стимулированию деятельности национального капитала. В 1971 г. была создана Канадская корпорация развития (ККР), задачей которой является участие в осуществлении крупных проектов, финансирование которых превышает возможности национальных фирм или связано с повышенным предпринимательским риском (см. § 2, гл. VIII). Одним из наиболее важных внутриэкономических мероприятий правительства П. Трюдо, непосредственно влиявших на отношения Канады с Соединенными Штатами, было принятие в 1973 г. закона о проверке иностранных инвестиций, действие которого затрагивало судьбу прежде всего американских инвестиций. Для его практической реализации было создано Агентство по проверке иностранных инвестиций, рекомендации которого по каждому рассматриваемому случаю представлялись на утверждение правительству. Основным критерием решения правительства являлось получение Канадой «значительной выгоды» (повышение занятости, производительности труда, степени переработки сырья и т. д.). Подготовка и реализация этого закона с самого начала столкнулись с объединенной оппозицией не только

значительной части деловых кругов, но и провинциальных властей, большинство которых проявляло острую заинтересованность в беспрепятственном притоке капитала извне.

Весьма ограниченный по сфере своего применения закон 1973 г. был враждебно встречен в правящих кругах США, где в нем увидели конкретное начало реализации канадцами политики «третьей альтернативы», более того, подтверждение прежних опасений, что Оттава пытается изменить структуру канадской экономики⁶. Действительно, хотя закон и не затрагивал главного источника увеличения иностранной собственности в канадской экономике — экспансии иностранных монополий в отраслях, уже ставших ареной их деятельности, он тем не менее представлял собой принципиально важный шаг в защиту национальных интересов Канады и возможную основу для дальнейшего ограничения власти прежде всего американского капитала в стране. Не удивительно в этом плане, что значительное обострение канадо-американских отношений вызвала также национализация принадлежавших американцам крупных калийных рудников, осуществленная правительством Новой демократической партии в провинции Саскачеван в 1976 г. Этот случай может служить наглядным примером того, как деятельность провинций может оказывать непосредственное воздействие на внешнеполитические отношения Канады.

Второй областью, где наблюдалось обострение канадо-американских расхождений, была эксплуатация богатейших энергетических ресурсов Канады (здесь позиции американских монополий особенно внушительны). В результате обострения энергетического кризиса соседи поменялись ролями: в 1973 г. канадцы, ранее добывавшиеся максимального увеличения экспорта своей нефти в Соединенные Штаты, ввели на него ограничительные квоты и взяли курс на обеспечение промышленных районов к востоку от Торонто отечественной нефтью взамен импортной. В связи с ростом мировых цен на энергетическое сырье правительство П. Трюдо неоднократно повышало цену на нефть и газ, экспортируемые в США, что также вызывало там отрицательную реакцию. Взрыв недовольства в Соединенных Штатах вызвало решение правительства П. Трюдо в ноябре 1974 г. о постепенном сокращении экспорта канадской нефти в США и полном его прекращении к концу 1983 г. Представители американских деловых кругов, а за ними и ряд конгрессменов призывали Вашингтон принять

ответные меры вплоть до перекрытия нефтепроводов из западной провинции Альберта, частично проходящих по американской территории. Однако канадцы твердо отстаивали свою позицию. Наиболее отчетливо это проявилось во время визита П. Трюдо в Вашингтон в декабре 1974 г., когда в переговорах с президентом Р. Фордом он не отступил ни по одному из обсуждавшихся спорных вопросов. В дальнейшем американцы неоднократно пытались добиться изменения канадской политики в области экспорта нефти и газа, но вплоть до зимы 1976/77 г. успеха не имели. Новое обострение канадо-американских отношений вызвало решение канадского правительства (1975 г.) о создании государственной нефтяной компании «Петро-Кэнада», которая путем приобретения ряда контролируемых американским капиталом компаний уже в 1978 г. стала одной из крупнейших в Канаде по разведке и добыче нефти и природного газа.

Источником постоянных трений между Канадой и США является их взаимная торговля. Помимо самого серьезного обострения отношений на межгосударственном уровне после действий президента Р. Никсона в августе 1971 г. имел место целый ряд других столкновений на почве расхождения торговых интересов двух сторон. Типичным примером может служить «мясная война» 1974—1975 гг., в ходе которой правительства защищали отечественных производителей мясных товаров от конкуренции со стороны соседей путем введения различных видов ограничений импорта. Ход «военных действий» подвергался шумному обсуждению в прессе, в канадском парламенте и американском конгрессе. Неизменным предметом канадо-американских переговоров по улаживанию взаимных претензий в 70-х годах была также реализация автопакта — соглашения 1965 г. о взаимной беспошлинной торговле продукцией автомобильной промышленности.

Постоянно обсуждаются канадцами с их южными соседями различные вопросы, связанные с охраной окружающей среды: защита и восстановление жизнеспособности вод Великих озер; предотвращение нарушения экологии больших площадей на канадской территории в результате постройки крупных гидросооружений в американских штатах Среднего Запада; проблема «кислотных дождей», несущих смерть канадским озерам и лесам из-за растворенных в них неочищенных дымов американских химических предприятий и тепловых электростанций. Несмотря на все усилия, канадцам так и не удалось предотвратить реализа-

цию американского проекта перевозки нефти из порта Валдез на юго-востоке Аляски большегрузными танкерами по опасным для судоходства проливам у Британской Колумбии на переработку в штат Вашингтон. Аварии таких танкеров, практически неизбежные при массовых перевозках, могут нанести непоправимый ущерб природе и условиям жизни населения тихоокеанского побережья Канады. Тесно связанными с проблемой охраны окружающей среды были также канадо-американские противоречия в Арктике, о чем будет сказано далее.

Захват американцами канадского книгоиздательства и книгораспространения, их полное господство на журнальном рынке и в системе кинопроката, сильнейшая конкуренция американского телевидения в районах вдоль канадо-американской границы, где живет подавляющее большинство канадцев, — все это не только лишало канадских предпринимателей огромных прибылей, но и одновременно серьезно тормозило развитие национального самосознания канадцев, их национальной культуры, подрывало сопротивляемость росту американского влияния. В 70-х годах имели место острые столкновения на межгосударственном уровне, вызванные попытками правительства П. Трюдо защищать канадские экономические и общенациональные интересы в этой области.

Наиболее бурными были конфликты, связанные с лишением налоговых привилегий канадских изданий журналов «Тайм» и «Ридерс дайджест» (на их долю приходилось 60 % доходов от рекламы, помещаемой во всех журналах, выходящих в Канаде), а также с заменой американской рекламы на канадскую в программах кабельного телевидения, передаваемых в Канаду. Попытки ограничить фактическую монополию двух упомянутых журналов в 1956 и 1964 гг. вызвали сильнейшее противодействие со стороны США, включая личное вмешательство президентов Д. Эйзенхауэра и Л. Джонсона, и окончились тогда вынужденным отказом канадцев от своих намерений. Однако правительство П. Трюдо, несмотря на давление и угрозы американской стороны, провело в 1976 г. закон, обусловивший дальнейшее освобождение американских журналов от налогов на рекламу значительным повышением в ней доли материалов о Канаде. «Тайм» прекратил выпуск канадского издания, а «Ридерс дайджест» предпочел приспособиться к новым требованиям. Не отступили канадцы и от своих решений относительно телевизионной рекламы.

Открытие богатейших месторождений нефти и газа на

севере Аляски и Канады вызвало огромный интерес крупнейших американских монополий к этим районам, что в свою очередь привело к острым канадо-американским противоречиям в Арктике. Канадцы были встревожены, когда в 1969 и 1970 гг. американский супертанкер «Манхэттен» осуществил два пробных рейса, стремясь пройти из Атлантики до Аляски северным путем. Во время этих рейсов американцы продемонстрировали, что не признают суверенитета Канады по крайней мере над акваторией Арктического архипелага за пределами территориальных вод, считая ее открытым морем. В условиях, когда хозяйственное освоение Канадой многочисленных островов архипелага было практически равно нулю, проблема суверенитета над всем этим огромным районом, обладающим очевидными перспективами для экономического развития в будущем, стала неотложной.

Весной 1970 г. канадский парламент принял два закона, в соответствии с которыми территориальные воды страны были расширены с трех до двенадцати морских миль и была создана зона исключительной ответственности Канады за охрану природной среды Арктики к северу от 60-й параллели, граница которой отстояла на 100 миль от ближайшей канадской территории. Первый закон ставил под суверенный контроль канадцев единственный практически возможный морской путь из Атлантики через канадскую Арктику в Тихий океан, а второй — фактически обеспечивал канадский суверенитет над всем этим районом⁷. США официально заявили о своем отказе признавать канадское законодательство, обвинив правительство П. Трюдо в нарушении норм международного права.

Стремясь избежать открытой конфронтации с Соединенными Штатами, канадцы не стали немедленно вводить в действие эти законы и выжидали более двух лет, до августа 1972 г., пока необходимость принятия серьезных мер в области охраны окружающей среды не получила широкого международного признания, в частности в решениях Стокгольмской конференции ООН 1972 г. по данной проблеме. Однако и тогда, и позже американцы так и не изменили своей позиции, отказываясь признавать канадское законодательство⁸.

Международные (вне области двусторонних отношений) вопросы также являются сферой проявления расхождений и противоречий между Канадой и США. В то время как американские империалисты выступают в роли лидера всего капиталистического мира и выдвигают претензии на

мировое господство, канадская правящая верхушка ведет себя значительно осторожнее, сдержаннее, что объясняется куда более ограниченными экономическими и военными возможностями Канады и ее уже упоминавшейся выше повышенной заинтересованностью в укреплении мира и международной безопасности. Проявление этой заинтересованности, однако, нередко деформировалось под влиянием Соединенных Штатов.

Так, в период агрессии США против Вьетнама, Лаоса и Кампучии канадцы, с одной стороны, активно сотрудничали с американцами в рамках соглашения 1959 г. о программе совместного производства вооружений, снабжая их снаряжением и вооружением, которые затем использовались против народов Юго-Восточной Азии, а с другой — не уступили давлению США и не послали свои войска даже в «символических» размерах на помощь интервентам, предоставляя в то же время убежище в Канаде многим десяткам тысяч молодых американцев, отказавшихся служить в армии и воевать против вьетнамцев. Следует отметить также, что военная авантюра США в Юго-Восточной Азии вызвала в Канаде острую критику всей американской внешней политики, ее моральных основ, способствовала росту требований проведения независимого внешнеполитического курса, отвечающего национальным интересам страны.

Примеров несовпадения позиций Канады и США по крупным международным вопросам при правительстве П. Трюдо немало. В мае 1970 г. на сессии НАТО в Риме канадцы выступили за расширение круга вопросов для обсуждения со странами Варшавского Договора. На сессии НАТО в следующем году в Лиссабоне они заняли более мягкую, нежели американцы, позицию относительно условий соглашения западных стран на созыв Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В 1970 г., несмотря на противодействие Вашингтона, правительство П. Трюдо установило дипломатические отношения с КНР, а затем выступило в ООН за предоставление КНР места постоянного члена Совета Безопасности, хотя США были против этого. В 1972 г. канадцы отошли от прежней поддержки американской позиции относительно условий проведения ядерных взрывов в мирных целях, выдвинув свои предложения, которые приближались к позиции Советского Союза в этом вопросе. В том же году они впервые не поддерживали американскую схему контроля ядерных испытаний путем инспекций на месте, признав достаточность

сейсмических методов. Испытание американцами ядерного оружия на острове Амчитка в ноябре 1971 г., проведенное вопреки неоднократным просьбам канадских правительства и парламента о его отмене, вызвало взрыв массового возмущения в стране. Противоречило линии США и занятие Канадой в дальнейшем негативной позиции в отношении любых видов ядерных испытаний.

Опасения канадцев, что безрассудные действия США могут привести к глобальному конфликту, грозящему Канаде национальной катастрофой, проявились в реакции кругов, близких к правительству П. Трюдо, на заявление государственного секретаря США Г. Киссинджера в 1975 г. о возможности использования американцами военной силы против нефтедобывающих государств Ближнего Востока. Это заявление было осуждено как чреватое угрозой третьей мировой войны и как могущее в принципе быть примененным также и против Канады⁹.

Заинтересованность Канады в сохранении и развитии международной разрядки была продемонстрирована весной 1976 г., когда президент США Дж. Форд в ходе избирательной кампании объявил об отказе от употребления термина «разрядка». Выступая после этого в штаб-квартире ООН, канадский министр иностранных дел А. Маккенен подчеркнул, что его правительство не собирается копировать позицию американской администрации¹⁰.

Вплоть до конца 70-х годов отношение Канады к Кубе вызывало недовольство американцев. Канадо-кубинские политические и торгово-экономические связи продолжали успешно развиваться, а попытки американцев срывать выполнение кубинских заказов канадскими филиалами компаний США путем применения пресловутого закона «О торговле с врагом» натолкнулись на решительное противодействие канадцев и успеха не имели. Официальный визит П. Трюдо на Кубу в 1976 г., встреченный в штыки сторонниками континентализма, был положительно оценен в деловых кругах Канады как действенное мероприятие по укреплению их позиций на кубинском рынке¹¹.

Во второй половине 70-х годов в канадо-американских отношениях произошло смягчение остроты разногласий, вызванное рядом факторов. Прежде всего следует назвать мировой экономический кризис 1974—1975 гг., который особенно сказался на экспортных возможностях Канады, сократив емкость рынков ее партнеров из числа как развитых капиталистических, так и развивающихся стран. В этих условиях усилия канадцев по реализации планов

значительного расширения торговли со странами Западной Европы и Японией в противовес Соединенным Штатам оказались малоэффективными. В обстановке, когда в экономике США оживление происходило быстрее, чем в странах ЕЭС, американский рынок, который по-прежнему поглощал до 70 % канадского экспорта, выглядел более привлекательным, а обеспечение его доступности требовало избегать серьезных конфликтов с США. Постепенное сокращение новых прямых инвестиций из США к середине 70-х годов привело к тому, что резкая критика господства американского капитала в ключевых отраслях экономики Канады сменилась требованиями обеспечить приток американского капитала в размерах, могущих помочь остановить рост безработицы в стране.

Отношение канадского общественного мнения к Соединенным Штатам также претерпевало изменения. Критика внешней и внутренней политики американской администрации после того, как война во Вьетнаме и уотергейтский скандал ушли в прошлое, стала ослабевать и все чаще сменяться призывами к новому сближению с США.

Важнейшим внутривнутриполитическим фактором, затруднявшим проведение Оттавой политики, которая могла вызвать недовольство Вашингтона, стала победа сепаратистской партии на провинциальных выборах в Квебеке в ноябре 1976 г. Успех Квебекской партии грозил перечеркнуть все усилия П. Трюдо по ликвидации угрозы единству канадской конфедерации со стороны движения франкоканадцев. Реализация замысла сепаратистов — достижения независимости Квебека — во многом зависела от отношения к их планам правительственных и деловых кругов США. Все это вынуждало канадское правительство добиваться расположения американской администрации и конгресса. В свою очередь президент США Дж. Картер провозгласил необходимость улучшения отношений Соединенных Штатов со своими соседями — Канадой и Мексикой.

Взаимное стремление правящих кругов Канады и США разрядить напряженность в канадо-американских отношениях проявилось в ходе официального визита П. Трюдо в Вашингтон в феврале 1977 г. Перед визитом канадцы приняли решение о дополнительных поставках нефти и газа в США в связи с нехваткой там топлива из-за необычайно холодной зимы. Было также временно прекращено изъятие американской рекламы из программ кабельного американского телевидения, вызывавшее антиканадскую

активность целой группы американских конгрессменов. Выступая в конгрессе США, канадский премьер-министр ни словом не упомянул о существовании канадо-американских разногласий и противоречий, что вызвало положительную реакцию аудитории. В ходе переговоров П. Трюдо и Дж. Картер согласились взаимно не распространять до конца года режим 200-мильной зоны на рыбаков обеих стран. И что самое важное, П. Трюдо пошел навстречу пожеланию президента США, дав обещание в течение полугода рассмотреть сложный вопрос о постройке на канадской территории трубопровода для транспортировки природного газа с севера Аляски в американские штаты Дальнего и Среднего Запада, проект которого вызывал в Канаде серьезные возражения специалистов и резкую оппозицию аборигенного населения Юкона и Северо-Западных территорий, а также многих представителей широкой общественности. Предрешенность положительного итога этого рассмотрения была очевидна, что подтвердилось в сентябре того же года, когда соглашение о сооружении этого трубопровода было подписано. Чтобы нейтрализовать антиканадские настроения и устранить недоверие среди части американских конгрессменов, П. Трюдо также согласовал с Дж. Картером проект соглашения о гарантиях безопасности материалов, транспортируемых по трубопроводам в Соединенные Штаты через территорию Канады, которое было подписано вскоре после окончания визита.

Серьезные уступки канадского правительства американцам оказали определенное воздействие на позицию США. Президент Картер сделал публичное заявление в поддержку единства канадской конфедерации, что было крайне важно для П. Трюдо, так как оно лишало квебекских сепаратистов надежды на получение политической поддержки со стороны американской администрации ¹².

В результате этого визита общая обстановка в канадо-американских отношениях заметно улучшилась. Американская сторона демонстрировала большее понимание канадских проблем, форм и методов их решения, примером чего может служить постепенное прекращение критики Оттавы за повышение цен на экспортируемые в США нефть и природный газ и даже за реализацию плана постепенного прекращения поставок канадской нефти. Более того, канадцам предлагались некоторые торговые послабления. В ходе визитов в Канаду вице-президента США У. Мондейла и государственного секретаря С. Вэнса в 1978 г. оба представителя американской администрации подтвердили

неизменность сформулированной Дж. Картером позиции относительно единства Канады¹³.

Проявлением «нового сближения» между Канадой и США стали участвовавшие межправительственные консультации для обсуждения оставшихся нерешенными вопросов двусторонних отношений. Так, уже в 1977 г. было достигнуто соглашение о повышении сборов за пользование сооружениями глубоководного морского пути по реке Святого Лаврентия. В целом, как единодушно отмечали обозреватели в самой Канаде и в США, с 1977 г. правительство П. Трюдо стало явно отступать от намерений, сформулированных в 1972 г. М. Шарпом, от установок политики «третьей альтернативы». Национальная тенденция во внешней политике Канады в целом пошла на убыль при одновременном усилении континенталистской.

Речь идет именно о тенденции, о преобладающем качестве конкретных проявлений отношений между странами. И после 1976 г. между Канадой и США неоднократно возникали разногласия, которые требовали разрешения на межгосударственном уровне. Отказ канадцев отменить законодательство, лишавшее американские телевизионные станции района Великих озер доходов от канадской рекламы, привел к тому, что в налоговое законодательство США вошла поправка, ограничившая с 1977 г. размеры расходов американцев в связи с участием в различных конференциях и т. п. за пределами Соединенных Штатов, что больно ударило по доходам канадского туристского бизнеса.

Американцы откровенно затягивали начало строительства газового трубопровода с Аляски, с которым в Канаде связывали надежды на оживление темпов развития экономики. Американских бизнесменов явно не устраивало стремление канадцев взять на себя выполнение основных поставок для строительства и осуществление самого строительства канадской части трубопровода. Заверения Дж. Картера о поддержке его администрацией этого проекта, данные им во время визита П. Трюдо весной 1979 г. в Вашингтон, практического результата не дали, так же как и усилия М. Шарпа, направленного канадцами в США для переговоров по этому вопросу. Почти одновременно вновь обострился уже, казалось бы, улаженный конфликт в связи с сооружением гидротехнического комплекса на реке Гаррисон в штате Северная Дакота. Из очередного доклада министра внутренних дел США канадцы узнали, что, несмотря на данные им обещания, вновь намечено строи-

тельство ряда объектов, вызывавшее категорические возражения канадских представителей на неоднократных переговорах.

До ухода в отставку правительства П. Трюдо, потерпевшего поражение на выборах в мае 1979 г., ему так и не удалось урегулировать расхождения между Канадой и США, связанные с введением обеими сторонами 200-мильной «экономической зоны» вдоль своего побережья. Камнем преткновения оказалась делимитация пограничных участков шельфа и рыболовных зон в четырех районах Атлантики, Тихого океана и Арктики. В спор о конкретном прохождении границы оказались с обеих сторон втянутыми рыбаки, хозяева рыбообрабатывающей промышленности и связанные с ними политические круги соответствующих провинций и штатов. Открытие месторождений нефти и газа в спорных районах шельфа у Атлантического побережья усугубило сложности, стоявшие перед участниками специальных переговоров, которые к лету 1978 г. зашли в тупик. В июне канадцы прекратили действие соглашения о рыболовстве с Соединенными Штатами и закрыли американцам доступ в свою зону для коммерческого лова, что немедленно вызвало аналогичную ответную меру со стороны США. В конечном счете удалось разработать компромиссные проекты соглашений только о рыболовстве у атлантического и тихоокеанского побережий. Преодолеть расхождения по вопросу о разграничении «экономических зон» оказалось невозможным ввиду крайней неуступчивости американцев, и было решено передать этот спор на международный арбитраж. Это было беспрецедентным в истории отношений между США и Канадой после принятия Вестминстерского статута в 1931 г.

Канадо-американские разногласия во второй половине 70-х годов не ограничивались областью двусторонних отношений.

Выступая на первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению в мае 1978 г., П. Трюдо выдвинул проект «стратегии удушения» гонки вооружений¹⁴, что явно расходилось с планами и действиями администрации Дж. Картера. На состоявшейся вслед за этим сессии НАТО в Вашингтоне канадский премьер-министр заявил о своей поддержке политики разрядки международной напряженности, мотивируя ее тем, что в долгосрочном плане альтернативы этой политике не существует. В обстановке, когда американский президент призывал членов НАТО к усилению гонки вооружений,

П. Трюдо вновь огласил свой проект стратегии ее «удушения» и практически выступил против американских планов производства нейтронной бомбы. Вместе с тем его позиция страдала непоследовательностью, отражавшей давление на канадское правительство со стороны правящей верхушки США и усиление влияния проамерикански настроенных кругов в самой Канаде. На той же сессии НАТО П. Трюдо одобрил «идею и цели» принятой на ней долгосрочной программы наращивания военных усилий этого агрессивного блока.

Развитие канадо-американских отношений в 1977—1979 гг. до поражения правительства П. Трюдо на выборах 1979 г. в целом показало, что возможности улучшения этих отношений путем направленных усилий правительств обеих стран имеют определенные пределы, связанные прежде всего с экономическими интересами партнеров.

Приход к власти в Канаде консерваторов во главе с Дж. Кларком, не имевшим ни опыта, ни авторитета его предшественника в области международной политики, сначала вызвал в Вашингтоне чувство беспокойства. Однако за недолгие девять месяцев пребывания у власти правительство Дж. Кларка проявило себя усердным сторонником континенталистского курса. Это нашло практическое отражение в первом же заявлении нового министра торговли М. Уилсона, который призвал сосредоточить усилия на дальнейшем развитии уже имеющихся торговых связей с США, а не на торговле со странами Европейского экономического сообщества, как призывали либералы, политика которых, как он утверждал, не оправдала себя.

Наглядным примером стремления консерваторов добиться благожелательного отношения со стороны Соединенных Штатов может служить политика Дж. Кларка в одной из наиболее напряженных областей канадо-американских отношений — энергетической. Явно на руку американским нефтяным монополиям было решение правительства консерваторов денационализировать созданную либералами государственную компанию «Петро-Канада», которая постепенно вырастала в серьезного конкурента американцев в отрасли, где они давно привыкли чувствовать себя неоспоримыми хозяевами.

Отклоняя на словах предложения американцев о создании энергетического общего рынка с участием Канады, США и Мексики, консерваторы шли навстречу американцам в решении целого ряда конкретных вопросов в этой области. Так, зимой 1979/1980 г. правительство Дж. Клар-

ка спешно рассмотрело и одобрило план увеличения экспорта природного газа в США до 1987 г. почти наполовину, хотя самой Канаде угрожала нехватка энергоресурсов. Затем было пересмотрено решение либералов о постепенном сокращении и прекращении продажи нефти американцам, которое было вызвано истощением ее запасов и ростом неудовлетворенного спроса в самой Канаде. Наконец, в январе 1980 г. стало известно о согласии Дж. Кларка с решением Дж. Картера одобрить проект транспортировки нефти с Аляски на американский Запад, предусматривающий танкерные перевозки вдоль побережья Британской Колумбии, против чего либералы решительно возражали. Помимо создания серьезной угрозы экологии тихоокеанского побережья Канады реализация этого проекта практически исключала возможность осуществления планов строительства трубопровода по канадской территории, чего добивалось правительство П. Трюдо¹⁵.

Наиболее наглядно континенталистская проамериканская ориентация консерваторов проявилась в их внешней и военной политике. Лишь кратковременность их правления не позволила им «развернуться» в полную силу и осуществить все свои замыслы.

Еще в ходе избирательной кампании 1979 г. Дж. Кларк обещал в случае победы увеличить вклад Канады в НАТО, военный бюджет страны и общую численность ее вооруженных сил. Став премьер-министром, он заверил, что его правительство будет полностью выполнять принятое в 1978 г. решение НАТО о ежегодном повышении на 3 % фактических расходов на военные нужды вплоть до 1984 г. независимо от экономического положения Канады. Буквально накануне своего поражения в парламенте, в декабре 1979 г., правительство консерваторов поддержало американский план размещения в Западной Европе ядерных ракет средней дальности и фактически вызвалось помогать ФРГ и другим сторонникам этого плана преодолеть сопротивление ему со стороны таких стран, как Голландия. Вторя представителям Пентагона, министр иностранных дел Канады Ф. Макдональд заявила о необходимости вести переговоры с социалистическими странами, «имея сильную позицию». Консерваторы выступали за активное участие Канады в военных приготовлениях на северном фланге НАТО, в Норвегии.

В ходе подготовки к внеочередным парламентским выборам Дж. Кларк попытался переключить внимание избирателей с обсуждения провала политики правитель-

ства в решении экономических и внутриполитических проблем на вопросы внешней политики. С этой целью была организована шумная кампания в поддержку действий президента США Дж. Картера, направленная на подрыв разрядки и конфронтацию с Советским Союзом (в качестве предлога использовались события в Иране и Афганистане). Вслед за американским президентом Дж. Кларк пошел на резкое одностороннее ограничение торгово-экономических, научно-технических и культурных связей Канады с СССР. Он выступил также против участия канадских спортсменов в Олимпийских играх в Москве.

Администрация США выражала открытое одобрение действий правительства Дж. Кларка. Американские средства массовой информации превозносили «союзническую верность» Канады (особенно после нелегального вывоза канадскими дипломатами из Ирана шести работников посольства США в Тегеране), создавали широкую рекламу обещаниям Дж. Кларка рассмотреть идею о посылке канадских вооруженных сил на помощь американцам в случае необходимости в район Персидского залива, сообщениям о намерении канадского правительства разрешить Соединенным Штатам использовать базы канадских ВВС для переброски американских войск на Ближний и Средний Восток.

В условиях, когда зимой 1979/80 г. западноевропейские союзники США не проявляли особого энтузиазма в поддержке ближневосточных действий американцев, полное одобрение политики США в этом районе со стороны правительства Канады высоко оценивалось в Вашингтоне. Канадская же общественность, наоборот, проявляла заметную озабоченность в связи с угрозой развертывания нового раунда «холодной войны» с ее возможными отрицательными последствиями для Канады. А когда после объявления президента США о своем намерении провести регистрацию военнообязанных Ф. Макдональд заявила, что канадское правительство не станет пускать в Канаду молодых американцев, которые захотят, как в годы войны во Вьетнаме, уклониться от призыва в армию, многие канадцы открыто выразили протест против такой позиции консерваторов и в знак осуждения планов Дж. Картера предложили американским противникам военной службы свои услуги. Готовность правительства Дж. Кларка поддерживать любой шаг Вашингтона, наглядно проявившаяся в заявлении Ф. Макдональд, подверглась резкой критике в канадской печати как линия, не отвечающая интересам страны. Как

справедливо отмечали канадские коммунисты, полный провал консерваторов на всеобщих выборах 18 февраля 1980 г., менее чем через девять месяцев после прихода к власти, свидетельствовал об осуждении большинством избирателей не только экономической и внутренней политики правительства Дж. Кларка, но также и проамериканского курса его внешней политики ¹⁶.

После возвращения к власти либералов во главе с П. Трюдо отношения с Соединенными Штатами продолжали оставаться главным направлением внешней политики Канады. В США победа либералов во главе с П. Трюдо расценивалась некоторыми обозревателями как сигнал о вероятном новом отходе Канады от тесного сотрудничества с Соединенными Штатами. Что касается П. Трюдо, то во время избирательной кампании и сразу после выборов он сделал ряд заявлений, свидетельствовавших о стремлении сохранить за Канадой возможность принимать самостоятельные решения в области внешней политики, исходящие прежде всего из ее собственных интересов. Он также выражал сомнение в разумности одобренного Дж. Кларком решения Дж. Картера бойкотировать летние Олимпийские игры в Москве и намерения консерваторов увеличить военные расходы.

Первые же месяцы нового правления либералов продемонстрировали сложность реализации высказанных намерений в сфере отношений Канады с США. При консерваторах ни одна из основных текущих проблем этих отношений не была решена, что неудивительно, принимая во внимание их глубинную основу. Среди таких проблем вновь одно из первых мест занимал огромный дефицит Канады в торговле с США товарами автомобильной промышленности как следствие действия автопакта 1965 г., который американцы не собирались пересматривать. Значение энергетической проблемы как источника канадо-американских разногласий не уменьшалось не только вследствие затягивания американцами начала строительства своей части газопровода с Аляски через Канаду. Бесцеремонное поведение американских нефтяных монополий весной 1979 г., поставившее под угрозу энергоснабжение восточных районов Канады, вынудило правительство П. Трюдо принять меры по предотвращению подобных случаев в будущем. В апреле 1980 г. во время визита в Канаду президента Мексики Л. Портильо было подписано соглашение, по которому, в частности, предусматривались поставки в Канаду мексиканской нефти. Примечательной чертой соглашения было

полное отстранение от этих импортных операций американских компаний и их канадских филиалов путем передачи всех этих дел государственной компании «Петро-Канада». Не удивительно, что такое решение вопроса вызвало отрицательную реакцию в кругах могущественного нефтяного бизнеса США и его влиятельных представителей в Вашингтоне. Еще раньше было объявлено о намерении правительства контролировать цены на нефть, что являлось прямым следствием критики американских нефтяных монополий со стороны П. Трюдо во время предвыборной кампании.

Пользуясь тем, что сенат США уже более года тянул с ратификацией соглашения о рыболовстве у Атлантического побережья, американцы усилили промысел, вдвое превышая существовавшие прежде квоты добычи, и летом 1980 г. вновь началась «рыболовная война». Не двинулось с места решение старого спора относительно рекламы в программах американского телевидения и радиовещания. До межгосударственного уровня выросла сравнительно «молодая» проблема загрязнения атмосферы пограничных районов. После того как американская администрация утвердила программу переключения в ближайшие годы предприятий коммунального обслуживания северо-запада США с нефти на уголь, канадский министр по делам окружающей среды Дж. Робертс обратился к американцам с требованием обеспечить эту программу жесткой системой контроля. Он указал на то, что в результате отсутствия такого контроля на предприятиях по американскую сторону границы наносится огромный ущерб животному и растительному миру, сельскому хозяйству приграничных районов Канады. Его коллега М. Макгиган, публично критикуя американцев за то, что они в этом случае не провели консультаций с Оттавой, напомнил, что на совещании «семерки» в Токио в 1979 г. они договорились не увеличивать загрязнения воздуха мерами по сокращению потребления нефти.

Если в сфере экономики правительство П. Трюдо, как и в предыдущие годы, в меру своих возможностей отстаивало интересы Канады, прежде всего ее деловых кругов, то иная картина наблюдалась в сфере внешней политики, где оно уступало нажиму Соединенных Штатов по ряду важнейших вопросов. Либералы продолжали линию своих предшественников — консерваторов в отношении американо-иранского конфликта, присоединившись практически ко всем невоенным антииранским мероприятиям США.

Занятие позиции поддержки Соединенных Штатов облегчалось для канадцев тем, что в отличие от западноевропейцев или японцев они практически не покупали нефть в Иране и экономические потери от политики, проводившейся правительствами обеих крупнейших буржуазных партий Канады, были относительно невелики. Но попытка высадки американского военного десанта в Иране для освобождения заложников в посольстве США в Тегеране не получила одобрения П. Трюдо.

Весьма рельефно зависимость Канады от США в области внешней политики проявилась в связи с событиями в Афганистане. Во время избирательной кампании П. Трюдо стремился не связывать себя поддержкой не прикрыто проамериканской позиции консерваторов в этом вопросе. Он подчеркивал, что премьер-министр Дж. Кларк принимает важные решения по поводу изменений в канадской внешней политике в обстановке, когда правительство уже не пользуется доверием парламента, единолично, без всякого согласования с ним, лидером оппозиции. Став премьер-министром, П. Трюдо прямо заявил, что «нигде некомпетентность консервативного правительства не нанесла такого большого ущерба Канаде, как в области внешней политики».

Но каких-либо реальных шагов в направлении изменения положения вещей не последовало. Накануне прибытия в Канаду государственного секретаря США С. Вэнса, 22 апреля 1980 г., М. Макгиган объявил в парламенте о решении правительства, подтверждающем позицию своих предшественников — консерваторов относительно бойкота XXII Олимпиады в Москве и все другие введенные Дж. Кларком ограничения на развитие советско-канадских отношений. Мотивируя это решение, канадский министр иностранных дел фактически лишь повторил американскую версию развития и оценку афганских событий. Комментируя заявление Макгигана, канадская газета «Оттава ситизен» отметила, что оно «обрадовало» С. Вэнса.

Затем, однако, в отношениях Канады с США вновь наступил период обострений. Он начался еще до прихода к власти президента Р. Рейгана. В октябре 1980 г. правительство Трюдо обнародовало проект Национальной энергетической программы, одной из основных целей которой была «канадизация» нефтегазовой промышленности страны, на $\frac{3}{4}$ принадлежавшей американским ТНК (см. гл. VI). Американские корпорации встретили ее в штыки: их филиалы в Канаде стали сокращать объемы геологи-

ческой разведки, новых капиталовложений и, наконец, отказались на неопределенное время от реализации проектов сооружения по канадской территории газопровода Аляска — США, а также извлечения нефти из битуминозных песков района Атабаска (провинция Альберта). В свою очередь официальный Вашингтон на всех уровнях оказывал сильнейшее давление на Оттаву, добиваясь отмены программы. В канадском парламенте роль защитника интересов американских нефтяных монополий взяла на себя консервативная партия, тесно связанная с крупным бизнесом Альберты. Но правительство Трюдо не уступило, добилось принятия программы парламентом и начало ее осуществлять.

Одновременно Оттава объявила о намерении расширить сферу действия Агентства по проверке иностранных капиталовложений (ФИРА), деятельность которого с момента его создания в 1974 г. вызвала открытое недовольство американцев. Настойчивые демарши представителей деловых кругов и администрации США против планов усиления ФИРА на этот раз достигли цели — правительство Трюдо решило отложить их реализацию.

В свою очередь попытки канадцев добиться в Вашингтоне положительного для себя решения ряда спорных вопросов двусторонних отношений натолкнулись на жесткую неуступчивость новой администрации. При Рейгане канадцы так и не добились пересмотра некоторых положений автопакта 1965 г., которые вызывали растущий дефицит канадской торговли с США товарами автопромышленности. Не добились они и выполнения американской стороной обязательств и обещаний относительно контроля над состоянием окружающей среды — опасное загрязнение вод Великих озер и атмосферы пограничных районов токсичными выбросами американских предприятий продолжалось.

Ни один из спорных вопросов канадо-американских отношений не был решен в ходе официального визита Рейгана в Оттаву в марте 1981 г. Более того, накануне визита он отозвал из сената для пересмотра подписанное еще в 1979 г. соглашение с Канадой о режиме рыболовства в приграничной зоне у Атлантического побережья. Тем самым президент фактически стал на сторону рыбопромышленников Новой Англии, которые добивались изменения условий соглашения в свою пользу.

В дальнейшем развитие отношений между Канадой и США в двусторонней области во многом определялось качественным различием в подходе Трюдо и Рейгана к ре-

шению основных экономических проблем. Премьер-министр Канады продолжал проводить политику усиления регулирующей роли государства в развитии национальной экономики, тогда как президент США упорно твердил о необходимости ослабления такого вмешательства.

При Рейгане обнаружились и обострились канадо-американские противоречия также по ряду вопросов внешней политики. Канадцы с самого начала отказались принять участие в антикоммунистическом походе президента США против национально-освободительного движения в Центральной Америке, справедливо утверждая, что подъем движения вызван исключительно факторами социального и внутривнутриполитического развития этого района. Трюдо и его министры неоднократно критиковали военное вмешательство США в поддержку правящей реакционной хунты Сальвадора.

Неспровоцированное вторжение американской морской пехоты на Гренаду и ее оккупация в октябре 1983 г. поставили правительство Трюдо в нелегкое положение. Белый дом прибег к открытому применению военной силы, демонстративно игнорируя при этом мнение Оттавы, в районе, который канадцы официально объявили сферой своего особого внимания. Усилия Канады по развитию экономического и политического сотрудничества со странами Карибского сообщества оказались грубо подорванными американской интервенцией.

Правительство Трюдо передало Вашингтону по дипломатическим каналам свое осуждение агрессии против Гренады как «неоправданной», канадский премьер-министр высказался в этом же духе в парламенте. Но вступать в открытый конфликт с США Канада не решилась. При голосовании проекта резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, осуждающего противоправную и аморальную акцию США против Гренады, канадская делегация воздержалась¹⁷.

Вообще подход Трюдо к проблеме взаимоотношений стран Запада с развивающимися странами значительно отличался от подхода Рейгана, что вело к обострению канадо-американских трений в этой области. В период подготовки совещания лидеров «большой семерки» летом 1981 г. в Оттаве Трюдо, как организатор встречи, приложил много сил, чтобы добиться серьезного обсуждения на ней проблемы «Север — Юг». Он выступал за увеличение государственной помощи развивающимся странам со стороны Запада, чтобы обеспечить растущие рынки товаров за-

падных стран и — что еще важнее — предотвратить назревающий кризис в отношениях между двумя группами государства ¹⁸. Усилия Трюдо были блокированы жесткой позицией Рейгана, который проводил курс на сокращение ассигнований на оказание экономической помощи развивающимся странам по государственной линии, оставляя это поле деятельности частному капиталу, а также ратуя за применение Западом силы для решения в свою пользу конфликтов с развивающимся миром и подавления национально-освободительного движения народов.

Расхождения между Трюдо и Рейганом проявлялись и по таким фундаментальным проблемам современности, как сохранение мира. В то время как президент США возглавлял попытки реакционных кругов империалистических государств возродить «холодную войну», премьер-министр Канады продолжал выступать в пользу сохранения разрядки, за решение международных разногласий путем переговоров, против гонки ядерных вооружений. При этом П. Трюдо не останавливался перед критикой американских авантюристических планов ведения длительной ядерной войны «на выигрыш», а также безответственных попыток Вашингтона выдвигать предварительные политические условия ведения переговоров с Советским Союзом *.

Вместе с тем большая экономическая и военная зависимость Канады от США в условиях нового обострения международной обстановки при Рейгане неизбежно вела к непоследовательности и отступлениям при попытках канадского правительства проводить самостоятельный курс во внешнеполитической области. Примером может служить заключение в начале 1983 г. американо-канадского соглашения об испытании на канадской территории новых видов американского оружия. В первую очередь речь шла об испытании американских крылатых ракет на севере Альберты, которая привлекла к себе внимание Пентагона из-за сходства с природными условиями Советского Союза. Соглашение Оттавы на эти испытания вызвало в стране бурю протестов, так как явно противоречило национальным интересам канадского народа и официальной позиции правительства Канады по вопросам всеобщего разоружения, сформулированной ранее самим Трюдо.

* Примером может служить выступление Трюдо в университете Нотр-Дам, штат Индиана (США), в мае 1982 г. (Extract from Prime Minister Trudeau's Speech at Notre-Dame University, Indiana, USA, 16.V.1982).

В целом в период пребывания у власти П. Трюдо и президента США Рейгана в канадо-американских отношениях наблюдались увеличение числа неурегулированных вопросов и рост напряженности в общей атмосфере этих отношений. Это отражало объективный характер противоречий, которые лежали в основе такой эволюции отношений между Канадой и Соединенными Штатами, а также свидетельствовало об обострении этих противоречий.

3. Отношения с Западной Европой и Японией

Новое, чрезвычайно важное для Канады значение приобрели в последнее десятилетие ее отношения с Западной Европой и Японией. Превращение этих отношений в некий противовес влиянию Соединенных Штатов, прежде всего в экономической области, было объявлено в Белой книге 1970 г. одной из главных ближайших задач канадской внешней политики, основным направлением усилий по диверсификации внешнеэкономических связей страны. После внезапного введения американцами дополнительной импортной пошлины в августе 1970 г. опасность односторонней ориентации внешней торговли Канады на США стала, как никогда, очевидной, что подтолкнуло Оттаву к конкретным действиям.

Первые же попытки правительства П. Трюдо создать для будущего расширения экономических отношений со странами Западной Европы юридическую базу в форме общего торгового соглашения с ЕЭС показали, что это трудная и сложная задача. Все послевоенное время канадцы фактически игнорировали в плане сотрудничества Западную Европу, экономические и политические связи с нею не были достаточно развиты. Особенно это касалось Франции, одного из лидеров ЕЭС, с которой даже после смерти де Голля (публичная поддержка им квебекских сепаратистов во время посещения Монреаля в 1967 г. вызвала крайне негативную реакцию канадского правительства) отношения оставались прохладными. Европейцы, привыкшие видеть в Канаде только послушного партнера Соединенных Штатов, в свою очередь были не готовы с доверием воспринять заверения канадских представителей в 1972—1973 гг., что Канада стремится к всестороннему сближению с Западной Европой, исходя при этом из своих собственных, отличных от американских интересов.

Столкнувшись с настороженностью западноевропейцев,

П. Трюдо прибег к методу «личной дипломатии» и в 1974—1975 гг. совершил серию поездок в столицы стран — участниц ЕЭС, начиная с Парижа, где ему пришлось преодолевать не только инерцию взглядов на Канаду в правительственных кругах, но и недоброжелательность влиятельных голлистов, симпатизирующих квебекским сепаратистам.

В ходе этих визитов выяснились два основных условия получения согласия стран ЕЭС на заключение экономического соглашения с Канадой. Прежде всего западноевропейцы хотели получить свободный доступ к канадскому сырью и право вывозить его в минимально обработанном виде. Это вытекало из исторически сложившейся структуры экономики стран ЕЭС. Но для канадцев согласие удовлетворить такое требование означало бы отказ от собственных намерений совершенствовать структуру национальной экономики в направлении развития обрабатывающей промышленности и увеличения в экспорте доли готовых промышленных товаров. Второе условие состояло в изменении военной политики Канады. Западные европейцы, прежде всего лидеры ФРГ, требовали компенсировать сокращение канадского контингента в европейских силах НАТО, осуществленное в начале 70-х годов, увеличением общего вклада Канады в военные мероприятия этого военного блока в Западной Европе.

Столкнувшись с жесткой позицией партнеров по переговорам, правительство П. Трюдо было вынуждено пойти на уступки. В конце 1975 г. оно утвердило долгосрочную программу переоснащения канадских вооруженных сил, а в середине 1977 г. приняло решение об увеличении их численности. Все это по сути противоречило объявленному еще в 1969 г. самим П. Трюдо намерению руководствоваться в военной политике интересами не НАТО, а в первую очередь самой Канады. Вместе с тем Оттава отказалась изменить в пользу западноевропейцев условия эксплуатации канадских природных ресурсов, подчеркивая при этом, что нежелание ЕЭС более тесно сотрудничать с Канадой в экономической сфере грозит Сообществу потерей всяких возможностей в данной области в результате неизбежного в таком случае ускорения процесса канадо-американской экономической интеграции.

Правительству П. Трюдо удалось достичь своей цели — в июле 1976 г. Канада и ЕЭС заключили Общее соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве¹⁹. Однако в условиях вялой экономической конъюнктуры в Западной

Европе и в самой Канаде после кризиса 1974—1975 гг. старые связи с США продолжали брать верх: торговля между партнерами по соглашению росла медленнее, чем канадо-американская. Это в свою очередь давало повод континенталистам, прежде всего из рядов консервативной партии, требовать полного отказа от идеи создания «противовесов» Соединенным Штатам как нереальной и отвлекающей силы и время от укрепления уже имеющихся выгодных связей с США.

Стремление канадцев убедить западноевропейцев в серьезности канадской заинтересованности в Старом Свете проявилось в активном отношении Канады к общеевропейскому Совещанию по безопасности и сотрудничеству. П. Трюдо дал высокую оценку итогам Совещания и подчеркнул, что участие в нем Канады представляет собой конкретный шаг по пути развития всесторонних связей между нею и Европой в противовес отношениям с США.

В целом как в Хельсинки, так и на последующих сессиях участников Совещания в Белграде и в Мадриде представители Канады выступали с общенатовских позиций. Правительство либералов отказалось, однако, от участия в демагогической кампании, поднятой американской администрацией «в защиту прав человека», как чреватой возрождением «холодной войны». Правительство же консерваторов активно присоединилось к крикливым американским нападкам на Советский Союз, явно рассчитывая заслужить благосклонность Вашингтона. Линия консерваторов осуждалась канадской общественностью, представители которой указывали, что, учитывая неудовлетворительное положение с обеспечением прав человека в самой Канаде, позиция правительства Дж. Кларка так же лицемерна, как и позиция администрации Дж. Картера²⁰.

Япония закономерно заняла важное место в канадских планах и действиях, нацеленных на создание «противовесов» США. Японцы с готовностью шли на расширение товарооборота с Канадой (с 1973 г. Япония заменила Англию в качестве второго торгового партнера Канады). При этом, однако, они по-прежнему закупали почти исключительно канадское сырье, тогда как экспортировали в Канаду практически одни промышленные товары, что никак не могло устраивать канадцев. Обильный поток японских инвестиций в канадскую экономику был нацелен на обеспечение промышленности Японии дешевым сырьем. Результатом серии переговоров между премьер-министрами двух стран было подписание канадо-японского соглашения об

основах экономического сотрудничества в 1976 г. и признание японцами того, что намерение Канады углублять обработку своего сырья «может принести взаимную пользу»²¹. Но реализация этого соглашения затруднялась из-за жесткой конкуренции, с которой сталкивались канадские промышленные товары на японском внутреннем рынке. Например, попытки консервативного правительства Дж. Кларка летом 1979 г. убедить японцев купить канадский ядерный реактор КАНДУ окончились безрезультатно из-за намерения японских предпринимателей начать производство собственных реакторов. Японские наблюдатели указывали, что в условиях, когда главное внимание правительства Японии сосредоточено на отношениях с США и Китаем, трудно рассчитывать, что на инициативы канадцев будет обращено достаточное внимание в правительственных кругах. В деловых же кругах призывы Канады, как и других развитых капиталистических стран, к снижению торговых барьеров вызывали инстинктивную защитную реакцию. Не изменил положение и официальный визит Трюдо в Токио в начале 1983 г. Большинство крупных японских бизнесменов продолжали смотреть на Канаду только как на источник сырья.

4. Отношения со странами Латинской Америки, Африки и Азии

Попытки правительства П. Трюдо расширить торгово-экономические связи Канады со странами Латинской Америки, как и аналогичные действия его предшественников, натолкнулись на упорное противодействие со стороны конкурентов — развитых капиталистических стран, которые обладали в этом районе более старыми и прочными позициями, прежде всего Соединенных Штатов. Стало ясно, что по линии двусторонних отношений существенных «противовесов» в Латинской Америке создать не удастся. Такое положение привело к изменению отношения Канады к участию в Организации американских государств (ОАГ). Раньше Оттава в течение многих лет неизменно отклоняла предложения Соединенных Штатов и некоторых других членов ОАГ вступить в это объединение, не желая добавлять к структуре своих отношений с США еще одну форму зависимости от них (США господствовали в ОАГ). Теперь Канада стала добиваться доступа к экономической инфраструктуре ОАГ. В 1972 г. Канада получила в ОАГ статус постоянного наблюдателя, что освобождало ее от политиче-

ских обязанностей полного участника и позволяло избегать ухудшения отношений с США или же с латиноамериканскими странами в случае возникновения разногласий по таким острым вопросам, как, например, отношение к Кубе. В том же году Канада получила статус постоянного наблюдателя в Андском сообществе.

В дальнейшем правительство либералов продолжало довольно активно добиваться развития экономических связей Канады с Латинской Америкой. Весной 1976 г. премьер-министр П. Трюдо помимо упоминавшегося визита на Кубу посетил также Венесуэлу и Мексику. В начале 1979 г. Канада заключила соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве с Карибским сообществом (КАРИКОМ)²². Однако успехи канадцев в торговле с латиноамериканскими странами были довольно скромными.

Усилиям канадских правительств добиться для Канады репутации «нейтрального наблюдателя» в Латинской Америке был нанесен серьезный удар в связи с фашистским переворотом в Чили в 1973 г. Канадская общественность была возмущена тем, что Оттава признала хунту Пиночета менее чем через три недели после гибели президента С. Альенде. Правительство обвиняли в содействии поражению прогрессивного режима путем отказа в предоставлении ему экономической помощи, экспортных кредитов. В дальнейшем острой критике подвергались административная волокита с допуском в Канаду жертв преследований хунты, раскрывшееся сотрудничество канадских властей с разведывательными органами США и Англии в проверке «политической благонадежности» чилийских беженцев. В начале 80-х годов крупнейшие канадские банки принимали активное участие в финансировании различных экономических мероприятий хунты на сотни миллионов долларов, а правительственная Корпорация по развитию экспорта предоставляла гарантии этим кредитам²³.

В канадской печати публиковались также материалы, свидетельствующие о том, что в стремлении добиться успеха на рынках Латинской Америки канадские власти закрывали глаза на преследования демократов не только в Чили. Сообщалось, например, что основной причиной крайней медлительности допуска в Канаду политических беженцев-аргентинцев была заинтересованность в продаже Аргентине атомных реакторов системы КАНДУ²⁴.

К концу 70-х годов ухудшились отношения Канады с Кубой. Под давлением консервативной оппозиции правительство П. Трюдо в мае 1978 г. присоединилось к осужде-

нию западными державами помощи, которую кубинцы оказали Эфиопии, подвергшейся агрессии со стороны Сомали. Было прекращено предоставление Кубе канадской технической помощи и кредитов.

По мере обострения энергетического кризиса и превращения Канады в нетто-импортера нефти возросло значение ее отношений с латиноамериканскими странами — крупными экспортерами нефти, прежде всего с Мексикой и Венесуэлой. Произвол американской ТНК «Экссон», которая весной 1979 г. направила танкеры с закупленной канадцами венесуэльской нефтью в порты США, создав тем самым угрозу энергоснабжению восточных районов Канады, превратил обеспечение бесперебойного получения Канадой необходимого количества нефти из латиноамериканских источников в острый вопрос правительственной политики и межпартийной борьбы. Как уже упоминалось, консерваторы во главе с Дж. Кларком, придя к власти, намеревались оставить импортные операции с нефтью в руках частных, т. е. американских, фирм, собираясь денационализировать «Петро-Канада». Лишь отсутствие у них абсолютного большинства в парламенте помешало им это сделать. После возвращения к власти либералы завершили переговоры с Мексикой, начатые ими еще в 1979 г., и в 1980 г. заключили соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве, по которому поставки мексиканской нефти в Канаду осуществляются только через «Петро-Канада».

Африканский континент не является объектом первостепенного внимания Оттавы, что отражает относительно малую заинтересованность в нем канадских деловых кругов. В целом можно сказать, что в Африке наибольшим вниманием канадцев пользуются две группы государств — входящие в так называемое Содружество (бывшие в прошлом частями Британской империи) и франкофонские страны. Что касается первой группы, то связи Канады с ними в последнее десятилетие постоянно укреплялись. По мере того как Англия все больше переключала ориентацию своей экономики на страны европейского «Общего рынка», Канада увеличивала финансирование различных экономических программ и проектов в африканских странах Содружества, догоняя по общему его объему бывшую метрополию.

Повышенное внимание к франкофонской группе — сравнительно недавнее явление в канадской внешней политике, отражающее резкое усиление внешнеполитической активности в 60-х годах провинции Квебек, которая есте-

ственно тяготела к франкоязычным странам, в том числе и франкоязычным странам Африки. Правительство П. Трюдо, с одной стороны, энергично развивало двусторонние отношения с этими африканскими странами, стремясь держать под своим контролем их связи с Квебеком. С другой стороны, оно активно участвовало в деятельности главной международной организации франкофонских стран — Агентства по культурному и техническому сотрудничеству — с целью противостоять попыткам представителей Квебека обрести для него в этом объединении при поддержке Франции статус суверенного участника.

Обращает также на себя внимание участие Канады в создании в декабре 1979 г. совместно с США, Англией, Францией, ФРГ и Бельгией объединения «Координационные действия по развитию в Африке» (АКДА), официальной целью которого являлась «активизация усилий... по оказанию экономической помощи странам Африки к югу от Сахары». Кроме Канады и США, все участники АКДА когда-то владели в Африке колониями.

Стоит отметить, что АКДА — не единственный пример совместных действий Канады с Англией и другими развитыми капиталистическими странами в Африке. Так, правительство П. Трюдо, следуя линии, выработанной еще его предшественником Л. Пирсоном, и придерживаясь принципа непризнания законности белого правительства Родезии до предоставления власти черному большинству ее населения, приняло участие в посреднической деятельности «группы пяти» (США, Англия, Франция, ФРГ и Канада) по подготовке и проведению первых парламентских выборов на территории Родезии — Зимбабве. В 1977 г. канадский министр иностранных дел выразил готовность правительства направить воинский контингент для обеспечения этих выборов (план отправки канадского контингента был отклонен представителями Патриотического фронта Зимбабве как направленный на содействие сохранению влияния и привилегий белого меньшинства). В прогрессивных кругах Канады отмечали, что консервативное правительство Дж. Кларка с готовностью поддержало отмену США, Англией и Новой Зеландией экономических санкций против режима ставленника западных держав Музорева в декабре 1979 г., еще до того, как было подписано соглашение о перемирии в Зимбабве. Такой шаг являлся прямым нарушением резолюции Генеральной Ассамблеи о том, что санкции могут быть отменены только по решению Совета Безопасности ООН.

Политика апартеида ЮАР подвергается постоянному осуждению со стороны канадских официальных представителей. В то же время Канада входит в так называемую «контактную группу» из уже перечисленных выше западных стран, которая фактически проводит линию на максимальное оттягивание предоставления африканскому населению его законных прав путем бесконечных переговоров с расистским режимом Претории. Этот подход мотивируется стремлением избежать вооруженного расового конфликта. В 1975 и 1977 гг. канадские министры иностранных дел утверждали, что торговый бойкот и разрыв дипломатических отношений с ЮАР менее эффективны как меры международного воздействия, чем попытки уговорить белых расистов пойти на уступки угнетаемому ими африканскому большинству населения.

Только в конце 1977 г. под нажимом общественности правительство Канады решило прекратить государственную поддержку торговли канадских фирм в Южной Африке, а через несколько месяцев ввело «кодекс поведения» — список рекомендаций действующим там частным канадским компаниям²⁵. Эти меры практически не сказались на деятельности таких крупнейших канадских концернов, как «Мэсси-Фергюсон», «Фэлконбридж никел», «Форд моторс оф Кэнада», и других, которые не изменили ни планов, ни масштабов своих операций в ЮАР и Намибии. Но канадские деловые круги не ограничивались обычной экономической деятельностью, которая являлась одновременно эффективной формой поддержки экономики ЮАР и ее политического режима. В 1980 г. вскрылись факты продажи оружия в ЮАР канадскими компаниями, что было прямым нарушением решений ООН, поддержанных официальными представителями Канады²⁶. Тем временем «контактная группа» продолжала попытки сохранить колониальное господство ЮАР в Намибии, навязывая ее народу марионеточный режим.

Канадское правительство придерживалось общенатовской линии в вопросе о признании освободившейся Анголы, дипломатические отношения с которой были установлены лишь в 1978 г. Буржуазные органы массовой информации в Канаде развернули шумную антикубинскую кампанию в связи с участием кубинских добровольцев в отражении интервенции ЮАР в Анголу. Во время агрессии Сомали против Эфиопии канадское правительство вначале квалифицировало действия сомалийских войск как захватнические, но в дальнейшем присоединилось к позиции западных

держав, выступив с осуждением военной помощи, которую кубинцы оказали Эфиопии по ее просьбе.

Значительное место в канадской внешней политике занимает Ближний Восток, что трудно объяснить, исходя только из ее национальных интересов, поскольку объем ее торговли с этим районом мира и размеры канадских инвестиций там относительно невелики. Частично внимание канадцев к Ближнему Востоку можно объяснить тем, что именно с ним связан «взлет» международной известности Канады: в 1956 г., во время тройственной агрессии против Египта, канадский министр иностранных дел Л. Пирсон выступал с проектом создания чрезвычайных сил ООН для разъединения конфликтующих сторон и контроля за ходом мирного урегулирования. С того момента идея посредничества и участия в различных операциях ООН по поддержанию мира стала особенно популярной среди общественности и в политических кругах Канады. Удаление канадского воинского контингента из зоны разъединения перед началом израильской агрессии 1967 г., похоже, не охладило канадских приверженцев такого рода внешнеполитической деятельности. Канада приняла участие во вновь созданных силах ООН по поддержанию мира на Ближнем Востоке, хотя условия для эффективного выполнения возложенных обязанностей там сложнее и хуже, чем во Вьетнаме, где Канада, ссылаясь на отсутствие таких условий, с большой неохотой согласилась на участие в Международном контрольном комитете в период вывода американских войск, а затем вышла из него.

Хотя официально Канада придерживается позиции «объективного» посредника в арабо-израильском конфликте и одобряет резолюцию Совета Безопасности ООН № 242 и 338, несложно понять, какой стороне в этом конфликте симпатизируют канадские правящие круги. До введения ОПЕК нефтяных санкций против США и некоторых других стран Запада зимой 1973/74 г. частые визиты из Канады на Ближний Восток канадских министров, парламентариев, бизнесменов почти всегда имели своей целью Израиль. Канадские органы массовой информации преподносили факты и комментарии относительно упомянутого конфликта с произраильских позиций. Канадские сионисты и эмиссары Тель-Авива вели в Канаде непрерывающуюся кампанию в пользу Израиля.

После того как в октябре 1973 г. Канада подверглась некоторым ограничениям в снабжении нефтепродуктами и представители арабских стран пояснили, что эти дей-

ствия вызваны малоотличимостью позиций Канады от полностью израильской позиции США, акценты в ближневосточной политике Канады были изменены, по крайней мере внешне. К весне 1974 г. канадские посольства были учреждены во всех странах ОПЕК. Канадские официальные лица, бизнесмены стали чаще посещать арабские страны. Одновременно канадское правительство приняло участие в учреждении Международного энергетического агентства, созданного по инициативе США в целях организации единого фронта развитых капиталистических стран — потребителей нефти для противодействия ОПЕК. В целом же Канада продолжала выступать в поддержку Израиля, о чем свидетельствовала, в частности, деятельность ее представителей в ООН.

Причины проведения Канадой подобной политики на Ближнем Востоке двояки. С одной стороны, позиция Оттавы испытывает сильное влияние израильской политики США и всего блока стран НАТО; с другой — либеральная партия традиционно имеет тесные связи с канадскими еврейскими организациями, весьма влиятельными и активными, координирующими свою линию по отношению к правительству с руководством Израиля. Судьба целого ряда депутатов федерального парламента, особенно от Торонто и Монреаля, в решающей степени зависит от отношения к ним ряда местных еврейских общин, руководимых сионистами.

Внутриполитический аспект ближневосточной политики Канады стал особенно очевидным в связи с приходом к власти в мае 1979 г. консервативной партии. В ходе избирательной кампании лидер консерваторов Дж. Кларк дал обещание в случае победы на выборах перевести посольство Канады в Израиле из Тель-Авива в Иерусалим. За этим шагом просматривалось очевидное желание получить поддержку израильского лобби и голоса избирателей-евреев. Став премьер-министром, Дж. Кларк подтвердил свое намерение выполнить данное им обещание, что ему, однако, не удалось. Отрицательная реакция в арабском мире была столь сильной, что это грозило привести к ужесточению позиции Египта на организованных и поощряемых администрацией президента Дж. Картера египетско-израильских переговорах, и в итоге к их срыву. Поэтому американцы не скрывали своего недовольства позицией, занятой канадским премьер-министром. Против выступили также канадские бизнесмены, не желавшие терять доходы от торговых операций с арабскими странами

в результате экономической блокады, которой пригрозила Канаде Лига арабских стран. На Кларка было оказано сильное давление и со стороны влиятельного крыла внутри руководства самой консервативной партии. В результате он был вынужден отказаться от реализации своего предвыборного обещания, что продемонстрировало необдуманность его поведения в сфере внешней политики и содействовало падению его личного престижа и популярности возглавляемой им партии. Ослабление напряженности в отношениях Канады с арабскими странами наступило уже после поражения консерваторов на выборах в феврале 1980 г.

В отличие от Европы, где Канада связана договором НАТО с США и европейскими участниками этого блока, в Азии, на Дальнем Востоке, в районе Тихого океана Канада не ограничивает свою внешнеполитическую активность какими-либо договорными обязательствами. Так, в свое время она отказалась вступить в СЕАТО и АНЗЮС, а после образования АСЕАН ее представители подчеркивали намерение способствовать обеспечению мира и политической стабильности в зоне ассоциации, понимая под этим предотвращение роста влияния социализма путем активного содействия экономическому развитию входящих в нее государств, что соответствовало общему стремлению канадских деловых кругов к проникновению на рынки развивающихся стран.

После дипломатического признания КНР в 1970 г. канадцы приложили много усилий, чтобы закрепиться на китайском рынке до того, как там появятся, в чем они не сомневались, американцы. В 1973 г. П. Трюдо нанес в КНР официальный визит, в ходе которого был подписан ряд канадо-китайских соглашений о сотрудничестве. В дальнейшем состоялись многочисленные обмены визитами министров обеих стран с целью содействия взаимной торговле, включая визит в Канаду заместителя премьера Госсюэна КНР Бо Ибо в марте 1980 г., а также групп бизнесменов, ученых и т. д. Однако надежды канадских деловых кругов на крупномасштабный экспорт в Китай промышленных товаров не оправдались. В принципе китайцы проявляли большой интерес к возможностям закупки канадского электронного и другого новейшего оборудования — систем связи через искусственные спутники Земли, компьютеров и т. д., а также вели переговоры о сотрудничестве с Канадой в развитии современных отраслей промышленности в Китае. Но на пути реализации возможностей расширения

торгово-экономических связей с Китаем канадцы столкнулись с острейшей конкуренцией со стороны американцев и непредсказуемыми колебаниями политики КНР. В свою очередь на заинтересованности китайцев в развитии упомянутых связей, возможно, сказывались такие моменты, как заявление П. Трюдо в апреле 1979 г. о том, что Канада категорически против поставок Китаю современного оружия. В результате китайский импорт из Канады продолжал почти целиком состоять из зерна и промышленного сырья, а настойчивые попытки канадской стороны расширить экспорт машин, оборудования и т. п. были встречены китайцами требованием увеличить закупки китайских текстильных товаров, на которые в Канаде введены жесткие ограничения. Такая структура торговли вызвала среди канадских бизнесменов явное разочарование.

В ходе официального визита в Канаду в январе 1984 г. премьера Госсовета КНР Чжао Цзяна проблемы активизации канадо-китайских торгово-экономических отношений вновь были в центре его переговоров с П. Трюдо. В итоге были подписаны соглашение о страховании иностранных инвестиций, которое обнаруживало явное стремление китайской стороны укрепить доверие канадских бизнесменов к провозглашенной Пекином политике «открытых дверей» в этой области, и крупный контракт о поставках Китаю канадских наземных станций слежения за спутниками²⁷.

Отношения Канады с Индией развивались неровно, несмотря на то, что обе страны входят в Содружество, объединяющее бывшие составные части Британской империи. В период американской агрессии против Вьетнама представители Канады и Индии нередко не находили общего языка как члены Международной контрольной комиссии (индиец занимал в ней пост председателя; канадец выступал, как правило, в защиту действий Соединенных Штатов). Хотя в период индо-пакистанского конфликта в декабре 1971 г. Канада не последовала примеру США и, уклонившись от поддержки Пакистана, заняла нейтральную позицию, Индию не могла удовлетворить такая позиция канадского правительства. В 1977 г. правительство Трюдо прекратило сотрудничество с Индией в одной из важнейших областей экономического и научно-технического общения — ядерной — из-за расхождения по вопросу соблюдения принципа нераспространения ядерного оружия.

Приход к власти в Индии правительства М. Десаи

породил в Оттаве определенные надежды на прогресс в сфере канадо-индийских отношений. Возвращение к власти И. Ганди было, наоборот, недоброжелательно встречено канадскими средствами массовой информации, что отражало господствующие настроения в правящей верхушке страны. Отметим, что события в Афганистане расценивались в Оттаве и Дели качественно по-разному, и это также не могло содействовать их сближению.

Официальное признание Канадой Демократической Республики Вьетнам относится к 1973 г.²⁸ Что же касается южной части Вьетнама, то в качестве единственного законного правительства канадцы признавали только марионеточный сайгонский режим и упорно отказывали в признании Временному Революционному Правительству Республики Южный Вьетнам вплоть до июня 1975 г.²⁹ После победы вьетнамского народа в освободительной войне против американского империализма и его пособников и образования Социалистической Республики Вьетнам Канада поддержала прием СРВ в ООН³⁰. Канадская корпорация международного развития (СИДА) выделила средства на оказание содействия в строительстве больницы во Вьетнаме. Однако в начале 1979 г. канадское правительство заявило о пересмотре своих отношений с СРВ, и СИДА тут же объявила об отказе от участия в сооружении больницы. Представитель МИД Канады заявил, что пересмотр политики вызван неодобрением участия вьетнамских войск в разгроме полпотовских банд в Кампучии.

В дальнейшем правительство либералов в целом не изменило недружественной позиции в отношении СРВ. Вместе с тем Трюдо не уступил давлению со стороны некоторых лидеров АСЕАН во время своего визита в страны этой ассоциации в начале 1983 г. и отказался согласиться на предоставление Канадой прямой военной помощи самозванному «правительству» Кампучии, созданному американскими усилиями³¹.

5. Советско-канадские отношения

В ходе пересмотра внешней политики страны правительство П. Трюдо пришло к логичному выводу, что его усилия по созданию «противовесов» чрезмерному влиянию США не должны ограничиваться сферой капиталистических стран, что экономические и политические интересы Канады, интересы ее безопасности требуют развития дружественных отношений с ее вторым, северным соседом —

Советским Союзом. В условиях развития процесса разрядки американцам и их сторонникам в Канаде было трудно препятствовать практической реализации такого вывода путем запугивания канадцев стандартными вымыслами о «советской угрозе». Вместе с тем, несомненно, от правительства П. Трюдо потребовалось немалое политическое мужество, чтобы решиться на преодоление «традиции» недружественности по отношению к СССР, характерной для политики Канады после второй мировой войны и получавшей крикливую поддержку со стороны реакционеров внутри страны.

В октябре 1969 г. по приглашению канадской стороны состоялся официальный визит в Канаду министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, в ходе которого были обсуждены как состояние и перспективы советско-канадских отношений, так и некоторые важные международные вопросы ³².

В январе 1971 г. СССР посетила делегация во главе с министром промышленности и торговли Канады Ж.-Л. Пепэном. Результатом этого визита стало подписание Соглашения о сотрудничестве в применении достижений науки и техники в промышленности ³³. Для его реализации были созданы смешанная комиссия по промышленному и научно-техническому сотрудничеству и рабочие группы по отдельным отраслям экономики. Их рекомендации способствовали успешному росту советско-канадской торговли в последующие годы.

Затем в течение менее полугода СССР и Канада обменялись визитами глав правительств. В мае 1971 г. официальный визит в СССР нанес премьер-министр Канады П. Трюдо. В совместном Коммюнике по итогам этого визита подчеркивалось, что всестороннее развитие добрососедских отношений отвечает национальным интересам Советского Союза и Канады, содействует разрядке международной напряженности и обеспечению всеобщего мира. В нем указывалось на существование благоприятных возможностей для увеличения объема и расширения номенклатуры взаимовыгодной торговли. В ходе визита был подписан Протокол о консультациях по важным международным вопросам, представляющим взаимный интерес, и по вопросам двусторонних отношений. По ряду международных проблем, таких как укрепление безопасности и многостороннего сотрудничества в Европе, а также международная безопасность и обеспечение всеобщего мира путем разоружения, было зафиксировано сходство позиций СССР и Ка-

нады³⁴. Комментируя впоследствии свой визит в Советский Союз, П. Трюдо подчеркнул, что предпринятые им шаги имели целью обеспечение проведения канадцами максимально независимой политики³⁵.

В октябре того же года состоялся официальный визит в Канаду Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. В результате этого визита в Оттаве было подписано Общее соглашение об обменах, которое было направлено на поощрение и развитие обмена и других форм взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами в различных сферах³⁶.

Соглашения и договоренности 1971 г., положившие в основу советско-канадских отношений принципы мирного сосуществования государств с различным социальным строем, послужили правовой базой для развития связей между двумя странами в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях. Во время взаимных визитов министры иностранных дел М. Шарп (в 1973 г.) и А. А. Громыко (в 1975 г.) отметили неуклонное расширение советско-канадских отношений и подтвердили намерение прилагать усилия для дальнейшего их обогащения, выделив при этом такие перспективные области, как торговля и экономика, научно-техническое и промышленное сотрудничество, сельское хозяйство и морское судоходство³⁷.

На пути развития советско-канадских отношений приходилось преодолевать немало трудностей, таких, например, как «инерция» существующих внешнеторговых связей с Соединенными Штатами — для канадских бизнесменов, связей с традиционными партнерами — для советских торговых организаций. Значительные препятствия, но уже политического характера, возникали в результате деятельности правых сил в Канаде — приверженцев «холодной войны», лидеров ряда правонационалистических организаций, которые при активной поддержке деятелей консервативной партии подвергали нападкам политику правительства в отношении СССР, толкали его на враждебные Советскому Союзу акции, пытались срывать контакты в области культуры. Однако терпеливость, настойчивость и целеустремленность, проявленные с обеих сторон, обстановка разрядки на международной арене помогали преодолевать возникавшие трудности. Увеличивался объем и расширялась номенклатура торговли, успешно развивалось сотрудничество в области науки и техники, искусства и спорта. Положительная оценка состояния и перспектив советско-

канадских отношений, данная в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду КПСС ³⁸, вызвала живой интерес в канадских правительственных и политических кругах, воспринявших ее как проявление большого внимания руководства Советского Союза к отношениям с Канадой.

В июле 1976 г. было подписано новое долгосрочное советско-канадское Соглашение об экономическом промышленном и научно-техническом сотрудничестве, которое было высоко оценено на Пленуме ЦК КПСС в октябре того же года, как полностью отвечающее духу и букве Заключительного акта общеевропейского Совещания по безопасности в Хельсинки. Премьер-министр П. Трюдо также дал положительную оценку этому соглашению.

Успехи в развитии взаимовыгодных добрососедских отношений между Советским Союзом и Канадой вызывали растущее сопротивление противников «канадизации» внешней политики страны, дальнейшей разрядки международной напряженности. Потерпев в январе 1977 г. неудачу в попытке развязать антисоветскую кампанию, используя в качестве предлога падение в атмосферу над малонаселенными районами Северо-Западных территорий Канады советского искусственного спутника Земли, они не успокоились. Опираясь на поддержку правых кругов, канадские спецслужбы в феврале 1977 г. организовали антисоветскую провокацию в духе типичных образцов шпиономании времен «холодной войны» с явной целью отравить отношения Канады с Советским Союзом. В результате развитие советско-канадских отношений было на некоторое время заторможено. Был также нанесен ущерб усилиям по диверсификации внешних связей Канады.

Советско-канадские отношения оживились лишь осенью 1978 г., когда состоялась сессия двусторонней смешанной комиссии по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству, на которой была подписана долгосрочная программа сотрудничества ³⁹. Итоги сессии были одобрены канадской стороной.

Пребывание у власти консерваторов было отмечено небывалой по масштабам и накалу антисоветской кампанией в период предвыборной кампании зимой 1979/80 г. Поняв, очевидно, что возглавляемая им партия безнадежно проигрывает своим оппонентам — либералам и новым демократам, и учитывая недовольство избирателей экономической и социальной политикой его правительства, Дж. Кларк решил изменить направление хода кампании, перенеся центр тяжести на вопросы внешней полити-

ки. Консерваторы явно хотели использовать для улучшения своего положения антисоветскую кампанию, развернутую в это время в Соединенных Штатах президентом Дж. Картером и его сторонниками по поводу афганских событий, и рьяно включились в нее.

По признанию канадских наблюдателей, даже в разгар «холодной войны» антисоветизм официальных представителей страны не достигал такого размаха и интенсивности, как зимой 1980 г. В январе 1980 г. Дж. Кларк объявил о резком сокращении политических, торгово-экономических, научно-технических, культурных и иных связей с СССР, явно копируя при этом аналогичные шаги американской администрации. Затем консерваторы денонсировали советско-канадское соглашение о спортивных обменах и выступили в поддержку бойкота Олимпийских игр в Москве, объявленного Дж. Картером. Печать, радио, телевидение страны создавали широкую рекламу антисоветским выступлениям лидеров консерваторов, которые договаривались до призывов выступать в отношении с СССР «с позиции силы». Однако неуклюжая попытка отвлечь внимание избирателей от острых внутриэкономических и внутриполитических проблем провалилась. Консервативная партия потерпела поражение на выборах.

Вернувшиеся к власти либералы получили в области отношений с Советским Союзом тяжелое наследие. В условиях проводимой Вашингтоном линии на возрождение «холодной войны» отход от него был сложным и длительным делом. Сразу же после победы на выборах П. Трюдо заявил, что в силу своего географического положения Канада весьма заинтересована в сохранении мира между СССР и США ⁴⁰. Антисоветская кампания в печати, по радио и телевидению стала стихать, хотя отдельные попытки запугивать канадцев избитыми выдумками о советской «военной угрозе» не прекращались. Авторитетным ответом на них было заявление министра иностранных дел М. Макгигана в начале июня 1980 г. о том, что он совершенно не согласен с утверждениями о каких-то агрессивных замыслах СССР ⁴¹.

Что касается экономических связей, то, по свидетельству официальных канадских представителей, торговля с Советским Союзом, «замороженная» при консерваторах, довольно быстро вернулась к нормальному состоянию и имела все шансы в ближайшем будущем превзойти прежние показатели. Либеральное правительство не одобряло американского экономического шантажа в отношении

СССР. Большое недовольство в Канаде вызвало давление Вашингтона с целью заставить Оттаву максимально продлить ограничение на продажу Советскому Союзу канадского зерна. В канадских деловых кругах высказывалось убеждение, что больше всего от этого ограничения страдала сама Канада, и выдвигалось требование к правительству П. Трюдо «выработать здравомыслящий подход к торговле зерном с Советским Союзом»⁴². Наконец, 18 июля 1980 г. Х. Аргью, государственный министр, отвечающий за Канадское управление по пшенице, объявил о снятии (с 1 августа) ограничения на поставки зерна в СССР⁴³.

В целом меры по увеличению канадского экспорта в Советский Союз встречались в стране с одобрением. Зато рост советского экспорта антисоветские круги иногда пытались использовать как повод для подрыва советско-канадской торговли. Так, успешный выход на канадский рынок автомобилей «Лада» («Нива») послужил лидеру консерваторов Онтарио, премьеру этой провинции У. Дэвису предлогом для бездоказательных обвинений советских торговых организаций в демпинге. Необоснованность выпадов Дэвиса была настолько очевидной, что с критикой их выступили не только крупнейшие газеты Канады, которые охарактеризовали выдвигавшиеся им обвинения как «бессмыслицу», но и представители его собственной партии в провинциальном законодательном собрании⁴⁴.

В ряде областей советско-канадских отношений, такой, например, как участие канадских спортсменов в летних Олимпийских играх в Москве, правительство П. Трюдо не преодолело груза упомянутого «наследия». Оно приняло участие в развязанной Вашингтоном (и провалившейся) кампании по бойкоту Московской Олимпиады. Несомненно, что в этом случае немалую роль сыграло давление со стороны Дж. Картера, превратившего бойкот Олимпиады в дело своего личного престижа, а также других членов НАТО (прежде всего Англии), стремившихся добиться демонстрации максимальной «атлантической солидарности» в этом вопросе. Отметим также, что введенные правительством консерваторов ограничения на развитие контактов с Советским Союзом в различных областях, осуществляемых по межгосударственной линии, продолжали оставаться в силе.

Вместе с тем в дальнейшем либеральное правительство неоднократно проявляло относительную самостоятельность, отказываясь копировать поведение США по ряду вопросов, имеющих отношение к Советскому Союзу. Так,

в июне 1980 г. Трюдо выступил против оказания Соединенными Штатами и другими западными странами военной помощи афганским контрреволюционерам, указав, что это не только бесполезно, но и чревато опасностью вовлечения всего мира в ядерный конфликт.

Что же касается Советского Союза, то он, как и прежде, был готов к всестороннему развитию дружественных отношений с Канадой на взаимовыгодной основе и принципах мирного сосуществования. Именно так было расценено канадской общественностью то положение из Отчетного доклада ЦК КПСС на XXVI съезде партии, где говорилось о наличии немалых резервов для развития этих отношений, о том, что «дверь для дальнейшего расширения сотрудничества с Канадой «будет и впредь открыта» по всем линиям»⁴⁵.

В сентябре 1981 г. состоялся визит в Советский Союз министра сельского хозяйства Канады Ю. Уэллана, который завершился подписанием Соглашения о сотрудничестве между СССР и Канадой в области сельского хозяйства. При этом канадский министр подчеркнул «взаимовыгодный характер сотрудничества наших стран в аграрной сфере»⁴⁶.

Решение администрации Рейгана запретить поставки изготовленного по американским лицензиям оборудования для газопровода Сибирь — Западная Европа повлекло за собой официальный протест Вашингтону со стороны канадского правительства, которое расценило возможное применение этого решения к Канаде как неприемлемое нарушение канадского суверенитета. Тем не менее позиция правительства Канады в связи с введением военного положения в ПНР вновь затормозила развитие советско-канадских отношений. Лишь осенью 1982 г. в них обозначились положительные сдвиги. Во время кратковременного приезда премьер-министра П. Трюдо в Москву в середине ноября состоялась его встреча с Председателем Совета Министров СССР Н. А. Тихоновым, в ходе которой главы правительств выразили готовность к дальнейшему развитию взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами в различных областях. Была подчеркнута важность широкого политического диалога между государствами в интересах упрочения разрядки, устранения угрозы ядерной войны, обуздания гонки вооружений и разоружение. Затем последовал визит в СССР заместителя министра иностранных дел Канады для возобновления политических консультаций, предусмотренных советско-канадским Протоколом 1971 г.⁴⁷

Дальнейшее успешное развитие советско-канадские отношения получили в 1983 г. В мае состоялся визит в Канаду делегации Верховного Совета СССР во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым. В августе ответный визит в Советский Союз нанесла делегация парламента Канады, возглавляемая спикером палаты общин Ж. Сове. Кроме того, в августе Советский Союз посетил председатель постоянного комитета по вопросам внешней политики и обороны Канады М. Прудом. В июне в Москве состоялась III сессия советско-канадской смешанной комиссии по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству. В ноябре первый заместитель Председателя Совета Министров, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко принял специального представителя премьер-министра Канады посла Дж. Пирсона. Были обсуждены вопросы советско-канадских отношений и современной международной обстановки, особенно ситуация в Европе, возникшая в результате начала размещения Соединенными Штатами при поддержке других стран НАТО американских ядерных ракет в Западной Европе.

15 февраля 1984 г. в Москве состоялась беседа Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко с премьер-министром Канады П. Э. Трюдо, в ходе которой с обеих сторон была высказана озабоченность возросшей напряженностью в мире и подтверждена готовность Советского Союза и Канады прилагать усилия, имеющие целью возврат на путь разрядки и поддержания доверия в отношениях между странами. Было также высказано обоюдное намерение использовать имеющиеся резервы для расширения двусторонних отношений между СССР и Канадой.

Незадолго до объявления П. Трюдо 29 февраля 1984 г. о своем решении уйти в отставку в Вене состоялись советско-канадские консультации по вопросам укрепления международного режима нераспространения ядерного оружия.

В сентябре 1984 г. в Нью-Йорке состоялась встреча министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с министром иностранных дел нового, консервативного правительства Канады Дж. Кларком, в ходе которой была подтверждена обоюдная заинтересованность сторон в продолжении оправдавшего себя курса на поддержание стабильных отношений между СССР и Канадой⁴⁸.

Внешней политике Канады присущ ряд черт, общих для развитых капиталистических стран, которые отражают единство их классовой основы и главной цели в области

международной политики (сохранение позиций капитализма в мире). Прежде всего это членство в НАТО и ориентация на США как основного гаранта капиталистической системы. В то же время обращает на себя внимание такая особенность внешней политики этой страны, как открытая нацеленность на обеспечение экономических интересов канадского бизнеса. Преобладание «неполитических», экономических целей во внешней политике Канады отражает, по-видимому, прежде всего ее положение капиталистической державы «среднего» ранга в отличие от таких лидеров капиталистического мира, как США, Япония, ФРГ. Хотя Канада прочно входит в первую семерку сильнейших капиталистических стран, предсказание Уилфрида Лорье, канадского премьер-министра в 1896—1911 гг., о том, что «XX век будет веком Канады», явно не сбывается, и у канадцев нет иллюзий на этот счет.

Определенную роль в этом «экономическом уклоне» играет и относительно малый «стаж» полной самостоятельности Канады в области внешней политики. Более 70 лет после получения самоуправления в 1867 г. главными сферами взаимодействия страны с иностранными государствами были торговля, иммиграция, туризм, тогда как деятельность в области собственно внешней политики стала доступна ей только в годы первой мировой войны (и то до начала второй мировой войны заключенные Канадой договоры, соглашения и т. п. касались почти исключительно экономических отношений). Исторически так сложилось, что канадские государственные деятели вначале невольно, а позднее и сознательно следовали примеру Англии, а затем в возрастающей степени США при определении своей позиции по тому или иному важному внешнеполитическому вопросу. У Канады поэтому нет богатых традиций самостоятельности в подходе к выработке и формулированию линий внешней политики.

В настоящее время образовалось определенное несоответствие между крупным экономическим потенциалом Канады и ее относительно невысокой активностью на международной арене. Можно услышать ироническое суждение самих канадцев о том, что «в экономическом плане страна сравнима со Швецией, а в области внешней политики — с Пуэрто-Рико». Однако именно эта черта — относительная внешнеполитическая пассивность — позволила Канаде сосредоточить усилия и средства на решении задач внешнеэкономического плана, что крайне важно для страны, более $\frac{1}{4}$ национального дохода которой приносят

торговля и другие виды внешнеэкономической деятельности. В годы пребывания у власти правительства П. Трюдо сознательно проводился курс на «деактивизацию» Канады на международной арене, наблюдалось стремление «экономить» на вкладе в НАТО, операциях «по поддержанию мира». Этот курс встретил неодобрение и противодействие со стороны США и западноевропейских союзников Канады по НАТО. Соединенные Штаты усмотрели в нем прежде всего попытку канадцев укрепить за счет американских свои собственные позиции на мировых рынках в момент, когда позиции самих США подвергались возрастающему натиску со стороны Японии и Западной Европы.

Другой отличительной чертой политики Канады последнего десятилетия, связанной с предыдущей, являлась ее направленность на создание в первую очередь экономических, а также политических «противовесов» Соединенным Штатам с целью обретения большей самостоятельности — необходимого условия для проведения внешнеполитического курса, максимально отвечающего интересам крепнущего канадского финансового капитала. Конкретно это выражалось в подчеркнутом внимании к развитию более тесных связей со странами европейского «Общего рынка» и Японией. Как следствие, до определенного момента (примерно до 1975—1976 гг.) происходило некоторое ослабление интенсивности связей с США.

Развитие Оттавой отношений Канады с Советским Союзом можно рассматривать как часть более широких усилий канадского правительства по диверсификации контактов своей страны с внешним миром.

Необходимо подчеркнуть, что сам охарактеризованный выше пересмотр канадской внешней политики стимулировался сдвигами в международной обстановке, процессом разрядки, намечавшимся улучшением отношений между обоими могущественными соседями Канады — СССР и США. Реализация его, разработка и проведение в жизнь политики «третьей альтернативы» в решающей мере зависели от благоприятного развития ситуации в окружающем Канаду мире. Негативные изменения, происшедшие в этой обстановке в конце 70-х годов в результате резкого усиления агрессивности американского империализма, незамедлительно сказались на ходе осуществления этого пересмотра. При этом стало особенно очевидным, что он касался не принципиальных установок канадской внешней политики, а лишь методов достижения ее целей. Сказанное не означает, однако, что правительство либералов легко отка-

залось от своих решений 1970—1971 гг. Но в ряде случаев, особенно тогда, когда это не грозило значительными экономическими издержками, Оттава поддерживала различные «начинания» Вашингтона, отнюдь не способствовавшие разрядке.

Углубление американско-канадской хозяйственной интеграции вело к определенному ограничению возможностей Канады в плане расширения ее самостоятельности во внешнеполитической области. В конце 70-х годов к этому обстоятельству экономического характера добавилось политическое — усиление международной напряженности и, как результат, более частое проявление внутриблоковой солидарности стран НАТО, сужение пространства для маневра отдельных участников этого блока. Деятельность противников разрядки сказалась прежде всего на военной сфере, где канадо-американское сотрудничество долгие годы было особенно тесным. Именно в ней «новое сближение» Канады с США проявилось раньше, чем в других. Это дало в руки континенталистов обеих стран мощный рычаг воздействия на внешнеполитический курс канадского правительства. Стала вновь усиливаться тенденция принимать решения, исходя не из национальных экономических, а из блоковых военно-политических соображений. Продолжала также действовать «триада» внутренних факторов, тормозивших «канадизацию» внешней политики, — оппозиция континенталистов, обострение национального вопроса и рост федерально-провинциальных противоречий.

Подводя итоги внешней политики Канады с 1968 г. в связи с уходом П. Трюдо с поста премьер-министра, можно, как и при рассмотрении внутренней политики, обоснованно назвать эти 16 лет «периодом Трюдо» — настолько очевидно его влияние на ее содержание. Следует отметить, что П. Трюдо удалось добиться немало и, пожалуй, главное — усиление черт самостоятельности в действиях Канады на международной арене. Прежде всего это было заметно в отношениях канадцев с Соединенными Штатами Америки. Не уменьшая роли П. Трюдо в достижении этого результата, необходимо сказать, что рост независимости Канады от США во внешнеполитической области отражал сложный и противоречивый процесс укрепления позиций канадского финансового капитала внутри самой Канады, его стремление получать более «соответствующую» своей силе долю выгод от антагонистического партнерства с финансовым капиталом США.

ГЛАВА I (с. 7—21)

- ¹ The Financial Times, 22.II.1982; U. S. News and World Report, 20.VI.1983, p. 54
- ² U. S. News and World Report, 22.IV. 1980, p. 29.
- ³ Ibidem.
- ⁴ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 28, с. 501.
- ⁵ The Economist, 31.X.1981, p. 26; The Times, 15.IX.1982.
- ⁶ Far Eastern Economic Review, 6.XI.1981, p. 62
- ⁷ The Economist, 24.XI.1979, p. 90; The Financial Times, 22.IV.1980.
- ⁸ См. МЭМО, 1980, № 4, с. 94.
- ⁹ The Times, 25.XI.1980.
- ¹⁰ Survey of Current Business, August 1983, p. 15.
- ¹¹ The New York Times, 25.V.1980.
- ¹² Time, 26.XII.1977, p. 19.
- ¹³⁻¹⁴ L'Humanité, 24.V.1978.
- ¹⁵ XXV съезд Коммунистической партии Канады. 13—15 февраля 1982 г. М., 1983, с. 71.
- ¹⁶ МЭМО, 1982, № 2, с. 80.
- ¹⁷ Survey of Current Business, August 1983, p. 24.
- ¹⁸ Neue Zürcher Zeitung, 5.VI.1981.
- ¹⁹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 25.

ГЛАВА II (с. 22—65)

- ¹ Bank of New South Wales Review, July 1978, p. 10.
- ² OECD. Economic Surveys. Australia. Paris, 1972, p. 22, 24, 26; *Brain P. J., Smith R. L., Schuyers G. P.* Population, Immigration and the Australian Economy. L., 1979, p. 88.
- ³ Рассчитано по: OECD. Economic Surveys. Australia, 1978, 1983; Westpac Banking Corporation. Australian Investment Newsletter, 11.VIII.1983, p. 2.
- ⁴ Australia. Handbook, 1976/77, p. 130.
- ⁵ Westpac Banking Corporation. Australian Investment Newsletter, 11.VIII.1983, p. 1.
- ⁶ The Australian, 10.I.1980, p. 15.
- ⁷ OECD. Economic Surveys. Australia, 1972, p. 92, 94; 1983, p. 69, 71.
- ⁸ Bank of New South Wales Review, April 1978, p. 6; OECD. Economic Surveys. Australia, 1983, p. 39, 78—81.
- ⁹ Ibid.; OECD. Labour Force Statistics за соответствующие годы.
- ¹⁰ Рассчитано по: The Australian Economic Review, 4th Quarter, 1980, p. 40; Year Book. Australia, 1974—1982.
- ¹¹ OECD. Economic Surveys. Australia, 1979—1982.
- ¹² OECD. Economic Surveys. Australia, 1983, p. 69; Year Book. Australia, 1982, p. 618.
- ¹³ Search, 1983, N 7—8, p. 194.
- ¹⁴ OECD. Economic Surveys. Australia, 1972, p. 11; Bank of New South Wales Review, April 1978, p. 6; National Bank Monthly Summary, March 1979, p. 3.

- ¹⁵ Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Приложение к журналу МЭМО, 1980, № 8, с. 20; 1983, № 8, с. 7.
- ¹⁶ Австралия и Океания. Справочник. М., 1966, с. 74—75; Year Book. Australia, 1974, p. 738—742.
- ¹⁷ Year Book. Australia, 1982, p. 419—423.
- ¹⁸ The Economic Record, June 1974, p. 231, 233.
- ¹⁹ National Bank Monthly Summary, March 1979, p. 5, 7.
- ²⁰ Policies for Manufacturing Industry. The Report of the Committee to Advise on Policies for Development of Manufacturing Industry, A. G. P. S., 1975 — Bank of New South Wales Review, June 1979, p. 6.
- ²¹ Bank of New South Wales. Australian Investment Newsletter, 8.III.1979, p. 11; Far Eastern Economic Review, 28.IV.1983, p. 66.
- ²² The Australian, 7.I.1980, p. 12; Far Eastern Economic Review, 5.II.1982, p. 83.
- ²³ Far Eastern Economic Review, 5.II.1982, p. 76—88; 28.IV.1983, p. 66.
- ²⁴ OECD. Economic Surveys. Australia, 1980, p. 25.
- ²⁵ Year Book. Australia, 1972, p. 913; 1982, p. 379.
- ²⁶ OECD. Economic Surveys. Australia, 1980, p. 27.
- ²⁷ Gastech. 78 LNG/LPG Conference. Monte Carlo, 1978. Rickman-sworth 1979, p. 73—81.
- ²⁸ National Bank Monthly Summary, December 1979, p. 5; OECD. Economic Surveys. Australia, 1980, p. 27.
- ²⁹ The Financial Times, Survey on Australia, 4.IX.1979, p. XI.
- ³⁰ Australian Mineral Industry Quarterly, 1982, N 2, p. 48—49.
- ³¹ The Australian, 9.I.1980, p. 11.
- ³² Reference Paper. Minerals, 1979, p. 7.
- ³³ ANZ Bank Business Indicators, June 1979, p. 4.
- ³⁴ Bank of New South Wales. Australian Investment Newsletter, 6.VIII.1981, p. 2.
- ³⁵ Economic Newsletter, 9.XI.1983, p. 6.
- ³⁶ The Australian, 31.XII.1979, p. 8.
- ³⁷ Wallstreet Journal, 16.VI.1983.
- ³⁸ Reference Paper. Rural Industry. Canberra, 1977, p. 3.
- ³⁹ Bank of New South Wales Review, October 1980, p. 10.
- ⁴⁰ National Bank Monthly Summary, April 1979, p. 14.
- ⁴¹ The Financial Times, Survey on Australia, 23.IX.1980, p. IX; Australian Marxist Review, 1980, N 4.
- ⁴² Agra-Europe, February 1982.
- ⁴³ Australia and World Capitalism. Ed. by G. Crough, T. Wheelwright, T. Wilshire. New York, 1980, p. 128; The Journal of Australian Political Economy, October 1977, p. 72.
- ⁴⁴ Australia and World Capitalism, p. 125.
- ⁴⁵ The Journal of Political Economy, October 1977, p. 72.
- ⁴⁶ Australia and World Capitalism, p. 125.
- ⁴⁷ См., например, Australia and World Capitalism; Crough G., Wheelwright T. Australia: A Client State. New York, 1982.
- ⁴⁸ The Financial Times, Survey on Australia, 4.IX.1979, p. X.
- ⁴⁹ Bank of New South Wales. Australian Investment Newsletter, 5.II.1981, p. 3.
- ⁵⁰ National Bank Monthly Summary, June 1979, p. 14, 16; The Japan Economic Journal, 13.XI.1979, p. 28; The Bulletin, 3.III.1981, p. 21.
- ⁵¹ Far Eastern Economic Review, 12.VI.1981, p. 113; Westpac Banking Corporation. Australian Investment Newsletter, 2.II.1983, p. 3; 10.III.1983, p. 3.
- ⁵² Westpac Banking Corporation. Australian Investment Newsletter, 10.II.1983, p. 3.

- ⁵³ Bank of New South Wales. Australian Investment Newsletter, 8.VII.1982, p. 3.
- ⁵⁴ The Financial Times, Survey on Australia, 18.IX.1978, p. VII.
- ⁵⁵ Bank of New South Wales. Australian Investment Newsletter, 5.III.1981, p. 3; 9.IV.1981, p. 3.
- ⁵⁶ The Banker, June, 1982; Bank of New South Wales. Australian Investment Newsletter, 3.VI.1982, p. 3.
- ⁵⁷ The Financial Times, Survey on Australia, 14.IV.1982, p. V.
- ⁵⁸ Bank of New South Wales Review, October 1980, p. 6; OECD. Economic Surveys. Australia, 1983, p. 68, 73; The Australian, 5—6.I.1980, p. 14.
- ⁵⁹ Time, 22.IX.1980, p. 52.
- ⁶⁰ Ibidem.
- ⁶¹ Australia Handbook, 1982—1983. Canberra, 1982, p. 108.
- ⁶² The Bulletin, 10.II.1981, p. 22.
- ⁶³ Проблемы мира и социализма, 1983, № 10, с. 51.

ГЛАВА III (с. 66—92)

- ¹ International Financial Statistics. Supplement on Trade Statistics, 1982, p. 50—55.
- ² Оценка автора по данным австралийской статистики.
- ³ Year Book of International Trade Statistics, 1980. N. Y., 1981, v. I.
- ⁴ Year Book. Australia, 1981, p. 632.
- ⁵ Year Book of International Trade Statistics, 1980, v. II.
- ⁶ Year Book. Australia, 1981, p. 364.
- ⁷ Year Book of International Trade Statistics, 1980, v. II.
- ⁸ «Варэра-по сэкай» (Наш мир), 1982, № 200, с. 9.
- ⁹ Year Book of International Trade Statistics, 1977, v. I, p. 168; OECD. Economic Surveys. Australia, 1982, p. 67.
- ¹⁰ OECD. Economic Outlook. Historical Statistics. 1960—1980. Paris, 1982, p. 98—100.
- ¹¹ Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран, обзор за 1982 г. и начало 1983 г. Приложение к журналу МЭМО, 1983, № 8, с. 80.
- ¹² Overseas Investment in Australia. Treasury Economic Paper, N I, May 1972, p. 5, 33; Year Book. Australia, за соответствующие годы.
- ¹³ Overseas Investment in Australia; Year Book. Australia, 1979—1982.
- ¹⁴ Overseas Investment in Australia, p. 5; Year Book. Australia, за соответствующие годы.
- ¹⁵ OECD. Economic Surveys. Australia, 1982, p. 64.
- ¹⁶ МЭМО, 1983, № 1, с. 38; Survey of Current Business, August 1982, p. 21—22.
- ¹⁷ Monthly Finance Review (Japan), July 1982, p. 16.
- ¹⁸ Year Book. Australia, 1970, 1974, 1979—1982.
- ¹⁹ Weekly Newsletter, 9.VI.1978, p. 8.
- ²⁰ Australia. Handbook 1978, p. 76—77.

ГЛАВА IV (с. 93—131)

- ¹ Horne D. The Lucky Country. Australia in the Sixties. Ringwood, 1968, p. 19—20.
- ² The Economist, 22.VIII.1971, p. 1.
- ³ Australia Handbook 1982—1983, p. 106.
- ⁴ Australia Ripped-Off. An Amalgamated Metal Workers and Shipwrights Union. Sydney, 1979, p. 7.

- ⁵ Inquiry into Poverty Report (by Prof. Henderson), 1975.
- ⁶ The Times, 10.III.1971.
- ⁷ Australia Ripped-Off, p. 6.
- ⁸ Правда, 21 февраля 1983 г.
- ⁹ См.: Вревский В. А. Либеральная и аграрная партии Австралии после второй мировой войны. М., 1976, с. 24.
- ¹⁰ The Times, 22.III.1975.
- ¹¹ The Guardian (London), 10.VI.1969.
- ¹² The Australian, 7.IX.1964.
- ¹³ Australian Left Review, May 1971, p. 12.
- ¹⁴ The Sydney Morning Herald, 19.VII.1979.
- ¹⁵ Ibid., 17.VII.1979.
- ¹⁶ The Financial Times, 28.VII.1981.
- ¹⁷ Заявление ЦК СПА «О роли и характере австралийской лейбористской партии». — Australian Marxist Review, September 1978, p. 2, 4.
- ¹⁸ The Financial Times, 7.XII.1977.
- ¹⁹ Australia Handbook 1982—1983, p. 108.
- ²⁰ Documents of the Third Congress of the Socialist Party of Australia, Sept. 29—Oct. 2, 1978, p. 18.
- ²¹ The Times, 19.I.1973.
- ²² Lloyd C., Reid G. Out of the Wilderness. The Return of Labor. Melbourne, 1974, p. 21.
- ²³ The Economist, 28.IV.1973, p. 17.
- ²⁴ Weekly Newsletter, 14.XII.1973, p. 19.
- ²⁵ Lloyd C., Reid G. Op. cit., p. 169.
- ²⁶ Far Eastern Economic Review, 8.VII.1974, p. 4.
- ²⁷ Weekly Newsletter, 11.I.1974, p. 9.
- ²⁸ The Economist, 12. VII. 1975, p. 14.
- ²⁹ The Socialist, 19.XI.1975.
- ³⁰ U. S. News and World Report, 24.XI.1975, p. 60.
- ³¹ The Times, 5.XII.1975.
- ³² Horne D. Death of the Lucky Country. Sydney, 1976, p. 72.
- ³³ The Times, 20.XI.1975.
- ³⁴ The Sunday Times, 7.XII.1975.
- ³⁵ См., например, Time, 13.XII.1982, p. 43.
- ³⁶ New Statesman, 19.XII.1975.
- ³⁷ Weekly Newsletter, 10.IX.1976, p. 4.
- ³⁸ Morning Star, 14.XI.1979.
- ³⁹ No! No! To Joh. The Battle for Queensland Civil Rights. Brisbane, 1979, p. 58.
- ⁴⁰ Far Eastern Economic Review, 1.IX.1978, p. 24.
- ⁴¹ Weekly Newsletter, 9.IX.1977, p. 1.
- ⁴² Ibid., 14.IX.1979, p. 9.
- ⁴³ The Times, 8.X.1980.
- ⁴⁴ Ibid., 19.XI.1980.
- ⁴⁵ The Australian, 20.X.1980.
- ⁴⁶ The Times, 11.III.1983.
- ⁴⁷ Правда, 21 февраля 1983 г.
- ⁴⁸ Australia Handbook, 1982—1983, p. 89.
- ⁴⁹ Правда, 25 ноября 1981 г.
- ⁵⁰ The Economist, 6.XI.1982, p. 85.
- ⁵¹ Stevens F. Black Australia. Sydney, 1981, p. 4.
- ⁵² Weekly Newsletter, 2.XII.1977, p. 5.
- ⁵³ The Australian, 13.X.1980.
- ⁵⁴ Правда, 7 сентября 1980 г.
- ⁵⁵ The Economist, 11.VII.1981, p. 49.

- ⁵⁶ Time, August 1981, p. 25.
- ⁵⁷ The Financial Times, 16.VII.1982.
- ⁵⁸ Weekly Newsletter, 18.II.1983, p. 3.
- ⁵⁹ The Times, 23.II.1983.
- ⁶⁰ Weekly Newsletter, 11.II.1983, p. 3.
- ⁶¹ Ibidem.
- ⁶² The Times, 10.III.1983.
- ⁶³ Keesing's Contemporary Archives, 1983, p. 32127.
- ⁶⁴ The Times, 11.III.1983.
- ⁶⁵ Ibid., 9.III.1983.
- ⁶⁶ Weekly Newsletter, 26.VIII.1983, p. 5.
- ⁶⁷ Ibid., 26.IX.1983, p. 1.
- ⁶⁸ Kasper W., Blandy R., Freebairn F., Hoking D., O'Neil R. Australia at the Crossroads. Sydney, 1980, p. 31.

ГИАБА V (с. 132—172)

- ¹ The New York Times, 19.VIII.1971.
- ² The Australian, 1.VIII.1973.
- ³ Australian Outlook, January 1976, p. 141.
- ⁴ Ibid., August 1978, p. 160.
- ⁵ Aussenpolitik, July 1971, S. 429—430.
- ⁶ Whitlam E. Beyond Vietnam. Australia's Regional Responsibility. Melbourne, 1968, p. 23, 49.
- ⁷ Australian Outlook, April 1970, p. 32.
- ⁸ The Sydney Morning Herald, 19.IV.1975.
- ⁹ Towards a New Australia. Ed. by John-McLarence. Melbourne, 1972.
- ¹⁰ Department of Foreign Affairs. A Selection of Statements on Foreign Affairs by the Australian Prime Minister Mr. Whitlam and the Minister of Foreign Affairs Senator Willesee. Canberra, February 1974, p. 26.
- ¹¹ Внешняя торговля СССР, 1972. Статистический обзор за 1972. М., 1973, с. 315—316; 1974. М., 1975, с. 313—314.
- ¹² Weekly Newsletter, 23.IX.1977, p. 5.
- ¹³ The Times, 10.III.1976.
- ¹⁴ Far Eastern Economic Review, 25.VIII.1976, p. 13.
- ¹⁵ The Australian, 2.VI.1976.
- ¹⁶ The Australian Financial Review, 2.VI.1976.
- ¹⁷ The Australian, 18.III.1976.
- ¹⁸ Weekly Newsletter, 27.I.1978, p. 3.
- ¹⁹ The Far East and Australasia, 1976/77. London, 1976, p. 20.
- ²⁰ Australia Handbook, 1982—1983, p. 90—91.
- ²¹ Australian Outlook, August 1978, p. 142.
- ²² Weekly Newsletter, 25.VI.1982, p. 4.
- ²³ Ibid., 7.III.1983, p. 2.
- ²⁴ World Review (Queensland), July 1974, p. 5.
- ²⁵ The Sydney Morning Herald, 17.VI.1976.
- ²⁶ The Australian, 17.VI.1976.
- ²⁷ The Australian Financial Review, 16.VI.1976.
- ²⁸ The Canberra Times, 19.VI.1976.
- ²⁹ Ibid., 30.III.1979.
- ³⁰ Newsweek, 4.VII.1976, p. 14.
- ³¹ The Australian, 12.V.1980.
- ³² Australian Foreign Affairs Record, March 1981, p. 112.
- ³³ Australia Handbook, 1982—1983, p. 57.
- ³⁴ The Bulletin, 12.V.1981, p. 3.
- ³⁵ Gelber H. The Australian-American Alliance. Costs and Benefits. Harmondsworth (Britain), 1968, p. 125.

- ³⁶ The Financial Times, 3.IV.1968.
- ³⁷ The Times, 5.VI.1982.
- ³⁸ Ibid., 29.V.1982.
- ³⁹ Australian Outlook, April 1978, p. 64.
- ⁴⁰ Far Eastern Economic Review, 13.VIII.1982, p. 34.
- ⁴¹ Weekly Newsletter, 26.XI.1982, p. 6.
- ⁴² Parliamentary Debates. House of Representatives. Canberra, August 1969, p. 312—313.
- ⁴³ Правда, 19 августа 1969 г.
- ⁴⁴ The Australian, 16.IX.1969.
- ⁴⁵ The Australian Financial Review, 2.VII.1976; The Age, 2.VII.1976.
- ⁴⁶ Australian Outlook, April 1977, p. 196.
- ⁴⁷ Australia and the Indian Ocean Region. Report from the Senate Standing Committee on Foreign Affairs and Defence. Canberra, 1977, p. 185.
- ⁴⁸ Weekly Newsletter, 21.V.1982, p. 1.
- ⁴⁹ Экономика и внешнеэкономические связи СССР. Справочник. М., 1983, с. 240; Внешняя торговля СССР. Справочник, за соответствующие годы.
- ⁵⁰ См. Известия, 14 сентября 1983 г.
- ⁵¹ См. Правда, 19 марта 1983 г.
- ⁵² См. Правда, 2 июня 1983 г.
- ⁵³ См. Правда, 12 октября 1983 г.
- ⁵⁴ Правда, 30 мая 1984 г.

ГЛАВА VI (с. 173—222)

- ¹ Canadian Statistical Review, July 1982, p. 14; Canada Year Book, 1980/81. Ottawa 1981, p. 130.
- ² The Financial Post, 20.III.1982, p. 10.
- ³ Рассчитано по: Canada Year Book, 1980/81, p. 351.
- ⁴ Рассчитано по: OCDE Etudes Economiques. Canada. Paris, Janvier 1981, p. 66; OECD Economic Surveys, 1981/82. Canada. Paris, June 1982, p. 54.
- ⁵ Рассчитано по: OECD Economic Surveys, 1981/82. Canada. Paris, June 1982, p. 62—63.
- ⁶ Small Business Innovation and Research Legislation. Hearing before the Subcommittee on General Oversight of the Committee on Small Business. House of Representatives. Ninety-seventh Congress. First Session. Wash., 1981, p. 336.
- ⁷ См. *Алехин Б. И.* Канада: монополии и научная политика государства. М., 1982.
- ⁸ Подсчитано по: OECD Economic Surveys, 1981/82. Canada. Paris, June 1982, p. 62—65.
- ⁹ Main Economic Indicators, February 1984, p. 182, 183.
- ¹⁰ Main Economic Indicators, April 1983.
- ¹¹ Рассчитано по данным: Canada Year Book, 1980/81, p. 269.
- ¹² Small Business Innovation and Research Legislation, Hearing before the Subcommittee on General Oversight of the Committee on Small Business, p. 27.
- ¹³ Canadian Statistical Review. Weekly Supplement, 23.III.1984, p. 3.
- ¹⁴ Business Week. 28.VI.1982.
- ¹⁵ БИКИ, 6.XI.1982.
- ¹⁶ Military Balance, 1970—1982.
- ¹⁷ A Time for Reason. Economic Council of Canada. Fifteenth Annual Review. Ottawa, 1978, p. 56.

- ¹⁸ Minerals in Canada, Reference Paper 139. Ottawa, 1978, p. 2—4.
- ¹⁹ Рассчитано по: Canada Year Book, 1980/81, p. 441.
- ²⁰ Warley T. K. Agriculture in an Interdependent World: U. S. and Canadian Perspectives. Canadian-American Committee. Montreal — Washington, 1977, p. 21.
- ²¹ Подсчитано по: Yearbook of World Energy Statistics, 1980, p. 2—3, 66—67.
- ²² Нефтяник, 1981, № 2, с. 43; Энергохозяйство за рубежом, 1984, № 2, с. 41—44.
- ²³ Meyerhoff A. Proved and Ultimate Reserves of Natural Gas and Natural Gas Liquids in the World. 10th World Petroleum Congress. 1979. Bucharest, PD12.
- ²⁴ Canadian Statistical Review, May 1981, p. 13, 83.
- ²⁵ Petroleum Economist, 1981, N 6, p. 260; Petroleum Times, 15.X.1983, p. 5.
- ²⁶ Energy Policies and Programmes of IEA Countries, 1979. OECD, Paris, 1980, p. 98.
- ²⁷ Canada. The National Energy Program. Update 1982. Ottawa, 1982, p. 90.
- ²⁸ The Economist, 26.VI.1982, p. 71.
- ²⁹ World Oil, 1982, N 3, p. 32—33.
- ³⁰ The Economist, 14.XI.1981, p. 99.
- ³¹ Economics Canada: Selected Readings. Toronto, 1976, p. 262.
- ³² RDIA — Regional Development Incentives Act.
- ³³ Canadian Statistical Review, February 1984, p. 23.
- ^{33a} Fortune, 14.I.1980, p. 94.
- ³⁴ Canadian Tribune, 18.VI.1981.
- ³⁵ Swanson R. F. Intergovernmental Perspectives on the Canada — U. S. Relationship. N. Y., 1978, p. 233.
- ³⁶ Relationships in the North American Economic Area. A Report of the North American Economic Area Panel of the Economic Policy Council of UNS — USA. New York, February 1981, p. 90.
- ³⁷ Кауштан У. Рабочий класс и антимонополистическая борьба. М., 1975, с. 207.
- ³⁸ U. S. News and World Report, 21.IX.1981, p. 66.

ГЛАВА VII (с. 223—268)

- ¹ Clement W. Continental Corporate Power. Economic Linkages between Canada and the United States. Toronto, 1977, p. 96.
- ² Подробнее см.: Сущенко В. В. Монополистический капитал Канады. М., 1963; Бородаевский А. Д. Канада и межимпериалистическая борьба за источники сырья. М., 1968.
- ³ Бак Т. Избранные произведения. М., 1972, с. 390.
- ⁴ Canadian Business, July 1983, p. 87—112.
- ⁵ Academy of Political Science. Canada — United States Relations. Ed. by H. E. English. N. Y., 1976, p. 79—80.
- ⁶ Clement W. Op. cit., p. 92.
- ⁷ Lees F. International Banking and Finance. N. Y., 1974, p. 279.
- ⁸ The Financial Post 500, June 1982, p. 123.
- ⁹ Ньюмен П. Канадский истеблишмент. М., 1980, с. 83.
- ¹⁰ Communist Viewpoint, July—August 1981, p. 33.
- ¹¹ Clement W. The Canadian Corporate Elite. An Analysis of Economic Power. Toronto, 1975, p. 446.
- ¹² Financial Post, 20—27.XII.1979.
- ¹³ Ibid., 5.IV.1975.

- ¹⁴ Public Corporations and Public Policy in Canada. Ed. by A. Tupper, G. Bruce Doern. Montreal, 1981, p. 5, 6.
- ¹⁵ CALURA. Report for 1979. Part I — Corporations. Ottawa, 1981, p. 50—96.
- ¹⁶ Monthly Review (N. Y.), Jan. 1981, p. 17.
- ¹⁷ Maclean's, 2.V.1983, p. 21.
- ¹⁸ Consultation and Consensus: A New Era in Policy Formulation? Ottawa, 1978, p. 135—136.
- ¹⁹ Monthly Review, Jan. 1981, p. 14.
- ²⁰ Consultation and Consensus..., p. 136.
- ²¹ Action for Industrial Growth. A First Response. Ottawa, 1978; Action for Industrial Growth. Continuing the Dialogue. Ottawa, 1979.
- ²² Morici P., Smith A., Lea S. Canadian Industrial Policy. Wash., 1982.
- ²³ The Academy of Political Science. Canada—United States Relations, p. 84.
- ²⁴ Natural Resources in U. S. Canadian Relations. Vol. I. The Evolution of Policies and Issues. Ed. by C. E. Beigie, A. O. Hero (Jr.) Boulder (Col.), 1980, p. 195.
- ²⁵ Department of Energy. Mines and Resources. Towards a Mineral Policy for Canada: Opportunities for Choice. Ottawa, 1974.
- ²⁶ БИКИ, 14.V.1983.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Canada Weekly. 16.III.1983.
- ²⁹ Financial Times of Canada, 20.XII. 1982.
- ³⁰ Financial Post, 15.X.1977.
- ³¹ Canada Weekly, 15.XII.1982.
- ³² Oilweek, 29.III.1982; Canada Weekly, 1.XII.1982.
- ³³ Цит. по: Communist Viewpoint, July — August 1981, p. 35.
- ³⁴ Ibid., p. 32.
- ³⁵ Ibid., p. 33.

ГЛАВА VIII (с. 269—316)

- ¹ Time, 1.XI.1982.
- ² Рассчитано по: Canada Year Book, 1980/81; p. 726, 863; Canadian Statistical Review.
- ³ Рассчитано по: OECD Economic Surveys, 1981/82. Canada, June 1982, p. 62—65.
- ⁴ Рассчитано по: Canadian Statistical Review, January 1983, p. 108—109.
- ⁵ Рассчитано по: OECD Economic Surveys, 1981/82. Canada, June 1982, p. 62—65.
- ⁶ Рассчитано по: Monthly Bulletin of Statistics, February 1984, № 2, p. 106.
- ⁷ Рассчитано по: Canada Year Book, 1980/81, p. 677, 727.
- ⁸ Canada Year Book, 1980/81, p. 443.
- ⁹ The Financial Post, 26.VII.1980, p. 2.
- ¹⁰ Экономика США в будущем. М., 1982, с. 208.
- ¹¹ Business America, 23.XI.1981, p. 4.
- ¹² Statistical Abstract of the United States, 1965, p. 892; 1979, p. 872.
- ¹³ Nowzad A. The Rise in Protectionism. Wash., 1978, p. 16—17.
- ¹⁴ Dale R. Antidumping Law in a Liberal Trade Order. Wash., 1980, p. 204—205.
- ¹⁵ Canada Year Book, 1980/81, p. 878—879.
- ¹⁶ Ibid., p. 878.
- ¹⁷ Survey of Current Business, August 1982, p. 22.
- ¹⁸ Ibid., p. 28.

- ¹⁹ Рассчитано по: Survey of Current Business, August 1982.
- ²⁰ The Canadian Perspective on Foreign Investment and Energy Questions. Statements and Speeches, Department of External Affairs. Ottawa, 1981, N 81/24, p. 3.
- ²¹ The Globe and Mail, 9.XI.1982.
- ²² Canada Year Book, 1980/81, p. 877.
- ²³ Survey of Current Business, August 1982.
- ²⁴ Рассчитано по: Main Economic Indicators, April 1983; Survey of Current Business, August 1982.
- ²⁵ 1979 Yearbook of International Trade Statistics. U. N., 1980, v. I, Special Table B.
- ²⁶ Рассчитано по: CIDA. Annual Aid Review, 1974, p. 6; Canada Year Book, 1980/81. Ottawa, 1981, p. 764.
- ²⁷ Canada Year Book, 1980/81, p. 764.
- ²⁸ Canadian Statistical Review, February 1984, p. 108.
- ²⁹ The Globe and Mail, 10.VI.1982.
- ³⁰ Правда. 15 июня 1980 г.; 15 мая 1983 г.
- ³¹ Financial Post, 3.III.1983.

ГЛАВА IX (с. 317—359)

- ¹ Economic Review. A Perspective on the Decade. April 1980. Department of Finance. Canada, p. 216.
- ² Ibidem.
- ³ Bank of Montreal. Business Review. Aug. 1982; Jan. 1983; Toronto Star., 17.XI.1982.
- ⁴ Economic Review. April 1982, p. 216; Financial Post, 5.II.1983, p. 10.
- ⁵ Canadian Labour, June 1974, p. 30.
- ⁶ Directory of Labour Organizations in Canada. 1980. Minister of Supply & Services. Quebec, 1981, p. 17.
- ⁷ Ibid., p. 18.
- ⁸ Strikes and Lockouts in Canada, 1978, p. 9.
- ⁹ Canadian Tribune, 29.X.1975.
- ¹⁰ Труд. 2 ноября 1976 г.; Canadian Labour, March, 1972, p. 14—15; Sept., p. 22; 1976, June, p. 31—34.
- ¹¹ Communist Party of Canada. Central Committee Meeting. 28, 29, 30.I.1977, p. 13—14.
- ¹² Canadian Statistical Review. Dec. 1975, p. 47.
- ¹³ Canadian Annual Review of Politics and Public Affairs (CAR) 1976. Toronto, 1977, p. 205.
- ¹⁴ Programme Officielle du Parti Quebecois. Quebec, 1978, p. 12.
- ¹⁵ Canada Weekly, 28.V.1980.
- ¹⁶ The Canada Gazette. Special Issue. Part III. Ottawa, 21.IX.1982.
- ¹⁷ XXV съезд Коммунистической партии Канады. М., 1983, с. 72—76.
- ¹⁸ CAR, 1973. Toronto, 1974, p. 335.
- ¹⁹ Canadian News Facts., 1979, p. 2105, 2115, 216.
- ²⁰ Simpson J. Discipline of Power. Toronto, 1980, p. 70—71, 117, 145.
- ²¹ Canadian News Facts., 1979, p. 2137.
- ²² Canadian News Facts., 1984, p. 3012.
- ²³ Ibidem.
- ²⁴ XXV съезд Коммунистической партии Канады, с. 22.

ГЛАВА X (с. 360—411)

- ¹ Foreign Policy for Canadians. Queen's Printer for Canada. Ottawa, 1970, p. 9.
- ² Ibid., p. 21.

- ³ Ibid., p. 24.
- ⁴ Canadian Annual Review of Politics and Public Affairs, 1972. Toronto, 1973, p. 264.
- ⁵ Canada — US Relations: Options for the Future. International Perspectives, 1972, Autumn. Special Issue, p. 11—17.
- ⁶ Foreign Affairs. Fall, 1973, p. 120.
- ⁷ Statements and Speeches. N 70/6, Canada. Department of External Affairs. Information Division (1970, N 6).
- ⁸ International Canada. July — Aug. 1972, p. 129.
- ⁹ International Perspectives. March — April 1975, p. 15.
- ¹⁰ Ottawa Citizen, 19.III.1976.
- ¹¹ Toronto Star, 2.II.1976.
- ¹² International Perspectives. July — Aug. 1978, p. 3—4.
- ¹³ International Canada. Jan. 1978, p. 3; Department of State. Press, 22.XI.1978, N 434.
- ¹⁴ Statements and Speeches, № 78/7.
- ¹⁵ Canadian News Facts., 1980, p. 2266.
- ¹⁶ *Kashtan Wm.* The February federal elections outcome. Communist Viewpoint, Mar.— Apr., 1980, p. 7.
- ¹⁷ Globe and Mail., 4.IX.1983; Toronto Star, 16.XI.1983.
- ¹⁸ Statements and Speeches, N 81/17.
- ¹⁹ Canada. Department of External Affairs. Framework Agreement for Commerce and Economic Cooperation between Canada and the European Communities. Ottawa, 6.VII.1976.
- ²⁰ International Perspectives. Jan.— Feb. 1980, p. 3—4.
- ²¹ Canadian News Facts., 1976, p. 1653.
- ²² Statements and Speeches. N 79/2.
- ²³ Last Post. Nov., 1978, p. 16—19.
- ²⁴ Today Magazine, 24.V.1980.
- ²⁵ Canada. Department of External Affairs. Annual Report, 1977. Ottawa, 1978, p. 11.
- ²⁶ Canadian News Facts., 1980, p. 2376.
- ²⁷ См.: Правда, 25 января 1984 г.
- ²⁸ Canada Weekly, 15.VIII.1973.
- ²⁹ Department of External Affairs. Annual Report, 1975. Minister of Supply and Services. Canada, 1976, p. 14.
- ³⁰ International Canada. July — Aug. 1977, p. 122.
- ³¹ Canada Weekly, 16.II.1983.
- ³² См.: Правда, 5 октября 1969 г.
- ³³ Statements and Speeches. N 71/8.
- ³⁴ См.: Правда, 20, 29 мая 1971 г.
- ³⁵ Statements and Speeches, N 71/14.
- ³⁶ См.: Правда, 21 октября 1971 г.
- ³⁷ См.: Правда, 25 ноября 1973 г.; 28 сентября 1975 г.
- ³⁸ См.: Материалы XXV съезда КПСС, с. 21.
- ³⁹ См.: Правда, 28 октября 1978 г.
- ⁴⁰ Canada Weekly, 5.III.1980.
- ⁴¹ См.: Правда, 4 июля 1980 г.
- ⁴² Financial Post, 7.VI.1980.
- ⁴³ См.: Правда, 27 июля 1980 г.
- ⁴⁴ Toronto Star, 8—9.VIII.1980.
- ⁴⁵ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 25.
- ⁴⁶ Сельская жизнь, 30 сентября 1981 г.
- ⁴⁷ См.: Правда, 16 февраля 1982 г.; Известия, 20 ноября 1982 г.
- ⁴⁸ Правда, 16, 25 февраля, 27 сентября 1984 г.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ ПО ЭКОНОМИКЕ И ПОЛИТИКЕ АВСТРАЛИИ И КАНАДЫ (70—80-е годы)

- Австралия и Океания в современном мире (Сборник статей). М., 1982.
- Андреева В. М.* Австралийский Союз (экономико-географическая характеристика). М., 1970.
- Вревский В. А.* Либеральная и аграрная партии Австралии после второй мировой войны. М., 1976.
- Дорофеев Б. Я.* Трудовая Австралия в борьбе за мир и социальный прогресс. М., 1980.
- Иванов В. И.* Иностранный капитал в Австралии после второй мировой войны. М., 1976.
- Лебедев И. А.* Внешняя политика Австралии (1939—1974). М., 1975.
- Малаховский К. В.* История Австралии. М., 1980.
- Мартынов А. И., Русакова О. К.* Австралия в международных отношениях XX века. М., 1978.
- Прошлое и настоящее Австралии и Океании (Сборник статей). М., 1979.
- Пути развития Австралии и Океании (Сборник статей). М., 1981.
- Рубцов Б. Б.* Финансы, денежное обращение и кредит Австралии. М., 1981.
- Современная Австралия (Справочник). М., 1976.
- Страны южных морей (Сборник статей). М., 1980.
- Антипова А. В., Антонова И. Ф.* Канада. М., 1972.
- Алехин Б. И.* Канада: монополии и научная политика государства. М., 1982.
- Бородаевский А. Д.* США — Канада: региональный хозяйственный комплекс. М., 1983.
- Вахрушев В. В.* Канада и страны Южной, Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. М., 1977.
- Данилов С. Ю.* Двухпартийная система Канады: тенденции развития. М., 1982.
- Дмитриев С. С., Павлова Л. П.* Финансовая и денежно-кредитная система Канады. М., 1978.
- Канада. Исторический очерк. М., 1976.
- Канада на пороге 80-х годов: Экономика и политика. М., 1979.
- Канада — США: экономические и политические отношения. М., 1983.
- Лавровская Т. В.* Североамериканский узел межимпериалистических противоречий. М., 1978.
- Попов В. В.* Канада: особенности промышленного развития. М., 1983.
- Проблемы историографии Канады. М., 1981.
- Сороко-Цюпа О. С.* Рабочее движение в Канаде. М., 1977.
- Тишков В. А., Кошелев Л. В.* История Канады. М., 1982.
- Управление региональными программами в США и Канаде. М., 1983.
- Фурсова Л. Н.* Иммиграция и национальное развитие Канады (1946—1970 гг.). М., 1975.
- Хасбулатов Р. И.* Экономика современной Канады (Монополии и государство). М., 1977.
- Хорошилов И. И., Хорошилова В. И.* Сельское хозяйство Канады. М., 1976.
- Цысина Г. А.* Канада: профсоюзы и классовая борьба пролетариата (1965—1975 гг.). М., 1977.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВСТРАЛИЯ

Аборигены 107, 124—126, 130
Австралийская комиссия по атомной энергии (АКАЭ) 85, 86

Австралийская корпорация промышленного развития (АКПР) 85, 111

«Австралийской исключительности» концепция 93

Австралия — ООН 141, 142

Американские военные базы в Австралии 19, 109, 124, 135, 136, 145, 151, 153

АНЗЮС 18, 19, 105, 127, 133—136, 138, 160, 164

Арбитражная система 104, 115, 128, 130

Банки

иностранные 55, 56

общая характеристика 55—57, 62, 63, 83

Резервный банк 59, 62

слияния коммерческих банков 55

Безработица 26, 64, 87, 88, 109, 120—123

Бюджет федеральный 63, 64, 115, 117

Валовой внутренний продукт (ВВП)

динамика 24, 25, 31

на душу населения 8, 25

общая характеристика 15, 24, 26, 28, 80

структура 32, 33

Валовой национальный продукт (ВНП) 7, 8

Валютно-финансовая система

доллар австралийский 88—90

общая характеристика 62, 82, 89, 90

Внешняя торговля

географическая структура

импорта 73, 74

экспорта 72—76, 150

динамика

импорта 75

экспорта 74—76, 150

Квота

импортная 67

экспортная 67

товарная структура

импорта 32, 35—37, 70, 71, 88

экспорта 10, 32, 36, 38, 40—

43, 67—70, 74, 75, 150

Внутренний рынок 23, 24, 33—35, 47, 67, 79, 82, 83, 88

Военное производство 62, 151, 153

Военно-стратегический потенциал 18, 19, 21, 135, 136, 138—140, 151, 153

Военные расходы 123, 130, 133, 140, 146, 153

Вооруженные силы 21, 95, 106, 132, 133, 138—140, 143, 145—147, 151, 153

Выборы 96, 97, 102—105, 108, 111—114, 117, 121, 122, 126—130

Государственно-монополистический капитализм (ГМК)

государственно-монополистическое регулирование 32, 58—65, 67, 79, 80, 83—92, 105—112, 115—121, 123, 130, 131

государственное предпринимательство и государственная собственность 62, 63, 119
государственный аппарат 59, 61, 62, 85—88, 106, 115

Забастовочное движение 104, 109, 112—114, 116, 118, 119, 121, 123, 124

Занятость

в государственном секторе 59, 119

динамика 25, 26, 31, 129

женщин 26

квалификация занятых 25, 26
молодежи 26

общая характеристика 25, 26, 94, 130

отраслевая структура 26, 27, 42

Заработная плата 26, 35, 64, 106, 110, 115, 127, 130

Здравоохранение («Медибэнк») 107, 115, 130

- Издержки производства 23, 24, 26, 35, 36
- Иммиграция 23—25, 84, 87, 101—104
- Импорт капитала 16, 23, 24, 49, 76—82, 84, 86, 87, 92, 117
- Иностранный капитал 5, 11, 16—18, 48—55, 57, 58, 85—87, 92, 108, 110—112, 117
- Инфляция 64, 109, 110, 123
- Инфраструктура 24, 27, 28, 31, 45, 58, 59, 62, 76
- Капиталовложения**
 воспроизводственная структура 30
 государственные 28, 29, 59
 динамика 27, 29, 31
 отраслевая структура 27, 28, 30, 31
 технологическая структура 29—31
 частные 29—31
- Конкурентоспособность 26, 30, 34, 87, 88
- Контроль над ценами и доходами 64, 106, 115
- Концентрация
 капитала 46, 48—58
 производства 46—54
- Международное разделение труда (МРТ)**
 место Австралии в МРТ 8—10, 16, 17, 44, 66—71, 75—77
- Мелкий и средний бизнес 32, 47, 48, 83
- «Минеральный бум» 27, 38, 46, 72, 79
- Монополистическая структура экономики 48—55
- Накопление капитала 24, 27—31
- Налоги 63, 64, 117, 123
- Население 22, 24, 25, 94, 103
- Научно-технический прогресс 12, 31, 32, 43, 91
- Национализация («социализация») 63, 98—100
- Национальное богатство 94, 95
- Отраслевая структура экономики
 горнодобывающая промышленность 10, 33, 38—42, 45, 46, 48—54, 56, 57, 67—70, 75—81, 85—87, 94, 108, 111
- обрабатывающая промышленность 23, 24, 26, 32—38, 44—52, 56, 67—70, 77—81, 85, 87—89, 94
- сельское хозяйство 10, 26, 32, 33, 42—48, 67—70, 72—75, 97
- строительство 27—29, 32, 33, 94
- сфера услуг 27, 30, 32, 33
- торговля 27, 30, 32, 33
- транспорт и связь 23, 30, 32, 33, 94
- энергетика 32—34, 40, 41
- Парламент 95, 96, 105, 106, 108, 111, 114—119, 122, 129, 130
- Платежный баланс 63, 75, 84, 89
- Политические партии**
 Австралийская демократическая партия (Партия австралийских демократов) 109, 117, 122, 124, 129, 130
- Австралийская лейбористская партия (АЛП) 18, 20, 59—65, 79, 84—88, 92, 95, 98—102, 104—118, 120—123, 127—131, 135, 140—145, 147, 152, 153, 159—161, 164, 165, 171, 172
- Демократическая лейбористская партия (ДЛП) 101, 102, 108, 109, 140
- Либеральная партия 18, 19, 59—64, 79, 80, 86, 87, 89, 96, 97, 102, 104, 105, 108—110, 112—129, 134, 135, 140, 145—151, 154, 156—163, 165—171
- Национальная (аграрная) партия 18, 63, 64, 86, 87, 89, 97, 102, 104, 105, 108—110, 112—119, 134, 135, 140, 145—151, 154, 156—163, 165—171
- Социалистическая партия Австралия (СПА) 65, 101, 103
- Предпринимательские союзы 61, 62
- Природные ресурсы 8—10, 16—18, 23, 37—42
- Производительность труда 24, 31
- Производительные силы 22—32, 44—46
- Профсоюзы**
 Австралийский совет проф-

союзов (АСП) 98, 100, 102, 120
 антипрофсоюзная политика правительства либерал-аграриев 115, 116, 118, 119, 121, 128
 общая характеристика профсоюзного движения 98, 100, 102—106, 109, 112, 115—117, 119, 130
 Регионализм 138, 139, 154—165
 СЕАТО 138, 143
 Содружество наций 7, 149
 Социально-классовая структура общества
 буржуазия 59, 94—98, 102, 110, 114, 131
 общая характеристика 93—95
 рабочий класс 94, 103
 средние слои 100, 128
 фермерство 94
 Структурная перестройка экономики 25, 26, 31, 44, 46, 58
 Таможенный протекционизм 24, 33, 84, 87—89, 92
 «Тихоокеанское сообщество» 12, 17, 155, 156
 Торговый баланс 36, 75
 Транснациональные корпорации (ТНК) 18, 52, 54, 66, 79, 80, 86, 87, 110, 120, 122
 Федерализм 96, 106
 Финансовый капитал 56, 57, 59
 Финансовая олигархия 11, 57
 Экономические кризисы 22, 25, 26, 28, 31, 37, 39, 64, 109, 112
 Экономические и политические отношения Австралии с АСЕАН 74, 83, 91, 144, 155, 160—162, 165
 Великобританией 7, 11, 16, 23, 66, 68, 73, 76, 80—82, 90, 95, 112—114, 136, 137, 142, 149, 155
 КНР 137, 138, 142, 149, 154, 156—160
 Новой Зеландией и другими странами Океании 19, 73, 82, 83, 91, 92, 144, 162, 163
 СССР 20, 99, 122, 132, 138, 143, 144, 146, 157, 158, 165—172

США 5, 10—12, 16—20, 66, 73—75, 80—83, 92, 112—114, 132—137, 141, 145—153, 155—158, 165
 Японией 5, 10—12, 16, 17, 20, 66, 72—75, 80—82, 90—92, 137, 142, 149, 154—157
 Экспорт капитала 82, 83, 89
 Этнический фактор 101—104

Южнотихоокеанский форум 146, 163

КАНАДА

Автопакт (соглашение о свободной торговле продукцией автотомобильной промышленности) 216, 286, 371, 383, 386
 Агентство по проверке иностранных инвестиций (ФИРА) 294, 295, 369, 386
 Агропромышленный комплекс 189, 191
 Акционерные предприятия 224, 253, 310
 Банки
 Банк Канады 184, 252, 260
 Закон о банках 238
 иностранные 238
 коммерческие 236—245, 311
 консорциумы банковские 241, 243, 245
 общая характеристика 11, 236—238, 240, 241, 267, 393
 Банкротства 183, 192, 206, 207, 219, 230, 235, 256, 267
 Безработица 176, 182—184, 204, 207, 216, 220, 261, 266, 293, 304, 317, 318, 320, 326, 332, 338, 347, 350, 351, 353, 356, 357, 376
 Буржуазия 15, 247—249, 317, 331, 334, 338, 342—344, 346, 349, 354, 356, 361, 362
 Валовой внутренний (национальный) продукт (ВВП, ВНП) динамика 179, 180, 184, 193, 259, 260, 270
 на душу населения 8, 179, 218, 343
 объем 7, 8, 175, 293
 отраслевая структура (см.

- отраслевая структура экономики)
- Внешняя экономическая экспансия Канады 284, 288, 298
- Внешний долг 269, 296
- Внешняя политика, отношения Канады с
- Великобританией 7, 341, 361, 395, 409
- Западной Европой 366, 367, 381, 389—391, 410
- НАТО 13, 14, 339, 340, 362, 365, 366, 374, 379—381, 390, 391, 398, 409, 410
- развивающимися странами 300, 361, 387, 392—401
- СССР и другими социалистическими странами 20, 355, 362, 365, 366, 381—383, 385, 388, 391, 401—408, 410
- США 5, 13, 14, 20, 222, 304, 306, 307, 339, 340, 355, 358, 361—363, 365, 367—389, 409—411
- Японией 389, 391, 392, 410
- Внешняя торговля
- динамика
- импорта 270, 272, 275, 308, 314
- экспорта 270, 272, 275, 308, 314
- географическая структура 274—281, 298, 299, 314
- квота внешнеторговая (импортная, экспортная) 174, 269, 272, 273, 277
- объем 191, 314
- товарная структура 186, 188, 190, 197, 271—274, 276, 277, 299, 308, 314, 371
- торговый баланс 271, 273, 274, 277, 279, 282, 283, 302, 308, 314, 383
- Внутренний рынок 186, 203, 233, 247, 285, 343
- Военно-промышленный комплекс (ВПК)
- военное производство 174, 217, 265, 286, 343, 360, 362, 374
- военные расходы 183, 255—257, 267, 319, 353, 358, 366, 381, 383
- вооруженные силы 13, 362, 365, 366, 381, 382, 390
- общая характеристика 21, 174, 217, 363, 365, 388, 390
- Выборы 259, 324, 332, 336, 338, 341, 346—352, 354—359, 363, 368, 376, 379—381, 383—385, 398, 399, 405
- Государственно-монополистический капитализм (ГМК)
- государственная администрация 240, 255, 259, 267, 320, 336—338, 350, 351, 353
- государственно-монополистическое регулирование 177, 183, 184, 191, 199, 203, 206—208, 210, 216—218, 236, 249, 254, 255, 259—267, 275, 276, 284—287, 291, 294, 295, 300, 301, 317, 318, 323, 324, 335, 336, 342, 348, 350, 357, 358, 369, 387
- программирование 259, 261
- государственное предпринимательство и государственная собственность 199, 227, 228, 231, 240, 249—255, 353, 354
- государственный бюджет 183, 191, 208, 253—259, 263, 266, 267, 319, 337, 348, 350, 353, 354
- государственный долг 256
- государственных финансов кризис 259
- общая характеристика 11, 173, 203, 249, 259, 267, 268, 288
- Диспропорции региональные 201—208, 265, 342
- Доллар канадский 184, 186, 234, 276, 318
- Забастовочная борьба 320, 322—325, 347, 358
- Занятость (см. также рабочая сила)
- отраслевая структура 178, 185, 186, 190
- численность занятых 178, 182, 226, 227, 237, 304, 327
- Заработная плата 183, 318—320, 322, 324, 325, 332, 333, 347, 357
- Издержки производства 188, 197, 233
- Импорт капитала 214, 260, 282, 288—291, 294, 295, 365, 370, 376, 391
- Инвестиции (см. капиталовложения)

- Иностранный капитал 5, 11, 12, 15, 173, 178, 188, 198, 200, 209, 215, 219, 221, 223—236, 238, 241, 245, 247—249, 252—254, 262, 264, 271, 274, 279, 283, 284, 289, 290, 292—295, 316, 322, 330, 334, 339, 343, 348, 358, 369—371, 385, 386
- Инфляция 182, 183, 219, 220, 232, 234, 260, 261, 270, 317—320, 322—324, 332, 347—351, 353, 356, 357
- Инфраструктура 253, 255, 266
- Канада — ООН 301, 360, 363, 364, 375, 379, 387, 395, 397, 398, 401
- «Канадизация» 15, 198, 199, 210, 211, 221, 232, 241, 330, 367, 385, 404, 411
- Капиталовложения
- государственные 177, 250, 289
 - динамика 177, 181, 184
 - общий объем 176, 177, 190, 232, 253, 256, 293
 - технологическая структура 177, 186
 - частные 177, 250, 265, 266, 289
- Капиталоемкость 232, 241, 251
- Картели 235, 238
- Конгломераты 233
- Конкурентоспособность 187, 197, 211, 220, 262
- Конкуренция 175, 188, 191, 220, 231, 233, 235, 237, 239, 263, 277, 282, 284, 286, 298, 302, 303, 327, 344, 371, 372, 392
- Консорциумы (см. также банковские) 232, 235
- «Континентализм» 13, 15, 212, 220, 327, 362, 363, 367, 375, 378, 380, 381, 391, 411
- Контроль над ценами и доходами 183, 261, 318, 324, 325, 332, 333, 348—350
- Конфедерации кризис 341—345, 376, 411
- Концентрация
- капитала 223—236, 239, 267, 291
 - производства 182, 189, 223—236, 247, 248
- Концерны 226, 227, 231, 233, 247, 293
- «Коронные» корпорации 250, 251, 255
- Корпорации частные
- объем продаж 224—231, 244
 - размер активов 224—229, 233, 234, 245, 292
- Корпорация развития Канады (КРК) 232, 253, 369
- Корпорация развития экспорта (КРЭ) 252, 284, 285, 393
- Кредитная система 236, 237, 252
- Либерализация внешней торговли 203, 220, 285—287
- «Лидерство в ценах» 234
- Международное разделение труда (МРТ)
- место Канады в МРТ 9, 10, 12, 174, 188, 190, 209, 272—274, 303
- Международные монополии (см. транснациональные корпорации)
- Мелкий и средний бизнес 182, 189, 228, 229, 232—235, 252, 264, 267, 326, 338, 354
- Монополистический капитал 7, 11, 15, 203, 246, 248, 249, 263, 267, 295—297, 300
- Накопление капитала (см. также капиталовложения) 177, 231
- Налоги
- косвенные 257, 354
 - налог на корпорации 257, 258
 - налоговая реформа 258
 - общая характеристика налогообложения 197—199, 234, 257, 258, 343, 347, 349, 350, 372
 - подходящий налог 257—259, 351
 - прямые 257
- Население
- динамика 343
 - иммиграция 173, 175, 176, 202, 409
 - региональное размещение 175, 202, 207, 343
 - самостоятельное население 176, 182
 - численность 8, 175, 176, 237
- Научно-технический прогресс
- НИОКР 179, 186, 219, 220, 263, 264, 279, 285, 304, 311
 - общая характеристика 12, 173, 178, 191, 233, 251, 263, 264,

- 272, 279, 293, 304—306, 311—313, 365
- Национализация 254, 255, 339, 370
- Национальная промышленная политика 259—268
- Национальное богатство, распределение 258
- Национальный вопрос (см. также сепаратизм) 14, 176, 206, 247, 298, 317, 334—341, 349, 351, 358, 411
- Национальный доход 255—257, 319, 409
- Национальный фермерский союз Канады 191, 192
- Небанковские кредитные учреждения 236, 239, 242, 244
- НОРАД (система обороны Северной Америки) 13, 174, 217, 339, 340, 362, 365
- Отраслевая структура экономики
общая характеристика 174, 184, 223
горнодобывающая промышленность 177, 178, 184, 188, 193, 194, 196, 202, 204, 206, 215, 224, 227, 228, 232, 234, 235, 241, 245, 246, 248—252, 254, 255, 258, 262, 263, 273, 283, 285, 288—292
обрабатывающая промышленность 12, 177, 178, 181, 182, 184, 186, 187, 203, 204, 215, 219, 224, 227—230, 232—235, 245—252, 256, 258, 262—265, 271—273, 278, 283, 285, 286, 288, 289, 291—293, 311, 320, 342—344, 347, 354
сельское хозяйство 177, 184, 188—192, 202—204, 207, 252, 266, 285, 312, 347
строительство 230, 247, 250, 252, 267, 320
сфера услуг 184, 185, 230, 248, 250, 251, 288, 320, 326
торговля 184, 230, 231, 233, 244, 247, 248, 288, 320
транспорт и связь 184, 203, 230, 231, 245, 246, 248, 250, 251, 320
энергетика 9, 10, 177, 178, 192—201, 219, 230, 231, 233, 250, 251, 265, 267
- Охрана окружающей среды 216, 217, 371—373, 384, 386
- Парламент 323, 344, 346, 348, 352—355, 358, 368, 371, 375, 381, 385—387, 394, 398
- Партийно-политическая система
Квебекская партия 331, 335, 337—341, 350—352, 358, 376
Коммунистическая партия Канады 15, 212, 220, 224, 267, 268, 325, 332, 333, 358, 383
Либеральная партия 198, 259—261, 268, 305, 306, 317, 324, 332—336, 338, 340, 344, 346—359, 363, 367, 380, 381, 383—385, 391, 393, 394, 398, 401, 404, 406
Новая демократическая партия (НДП) 317, 325, 328, 332, 333, 346—352, 355, 356, 359, 370, 404
Партия социального кредита 349, 352, 354, 355
Прогрессивно-консервативная партия 255, 259, 260, 268, 306, 307, 317, 324, 332, 346—359, 363, 380—386, 391—395, 398, 399, 403—406
«Патриация» конституции 341, 344, 345, 358
- Предпринимательские союзы 261, 323
- Прибыль 225, 226, 233, 234, 238, 242, 254, 290, 319, 347, 372
норма прибыли 188, 233, 234, 242, 254, 264
- Приватизация 255, 351, 353
- Природные ресурсы 8, 9, 173, 174, 192, 193, 199, 200, 221, 232, 248, 251, 253, 262, 280, 293, 345, 370
- Производительность труда 177, 178, 190, 203, 218, 262, 264, 304
- Профсоюзы
Канадский рабочий конгресс (КРК) 318, 320, 325, 326, 328—333, 352
Конфедерация национальных профсоюзов (КНП) 320, 325, 330, 331
общая характеристика 261, 317, 319, 320, 322—333, 348
«Пэтро-Кэнада» 197, 199, 228, 232, 252, 253, 255, 351, 353, 354, 371, 380, 384, 394

- Североамериканская экономическая интеграция 5, 12, 13, 205, 206, 208—222, 249, 284, 298, 342, 362, 369, 390, 411
- Североамериканский центр капитализма 217, 221, 222
- Североамериканский энергетический рынок 13, 201, 380
- Сепаратизм (см. также национальный вопрос) 14, 206, 219, 266, 331, 335, 338—341, 347, 350, 357, 358, 376, 377, 389, 390
- Совет экономического развития 260
- Содружество наций 7, 285, 300, 394, 400
- Социальное страхование 255, 319
- Специализация и кооперирование производства 185, 215, 272, 278, 297
- «Средние» слои 332, 355
- Ставки процентные 184, 219, 260, 354
- Рабочая сила (см. также занятость)
квалификация 176
миграция 208
рынок рабочей силы 176, 216, 333
- Рабочий класс 331, 333
- «Ройал бэнк оф Кэнада» 236—238, 241, 243, 244
- Таможенный протекционизм 187, 220, 285—287, 327
- «Тихой революции» программа 334, 335
- Транснациональные корпорации (ТНК) 12, 15, 178, 201, 209, 210, 219, 223, 224, 227, 228, 233, 234, 241, 242, 247—249, 253, 264, 283, 289, 291, 322, 330, 333, 334, 351, 385, 394
- «Третьей альтернативы» политика 348, 368, 370, 378, 410
- Федеральный банк развития бизнеса 252, 265
- Финансовая олигархия 11, 236, 247, 267
- Финансовые группы 210, 243
- Финансовый капитал 173, 236, 243, 244, 295, 410, 411
- Холдинги 227, 232, 233, 244—246, 253
- Централизация капитала 191, 223, 231—233, 235, 237
- Экономическая помощь 267, 285, 298—302, 387, 388, 393—395
- Экономические кризисы 179—184, 232, 259, 266, 276, 310, 317, 318, 324, 325, 332, 338, 349, 357, 375, 391
- Экономические районы Канады 201, 202, 342
- Экономические связи Канады с Великобританией 269, 275, 287, 288
- ЕЭС 276, 277, 376, 380, 389, 390 развивающимися странами 275, 284, 298—303, 375, 392—394
- СССР и другими социалистическими странами 274, 275, 282, 294, 303—316, 402—408
- США 5, 10—13, 15, 16, 173, 174, 179, 181, 182, 196, 197, 200, 201, 208—222, 247, 248, 269, 275, 277—284, 286—298, 314, 316, 361, 367, 370, 371, 375—381, 383—386
- Японией 10, 12, 275, 276, 283, 376, 389, 391, 392
- Экспорт капитала 12, 214, 271, 285, 288, 295—299, 302
- Энергетический кризис 192, 196, 230, 252, 280, 343, 370, 394
- Энергетическая политика 192, 196—201, 219, 232, 262, 263, 380, 385, 386

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Австралия и Канада в современном мире	7
Глава II. Основные тенденции экономического развития Австралии	22
1. Особенности развития производительных сил	—
2. Отраслевая структура экономики	32
3. Размещение производительных сил	44
4. Концентрация производства и монополистическая структура экономики	46
5. Основные направления государственно-монополистического регулирования экономики	58
Глава III. Внешнеэкономические связи Австралии	66
1. Особенности внешней торговли	67
2. Импорт и экспорт капитала	76
3. Внешнеэкономическая стратегия и государственное регулирование внешнеэкономических связей	83
Глава IV. Основные проблемы внутривнутриполитической жизни	93
1. Особенности социально-политической структуры	—
2. Лейбористское правительство Э. Уитлема (1972—1975 гг.)	104
3. Внутривнутриполитический курс либерально-аграрной коалиции (1975—1983 гг.)	114
4. Лейбористы снова у власти	129
Глава V. Внешняя политика	132
1. Основные факторы, определяющие современную внешнюю политику Австралии	—
2. Внешняя политика лейбористского правительства (1972—1975 гг.)	141
3. Эволюция австрало-американских отношений. Проблема внешнеполитической самостоятельности	145
4. Политика «регионализма»	154
5. Советско-австралийские отношения	165
Глава VI. Основные тенденции развития экономики Канады	173
1. Динамика и факторы экономического роста	175
2. Отраслевая структура хозяйства	184
3. Топливно-энергетический комплекс и энергетическая политика	192
4. Региональная экономика и ее диспропорции	201

5. Специфика экономической интеграции Канады и США	208
Глава VII. Монополистическая структура хозяйства и государственно-монополистический капитализм	223
1. Особенности процесса концентрации и централизации капитала	—
2. Кредитная система и финансовый капитал	236
3. Государственная собственность и финансы государства	249
4. На пути к «национальной промышленной политике»	260
Глава VIII. Канада в системе мирохозяйственных связей	269
1. Особенности внешней торговли и торговой политики	—
2. Тенденции и противоречия миграции капитала	288
3. Особенности экономических связей с развивающимися странами	298
4. Экономические отношения Канады с СССР и другими социалистическими странами	303
Глава IX. Внутренняя политика	317
1. Особенности социально-экономической и политической борьбы	—
2. Национальный вопрос	334
3. Кризис федерации	341
4. Двухпартийная система в действии	345
Глава X. Внешняя политика	360
1. Пересмотр внешней политики	363
2. Канадо-американские отношения	369
3. Отношения с Западной Европой и Японией	389
4. Отношения со странами Латинской Америки, Африки и Азии	392
5. Советско-канадские отношения	401
Источники	412
Основные работы советских авторов по экономике и политике Австралии и Канады (70—80-е годы)	422
Предметный указатель	423

**Австралия и Канада /Отв. ред. кн.: И. А. Лебе-
А-22 дев.— М.: Мысль, 1984.— 431 с.— (Современный мо-
нополист. капитализм).**

В пер.: 2 р.

В книге анализируются место и роль Австралии и Канады в экономи-
ческой и политической системе современного капитализма, выявляются
специфика канадского и австралийского капитализма, основные черты
экономического и политического развития двух стран, их внутренней
и внешней политики. Анализ дается на основе новейшего материала
и охватывает прежде всего 70-е и начало 80-х годов.

С 0603010100-051
004(01)-84 Подписное

ББК 65.9(82) + 65.9(7Кан)
33И

АВСТРАЛИЯ И КАНАДА

Заведующая редакцией **Т. А. Воскресенская**

Редактор **Л. Г. Соловьева**

Младший редактор **И. Л. Дзыза**

Редактор карт **О. В. Лебедева**

Оформление художника **Ю. А. Давыдова**

Художественный редактор **А. М. Павлов**

Технический редактор **О. А. Барабанова**

Корректор **С. С. Новицкая**

ИБ № 1371

Сдано в набор 24.04.84. Подписано в печать 16.11.84. А 10095. Формат бумаги 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Обыкновенная новая гарнитура. Высокая печать. Усл. печатных
листов 22,785 с вкл. Усл. кр.-отт. 22,89. Учетно-издательских листов 26,35 с вкл. Тираж
25 000 экз. Заказ № 1405. Цена 2 р.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское про-
изводственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполи-
графпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

